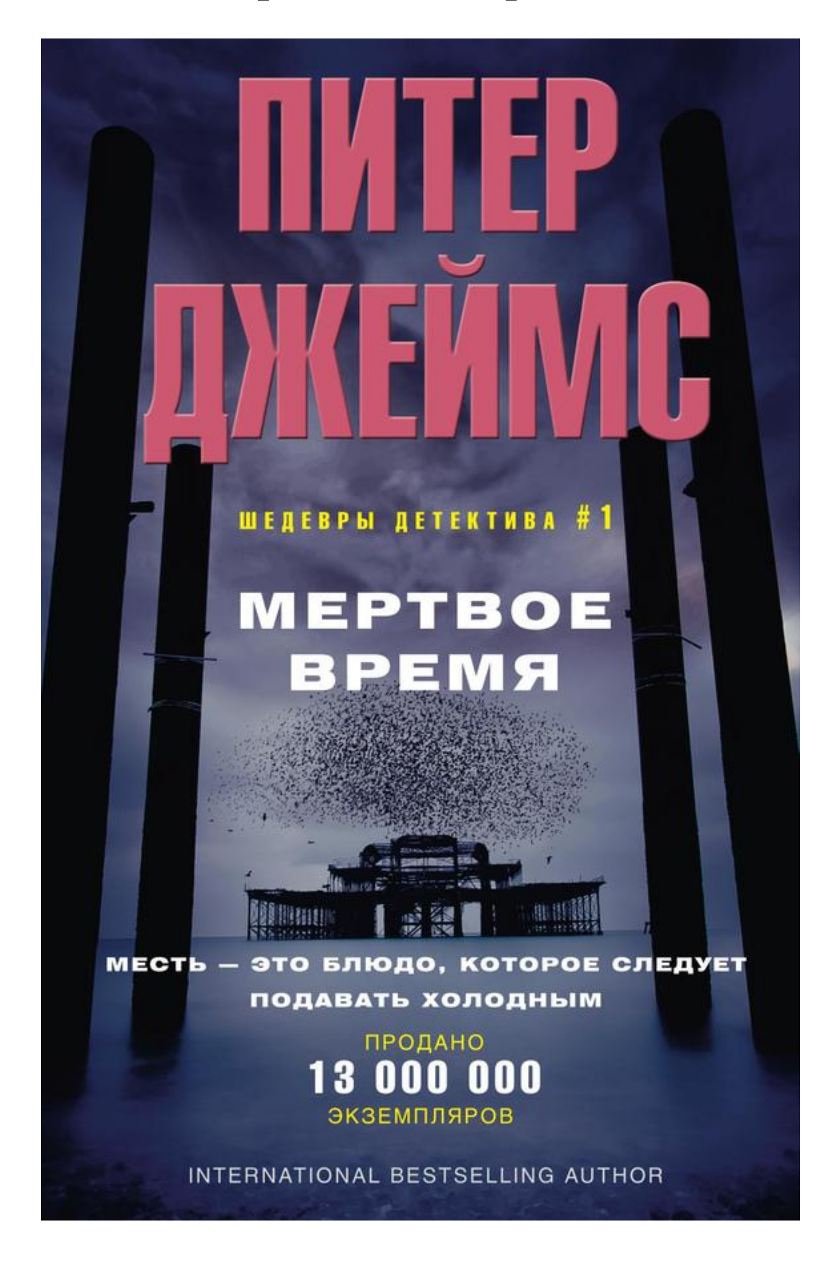
Джеймс Питер

Мертвое время

Посвящаю Пату Лэнигану. Этой книги не было бы, если бы ты не поделился со мной своей семейной историей

1

Бруклин, февраль 1922 года

Отец мальчика поцеловал его на ночь в последний раз — хотя ни тот ни другой этого не знали.

Мальчик никогда не засыпал без этого поцелуя. Каждый вечер, отправившись в постель, он долго-долго лежал в темноте, не смыкая глаз и ожидая, когда же дверь комнаты откроется и он увидит свет на лестничной площадке. Потом послышатся тяжелые шаги, заскрипят половицы, и на пороге возникнет неясная фигура.

— Эй, малыш, еще не спишь? — скажет отец глубоким, низким голосом.

— Не, па, не сплю. Можно посмотреть на твои часы?

Вытащив часы из кармана, отец держит их за цепочку. Они блестящие, с большим круглым циферблатом, с заводной головкой и ободком, в который просунута цепочка, на самом верху. В верхней половине циферблата есть секция, которая показывает фазы луны. Небо позади луны темно-синее, а звезды — золотые. Иногда луну почти не видно, она едва выглядывает, но бывает и так, что она полная — красновато-желтый диск.

Каждый вечер мальчик просит отца рассказать сказку о Человеке, который жил на Луне. Отец всегда рассказывает. Затем ерошит сыну волосы, целует его в лоб и спрашивает:

— Не забыл помолиться?

Нет, не забыл, вертит головой мальчик.

— Тогда давай-ка спать.

Отец тяжелой походкой выходит из комнаты и закрывает за собой дверь.

Так было и в этот самый последний раз.

2

Четверо мужчин шли, пошатываясь, по улице к дому человека, которого намеревались убить. У троих походка была нетвердой — хватили лишнего для храбрости, — у четвертого еще и из-за деревянной ноги.

Они успокоили нервы, подзарядившись спиртным, подбодрили друг друга под звон пивных бокалов и стаканов с виски в переполненном баре «Винигар-Хилл». Тот, что с деревянной ногой, не был уверен, что они поступают правильно, но все равно пошел с товарищами, потому что именно так и должно делать, когда ты в банде. Или идешь со всеми, или тебя тоже убивают.

Время близилось к полуночи, и улица была темной и пустынной, монотонный дождь стучал по булыжной мостовой. Каждый имел при себе пистолет, двое захватили еще и биты, которые спрятали под плащами. Ночь выдалась холодной, в такую и собаку из дому не выгонишь. У всех четверых на руках были перчатки без пальцев.

— Это здесь, — сказал вожак, вглядевшись в номер на входной двери одноквартирного дома. Изо рта и ноздрей его, словно дым, вырвался пар.

Номер 21 значилось на двери.

— Уверен, что здесь?

— Уверен.

— А где Джонни?

— Скоро будет, он уже вышел.

Даже в темноте дом выглядел ветхим и убогим, как и все соседние в этом прибрежном районе Бруклина. В занавешенном окне справа от двери света видно не было. Они вытащили из карманов вязаные шапки-балаклавы и натянули на мокрые от дождя головы. Вожак поднял руку с бейсбольной битой и шагнул вперед.

3

В одной пижаме, уютно свернувшись комочком под толстым одеялом, мальчик лежал в темноте, прислушиваясь к тиканью больших круглых часов, что висели на стене в его

комнате. Прислушиваясь к знакомым ночным звукам. Гудкам корабля, проходящего по бурлящим черным водам протекающей неподалеку Ист-Ривер. Громыханию поезда где-то вдали. Скрипу кроватных пружин за тонкой стеной спальни родителей. Приглушенным вскрикам матери. Глухим стонам отца. Тихому стуку дождевых капель по крыше прямо над головой. У ночи были свои собственные звуки. Своя собственная музыка.

Звон разбившегося стекла к ним не относился.

Он замер. Звук был такой, словно шел откуда-то снизу, прямо под ним. Неужели кот опрокинул пустую бутылку из-под виски или стакан, остававшийся каждый вечер после отца? Затем он услышал шаги на лестнице. Не папины. Папа уже наверху, в постели.

И шаги эти принадлежали не одному человеку, а нескольким.

Он лежал неподвижно, буквально оцепенев от страха. Дверь открылась. Сильный свет ударил в лицо, ослепил, и он закрыл глаза. Услышал шаги в своей комнате. Чужаков было несколько, и мальчик, поняв это, задрожал от ужаса. Уловил запах табака, алкоголя, мокрой одежды и пота. Почувствовал, как к горлу подступает комок; у него сперло дыхание, отчаянно забилось сердце. Он открыл глаза, но увидел лишь слепящий свет. Трепеща от ужаса, он вновь закрыл глаза. Услышал приближающиеся к кровати шаги.

На его голову опустилась рука, игриво потрепала по щеке, обжигая кожу колючей шерстью.

Затем — голос, грубый, но тихий, с ирландским акцентом, прямо над ним.

— Просто зашли проведать тебя, малыш.

— Вы… вы… вы разбудите моих папу и маму, — пробормотал он заикаясь, внезапно обнаружив в себе силы заговорить и открыть глаза. Но единственное, что увидел, — все тот же яркий, слепящий свет.

— А где мы можем их найти?

Прищурившись, он указал на стену.

— Там, в той комнате. — Он приложил палец к губам. — Они спят. Тише. Вы разбудите их и сестру тоже. — Быть может, теперь, когда он сказал им, они уйдут.

Бивший в глаза луч фонарика переместился в сторону. Все еще ослепленный, какое-то время он видел перед собой лишь яркие красные пятна. Потом услышал звук шагов — чужие люди удалялись на цыпочках. Скрипнула половица. Закрылась дверь.

Может быть, ушли? В доме часто бывали гости, могли прийти даже ночью. Пьяные, курящие, кричащие, смеющиеся, спорящие. Они часто ругались, иногда даже дрались. Когда дрались, отец выставлял их за дверь. Он был крупный мужчина. Никто не смел перечить его отцу.

Мальчик натянул одеяло на голову, чтобы они не увидели его, если вернутся.

Через несколько секунд он услышал, как проревел что-то отец. Потом до него донесся звук удара, еще один. Пронзительный вопль матери. Ужасный, ужасный вопль.

— Оставьте, оставьте, оставьте его! — закричала она. — Пожалуйста, не надо! Прошу вас. Не забирайте его!

Потом он услышал, как один из незнакомцев громко сказал:

— Одевайся!

И дрожащий голос матери:

— Куда вы его забираете? Пожалуйста, скажите мне. Куда вы его забираете?

Прошла минута. Оцепеневший, весь дрожа, мальчик затаился под одеялом.

Снова закричала мать:

— Нет! Вы не можете! Не можете его забрать! Я вам не позволю!

Затем — пять громких глухих звуков, словно где-то рядом что-то несколько раз с силой ударилось о дверь.

— Ма! Па! — закричал он, задрожав всем телом от страха за родителей.

Теперь шаги звучали уже гораздо громче, будто тем, что спускались по лестнице, было уже все равно — услышат их или нет. Со щелчком открылась входная дверь, взревел мотор, заскрежетали шины. И никакого звука закрывающейся двери. Лишь эхом отдававшиеся в его голове ужасные крики матери.

Потом наступила тишина.

Но такая, что стучала в ушах, словно молот.

4

Он лежал, прислушиваясь, под одеялом. Тишина. Лишь оглушительный грохот в ушах и шум его собственного учащенного дыхания. Быть может, это был всего лишь кошмарный сон? Его трясло с ног до головы.

Спустя какое-то время он выбрался в полной темноте из постели и, как и был, в одной пижаме, засеменил по холодному скрипучему дощатому полу к двери, с трудом нащупал ручку и, споткнувшись о порог, выбрался на лестничную площадку. Тянуло ледяным сквозняком, словно входную дверь действительно оставили открытой. В воздухе стоял едва уловимый запах автомобильных выхлопных газов.

Ощутил он и другие, незнакомые запахи. Затхлый запах масла, еще один, более приятный и интенсивный, смутно напоминавший тот, что был знаком ему по фейерверкам, случавшимся в праздничный день 4 июля. И еще один, с привкусом металла.

Пошарив по стене, он нащупал выключатель и включил свет. И на мгновение пожалел об этом. Уж лучше бы мрак окружал его вечно. Тогда бы он этого не увидел.

Лежавшая лицом вверх на полу у кровати, мать выглядела просто ужасно. Из плеча ее сочилась кровь, по ночной рубашке расползлось огромное багровое пятно. Повсюду — на стенах, простынях, наволочках, потолке — кровь. Темные волосы матери тоже все были в крови, голова разворочена, открывая что-то влажное, шишковатое, бурого и серого цвета. Она подергивалась и тряслась.

Потом, словно кто-то дотянулся и опустил рубильник, замерла.

Он бросился к ней крича:

— Мама! Мама! Она не ответила.

— Мама, проснись! — Он потряс ее за плечо. — Мама, где папа? Мама!

Она даже не пошевелилась.

Он упал на колени, приник к ней и принялся целовать.

— Мама, проснись, мама! — Он тряс ее что есть силы. — Проснись, мама! Где папа? Где мой папа?

Никакой реакции.

— Мама! — Он уже кричал, придя в замешательство. — Мама! Мама! — Его руки и лицо испачкались в чем-то липком. — Мама, проснись, мама, проснись!..

— Что происходит, Гэвин? Что происходит? — послышался голос сестры.

Он отпрянул, отступил на шаг назад, потом, пошатываясь, еще на пару шагов. По-прежнему пятясь, вышел за дверь. И наткнулся на сестру Эйлин, которая была на три года его старше, — в одной ночной рубашке, она жевала свою косичку, как делала всегда, когда ей было страшно.

— Что происходит? — спросила она. — Я слышала шум. Что происходит?

— Где папа? Где папа? Папа пропал! — По его лицу уже текли слезы.

— Разве он не в постели?

Он покачал головой:

— Он ушел с теми плохими людьми.

— С какими плохими людьми?

— Где папа? Он должен разбудить маму! Она никак не хочет просыпаться.

— Какими плохими людьми? — вновь спросила Эйлин, уже настойчивее.

На лестничной площадке — кровь. Капли крови на ступенях. Он сбежал вниз, зовя отца, и выскочил за дверь.

На улице ни души.

Он ощутил капли дождя на лице, уловил резкий запах реки. На какие-то мгновения его крики потонули в грохоте проходившего где-то вверху очередного поезда.

5

Брайтон, 28 июня 2012 года

Издалека он выглядел так, словно сошел с картинки. Элегантный, не то что эта приморская брайтонская толпа в кричащих пляжных нарядах, сандалиях, вьетнамках и кроках. Настоящий джентльмен — надменная внешность, синий блейзер с серебристыми пуговицами, тщательно отутюженные слаксы, рубашка апаш, модный шейный платок. Лишь при ближайшем рассмотрении можно было заметить, что воротник рубашки заметно поизносился, блейзер изъеден молью, а зачесанные назад волосы давно поредели и вследствие неаккуратной окраски приобрели рыжевато-серый оттенок. Лицо тоже изрядно потрепанное — от той бледности, что приходит с тюремной жизнью, быстро не избавишься. Однако, несмотря на столь жалкую наружность и маленький рост — пять футов три дюйма на высоких кубинских каблуках, — расхаживал он по набережной с видом столь важным, словно именно ему и принадлежал весь этот променад.

Глаза совершавшего утренний моцион Эмиса Смолбоуна пылали ненавистью за стеклами солнцезащитных очков. Ненавидел он буквально все. Приятную теплоту этого июньского утра. Велосипедистов, пробренчавших звоночками, когда он случайно оказался на выделенной для них полосе. Тупых туристов с обгоревшей на солнце толстой кожей, пичкающих себя всякой дрянью. Вышагивающую рука об руку молодую пару, у которой вся жизнь впереди.

В отличие от него.

Раньше он ненавидел тюрьму. Ненавидел других зэков — даже больше, чем охранников. Может, когда-то он и был заметным игроком в этом городе, но все это ушло, когда его бросили за решетку. Вести оттуда прежнюю, весьма прибыльную, торговлю наркотой не представлялось возможным.

Теперь же, выйдя по условно-досрочному, он ненавидел свою свободу.

Когда-то у него было все: большой дом, дорогие тачки, скоростная моторная лодка и вилла в Марбелье, в испанской Коста-дель-Соль. Теперь от этого не осталось ни хрена. Жалкие несколько тысяч фунтов, пара часов да кое-какие краденые антикварные драгоценности, спрятанные в той единственной депозитной ячейке, на которую полиции не удалось наложить лапу.

И всем этим он был обязан одному-единственному человеку.

Детективу-суперинтенденту Рою Грейсу.

Он пересек оживленную четырехполосную Кингс-Роуд, не став дожидаться зеленого света. Вокруг тормозили машины, водители сигналили, сыпали проклятиями и грозили кулаками, но ему на все это было плевать. Его семья когда-то заправляла в преступном мире

этого города. Всего пару десятилетий назад никто бы и шикнуть на одного из Смолбоунов не осмелился. Пошли они все, презрительно подумал он.

Не пройдя и десятка ярдов по мостовой, он бросил взгляд на газетный киоск и как вкопанный замер на месте: с первой страницы «Аргуса» на него смотрело жесткое, серьезное лицо проклятого копа. Коротко подстриженные волосы, голубые глаза, перебитый нос, чуть выше — заголовок:

ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ СУД НАД БРАЙТОНСКИМ ЧУДОВИЩЕМ

Он купил газету и пачку сигарет, как делал каждый день, и заполнил лотерейный билет, без особой, впрочем, надежды.

Немногим позже, вернувшись в свою квартиру, Эмис Смолбоун сидел в ободравшемся, с проседающими пружинами кожаном кресле — на столике перед ним стакан «Чивас Регал», в зубах тлеющая сигарета — и с интересом читал об этом деле. Веннер обвинялся в убийстве, киднеппинге и продаже запрещенного видео. Год назад один из подчиненных суперинтендента Роя Грейса получил пулевое ранение при попытке арестовать Веннера. Жаль, не сам Грейс. Уж лучше бы попали в него, да так, чтоб уже не выкарабкался.

Вот было бы чудесно!

Но не так чудесно, как то, что он задумал. Просто умерев, детектив-суперинтендент Грейс слишком дешево бы отделался. Он хотел, чтобы коп страдал по-настоящему. До конца его жизни. О да. Так будет намного лучше. Нужно причинить ему такую боль, которая не покинет его никогда!

Смолбоун затянулся сигаретой, потом затушил ее в пепельнице и до дна опустошил стакан. В тюрьму он попал относительно молодым пятидесятилетним мужчиной, вышел же из нее шестидесятидвухлетним стариком. Детектив-суперинтендент Грейс отнял все, что у него было. А главное — забрал эти важнейшие двенадцать лет его жизни.

Конечно, тогда Грейс еще не был детективом-суперинтендентом — обычный выскочка, только что ставший инспектором, который насел на него, избрал мишенью, подделал улики и раскрутил дело, — такой умный, такой, мать его, ловкий. Именно «благодаря» Грейсу он и вынужден сидеть теперь в этой грязной съемной квартире, с ее дешевой мебелью и табличками «Не курить!» на стенах в каждой комнате. Мало того, ему еще приходится регулярно отмечаться, едва ли не до земли кланяясь, у этого чертова инспектора по надзору.

Он отложил газету в сторону, встал и, слегка пошатываясь, направился в небольшую вонючую кухню, где прихватил из холодильника несколько кубиков льда и бросил в стакан. Только что пробило полдень, и он упорно думал. Думал о том, как приятно будет заставить Роя Грейса страдать. Только это поддерживало его сейчас в тонусе. Вся нация жила мыслями о предстоящей Олимпиаде, которая начиналась уже через месяц. Но до забот и чаяний соотечественников ему не было никакого дела; главное для него — поквитаться с Роем Грейсом.

Только об этом он и мог думать.

Вскоре он воплотит свой план в жизнь. Губы скривились в ухмылке. Осталось лишь найти подходящего человека. Вспомнить кое-какие имена, известные ему еще с той, дотюремной жизни, обновить знакомства, которые завел за решеткой. Но кого ни выбери, обойдется это недешево, а с наличными у него сейчас негусто.

Зазвонил телефон. Номер не определен, высветилось на дисплее.

— Да? — ответил он с опаской.

— Эмис Смолбоун? — произнес незнакомый голос с грубым брайтонским акцентом.

— Кто вы? — спросил он холодно.

— Мы встречались как-то раз, давным-давно, но вы вряд ли меня помните. Мне нужна кое-какая помощь. У вас ведь есть знакомые среди антикваров, не так ли? За границей? Таких, что занимаются дорогими вещицами?

— А что, если и есть?

— Я слышал, вы нуждаетесь в деньгах.

— А вы не слышали, что вам не следовало бы звонить мне на этот гребаный мобильник?

— Да, знаю.

— Тогда какого хрена звоните?

— Речь идет о куче денег. Нескольких миллионах фунтов.

— А можно поподробнее? — попросил Эмис Смолбоун с внезапно пробудившимся интересом.

Звонивший уже отключился.

6

Они были правы, подумал Рой Грейс, все те, что твердили: с рождением ребенка его жизнь круто изменится. Он зевнул — нескончаемые беспокойные ночи, когда Клио вскакивала каждый раз для того, чтобы покормить проснувшегося Ноя или сменить ему памперс, не могли пройти даром. Один из его коллег, Ник Николл, недавно впервые ставший отцом, говорил, что спит в другой комнате, куда не доносятся никакие посторонние звуки и где он может спокойно передохнуть. Но Рой для себя решил: он так делать не будет. Ребенка хотели они оба — и Клио, и сам он, — так что устраниться от заботы о малыше он не мог. Но, черт возьми, сегодня он чувствовал себя уставшим, а еще немного запущенным и грязным, — стоял жаркий августовский день, и хотя все окна были открыты, воздух оставался неподвижным, душным и влажным.

По телевизору показывали в записи церемонию закрытия Олимпийских игр, прошедшую чуть менее двух недель назад. Тем вечером, когда она шла в прямом эфире, они оба уснули где-то на ее середине. Сколько Рой себя помнил, он никогда в жизни так не уставал, и это сказывалось на его способности сосредоточиться на работе. Он определенно страдал от того, что некоторые называли синдромом «детского мозга». [1]

Рэй Дэвис из группы «Кинкс», одной из самых его любимых, пел Waterloo Sunset, и он немного добавил звука. Но Клио от книги даже не оторвалась.

Грейс недавно перешел свой Рубикон — ему стукнуло сорок. В последние пару лет он ждал этого рубежа со все нарастающей боязнью. Когда же день наконец наступил, они с Клио так умаялись, что даже не подумали о каком-то особом его праздновании — просто открыли бутылку шампанского и уснули прежде, чем выпили даже половину.

Теперь у них появился новый повод для торжества. На этой неделе, после многолетнего ожидания, Сэнди, его жена, была официально объявлена умершей, и отныне ничто не мешало ему жениться на Клио.

Сэнди пропала в день его тридцатилетия, десять лет назад, а он так и не знал, что с ней случилось: жива ли она — он продолжал в это верить — или же давно мертва, как

утверждали друзья и родственники, и что, вероятно, было правдой. Так или иначе, сейчас, впервые за все эти годы, Рой испытывал некоторое облегчение, вместе с которым пришло и осознание того, что можно двигаться дальше. Сыграло свою роль и то, что он наконец-таки нашел покупателя на дом, в котором жил когда-то с Сэнди.

Рой с любовью — и с безнадежной гордостью — посмотрел вниз, на своего полуторамесячного сына. На крошечное ангелоподобное создание с похожими на бутон розы губками, пухленькими розоватыми ручками и пальчиками, как у куклы из магазина игрушек. Ной Джек Грейс, в детском комбинезоне без рукавов, лежал, убаюканный им, с закрытыми глазами у него на коленях. За тонкими прядями светлых волос проглядывала кожа черепа. Рой видел в его лице черты как Клио, так и себя самого, и иногда Ной едва заметно озадаченно хмурился, чем напоминал Грейсу покойного отца — полицейского, как и он сам. Он сделает все для Ноя. Умрет ради него, без малейших колебаний.

Клио сидела позади него, на диване, в черном топе-безрукавке, с чуть более коротко, чем обычно, подрезанными и собранными сзади светлыми волосами, с головой уйдя в «Пятьдесят оттенков серого». Дом пропитался молочным запахом детской присыпки и свежевыстиранного белья. На игровом коврике на полу лежало несколько мягких игрушек, включая плюшевого медвежонка и Паровозик Томас. На самом верху этой горки покачивался игрушечный домик на колесиках с ярко раскрашенными животными и птицами.

Хамфри, их черный щенок, помесь лабрадора со сторожевой колли, угрюмо грыз кость в своей корзине в дальнем конце комнаты. Когда Ноя привезли домой, Хамфри наградил его парочкой пренебрежительных взглядов и, поджав хвост, уныло побрел прочь, словно сознавая, что не он теперь номер один в глазах хозяев. С тех пор никаких перемен к лучшему в его настроении не происходило.

Рой Грейс щелкнул пальцами, подзывая пса к себе:

— Эй, Хамфри, подойди-ка сюда! Подружись с Ноем!

Хамфри ответил ему недружелюбным взглядом.

Был полдень вторника, и Рой Грейс на пару часов заскочил домой, потому что вечером его ждало долгое собрание, — в уголовном суде на Олд-Бейли должны пройти досудебные консультации по делу крайне мерзкого негодяя, Карла Веннера, организатора сети распространения садистских фильмов, которого Грейс арестовал в прошлом году. Суд был отложен на несколько недель, так как обвиняемый пожаловался на боли в груди, но, по заверениям докторов, его здоровью ничего не угрожало, и накануне процесс возобновился.

В этот момент Рой Грейс искренне верил, что никогда в жизни не был более счастлив. Но в то же время он ощущал и огромное чувство ответственности за крошечное, хрупкое создание, которое они с Клио принесли в этот мир. Какое будущее ждет Ноя? Каким будет мир через лет двадцать, когда он станет взрослым? Каким будет мир на протяжении этих двадцати лет, по прошествии которых Грейсу стукнет уже шестьдесят? Как он может изменить его? Сделать более безопасным для Ноя? Защитить своего ребенка от всего этого зла, от всех этих крыс вроде Веннера, коих полно в канализации жизни?

Что он может сделать, чтобы помочь сыну совладать со всем дерьмом, которое жизнь неизбежно изольет на него?

Боже, он так его любил. Он хотел быть самым лучшим отцом в мире и знал, что для этого должен посвящать сыну кучу времени. Времени, которое он хотел потратить на сына, времени, которого, при выбранной им карьере, никогда не будет хватать, подумал Рой с горечью.

С тех пор как Ной родился, Грейс проводил с ним гораздо меньше времени, чем рассчитывал, — из-за загруженности на работе. Если повезет, если не случится ничего серьезного, то, может быть, уик-энд получится относительно свободным. Он был дежурным старшим следователем, и его неделя заканчивалась в шесть утра понедельника. Обычно все

старшие следователи рассчитывали на громкое убийство, такое, которое могло бы привлечь внимание прессы и позволило им блеснуть, засветиться перед главным констеблем. Но прямо сейчас Рой Грейс надеялся на то, что телефон будет молчать.

Сбыться его надеждам было не суждено.

7

В дверь пожилой дамы постучали в третий раз.

— Иду! — выкрикнула она. — Господи, да иду же!

Она выключила огонь под кастрюлей с кипящей водой и зелеными бобами, ухватилась за ходунки и начала продвигаться к выходу из кухни.

И тут зазвонил телефон. Она замерла в нерешительности. Где бы, в Англии или во Франции, ни находился ее брат, он звонил ежедневно в семь часов пополудни, минута в минуту, чтобы проверить, все ли с ней в порядке. Сейчас было ровно семь. Схватив телефонную трубку с укрупненными цифрами для слабовидящих, она прокричала, перекрывая громкую мелодию из идущего по телевизору сериала «Ферма Эммердейл»:

— Подожди минутку, ладно?

Но ответил ей не брат. Незнакомый мужчина, помоложе брата, проговорил приятным, мягким голосом:

— Я отвлеку вас всего на пару секунд.

— Ко мне кто-то пришел! — прокричала она, не без труда убавив звук в телевизоре при помощи пульта. Затем прикрыла трубку подагрической рукой.

Несмотря на почтенный возраст, голос ее звучал по-прежнему бодро. «А вот во всем прочем я уже дряхлая старуха», — подумала она с сожалением.

— Вам придется подождать. Я разговариваю по телефону! — крикнула она, обращаясь к постучавшему в дверь. Потом подняла руку. — Я вас слушаю, но будьте, по возможности, кратки.

— Позвонить вам мне посоветовал один ваш добрый друг, — сказал мужчина.

— И кто бы это мог быть?

— Джерард Скотт.

— Джерард Скотт?

— Он просил передавать вам привет.

— Не знаю я никакого Джерарда Скотта!

— Мы ежегодно экономим ему две с половиной тысячи фунтов на счетах за отопление.

— Да? И как же? — вопросила она с некоторым нетерпением и перевела взгляд на дверь. Беспокоило ее и другое — бобы могли застояться в горячей воде.

— На следующей неделе в вашем районе будет работать наш представитель. Он мог бы зайти к вам в удобное для вас время.

— И что именно предлагает ваш представитель?

— Теплоизоляцию перекрытий.

— Теплоизоляцию перекрытий? А на кой она мне сдалась, эта ваша теплоизоляция перекрытий?

— Мы ведущие специалисты в этой области. Наша теплоизоляция столь эффективна, что окупается всего за девять лет за счет экономии на отоплении.

— За девять лет, говорите?

— Совершенно верно, мадам.

— Дело в том, что мне и сейчас уже девяносто восемь. Даже и представить себе не могу, что в возрасте ста семи лет меня будут волновать счета за отопление. И тем не менее большое спасибо.

Повесив трубку, она поплелась к входной двери.

— Иду уже! Сейчас буду!

Брат давно пытался убедить ее продать особняк и переехать в приют, но зачем ей это? Она прожила здесь уже более полувека. Здесь была счастлива со своим мужем, Гордоном, ушедшим из жизни пятнадцать лет назад, здесь подняла на ноги четверых детей, тоже уже умерших, создала некогда прекрасный сад, в котором и сейчас продолжала работать. С этим домом были связаны все ее воспоминания; здесь же находились и те чудесные картины и антикварные вещицы, которые они с мужем собирали на протяжении всей своей жизни — под разборчивым руководством ее брата. Однажды она уже меняла место жительства, и это не должно повториться. На сей счет она была непреклонна: если уж когда-то она и покинет это столь любимое ею место, то лишь ногами вперед.

Единственными уступками брату были «тревожная кнопка», которая висела на веревочке у нее на шее, и домработница, приходившая дважды в неделю.

Посмотрев в глазок на входной двери, в свете летнего вечера она увидела двух среднего возраста мужчин в коричневой форме с идентификационными карточками на груди.

Отодвинув в сторону дверную цепочку, она открыла дверь.

Они вежливо улыбнулись.

— Простите за беспокойство, мадам, — сказал тот, что стоял справа. — Мы из компании «Уотерборд». — Он поднес беджик поближе к ее глазам.

Она была без очков, но ей понравился его ирландский акцент. Лицо на карточке выглядело слегка размытым, но все равно походило на лицо стоявшего перед ней мужчины с гладко выбритой головой. *Ричард Кэрролл*, значилось, как ей показалось, на беджике, но уверена она не была.

— Чем могу помочь, джентльмены?

— Мы ищем протечку воды. Вы не замечали ослабления напора за последние сутки?

— Нет. Нет, не замечала. — Впрочем, в последнее время она много чего не замечала. И, как бы сильно это ее ни раздражало, с каждым днем она становилась все более и более зависимой от других. Однако же по-прежнему старалась держать под строжайшим контролем все, что могла.

— Вы не станете возражать, если мы зайдем и проверим напор воды? Не хотелось бы вынуждать вас платить за то, чем вы не пользуетесь.

— Упаси боже! — промолвила она, моргнув, с мягким дублинским акцентом. Все эти проклятые коммунальные службы то и дело пытаются ободрать вас как липку, а она была не из тех, кто готов с этим смириться. Всегда тщательно проверяла счета за телефон, электричество, газ и воду. — Полагаю, я и так в последнее время плачу за воду слишком много.

— Тогда тем более следует все проверить, — произнес Ричард Кэрролл извиняющимся тоном.

— Входите.

Держась за ходунки одной рукой, она отступила в сторону, пропуская мужчин, после чего закрыла за ними дверь.

Ей сразу же не понравилось, как забегали у них глаза. Сначала они окинули взглядом висевшие на стенах великолепные, написанные маслом полотна, затем стоявший в коридоре столик в стиле Людовика XIV. Высокий комод Георгианской эпохи. Георгианский же сундук.

Два чиппендейловских стула. Все это было когда-то приобретено по совету брата, превосходно разбиравшегося в антиквариате.

— С чего желаете начать ваши поиски, джентльмены?

Лишь краешком глаза она успела заметить, как взметнулся кулак одного из мужчин и ударил ее в живот, выбив из легких воздух. Она сложилась пополам, хилая рука потянулась к «тревожной кнопке».

Но ту сорвали с ее шеи прежде, чем она успела ее нажать.

8

Это ведь общепризнанный факт: любому состоятельному холостяку требуется жена, подумала констебль Сьюзи Холидей, крепко сбитая женщина двадцати восьми лет, с вьющимися каштановыми волосами и неизменно жизнерадостным лицом. Эта мысль то и дело приходила ей в голову с того самого момента, как она проснулась утром. Накануне у нее был выходной, и, к неудовольствию ее мужа, Джеймса, большую часть дня она провела за просмотром всех шести эпизодов «Гордости и предубеждения», шедших по каналу Би-би-си, пичкая себя жирной вкуснятиной вперемешку со спиртным и выкурив целую пачку сигарет. Такой уж она была. Одну неделю вела здоровый образ жизни, занималась в спортзале, не курила, в следующую совершенно переставала за собой следить, превращаясь в неряху и лентяйку.

Другим общепризнанным фактом, решила она не к месту, может считаться и то, что любой, кто сидит на толчке со спущенными штанами, выглядит не самым лучшим образом.

Особенно если он мертв.

Запомни это. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не умирай в сортире.

Необходимость посещения уборной зачастую является предвестником сердечного приступа. Слишком многие умирают именно таким образом.

Как и вот этот полный пожилой мужчина, что сидел перед ними в мрачном узком туалете убогой квартиры «Домовой ассоциации», с ее голыми светло-голубыми стенами и грязным нижним бельем, носками и рубашками, валявшимися на полу в каждой комнате. Повсюду воняло: к прогорклому, неприятному запаху примешивался самый худший запах в мире — разлагающегося человеческого тела. Жильца звали Ральф Микс, и именно на него, судя по всему, она сейчас смотрела с отвращением и печалью одновременно. Как и все умершие более двух дней назад, он походил скорее на восковую фигуру, нежели на человеческое существо. Она всегда находила полнейшую неподвижность трупа не только жуткой, но и странно любопытной.

Его грузное тело заклинило между стенами. На руках выступила темно-каштановая сыпь, лицо и все открытые участки тела покрылись багряными и зелеными пятнами разложения. Назойливые мясные мухи ползали по лицу, шее и рукам, с жужжанием кружили вокруг тела.

Складки плоти прикрывали лобок, образуя своего рода навес над половыми органами. Голова мужчины была лысой, с небольшими пучками волос по бокам, в правом ухе — слуховой аппарат, на приоткрывшихся губах застыло выражение удивления, отразившееся и в изумленном безжизненном взгляде. Будто смерть, вновь подумала Сьюзи неуважительно, не входила в список того, что ему предстояло сделать в тот день, и уж тем более не такая недостойная.

В скудно обставленной гостиной работал телевизор. Шло дневное ток-шоу, в котором — вот ведь ирония! — обсуждали тяжелую участь людей преклонного возраста.

Она огляделась в поисках чего-либо личного, но ни на одной из стен не обнаружила ни фотографий, ни картин. Увидела лишь полную окурков пепельницу, рядом с ней — зажигалку, пачку сигарет, банку пива и наполовину пустой высокий стакан. На полу, возле стопки газет «Дейли миррор», валялись старые журналы по садоводству.

Очевидно, Ральф Микс умер уже достаточно давно, и рядом с ним в тот момент никого не оказалось. Печальная, но обычная история в больших городах. Они находились на втором этаже малоэтажного дома. Но у Ральфа Микса не было друзей, никто из соседей не озаботился тем, чтобы проверить, все ли с ним в порядке, никому не показался необычным тот факт, что газет в его почтовом ящике с каждым днем становится все больше и больше. Лишь когда тело начало разлагаться и коридор заполнил зловонный запах, все вспомнили про старика Микса.

Вонь в коридоре была ерундой по сравнению с той, что стояла в квартире. Вонь и жужжание мух. Сьюзи затошнило, а ее коллега, констебль Дэйв Робертс, прикрыл нос рукой в перчатке.

Первым делом надлежало вызвать сержанта, который помог бы выяснить, была ли это естественная смерть или же она произошла при неких подозрительных обстоятельствах, что подразумевало выезд по данному адресу сотрудников отдела по расследованию преступлений и опечатывание квартиры. Затем вызвать парамедика, который удостоверил бы факт смерти. Абсолютно ненужная в данном случае юридическая формальность. Потом известить кого-то из службы коронера. И наконец, если бы было решено, что в судебной экспертизе нет никакой нужды, последовал бы звонок в морг Брайтона и Хоува, откуда бы приехали за телом.

Внезапные смерти — или G5, как указывалось в соответствующем формуляре, — относились к категории самых нелюбимых у оперативников вызовов. Но Сьюзи Холидей ничего против них не имела, даже находила их интересными. Этот стал пятнадцатым за те три года, что она провела в составе опергруппы.

Повернувшись к коллеге, который был на восемнадцать лет ее старше, она сказала:

— Тебя ничто здесь не смущает?

Робертс покачал головой, ощутив внезапную слабость.

— Не-а. — Он пожал плечами. — Разве что… вот подумал, что когда-нибудь такое может случиться и со мной.

Сьюзи усмехнулась:

— Тогда уж лучше постараться избежать старости. Старение, знаешь ли, в конечном счете убивает.

— Да, я предпочел бы умереть молодым и с надетыми штанами.

Она наградила его лукавой ухмылкой.

— А разве это не зависело бы от того, с кем ты был?

9

Когда бы Рой Грейс ни выходил из дому, он всегда был начеку. После более чем двадцати лет службы в полиции это давно стало второй натурой — оглядеться в поисках чего-либо необычного или неуместного. У его бывшей жены, Сэнди, эта привычка вызывала раздражение. Как-то раз, в свои первые дни в качестве детектива-констебля, заметив, как какой-то мужчина умыкнул дамскую сумочку, висевшую на спинке стула в переполненном пабе, он преследовал воришку примерно с милю через весь Брайтон, прежде чем сбил его с ног регбийным захватом и произвел арест. На этом их вечер закончился, так как следующие четыре часа ему пришлось регистрировать задержание и заполнять бумаги.

Зачастую, когда они с Сэнди выходили перекусить, стоило ей лишь заметить его блуждающий взгляд, как она била его ногой по лодыжке под ресторанным столиком и шептала: «Довольно, Грейс, прекрати!»

Но это было выше его сил. В любом публичном месте он мог расслабиться, лишь наверняка зная, что рядом нет откровенных злодеев и ничто не указывает на возможное происшествие. Сэнди даже шутила, что в то время, как другим женам приходится следить за тем, чтобы их мужья не строили глазки незнакомым женщинам, она вынуждена мириться с тем, что ее супруг пялится на брайтонских уголовников.

Но было одно, о чем Рой Грейс никогда не говорил жене, потому что не хотел ее беспокоить: как и все полицейские, он знал: всегда есть вероятность подвергнуться нападению со стороны возжелавшего поквитаться злодея. Большинство преступников воспринимали арест как должное — одни рассматривали его как часть игры; другие видели в нем нечто неизбежное; третьи успокаивались сразу же, как только на них надевали наручники. Но были и такие, кто мог затаить обиду.

Судьи традиционно носят парики отчасти еще и для того, чтобы изменить внешность и чтобы позднее их не могли узнать те, кого они отправили за решетку. У полицейских никогда не было подобной защиты. Но если бы она и была, для того, кто твердо вознамерился это сделать, выследить их не составило бы особого труда.

Прямо сейчас один такой субъект сидел в машине, припаркованной у антикварного магазина, специализировавшегося на каминах, напротив ворот симпатичной линейки таунхаусов в центре Брайтона.

Субъект имел зуб на определенного офицера полиции Суссекса — детектива-суперинтендента Роя Грейса.

Там, в третьем доме слева, у копа был ребенок. Ему удалось достать планы дома в плановом отделе, где они заполнялись пятнадцать лет вместе с заявкой на дом, после чего старый склад превратился в семь таунхаусов.

Ребенок, должно быть, спал в крошечной комнатенке, окна которой выходят на внутренний дворик.

Но больше всего мужчину в машине заинтересовало объявление агента по недвижимости — табличка, закрепленная на стене справа от кованых железных ворот, которая гласила: «ДОМ СДАЕТСЯ».

А забавно будет стать соседом Роя Грейса. И как удобно!

Он получит возможность наблюдать за каждым его шагом. И ждать удобного момента.

Неужто возвращаются счастливые деньки?

10

Спустя два часа после посещения квартиры Ральфа Микса Сьюзи Холидей и Дэйв Робертс вернулись к патрулированию брайтонских улиц. Сьюзи была за рулем. Ей нравилась эта работа. Она называла ее «охотой». «Охотиться» приходилось все то время, когда не требовалось выезжать на вызовы.

Дэйв, в свои сорок шесть лет, был одним из старейших констеблей подразделения. Оперативная работа считалась игрой молодых и временами, когда требовалось вмешиваться в домашние разборки, останавливать драки в пабах или же преследовать воров и грабителей, крайне затратной в плане физических усилий. Но он состоял в отряде быстрого реагирования уже двадцать лет и не проявлял интереса ни к продвижению по службе и бумажной работе, которую таковое подразумевало, ни к переходу в какой-либо другой отдел полиции.

Если бы кто-то спросил его, за что он любит эту работу, Дэйв ответил бы так: за то, что никогда не знаешь, что случится в ближайшие пять минут. За это и за возможность погонять

по городу с включенными сиренами, в чем, по признанию практически каждого офицера, обладавшего разрешением на ведение преследования, заключалось величайшее удовольствие данной работы.

Они ехали по Норт-стрит по направлению к Часовой башне, одному из наиболее высоких городских сооружений. Вглядываясь в лица людей, идущих по мостовым по обе стороны от дороги, выявляя в толпе возможных преступников. И все время прислушиваясь к закрепленным на предплечьях рациям. Ожидая следующего вызова из диспетчерской.

Стоял чудесный августовский день, время близилось к полудню. Начавшаяся в семь утра, смена должна была продлиться до четырех часов дня. Пока что они успели съездить на Брайтонский ипподром, где слышали выстрелы, — там, как оказалось, какой-то мужчина отстреливал кроликов. Затем, промчавшись через весь город, зафиксировали столкновение мотороллера с грузовиком, к счастью менее серьезное, чем можно было решить по звонку диспетчера. Потом последовал выезд на дом к женщине, просившей о помощи, — этот обернулся обычной ссорой с ребенком. Затем был мертвяк, Ральф Микс.

Последние полчаса прошли спокойно. Они уже подумывали о возвращении в полицейский участок на Джон-стрит, где можно было перекусить бутербродами, немного передохнуть и заполнить бумаги на Микса.

— Какие планы на уик-энд? — поинтересовался Дэйв Робертс у Сьюзи.

Они давно уже работали в паре и неплохо уживались вместе.

— Схожу с Джеймсом на футбол. А ты?

— В субботу Максу исполняется пятнадцать, — ответил он. — Мы с Мэрилин свозим его с парочкой друзей на пирс, в Палм-Корт. Там лучшая рыба и картофель фри во всем Брайтоне!

— Тиффани тоже поедет?

Тиффани была его дочерью-подростком.

Он уже собирался ответить, когда, затрещав, ожили рации.

— Чарли-Ромео-ноль-три?

— Чарли-Ромео-ноль-три на связи, — отозвался Дэйв.

— Чарли-Ромео-ноль-три, нам поступил звонок от мужчины, который обычно ежедневно общается по телефону со своей старшей сестрой. Он не может до нее дозвониться вот уже два дня и сильно беспокоится. Его сейчас нет в стране, иначе заехал бы проверить, все ли с ней в порядке, сам. Ее зовут Эйлин Макуиртер. Адрес следующий: Брайтон, Уитдин-Роуд, сто сорок шесть. Пожалуйста, займитесь этим. Второй уровень.

Все звонки из диспетчерской классифицировались по уровням — от первого до четвертого. «Первый уровень» предполагал немедленное реагирование, с нормативным временем пятнадцать минут. «Второй уровень» означал быстрое реагирование, с нормативным временем до одного часа, «третий уровень» — плановый выезд в течение нескольких дней, по предварительной договоренности. «Четвертый уровень» не влек за собой обязательного присутствия полиции — проблема обсуждалась по телефону.

— Это Чарли-Ромео-ноль-три. Уже выезжаем. — Произведя быстрый подсчет, Дэйв Робертс добавил: — Будем на месте через пятнадцать минут.

Они переглянулись. Мертвяков не было уже несколько недель, вплоть до этого утра. Один их коллега пошутил, что они, мертвяки, словно автобусы. Ждешь-ждешь, а потом сразу два подтягиваются.

11

Сара Кортни беспокойно поерзала в синем откидном кресле. Пугали не игла и не боль, но целая куча всякой всячины. В том числе и тот факт, что через две недели ей стукнет сорок, а этой специфической вехе сопутствует, как известно, много чего нежелательного.

Вроде морщин, которых становится все больше и больше, или начинающей проступать седины. Ее карьера ведущей новостей на местном канале постоянно находилась под угрозой со стороны более молодых, более свежих лиц.

Но больше всего ее пугал муж, Лукас. С каждым днем все больше и больше. Он терял способность здраво оценивать ситуацию и во всем, начиная от множащихся игорных долгов до приступов импотенции (не последнюю роль в этом играло пьянство) и гнева, винил ее. Одной из постоянных мишеней его ярости была ее неспособность, после восьми лет непрерывных попыток, включая четыре ЭКО, забеременеть. У нее был сын от предыдущего брака, но отношения с отчимом у него, мягко говоря, не сложились; с ней самой, впрочем, тоже. Ссоры и ругань были отнюдь не редкостью в их доме.

Ройс Ревсон стоял в своей маленькой стерильной клинике, рядом с блоком технического оборудования, изучая отобразившуюся на дисплее массу зеленовато-голубых символов. В свои без малого пятьдесят шесть он выглядел максимум лет на сорок пять. Приземистый, энергичный, буквально излучавший обаяние мужчина с короткими, черными как смоль волосами, он был в лиловой рубашке с короткими рукавами, «университетском» галстуке в полоску, черных брюках и синих хирургических перчатках. На лбу — инфракрасный окуляр. Отвернувшись от аппарата, врач наградил пациентку лучезарно-победоносной ребяческой улыбкой, преисполненной воодушевления и уверенности человека, выполняющего некую важную миссию.

И он в самом деле выполнял миссию — отвращал от женщин (а зачастую — и от мужчин) все ужасы старения при помощи химических веществ косметического назначения. Как и в случае с женщиной, что полулежала сейчас в синем откидном кресле, — темноволосой красавицей в черной блузке, черных легинсах и черных замшевых сандалиях с крупными пряжками.

Ее муж, как она, по примеру многих из его пациентов, призналась Ревсону, часто поднимал на нее руку. Один из ведущих городских антикваров, он отличался раздражительным нравом, который в последнее время заметно ухудшился ввиду падения продаж — отчасти из-за финансового климата, но в значительно большей мере из-за новых тенденций моды. Теперь люди желали, чтобы их дома выглядели по-современному.

Почему Сара не бросила этого мерзавца, оставалось загадкой, повторяемой — Ройс Ревсон знал это по собственному опыту — женщинами раз за разом. Он надеялся, что сумеет помочь ей поддерживать привлекательный вид, чтобы, когда наконец дело все же дойдет до развода, она смогла бы обратить на себя внимание другого и, как он надеялся, по-доброму расположенного к ней мужчины. Быть может, даже его самого? Но он отгонял от себя эту мысль еще прежде, чем она закрадывалась в голову. Крутить шуры-муры с пациентками — не вариант. Как бы заманчиво это ни выглядело. А Сара Кортни была женщиной действительно очень привлекательной.

В отличие от некоторых его клиенток, составлявших большой процент богатых и избалованных городских стерв, Сара была на удивление милой и доброжелательной особой. На протяжении тех двух лет, что она была его пациенткой, ему неплохо удавалось сохранять ее молодой и красивой — благодаря ботоксу, коллагену и лазерной фотокоагуляции время от времени проявлявшихся на щеках красных прожилок.

Заручиться доверием клиента, конечно, в немалой степени помогало то, что Ройс и сам пережил значительное количество нехирургических вмешательств. Как и несколько хирургических операций, о которых он предпочитал не упоминать, вроде разглаживания складок на шее и поднятия обвисших век. Он ненавидел то, что сам называл «тиранией старения», и посвятил большую часть своей жизни если не остановке или обращению вспять этого процесса, то по крайней мере минимизации его разрушительных последствий.

— Вы выглядите очень загоревшей, Сара, — сказал он.

— Я только что вернулась из Дубая.

— Отпуск?

Она кивнула.

— С мужем?

— Нет, с подругой — летаем туда каждый год. Мне в Эмиратах очень нравится. Произвожу там ежегодный шопинг.

Вот и хорошо — хоть немного побыла вдали от этого чудовища. Он заметил блестящие часы «Картье танк» на ее запястье.

— Новые?

Она улыбнулась:

— Да, приобрела там. Пару лет назад наткнулась на один небольшой ювелирный магазинчик, в котором делают действительно высококачественные копии — не то что весь этот хлам. Его хозяин — первоклассный мастер, всего за несколько дней изготовит для вас что угодно по любому образцу.

— Моя жена давно мечтает об одном из этих браслетов от Картье, — сказал он и нахмурился. — Теннисные — так, кажется, они называются? Стоят целое состояние.

— Уверена, он мог бы изготовить такой для вас, и она ни за что бы не заметила разницы.

— А это законно?

Она пожала плечами.

— Я могу дать вам адрес его электронной почты. Пошлете ему фотографию того, что хотите, и он назначит свою цену.

— Хм, спасибо, возможно, я так и сделаю. — Опустив на глаза защитные очки, он принял иглу для подкожных инъекций от одной из двух ассистенток, одетых в одинаковые темно-синие блузки, и направился к пациентке по вымощенному серой и белой плиткой полу. — Ну что, готовы?

Сара кивнула. Она знала, что будет больно. Но боль была малой ценой за ту новую форму, которую должны были приобрести ее губы. «Без боли нет побед» — гласила одна из ее любимых поговорок. Ее-то она мысленно и повторяла сейчас.

Ройс ввел иглу под верхнюю губу.

Она поморщилась.

— Все в порядке? — спросил он.

Да, ответила она глазами. Без боли нет побед… Без боли нет побед… Без боли нет побед… Она безостановочно, беззвучно повторяла это, как мантру.

Он уверенно обработал сначала верхнюю, затем нижнюю губу.

— Пару дней будет похоже на аллергическую реакцию, затем все пройдет.

— Мне на телевидение только в среду.

— К тому времени вы будете выглядеть просто прекрасно.

— Вы так думаете?

— А разве обычно вы выглядите не так?

— Точно.

Ревсон улыбнулся. Конечно, только благодаря таким вот клиентам он и сделался состоятельным человеком, но деньги никогда не служили для него мотивом. Каждый раз, когда красивая женщина вроде Сары Кортни вставала с кушетки с улыбкой на лице, он готов был торжествующе вскинуть руку вверх, показывая два расставленных пальца — знак виктории, победы — этому жестокому садисту, богу старения.

12

Уитдин-Роуд находилась в одном из самых престижных городских районов. Уединенные дома располагались далеко за высокими стенами или живыми изгородями из деревьев и кустарников на тихой, извилистой, утопающей в зелени улице. Сьюзи Холидей медленно вела машину, пока Дэйв Робертс выискивал нужный дом. Четные шли по правой от них стороне улицы.

— Здесь! — сказал он.

Она миновала старые деревянные ворота, явно нуждавшиеся в починке, и покатила по петляющей, в рытвинах, посыпанной щебнем подъездной аллее. Справа росли кусты рододендронов, слева, за садом с декоративными каменными горками и лужайкой, виднелся оштукатуренный под камень фасад большого эдвардианского дома, с ложнотюдоровскими чертами, витражными окнами и высокими фронтонами. Высоко на стене была закреплена коробка тревожной сигнализации фирмы «ЛэнГард». В конце аллеи, позади особняка, напротив двух полуразвалившихся гаражей, располагался внутренний дворик. Сьюзи заглушила мотор, и они вышли. Изгородь справа (из-за росших перед ней высоких деревьев соседний дом совсем не было видно) пребывала в запущенном состоянии, в отличие от террасных лужаек — в воздухе и сейчас еще стоял приятный запах свежескошенной травы и подстриженных роз. Отсюда открывался чудесный вид: от долины, где по меловой насыпи пробегала железнодорожная линия, соединяющая Брайтон с Лондоном, до домов в дальнем конце Уитдин-Роуд и Патчем и игровых площадок Варндинской школы.

Подойдя ближе, они увидели, что в ремонте нуждается и сам дом: стены требовали новой покраски, кое-где обвалилась штукатурка, вокруг оконных рам отшелушилась краска, — словом, все указывало на то, что в доме живет человек пожилой. На небольшом прямоугольнике лужайки, ограниченной штамбовыми розами, в купальне для птиц резвился дрозд.

— Грешно не ухаживать за таким красивым местом, — заметил Дэйв Робертс.

Сьюзи Холидей кивнула и огляделась, думая о том, как бы понравилось здесь ее собаке, и прикидывая, во сколько миллионов могло бы обойтись это владение, даже в его нынешнем состоянии.

По дорожке они направились к парадному входу, заглядывая в каждое из окон, мимо которых проходили, в поисках каких-либо признаков жизни. Миновав сад, в котором росли благоухающие розы (он тоже нуждался в заботе), они очутились у широкого, выложенного плиткой крыльца. Из почтового ящика торчали скрученные в рулон «Дейли телеграф» и «Аргус». Еще кое-какие газеты и несколько писем валялись прямо у двери. Не очень хороший знак.

Опустившись на колени, Сьюзи Холидей перебрала газеты, глядя на даты.

— Вчерашняя… за среду… сегодняшняя… — перечисляла она. Дэйв Робертс нажал кнопку звонка. Подождали. Никто не отозвался. Он постучал в дверь. Это был отточенный, усовершенствованный за годы службы стук, из тех, как он гордо хвастал, что разбудят и мертвого.

И снова ответом была тишина.

Дэйв сунул руку в почтовый ящик, и она утонула в куче корреспонденции. Он вытащил несколько бумажек. Письма и рекламные проспекты. Обнаруженный среди них желтовато-коричневый конверт, с напечатанной на нем аббревиатурой налоговой службы — HMRC, — адресованный миссис Эйлин Макуиртер, свидетельствовал о том, что они прибыли по верному адресу.

Прильнув к ящику, Дэйв Робертс потянул носом, пытаясь уловить безошибочный свинцовый, прогорклый запах смерти. В отличие от квартиры Ральфа Микса, где они были

чуть ранее, ничего подобного обнаружить не удалось, но это не давало уверенности в том, что миссис Эйлин Макуиртер все еще жива. Даже в летние месяцы проходила по меньшей мере неделя, прежде чем тело начинало разлагаться.

Постучав в дверь еще раз, он набрал телефонный номер, который они получили от диспетчера. Где-то в доме зазвонил телефон, но ответа не последовало. Через несколько секунд включился автоответчик.

Они совершили полный обход дома, пристально вглядываясь в окна. В кухне работал телевизор. На столе — свежий выпуск журнала «Суссекская жизнь». Рядом с ним — тарелка, вилка и нож. На плите — кастрюля.

— Что думаешь? — спросила констебль Холидей.

Вместо ответа ее напарник натянул пару защитных перчаток, вытащил полицейскую дубинку и со всего размаху ударил по витражному окну рядом с входной дверью. Затем он осторожно, чтобы не пораниться об осколки стекла, просунул внутрь руку, нащупал щеколду и открыл дверь.

Они вошли в просторный, обитый дубовыми панелями холл, где лежало несколько красивых, но потертых персидских ковров. И почти тотчас же заметили темные прямоугольники на голых стенах — вероятно, когда-то там висели картины. Да и весь холл выглядел на удивление голым для столь большого дома.

Как и большинство комнат первого этажа, которые они обследовали.

Оставив напарницу продолжать осмотр, Дэйв Робертс поднялся по винтовой лестнице. Спустя несколько секунд он прокричал:

— Сьюзи, скорее! Сюда!

13

Присутствие на суде требовалось не раньше следующей недели. И впереди его ждал свободный уик-энд, который он надеялся провести с Клио и Ноем. Захватив домой кучу бумаг, Рой Грейс рассчитывал хотя бы ненадолго освободить Клио от родительских обязанностей. И пока все шло нормально. Вот только завтрашний день, пятница… Пятница была его проклятым днем. Стоило лишь подумать о том, что дежурная неделя заканчивается и впереди свободные выходные, как в пятницу обязательно что-то случалось. Оставалось лишь надеяться, что хотя бы сейчас его оставят в покое — на уик-энд он строил грандиозные планы.

В субботу днем с одним из коллег, раздобывшим парочку билетов, Грейс собирался пойти на один из первых в сезоне футбольных матчей на потрясающем новом брайтонском стадионе «Амекс», где до сих пор ему удалось побывать всего лишь раз. Он от души надеялся, что этому походу ничего не помешает. Вечером же они с Клио рассчитывали сходить в какой-нибудь ресторанчик, впервые с рождения Ноя.

Была середина дня. Он сменил Ною памперс, и теперь тот спал в своей кроватке с белой соской-пустышкой во рту. Клио дремала на кровати. Хамфри с недовольным видом лежал в своей корзине (с резиновой костью под носом), все еще ревнуя к Ною, несмотря на то что утром хозяин выводил его на пятимильную пробежку по брайтонской набережной.

Рой Грейс вытащил из большого конверта длинный бланк. Их дом в Хоуве вот уже несколько месяцев как был выставлен на продажу, и лишь сейчас агентство недвижимости нашло на него покупателя, женщину с маленьким ребенком, в настоящее время проживающую в Германии. Сам он с покупательницей не встречался, но похоже, намерения у нее были серьезные, и в агентстве уже назначили дату подписания контракта. Бланк представлял собой подробный опросник, освещавший все аспекты собственности, присланный нотариусом покупательницы.

Дом Клио, в котором они сейчас жили, тоже был выставлен на продажу. В их планы входило пустить вырученные за оба дома деньги на покупку недвижимости где-нибудь за городом, неподалеку от Брайтона, чтобы у Хамфри появился достойных размеров сад, а может, и поле, на котором он мог бы резвиться.

Единственным человеком, которого вся эта ситуация совсем не радовала, был его коллега и ближайший друг Гленн Брэнсон, живший в доме Грейса после развода. Бедняге Гленну придется подыскивать себе новое жилище; но, с другой стороны, ему уже пора двигаться дальше, обзавестись собственным домом и зажить настоящей жизнью.

Едва Рой попытался сосредоточиться на первом вопросе формуляра, как зазвонил городской телефон.

Он торопливо схватил трубку, чтобы звонок не разбудил Ноя.

— Да? — тихо произнес он, отчаянно надеясь, что это не по работе.

— Добрый день. Я звоню вам по совету одного вашего доброго друга.

— Неужели? И кого же?

— Джерарда Скотта.

— Простите, не знаю никого с таким именем.

— Он просил передать вам свои наилучшие пожелания.

— Полагаю, вы ошиблись номером.

— Мы ежегодно экономим ему две с половиной тысячи фунтов на счетах за отопление.

— Да ну? — Грейсу не нравилась назойливость людей, занимающихся всеми этими телефонными продажами, хотя малую толику симпатии он к ним и испытывал — все-таки они хоть как-то, пусть и таким способом, пытались заработать на жизнь. — И как же?

— На следующей неделе в вашем районе будет работать наш представитель. Он мог бы зайти к вам в удобное для вас время.

— И что именно предлагает ваш представитель?

— Теплоизоляцию перекрытий.

— Теплоизоляцию перекрытий?

— Мы ведущие специалисты в этой области. Наша теплоизоляция столь эффективна, что окупается всего за девять лет за счет экономии на отоплении.

Учитывая предстоящий переезд, не говоря уж обо всем прочем, Клио явно не будет настроена тратить какие-либо деньги на этот дом. Ухмыльнувшись, он сказал в трубку:

— А вы знаете, что звоните на место преступления?

— На место преступления?

— Мне нужны ваше имя, адрес, место рождения и сведения о том, где и как вы познакомились с жертвой. Не желаете ли добровольно явиться в брайтонское отделение полиции для дачи показаний?

Вслед за воцарившейся на другом конце линии тишиной послышались короткие гудки — связь прервалась.

Есть! Улыбнувшись своему маленькому триумфу, Грейс посмотрел на спящего сына.

Спустя пару секунд зазвонил мобильный. Он ответил. Звонил новый дежурный детектив-инспектор из участка на Джон-стрит, заменивший недавно получившего продвижение по службе Джейсона Тингли. Любой звонок от него определенно не сулил ничего хорошего.

— Простите за беспокойство, сэр. У нас пренеприятное ограбление на Уитдин-Роуд. Жестоким истязаниям подверглась девяностовосьмилетняя женщина. Сейчас она в реанимации Суссекской королевской окружной больницы. Похоже на то, что из ее дома вынесли кое-какой антиквариат и картины.

Отойдя от Ноя в дальний конец комнаты, Рой спросил:

— Она выживет?

— Ну, сознание к ней возвращается лишь на крайне непродолжительное время, сэр.

— Что у нас есть? — спросил Грейс.

— Не очень много. Обошлись с ней крайне жестоко. Я сам выезжал на место, и по моим ощущениям, это преступление из разряда тех, которыми следует заниматься отделу тяжких преступлений. Все указывает на то, что похищено ценностей на весьма значительную сумму. Что касается жертвы, то боюсь, она не выживет.

Подонки, измывавшиеся над людьми преклонного возраста, вызывали у Роя Грейса особые чувства.

— Хорошо, — сказал он, пытаясь не выдать отсутствия какого-либо желания втягиваться в новое расследование. — Давайте подробности.

Он наспех записал основные пункты в блокнот. Потом, закончив с инспектором, позвонил детективу-сержанту Гленну Брэнсону, которого назначал исполняющим обязанности детектива-инспектора в последнем их совместном деле, когда пару месяцев назад один ненормальный объявил охоту на поп-звезду, приезжавшую в Брайтон для съемок в историческом фильме.

— Занят чем-то важным, Гленн? — поинтересовался Грейс.

— Что может быть важнее подготовки документов по разводу с моей стервозной супружницей?

— Отлично. Встречаемся через полчаса на Уитдин-Роуд, дом сто сорок шесть.

— Милый адресок.

— Вот и веди себя там подобающе.

14

Он снова сидел в подержанном, одолженном на время «Ягуаре S-Type» напротив ворот той линейки таунхаусов, в одном из которых Рой Грейс жил теперь со своей возлюбленной Клио Мори и двухмесячным младенцем Ноем. Ноем Джеком Грейсом.

Окна «ягуара» были затонированы, что само по себе уже являлось нарушением закона. Видеть его никто не мог. Никто не мог видеть той маски ненависти, что ни на секунду не сходила с его лица.

Ной Джек.

Все подробности он получил в службе регистрации актов гражданского состояния брайтонской ратуши.

Ной Джек Грейс.

Оставь его в покое, твердили друзья. Двигайся дальше.

Ни за что. Нельзя так просто взять и забыть человека, который напрочь похерил всю твою жизнь. Действовать надо осторожно, решать проблемы по мере их поступления, одну за другой, шаг за шагом. И это первый шаг. Долг платежом красен. Накануне вечером, вооружившись прибором ночного видения, он заметил, как один из жильцов набирает код на цифровой панели рядом с воротами. Позднее он вошел сам, убедился, что там нет ни охраны, ни камер системы видеонаблюдения, и постоял в темноте у «дома Грейса», как ему нравилось его называть. Через створки ставней он видел, как детектив-суперинтендент Грейс и его шлюха Клио лежат, свернувшись калачиком, напротив телевизора, поглядывая то и дело на монитор теленяни.

Какая трогательная сцена.

А как, должно быть, приятно будет Клио Мори, старшему специалисту по анатомической патологии в морге Брайтона и Хоува, присутствовать при обнаружении в груде мусора

младенца, задохнувшегося от затянутого на его голове пластикового пакета. А потом увидеть, что это ее собственный сын.

А уж как это будет символично!

Сынок мусорка в куче мусора.

Как же ему нравилась эта картина! Но не меньше нравилась и другая: вернувшийся домой Рой Грейс вдруг обнаруживает, что лицо его прекрасной шлюшки навек изуродовано. Немного кислоты научит ее не трахаться больше с копами.

Опции. Ему нравилось иметь возможность выбора. В тюрьме их было немного, но теперь, на свободе, он имел перед собой все опции в мире.

О да.

Он раздавил сигарету в пепельнице.

А вот и ворота открываются. Кто-то выходит. В костюме и туфлях. Детектив-суперинтендент Рой Грейс. Выглядит немного уставшим.

Он наблюдал за тем, как Грейс идет по дорожке к оставленной на некотором отдалении, на дорожном кармане для парковки автомобилей местных жителей, черной «альфа-ромео-джульетте».

Увидел, как зажглись стоп-сигналы и машина умчалась прочь.

Какое же это удовольствие — увидеть страдания детектива-суперинтендента Роя Грейса.

О да. Радость возмездия. Блюдо, которое следует подавать холодным.

Холодный младенец.

Эта мысль привела его в полный восторг.

В аренду сдавался участок номер четыре. «Дом Грейса» располагался рядом. Смежное владение. Остается уладить кое-какие формальности, и через неделю или около того он станет их соседом.

И в кои-то веки получит козырь против Роя Грейса, а не наоборот.

Вот радость-то!

15

Нью-Йорк, 1922 год

На ледяном ветру, под дождем со снегом маленький мальчик стоял, вместе с сестрой и сурового вида теткой, среди огромной толпы, наводнившей 54-й причал. В длинном пальто, шерстяных перчатках и твидовой кепке, он выглядел несчастным. То немногое, что было у него в этом мире, поместилось в небольшой кожаный чемоданчик, стоявший на земле рядом с ним. Мальчик ощущал себя карликом в этом людском море.

Пяти лет от роду, растерянный, сбитый с толку и ужасно злой на тетю. Она увозила его и сестру от мамы и папы. Мама была на кладбище; он понимал, что домой она уже никогда не вернется, что она ушла навсегда и теперь в другом месте. В раю.

Но папа мог возвратиться домой в любую минуту. Он хотел подождать, но тетя не разрешила. Отец больше никогда не вернется, сказала она. Сестра ей поверила, но только не он. Этот великан с серебряным кроликом на висевшей на шее цепочке, который поднимал его на плечи, играл с ним в мяч, брал с собой на верховые прогулки на Кони-Айленд, плавал вместе с ним в море, щекотал своей щетиной, пах пивом и табаком, рассказывал истории о Человеке-на-Луне и украдкой водил в зоопарк, когда обещал его матери сводить в церковь… он обязательно вернется домой.

Обязательно вернется. Мальчик знал это наверняка.

— Я не хочу уезжать, — раздраженно бросил он. — Хочу домой, ждать папу. Ненавижу тебя! — Он топнул ногой.

— В Ирландии тебе понравится, — сказала она. — Там намного лучше. Безопаснее. И гораздо спокойнее.

— Может, папа будет там.

Уна Дейли промолчала.

— Может? Как думаешь? — спросил он с надеждой.

Она опять промолчала.

В воздухе стоял острый запах соли, приправленный едким ароматом сжигаемого угля и сигаретным дымком. Кругом скрежетали машины, кричали люди, пищали чайки. На скрипучих тросах качались деревянные ящики, высоко над головой бряцали и лязгали шкивы. Темный корпус корабля возвышался над ним, словно гора. Мальчик огляделся. Отец работал в порту; может, он будет здесь и сегодня? Он вглядывался в лица, во все до единого.

Он чувствовал, что не должен уезжать. Что должен найти папу. Но вскоре они уплывут за тысячи миль отсюда. Далеко от отца. Он не понимал почему.

Мальчик разглядывал высоких людей. Подъемные краны, и деррики, и массивный корпус судна «Мавритания» с его четырьмя дымовыми трубами и сходнями. Рядом с ним, зацепившись за кабестан, простонал канат. Он взглянул на темно-зеленую гладь Гудзона между кораблем и набережной, услышал плеск воды. Она была маслянистой, с пенными пузырьками и колыхающимся мусором. Вскоре объявят посадку, и корабль увезет их в место под названием Дублин, что в Ирландии. Мать в раю, а отец исчез, его забрали плохие люди. Отца тоже убили, сказала тетя, но он ей не поверил.

Теперь тетя Уна, которую он едва знал и не любил, увозила их к новой, по ее словам, жизни. В место, где они будут в безопасности. На ферму в деревне, где много кур, коров, свиней и овец.

Ему не нужны были ни куры, ни свиньи, ни овцы. Ему был нужен папа.

Он не хотел уезжать. Он плакал, и каждые несколько минут тетушка промокала ему глаза носовым платком. Его сестра, которая была на три года старше, крепко прижимала к себе маленького плюшевого медвежонка, мистера Стаффикинса, и все время молчала. Все трое ждали, наблюдая за тем, как поднимается по трапу бесконечная людская процессия; некоторые из уплывавших были людьми преклонного возраста, но большинство составляла молодежь, многие — с маленькими детьми и младенцами. Они несли чемоданы, деревянные и картонные ящики, иногда — собак и кошек в корзинах. Время от времени кто-нибудь затаскивал на борт какой-нибудь предмет мебели. Вот мужчина прошел мимо, пошатываясь под тяжестью старинных напольных часов.

Никто из них не обратил внимания на парня в низко натянутой на глаза кепке, локтями пробивавшегося к ним через толпу. Заметили они его только тогда, когда он выкрикнул его имя.

Мальчик обернулся:

— Да?

Паренек сунул ему в руку увесистый сверток, обернутый коричневой бумагой.

— Мне велели передать тебе это, — пояснил он. — Для тебя и для твоей сестры. И сказать вот это: «Запомни числа!»

— Извините! — вмешалась тетя.

Но паренек уже пробирался назад, быстро, украдкой.

— Извините! — крикнула она еще громче. — Молодой человек, кто вас послал?

— Друг! — ответил он и через пару секунд растворился в толпе.

— Тетя Уна, кто был этот парень? — спросила его сестра, одетая в слишком большую для нее спортивную куртку и шапку с помпоном.

— Дай-ка взгляну, что там, — сказала тетя, выхватывая из рук мальчика сверток. Развернув упаковочную бумагу, она нахмурилась: внутри находились небольшой черный револьвер, разбитые карманные часы и сложенная газетная страница.

Она осторожно развернула листок. Это была первая страница из старого номера «Дейли ньюс». Большая часть полосы посвящалась убийству жены Брендана Дейли и похищению и исчезновению самого Брендана Дейли, главного претендента на роль босса банды «Белая рука», — родителям мальчика.

Статья сопровождалась фотографией Дейли. Крупный, статный, свирепого вида мужчина с копной зачесанных назад блестящих черных волос, в костюме-тройке с выглядывающей из кармана цепочкой для часов, помятой белой рубашке и простом одноцветном галстуке под теплым пальто.

С краю синими чернилами были нацарапаны четыре имени и двенадцать цифр.

— Что там написано? — спросила сестра.

Тетя протянула ей газету. Мальчик тоже заглянул в листок. Прочитать, что говорилось в газете, он не смог, да и имена разобрал не сразу, но вот с цифрами справился.

— 9 5 3 7 0 4 0 4 2 4 0 4, — медленно прочел он. — Что это значит?

— Это ты мне скажи! — воскликнула тетя, передавая ему газетную вырезку. — Тебе ведь дали — ты и скажи!

Это было что-то важное, он знал. Должно было быть таковым. Но вот что именно, он и понятия не имел.

— А это имена тех плохих людей, что забрали папу? — спросила сестра.

Тетя ничего не ответила.

Мальчик свернул листок и бережно опустил во внутренний карман. Потом посмотрел на револьвер, который тетушка вытащила из свертка и теперь нервно держала в руке, словно опасалась, что он укусит ее или ужалит.

— Нужно от него избавиться, — сказала она. — Не надо нам иметь его при себе.

Тетя Уна повернулась и начала пробираться сквозь толпу к краю причала. Она уже готова была бросить револьвер в воду, когда мальчик схватил ее за руку.

— Нет! — сказал он. — Это может быть папин! Может, он захочет получить его назад. Может, он придет за ним! — Он разрыдался.

Она посмотрела на него сверху вниз, и черты ее смягчились.

— Хорошо, мы возьмем его с собой. На тот случай, если твой папа ждет нас там, куда мы направляемся.

Он кивнул и утер слезы тыльной стороной правой руки.

Поместив револьвер в сумочку, тетушка вытащила часы. Это был золотой мужской карманный хронометр, на цепочке, с фазами лунного цикла на циферблате. Стекло треснуло, головка чуть согнута. Стрелки остановились на пяти минутах пятого. Мальчик выхватил часы у нее из рук и уставился на них.

— Это папины, — сказал он. — Папины.

Раздался громкий протяжный сигнал корабельной сирены — один-единственный. Этими звуками — гудком сирены, пятью выстрелами в ночи и криками матери — Нью-Йорк и запомнился мальчику навсегда.

Они запечатлелись в его памяти вместе с часами.

2012 год

В тихой и теплой палате реанимационного отделения Суссекской королевской окружной больницы пожилой мужчина, утомленный перелетом с юга Франции, сидел рядом с находившейся без сознания женщиной, держа ее за слабую жилистую в темно-каштановых пятнышках руку. Где-то рядом послышалось шуршание задергиваемой занавески.

— Эйлин, я здесь, ты меня слышишь?

Он ощутил слабое пожатие. Ее седые волосы, обычно элегантно уложенные, выглядели нечесаными и спутанными. Лицо под бинтами — отекшее, раздувшееся, с черными и желтыми пятнами, шея — в ожогах, оставленных, как ему сказали, горящей сигаретой. Непострадавшие участки кожи приобрели алебастровый оттенок трупа.

В нем вскипел гнев. Он думал о том долгом пути, который они вместе прошли за свою жизнь. И ради чего — чтобы закончить так? Он был не из тех, кто часто плачет, но в этот момент на глазах выступили слезы.

У нее был двойной, со смещением костей, перелом черепа, повреждение цервикальной области спинного мозга, из-за чего ей, при удачном исходе, грозил паралич, и, что на данной стадии было почти несущественно, переломы правой ключицы и таза.

Эйлин весь день пребывала в стабильно бессознательном состоянии, и, несмотря на то что он все еще цеплялся за отчаянную, все более и более иррациональную надежду, в нем уже начинало зарождаться ощущение ужасной неизбежности.

Каждые несколько секунд сигнализатор монитора издавал неизменное «бип-бип-бон». Старик вдыхал запахи обеззараживающих химических веществ, к которым периодически примешивался аромат одеколона, и слабый фоновый запах электрооборудования.

Она лежала на кровати, вся в бинтах и проводах, изо рта и ноздрей торчали эндотрахеальные и назогастральные трубки. Внутричерепное давление измерялось специальным датчиком, еще один был присоединен к пальцу, целый лес внутривенных шнуров и трубок вел от капельниц к морщинистым рукам и животу. Справа от нее возвышались два дисплея, на тележке, стоявшей у изножья кровати, лежал лэптоп с записями и показаниями приборов.

— Эйлин, я здесь, с тобой. Это Гэвин. Я здесь.

Старик увидел, как зашевелились губы, хотя и не смог услышать ее голоса. Он наклонился, приник к ее устам, но по-прежнему не слышал ни звука. Снова посмотрел на нее.

— Что они взяли? — прошептала она.

— Не знаю, — сказал он. — Пока что не знаю, но это и не важно. Главное, чтобы с тобой было все хорошо.

Она заговорила снова:

— Они взяли часы? Это все, что у нас оставалось в память о нем. Вспомни, что сказал тебе тот парень. «Запомни цифры».

Мысленно он перенесся на девяносто лет назад. На набережную острова Эллис, где они дожидались посадки на «Мавританию». Паренек в кепке с увесистым свертком, обернутым грубой бумагой. И он тоже вспомнил эти слова.

— Как думаешь, Эйлин, что бы это могло значить?

Она уже не ответила.

17

Старенький синий «мерседес» с тонированными задними окнами спускался, петляя, по испещренной рытвинами подъездной дорожке. Громко играла музыка. «Ода радости» в исполнении филармонического оркестра. Выбор босса. Босс любил всякую культурную муть

вроде этой. Что-нибудь хоральное, возвышенное. Музыку, которая звучит так, словно тебя призывают боги. Такое вот дерьмо.

Внизу, за пышным кустарником, садом с декоративными каменными горками и крытой лужайкой, стоял большой эдвардианский дом. Дорожка змеилась к задней его стороне. На просторной площадке между ветхими гаражами собрался целый парк автомобилей. Две полицейские машины с мигалками, еще две без таковых, белый фургончик с гербом суссекской полиции и надписью «Служба криминалистической экспертизы» на боковых дверцах. Синяя с белым оградительная лента была натянута поперек узкого прохода к дому, напротив которого стояла облаченная в форму женщина-полицейский с журналом осмотра места преступления.

Водитель вышел из машины; стоявший на пороге своего семидесятилетия, он был очень худым и сутулым, из-под шоферской кепки, двумя размерами больше нужной, выбивались нечесаные седые космы.

— Извините за ухабы, сэр, — просипел он, открывая заднюю дверь.

Гэвин Дейли отложил в сторону судоку, разгадыванием которого был занят, и выбрался наружу, опираясь на черную, с резиновым наконечником палку. Серебряный набалдашник представлял собой голову ястреба с пронизывающим взглядом. Проигнорировав протянутую водителем руку, Дейли резко распрямился.

Загорелый, с безукоризненно отполированными зубами и солдатской выправкой, он выглядел лет на двадцать моложе, чем значилось в паспорте. Крючковатый плоский нос придавал ему вид, как и набалдашник трости, хищной птицы; седая грива волос спускалась до плеч, а голубовато-синие глаза, которые обычно были наполнены теплотой и обаянием, сегодня пылали яростью за очками в роговой оправе. Одетый в бежевый льняной костюм, синюю рубашку апаш с броским галстуком и коричневые мокасины с кисточками от Феррагамо, в руке он держал незажженную, наполовину выкуренную «Коибу». Лишь темно-каштановые пятнышки на лице и руках, морщинистая шея и медленная походка наводили на мысль о его истинном возрасте.

Стараясь ничем не выказывать гнева, он подошел к женщине-полицейскому и заговорил спокойно, но твердо.

— Меня зовут Гэвин Дейли, — сказал он. — Это дом моей сестры. Детектив-суперинтендент Грейс ждет меня.

Глубокий, поставленный голос нес в себе лишь слабое эхо его ирландских предков. Когда появлялась необходимость, в Дейли пробуждался настоящий дар красноречия. Он мог продать снег эскимосам, песок бедуинам и купальные костюмы рыбам. Первое свое состояние он сколотил на продаже старых автомобилей, а второе, гораздо более крупное, — на дорогом антиквариате, специализируясь на наручных и напольных часах.

Женщина-полицейский заглянула в журнал и сказала что-то в рацию.

Через несколько секунд к ним подошел высокий темнокожий мужчина в белом защитном комбинезоне и сапогах.

— Мистер Дейли, я детектив-инспектор Брэнсон, заместитель старшего следователя по этому делу. Спасибо, что приехали, — жаль только, что при таких обстоятельствах.

— Знали бы вы, как мне жаль, — сказал Дейли с кривой улыбкой.

— Конечно, сэр. Я понимаю.

— Неужели? И что же вы понимаете? Знаете, каково это — видеть свою девяностовосьмилетнюю сестру в реанимации и слушать про все эти мерзости, которые с ней вытворяли?

— Мы сделаем все возможное, чтобы поймать этих подонков, сэр.

Дейли окинул его еще одним взглядом, но не ответил. Он намеревался поручить сыну поиск мерзавцев. И если его вспыльчивый сынок отыщет их первым, на что он очень надеялся, полиция их уже не найдет. Никогда.

Подошедший к ним коренастый мужчина в маске и капюшоне протянул Гэвину Дейли защитный комбинезон и сапоги.

— Я — Дэвид Грин, эксперт-криминалист, ответственный за место преступления, сэр. Не будете ли так любезны надеть все это на себя?

Гленн Брэнсон помог старику облачиться в защитный костюм, а затем спросил:

— Насколько я понимаю, вы только сегодня прилетели из Франции и уже виделись с сестрой?

— Да.

— Как она?

— Плохо, — лаконично ответил Дейли. — А чего вы ожидали? Что она будет скакать по кровати, танцуя джигу?

Брэнсон был рад, что на месте преступления присутствует Рой Грейс. Поладить со стариком оказалось делом непростым — как, впрочем, его и предупреждали. Дэвид Грин вручил Дейли пару перчаток, и они втроем направились к дому. Когда они переступили порог и прошли по металлическим подножкам в холл, Дейли увидел двух криминалистов, мужчину и женщину. Оба были в белых защитных комбинезонах; женщина, опустившись на колени, снимала отпечатки пальцев, мужчина делал фотографии.

Он обвел взглядом темные прямоугольники на стенах. Последний раз он был здесь две недели назад. Тогда здесь было полно картин и изящных вещиц. Теперь же все выглядело так, словно вещи из помещения вынесли грузчики, помогающие с переездом.

— Ваша сестра проживала здесь одна, мистер Дейли?

— Ей помогала приходящая домработница, но сейчас эта женщина в отпуске. Да, и раз в неделю здесь бывает садовник.

— Как по-вашему, эти люди заслуживают доверия?

— Домработнице лет семьдесят пять; она с моей сестрой уже более тридцати лет, а садовник — по меньшей мере лет десять. Так что — да, несомненно.

— Нам нужно будет поговорить с ними, чтобы вычеркнуть их из списка подозреваемых, — если можете оставить их координаты, мы были бы очень признательны.

Дейли кивнул.

— И вот еще что важно: не могли бы вы, по возможности, указать, что именно было украдено? Насколько я понимаю, вы хорошо знаете этот дом, сэр? — осведомился Гленн Брэнсон.

— Все, что сестра приобретала, она приобретала под моим чутким руководством, — сказал Дейли. — Она и ее покойный муж. Не вижу, чтобы в холле осталось что-то значимое. Кто бы это ни сделал, они отлично знали, что брать. Я могу составить подробный список того, что здесь было. Тут где-то должен быть альбом с фотографиями всего самого ценного.

— Это очень бы помогло.

Дейли какое-то время молчал, а потом сказал:

— Помогло чему?

— Расследованию, сэр.

Дейли наградил его скептическим взглядом.

— Вы действительно так полагаете?

— Идентифицировав как можно больше из того, что отсюда пропало, вы бы оказали нам неоценимую помощь.

— Судя по тому, что я увидел только в этой комнате, гораздо легче будет идентифицировать то, что осталось.

Брэнсон посмотрел на него с тревогой.

— Похоже, работали профессионалы.

Дейли не ответил. Он прошел в гостиную. Над каминной полкой раньше находилось одно из наиболее ценных сестринских полотен, пейзаж Ландсира, тянувший на добрых полмиллиона фунтов. Он долго пытался убедить ее перевесить картину, опасаясь, что она может пострадать от огня или копоти. Теперь же ущерб от огня — наименьшая из проблем сестры, подумал он, глядя на темный прямоугольник. На противоположной стене висели позолоченные, ручной работы, с ангренажем в восемнадцать колес, уайтхерстовские часы 1791 года выпуска. Они имели открытый механизм и показывали время в любой точке планеты. С аукциона такие ушли бы сейчас не менее чем за триста тысяч фунтов.

Он пробежался глазами по остальным темным прямоугольникам на стенах. По пустотам на прилавках-витринах и бюро орехового дерева. Все ценное пропало. Почти все. Но было кое-что такое, насчет чего он беспокоился больше всего прочего. Он прошел в кабинет сестры и уставился на стену. Опасения оправдались: дверца сейфа была открыта. Он заглянул внутрь, но дверца второго, потайного, отделения также была открыта.

Сердце оборвалось, но внутри уже закипал гнев.

— Мерзавцы, — произнес он спокойно. Потом покачал головой и вновь, для пущей уверенности, заглянул в сейф. — Мерзавцы.

Сопровождаемый детективом, старик вновь вышел в холл. На викторианском столике валялась кучка писем, одно из которых заинтересовало его особенно. Игнорируя предупреждение Брэнсона ничего не трогать без перчаток, он принялся рыться в корреспонденции и в середине стопки обнаружил одинокий лист формата А4 с бланком письма, наверху которого значилось: «Р. К. Мур». Чуть ниже адрес в брайтонском Кемптауне. А далее текст следующего содержания:

Дорогие сэр или мадам.

За те многие годы, что я бываю в этом районе, я никогда не переставал получать удовлетворение от той радости, что отображается на лицах людей, когда они выручают деньги за ненужные, зачастую уже позабытые вещи. Деньги, которые вы можете использовать для вашего блага, за вещи, которые я, в свою очередь, могу продать.

Меня всегда интересует покупка следующих вещей:

— старых чемоданов из обычной и крокодиловой кожи;

— детских книг;

— старых ювелирных изделий;

— лома серебра и золота.

— Похоже на листовку «молоточника», — заметил Гленн Брэн-сон, помещая листок в пластиковый пакетик для последующего снятия отпечатков пальцев.

Брайтонские «молоточники» были своего рода наследниками послевоенных старьевщиков и на протяжении десятилетий оставались настоящим бичом для людей преклонного возраста, проникая за счет подобных рекламных листков в жилища и либо обирая их обитателей, либо наводя затем на наиболее богатые дома профессиональных грабителей.

Дейли кивнул. Он знал. Сам когда-то, давным-давно, был таким. Зазвонил мобильный. Извинившись, старик посмотрел на экран. Никакого имени не высветилось.

— Гэвин Дейли, — ответил он.

— Это сиделка Уилсон, мистер Дейли. Вашей сестре стало хуже. Думаю, вам следует приехать, и как можно скорее.

18

Рой Грейс, облаченный в защитный костюм, как и все остальные в доме Эйлин Макуиртер, стоял, зажав в руке телефон в ее кабинете на первом этаже, в задней части дома, рядом с картой имения. Его первостепенной задачей было собрать следственную группу и дать поручение каждому ее члену, но он позволил себе небольшую паузу, чтобы послать эсэмэску Клио — предупредить, что домой вернется очень поздно.

Единственная информация, полученная от Эйлин Макуиртер, сводилась к тому, что двое напавших на нее мужчин были в коричневой форме и представились работниками компании «Уотерборд». Сейчас нужно было обнести прилегающую к особняку территорию оградительной лентой и произвести подомовой обход соседей на случай, если кому-то из них тоже нанесли подобный визит. Заниматься этим следовало осторожно, чтобы не напугать людей, а заодно и дать населению необходимые в таких случаях рекомендации. Кроме того, следовало выяснить, есть ли в этом районе камеры наблюдения, которые могли бы зафиксировать что-либо подозрительное. К несчастью, Уитдин-Роуд и прилегающие к ней улицы не входили в зону покрытия камер слежения городской полиции, хотя многие дома были оборудованы собственными. Также требовалось выяснить, происходили ли похожие ограбления в городе или в стране когда-либо раньше. Надлежало позаботиться и о размещении на обеих сторонах улицы полицейских билбордов с просьбой к местным жителям сообщить о появлении в данном районе незнакомых машин — как незадолго до нападения, так и в вечер вторника. На полицейском жаргоне такое мероприятие называлось проверкой «юбилейных визитов».

Грейс по собственному опыту знал, что когда преступники присматриваются к дому, они зачастую делают это ровно за неделю до ограбления, отслеживая перемещения жильцов в нужный им день.

Что-то было не так с этим опустошительным нападением на старушку, но что именно, суперинтендент понять не мог. Подобные жестокие ограбления, к сожалению, имели длинную историю. Но чутье подсказывало, что в данном случае за этим стоит нечто большее.

Первым, что обратило на себя внимание, были книжные полки. Потом его отвлекло какое-то движение снаружи. Через витражное окно Грейс увидел плещущегося в декоративном фонтане воробушка, даже не подозревающего о произошедшей здесь ужасной трагедии.

Грейс никогда особенно не интересовался поэзией, но тут ему почему-то вспомнился один стишок из школьной программы, видимо, потому, что он учил его наизусть и рассказывал на уроках литературы. Это был Уистен Хью Оден, и первые две строчки вдруг показались Рою весьма уместными.

Счастлив зайчонок с утра, потому что неведомы ему

Охотника бессонные мысли…

С моющегося воробушка взгляд его переместился дальше, на лужайку и в дальний конец долины, примерно в миле от дома. В это время года западную часть города скрывала зелень, но он и так мог представить себе большой прямоугольник Варндинской школы, в которой учился перед тем, как поступить в полицейский колледж.

На орехового дерева бюро жертвы он обнаружил большой кожаный ежедневник, несколько взятых в рамки фотографий детей и взрослых (все снимки были такими старыми, что уже обесцветились), старомодную адресную книгу в красной кожаной обложке, ручку «Паркер», лежащую на блоке записных листков, голубую почтовую бумагу с пропечатанными на ней именем и фамилией пострадавшей, незаполненную открытку и чистый конверт, которые, судя по всему, она намеревалась кому-то послать. Возможно, ключ к разгадке

следует искать в ежедневнике, подумал детектив, листая страницы. Но даже беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что все листы чистые, за исключением одной записи о встрече — назначенной через три дня, — сделанной косым тонким почерком авторучкой: «Доктор Пэриш. 11.30».

Над бюро, в обрамлении темного прямоугольника, в том месте, где раньше, по всей видимости, висела картина, находился сейф с кодовым замком; дверца его была открыта. Грейс заглянул внутрь, но сейф был пуст. В задней его части обнаружилось нечто вроде боковой панели и еще одна дверца, судя по всему в потайную часть сейфа, — та тоже была открыта.

Он вновь обратил внимание на книжные полки и пробежал глазами по некоторым из названий. «Первые сто лет американской мафии», «Молодой Капоне», «Ранние уличные банды и гангстеры города Нью-Йорка», «Ирландская организованная преступность». «Король бруклинского порта».

И таких — полка за полкой.

Почему?

Такая подборка говорила о некоей одержимости.

Почему эта дама собирала книги по ранней гангстерской истории Нью-Йорка?

Эйлин Макуиртер. Ирландское имя. Уж не имела ли сестра Гэвина Дейли каких-то исторических связей с американской организованной преступностью? Или они оба?

Из того немногого, что он выяснил об Эйлин Макуиртер с тех пор, как был сюда вызван, вытекало следующее: она была замужем за биржевым брокером, но вот уже пятнадцать лет как овдовела. Ее дети тоже умерли, но оставались внучка и ее муж, Никки и Мэтт Спирс, и двое их детей, Джейми и Изобел, правнуки Эйлин Макуиртер. Полиция пыталась сейчас связаться с ними. Правонарушений за ней не числилось, за исключением разве что случившегося три года назад нарушения ПДД, когда она без видимой причины врезалась в столбик ограждения, вследствие чего лишилась прав.

Возможно, она когда-то защищала диссертацию по этой теме? Или писала книгу? Или пыталась выяснить что-либо из истории своей семьи?

Зазвонил мобильный.

— Рой Грейс.

Докладывал Гленн Брэнсон, находившийся где-то в доме:

— Босс, здесь только что был Гэвин Дейли. Я уже собирался провести его к тебе, но старика срочно вызвали в больницу.

— Как состояние миссис Макуиртер?

— Там сейчас наш человек, дежурит у палаты. Я с ним на связи. По его словам, все обстоит не очень хорошо.

— Как обычно, — мрачно заметил Грейс.

— Есть кое-что в холле, что я хотел бы тебе показать.

— Сейчас буду.

Брэнсон стоял на подножке, положенной поверх потертого персидского ковра, рядом с небольшим столиком, постукивая по рекламному листку формата А4, уже помещенному в пластиковый пакет; отпечатанный вычурным шрифтом текст, по-видимому, должен был придать «документу» солидности, но, на взгляд Грейса, характеризовал отправителя лишь как очередного афериста.

Р. К. Мур.

Рой Грейс мельком взглянул на текст.

Дорогие сэр или мадам.

За те многие годы, что я бываю в этом районе, я никогда не переставал получать удовлетворение от той радости, что отображается на лицах людей, когда они выручают деньги за ненужные, зачастую уже позабытые вещи…

Потом он посмотрел на коллегу.

— Черт, я думал, что «молоточники» остались в далеком прошлом. Что все сейчас смотрят «Выездную презентацию антикварных изделий», «Деньги на чердаке» и прочие подобные программы и что никто уже не клюет на удочку этих воришек. — Он, не без досады, вспомнил, что и его бабушку обвел вокруг пальца, лишив всех ее немногих фамильных ценностей, один из таких «дельцов», когда сам он был еще подростком.

— Очевидно, не все, босс. Думаю, в каком пруду ни поройся, везде найдется что-нибудь копошащееся в тине.

Грейс мрачно улыбнулся.

— Нужно допросить этого Р. К. Мура, и как можно быстрее. — Он посмотрел под ноги, на ковер. — Странно, такой прекрасный дом, полный, судя по всему, чудесных вещиц, и тут вдруг этот невзрачный ковер!

Брэнсон одарил его печальным взглядом.

— Ну ты и невежда!

— Спасибо. Вообще-то я полагал, что всегда распознаю красоту, когда ее увижу.

— Да ну? А знаешь, сколько стоит этот ковер?

— Ну, фунтов пять на распродаже я, может, за него и дал бы.

— Тогда бы ты провернул удачную сделку. Как по мне, так он выглядит персидским и стоит несколько тысяч. Отец Эри торговал такими, он-то меня и просветил насчет них. Знаешь, они специально делают в этих коврах дырки.

— Зачем?

Гленн Брэнсон ухмыльнулся.

— Затем, что в глазах производителей этих ковров совершенным может быть лишь Господь Бог.

Грейс улыбнулся.

— Надо будет запомнить. — Вынув из кармана телефон, он пару раз щелкнул рекламную листовку крупным планом.

Пока он проверял, четким ли вышел текст на фото, зазвонил телефон Гленна Брэнсона. После короткого обмена фразами Брэнсон закончил разговор и посмотрел на Грейса большими, вдруг заметно погрустневшими глазами.

— Наш человек в больнице, босс.

— И?..

— Похоже, теперь мы расследуем уже убийство.

19

Нью-Йорк, 1922 год

Тетя мальчика уговаривала его зайти внутрь, в тепло, но он отказался. Солоноватый ветер трепал его волосы, в горле стоял комок, по щекам бежали слезы, но, крепко вцепившись в поручни почтового парохода «Мавритания», он словно и не замечал холода. Пока они проплывали под мостом Верразано-Нэрроуз, мальчик ни на миг не выпустил из виду исчезающую вдали статую Свободы.

Теперь она была совсем крошечная — едва различимое пятнышко. Ее поглотили туман и облака, неумолимо надвигающиеся на нее в спускающихся сумерках. Он не сводил глаз со статуи до тех пор, пока она совсем не растворилась во мраке, и тогда на душе у него стало

еще тоскливее. Как будто нить, связывавшая его с отцом, разорвалась окончательно и бесповоротно.

Палуба скрипнула под ногами. Помимо того что сильно пахло краской и лаком, через каждые несколько секунд из дымохода вырывалась новая порция дыма. Тетя вновь позвала его и потянула за рукав. Не обращая на нее внимания, он уставился на тянувшуюся вслед за кораблем, сотней футов ниже, кильватерную струю. С каждой секундой расстояние между кормой «Мавритании» и Нью-Йорком увеличивалось. С каждой секундой шансы на то, чтобы найти отца, становились все более призрачными. Тайна его исчезновения была окутана пеленой куда более мрачной, чем та, что накрывала сейчас статую Свободы.

Из внутреннего кармана он вынул скомканный обрывок газеты, врученный ему несколькими часами ранее на пирсе. Бумага затрепетала на ветру, и, боясь потерять ее, он вцепился в листок мертвой хваткой. Посмотрел на фотографию отца, потом на неуклюже нацарапанные имена и цифры. 9 5 3 7 0 4 0 4 2 4 0 4. И снова посмотрел на уходящий вдаль Нью-Йорк.

Его отец был где-то там, в городе. Там, где очутился не по своей воле. Там, куда его увезли эти плохие люди. Цифры были важны, он знал это наверняка. Должны быть важны.

Но что именно они означали?

Тетя дернула его за руку еще резче, и, аккуратно опустив листок во внутренний карман, он посмотрел на серый горизонт, повторяя про себя слова клятвы: «Когда-нибудь, па, я вернусь и найду тебя. Спасу тебя, где бы ты ни был».

Словно в знак одобрения, трижды пронзительно прогудел пароход.

20

2012 год

Рики Мур был пятидесятитрехлетним мужчиной с лысеющей макушкой и длинными седыми волосами, прикрывающими уши и верх воротника. Он был одет в потертую белую рубашку апаш с расстегнутыми верхними пуговицами для демонстрации золотого медальона и дешевую бежевую куртку; пальцы рук унизывали толстые кольца. С кровяными прожилками на землистого цвета лице он походил скорее на стареющего, подсевшего на наркоту рокера, чем на торговца антиквариатом, но за счет врожденного обаяния умел проникнуть в дом любой пожилой леди, какой бы благоразумной та ни была.

Найти его оказалось нетрудно. Он пил тут трижды в неделю, вечером.

Бар «Под петухом» в Уивелсфилде был, на взгляд Мура, правильным пабом. Украшенный бирдекелями со всего света, он предоставлял клиентам бильярдные столы, мишень для игры в дартс, доску для игры в «Толкни монетку», доброжелательного хозяина и персонал, в особенности лакомую барменшу, пробуждавшую в нем нескромные желания. Оригинальное название, не набившая оскомину музыка, отсутствие пищащих электронных игровых аппаратов, коими наводнены в наши дни столь многие заведения, плюс отменного вкуса пиво — что еще человеку надо?

Но пил он здесь отнюдь не по этим причинам. Расположенный в сельской местности, в четырнадцати милях к северу от Брайтона, где и проживал Рики Мур, паб был не самым подходящим местечком (особенно с учетом ужесточившихся в последнее время мер для лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения) для приятного времяпрепровождения, так что каждый визит сюда всегда предполагал определенный риск. Но, как и в любом бизнесе, недостатки уравновешивались достоинствами.

Будучи одним из немногих сохранившихся «молоточников», Рики Мур жил достаточно комфортно, срывая низко висящие плоды, а именно заключая выгодные сделки в домах доверчивых старушек. Помогали обаяние и хорошо подвешенный язык; несмотря на суровую внешность, людям он нравился. Особенно пожилым дамочкам — по некоей причине, которую

он не понимал и о которой конечно же не спрашивал. Он пробил нишу на рынке, позволявшую существовать относительно безбедно за счет той рухляди, что удавалось выманить у старушек. Однако же каждый раз, когда Рики Мур входил в тот или иной дом, он рассчитывал наткнуться на настоящее сокровище.

Как в том особняке на Уитдин-Роуд, где он побывал пару недель назад. Старушенция прекрасно отдавала себе отчет в том, каким богатством обладает, и отнюдь не собиралась расставаться ни с единым экземпляром своей коллекции, по крайней мере не в его пользу. Она выставила его за порог без малейших угрызений совести.

И вот в сегодняшнем «Аргусе» Рики прочитал, что она умерла. Глупая старая карга. Надо было продать ему те вещицы, которые он хотел. Быть может, на этом бы он и остановился и не стал звонить знакомым.

Хотя, возможно, все равно бы позвонил.

Пять штук наличными, аванс за наводку, жгли карман.

И никаких тебе налогов!

Главным достоинством этого паба было то, что сюда не заглядывали парни из Брайтона. Долгие годы дуря людей, он нажил немало врагов, и рано или поздно в брайтонских пабах наткнулся бы на кого-то покруче, чем он сам, кого-то, кто не забыл. Вторым и гораздо более важным плюсом являлось то, что здесь он подбирал обрывки ценной информации дома.

Именно так он всегда и действовал. Найти паб в спокойном, зажиточном сельском районе. Заручиться там всеобщей симпатией и доверием. Посиживать в баре, время от времени угощая завсегдатаев, выходя подымить за компанию. Словом, не хлопай ушами, и рано или поздно ты услышишь о милых, богатых, уединенных особнячках. И рано или поздно кто-нибудь из местных пригласит тебя оценить какой-нибудь хлам — либо к себе домой, либо к матушке, либо еще куда. Ты тайком сделаешь фото, пару-тройку звонков, скинешь снимки картин по имейлу, и через несколько месяцев маховик запустится.

Он поднял пинту «Харвис» за самого себя. Все у него зашибись. Жизнь прекрасна. Разве что для вечера пятницы здесь сегодня слишком тихо. Барменша, объект его вожделений, на работу не вышла, вроде как заболела. Но все прочее — в полном ажуре. В полнейшем.

О да.

От нечего делать Рики принялся изучать висевшую на стене фотографию футбольной команды. Надпись большими буквами под снимком гласила: «УИВЕЛСФИЛД УОНДЕРЕРЗ».

Внезапно он ощутил вибрацию в кармане брюк. Вытащил айфон. Посмотрел на экран — номер не определился. Поднеся телефон к уху, он тихо ответил:

— Да?

— Рики Мур? — осведомился звонивший.

— Да.

Вместо продолжения — короткие гудки.

Рики нахмурился и подождал несколько секунд, на случай если перезвонят. Но перезванивать в намерения незнакомца не входило. Он получил всю информацию, которая требовалась для установления личности, и стоял теперь в темноте, рядом с пабом, наблюдая через окно за тем, как Мур опускает телефон в карман и допивает пиво. Личность подтверждена.

Рики Мур поставил бокал на стойку, огляделся в поисках возможного партнера по бильярду, но никого из постоянных игроков не заметил. Решив, что пришло время отправляться домой, он заказал еще одну пинту пива — на дорожку — и очередной стаканчик виски.

Его хозяйка, Кьерсти, красавица-норвежка, у которой он решил окончательно обосноваться, чтобы провести с ней — после двух сопровождавшихся взаимными обвинениями разводов — остаток жизни, страстно желала часы «Ролекс». Теперь благодаря миссис Макуиртер кое-какая монета у него завелась, и он рассчитывал, если все сложится, прикупить такие по цене даже ниже розничной — у одного знакомого торговца краденым золотишком.

Да она ж с ума сойдет, когда их увидит!

Влив в себя остатки спиртного, Рики Мур покинул паб с улыбкой на лице. Он позвонит ей от машины и скажет, чтобы скидывала с себя все и ждала его в постели.

Будь Рики Мур потрезвее, возможно, он не был бы столь беспечным. Но четыре пинты, сопровождаемые стопками виски, затуманили разум. Когда он вышел во мрак, вытаскивая из кармана сигареты, то не заметил ничего настораживающего. Хотя, если бы оглядел парковку, быть может, задался вопросом: а что делает здесь черный «мерседес» с тонированными задними окнами, выглядевший непривычно для стоянки сельского паба? Или услышал бы сквозь рокот пронесшегося мимо мотоцикла, как включается его двигатель.

Но Рики уже прикидывал, чем займется в постели с Кьерсти. Она была та еще озорница, и теперь, загрузившись спиртным, он чувствовал нарастающее возбуждение.

Нетвердой походкой пробираясь к своему подержанному БМВ, он приостановился, чтобы зажечь последнюю вечернюю сигарету. Кьерсти не позволяла курить в доме. Дул сильный ветер, и, чтобы пламя не погасло, ему пришлось прикрыть зажигалку руками. Он услышал медленное движение машины где-то рядом, но, сосредоточившись на сигарете, не придал этому особого значения. В третий раз щелкая зажигалкой, проигнорировал и звук открывшейся дверцы.

Рики выронил зажигалку, и сигарета выпала у него изо рта, когда страшные тиски сжали руку с такой силой, что он закричал от боли.

— Извините, — произнес Апологет, перехватывая его, совершенно ошеломленного, поперек туловища и впечатывая головой в заднюю правую дверцу. Дверца захлопнулась. — Мне очень жаль, — добавил он, когда машина рванула вперед.

В салоне стоял запах кожи и затхлого табачного дыма.

— Какого?..

— Извините. Мне действительно очень жаль. Вы должны мне верить. Мне не нравится причинять людям боль. — Он сжал левое бедро бедняги, сдавив нерв.

Мур закричал и забился, словно в агонии, и на какое-то время совершенно утратил дар речи.

— Извините. Не всегда удается рассчитать силу.

Спустя пару мгновений Мур почувствовал, как из кармана у него вытаскивают телефон.

— Эй!

Шести футов и семи дюймов ростом, Апологет весил триста сорок фунтов, большинство из которых составляли мускулы и лишь незначительное количество — мозги. В свою последнюю отсидку он закинул огромный холодильник на два пролета вверх по лестнице. Потому что был зол. Когда он выходил из себя, окружающим следовало держаться подальше.

Мур тяжело дышал и обливался потом. В ярком свете приближающихся фар он разглядел нависшее над ним лицо. Его истязатель выглядел почти неандертальцем — прикрывавшая высокий лоб челка наводила на мысль о монашеской тонзуре.

— Что вам нужно? — выдохнул он.

У сидевшего впереди водителя из-под кепки выбивались патлы.

— Ничего, — ответил Апологет. — Я всего лишь выполняю свою работу. Она не очень приятная. Мне нужен ПИН-код вашего телефона.

Мур закатил глаза. Машина свернула налево. Огней за окном стало немногим больше.

— Вы совершаете ошибку. Я думаю, вам нужен кто-то другой.

Апологет сжал его ногу, заставив Мура вновь закричать.

— Пожалуйста, поверьте мне: никакой ошибки я не совершаю. В этом вам придется положиться на мое слово. Мне нужен ПИН-код.

Автомобиль снова повернул налево.

— Куда… куда мы едем? — выдавил из себя Рики Мур, сходя с ума от боли и страха.

— Извините, — ответил Апологет. — Этого я вам сказать не могу. Вы должны мне верить. Мне действительно очень жаль.

Только сейчас Мур отметил, что в машине играет музыка. Это была «Ода радости», хотя он не знал названия композиции и не мог оценить иронию. Классическая музыка ему никогда не нравилась. Было в ней что-то мрачное и противное. Через лобовое стекло он увидел задние огни впереди идущей машины. Похоже, они ехали за ней по темной сельской дороге.

Тут левое бедро вновь сжали адские тиски.

— Не надо! — закричал он.

Но тиски продолжали сжиматься.

— Извините, — сказал Апологет, — но я должен быть уверен в том, что вы не попытаетесь бежать. Простите, если делаю вам больно, мне очень жаль. Тот джентльмен, который хочет вас видеть, будет не столь любезным. Уж вы мне поверьте. А теперь — ПИН-код, пожалуйста.

Мур назвал четыре цифры. Похититель ввел их, и дисплей ожил.

Передняя машина, «ренджровер», остановилась, и «мерседес» последовал ее примеру. К задней дверце подошел мужчина, и Рики Мура внезапно обуял ужас. Незнакомец опустил стекло, и лицо обдало холодным ветерком, в котором отчетливо ощущался запах свежескошенной травы. Его айфон передали через окошко, и стекло вновь встало на место.

— Эй! Он нужен мне обратно.

Похититель не ответил. Прошло несколько минут. «Рендж-ровер» неподвижно стоял перед ними, а затем резко сорвался с места. «Мерседес» последовал за ним.

— Мой телефон! — напомнил Рики Мур.

Апологет вновь сжал его бедро с еще большей силой, и Мур вскричал от боли, гнева и страха.

— Извините.

21

Наполовину выкуренная сигара с шапкой пепла на конце лежала в большой стеклянной пепельнице рядом с хрустальным стаканом виски «Мидлтон» — Гэвин Дейли пил только такой, — обходившимся ему в 267 фунтов за бутылку. Мысль о том, сколько стоит этот превосходный ирландский напиток, доставляла даже больше удовольствия, чем восхитительный вкус. Это означало, что его погрязшему в долгах идиоту-сыну Лукасу после его смерти достанется чуть меньше денег, хотя, впрочем, он запросто мог оставить их и внучке сестры и ее родственникам. Но сейчас, что нечасто случалось в его взрослой жизни, сын оказался хоть в чем-то полезным.

В синей домашней куртке, Дейли сидел за широким, с кожаным верхом столом, в кабинете своего роскошного палладианского особняка, в десяти милях к северо-востоку от Брайтона, с трудом сдерживая слезы. И пытаясь заставить себя сосредоточиться на

раритетных эллиотовских часах, которые проверял для клиента перед отправкой их в конце недели на важный аукцион в Нью-Йорк. Рядом стоял телефон — в любую минуту мог позвонить кто-то из тех, с кем он связывался днем.

Торговцев, имеющих дело с действительно высококачественными винтажными часами всех марок, в мире можно сосчитать по пальцам. Большинство из них — люди порядочные, но за долгие годы у него установились хорошие отношения не только с ними, но и с теми, для которых понятие «честность» — пустой звук. Он обзвонил и тех и других и теперь не без оснований надеялся, что, если кто-то попытается продать отцовские часы, ему об этом сообщат.

В свои девяносто пять Гэвин Дейли, по сути, так и не отошел от дел, лишь постепенно сбавлял в последние годы активность. Даже сейчас он по-прежнему управлял носившим его имя магазином на Брайтон-Лейнс, предпочитая не доверять бизнес непутевому сыну. Не то чтобы это действительно было нужно — у него хватало денег для того, чтобы прожить оставшиеся дни так, как ему нравилось. К тому же оставалось несколько клиентов, которым он давал профессиональные советы, для кого покупал и продавал, как в случае с этими часами, приобретенными для богатого английского коллекционера, — все это позволяло держаться в тонусе.

Правда, вернулись вызванные стенокардией боли в груди; теперь они беспокоили все чаще и чаще. Семейный доктор рекомендовал завязать с выпивкой и курением, но разве, черт возьми, теперь это важно? Гэвин Дейли сунул под язык таблетку нитроглицерина, подождал, пока та рассосется, и вновь раскурил сигару. Он знал толк в искусной работе, а эти часы отличались особенной красотой. Их квадратный корпус, с изящной маркетри и золотой инкрустацией, являл собой шедевр гравировки, а их ход, с единственным молоточком, бьющим по большому латунному гонгу, оставался совершенным. Конечно, они никогда уже не покажут время столь же точно, как какие-нибудь нынешние кварцевые, которые можно купить за несколько фунтов, но фишка ведь не в этом.

Он слегка подкорректировал длину маятника, после чего отложил инструменты в сторону. Устал, и голова почти не работала. Прошлой ночью он практически не сомкнул глаз, так тяжело было на душе. Давило горе. И осознание полного одиночества.

У него было все. Этот прекрасный дом, вилла на мысе Ферра на Французской Ривьере, за которой присматривали круглый год, но ирония судьбы заключалась в том, что все это теперь не имело для него значения. Он мрачно уставился через подъемное окно в темноту. Все вокруг в этой обитой дубовыми панелями комнате напоминало о прошлом. Черно-белая фотография его суровой, набожной тетушки Уны, вырастившей их с сестрой. Чуть далее — ряд вставленных в рамки фотографий отца, Брендана Дейли.

На одном, юношеском, снимке был изображен надвигающийся на камеру крупный парень в костюме-тройке, белой рубашке, черном галстуке и лихо сдвинутой набок соломенной шляпе; по бокам от него стояли двое других членов банды «Белая рука»: Мик Поллок — позднее, после того как из-за гангрены вследствие огнестрельного ранения ему отняли ногу, известный как Культяшка Поллок — и Эйден Бойл. Двое из тех, чьи имена были написаны на обратной стороне первой страницы газеты «Дейли ньюс» от февраля 1922 года с рассказом об убийстве его матери и похищении отца. Газеты, которую он получил много лет тому назад от паренька-посыльного на 54-м причале.

Рядом висела фотография отца в купальных трусах, сделанная на Брайтон-Бич в Бруклине. Он ухмылялся; черные как смоль волосы растрепаны, на шее — серебряный кролик на цепочке. Цепочка, как однажды сказала Гэвину тетя, принадлежала его деду, который в 1880-х был одним из лейтенантов в нью-йоркской банде «Мертвые кролики», тоже состоявшей исключительно из ирландцев. На следующем снимке отец, стильно одетый, был в котелке.

Он услышал стук, потом дверь позади него открылась. Пришла Бетти, его верная домоправительница, всего на пару лет младше.

— Вы так и не притронулись к ужину, мистер Дейли, — проворчала она.

Не оборачиваясь, он поднял руку, признавая сей факт.

— Тогда я уношу тарелки. Не желаете выпить чего-нибудь горячего или еще что-нибудь, пока я не легла?

— Нет, спасибо. Я жду посетителей, но сам им открою.

Пожелав спокойной ночи, она прикрыла дверь.

В доме стало мрачно и пустынно после того, как умерла Рут, его вторая жена. Напротив него стояла фотография в рамке, сделанная уже давно, когда ей было под сорок, а ему около пятидесяти пяти. Камера запечатлела их на террасе на юге Франции, на фоне лазурной глади Средиземного моря. Ирландка, как и его первая жена Шинед, она тогда была рыжеволосой красавицей, но, в отличие от Шинед, хранила верность — в этом он не сомневался — все то время, что они были вместе. Шинед, мать его сына, умерла от передозировки снотворного после многих лет беспробудного пьянства и любовных интрижек. Ее фотографий в этом доме не было. Достаточно и того, что о ней напоминал их сын Лукас.

Одно время Лукас пытался убедить его переехать в дом престарелых, но он не хотел даже слышать об этом. Ему нравилось это место, и он еще помнил, как думал, когда покупал особняк много лет тому назад, что отец гордился бы им. По правде сказать, не все свои деньги он заработал честным путем, но разве в мире антиквариата есть кристально честные люди? Он был игроком в брайтонском антикварном кругу, мухлевал с ценами на аукционах, а однажды — мысль об этом и сейчас вызывала у него улыбку — на крупных загородных торгах даже запер известного лондонского дилера в туалете, чтобы не допустить его к торгам.

В другой раз, задолго до того, как появилась спутниковая связь, он и его знакомые, брайтонские торговцы антиквариатом, вечером накануне одного из крупнейших в округе загородных аукционов переставили все дорожные знаки, чтобы никто из ведущих лондонских дилеров не смог добраться до места проведения торгов.

Он взглянул, уже с нетерпением, на экраны камер наблюдения, показывающие фасад дома и подъездную дорожку, — вот-вот должен был появиться черный «ренджровер» сына. Лукас унаследовал от матери дурные гены. Дрянной сын, он мало того что не окончил школу и оказался не в состоянии поддержать семейный бизнес, так еще и парочку раз лишь чудом не угодил за решетку за избиение и торговлю наркотиками. Гэвину было жаль жену сына, вполне достойную женщину, которая, на его взгляд, заслуживала мужчины получше.

Выпив еще немного виски, он вновь раскурил сигару и обвел взором комнату, в которой принимал самых важных покупателей и где проводил в последние дни большую часть времени. Комната была обставлена так, чтобы производить впечатление, наводить на мысль об образованном, культурном человеке, аристократе, теперь лишь курировавшем то, что было унаследовано им от предков и чему предстояло перейти уже к его наследникам.

Вот только Гэвин Дейли не унаследовал ничего. Каждая вещь в этой комнате, как и почти все в этом прекрасном доме, была им тщательно отобрана и приобретена с одной-единственной целью: впечатлять таких же, как и сам он, тех, кто готов тратить внушительные суммы на антиквариат и открывать крупные торговые дома в Америке, Японии, а в последнее время и в Китае, дабы выглядеть людьми с отменным вкусом.

Два больших, обтянутых красной кожей дивана в стиле «честерфилд». На дорических постаментах — бюсты некоторых из его знаменитых соотечественников: Оскара Уайльда, Джорджа Бернарда Шоу, Уильяма Батлера Йейтса, Дж. М. Синга, Джеймса Джойса и Т. Э. Лоуренса, чей отец был ирландцем и чьими произведениями он восхищался. От стены до стены — книжные шкафы, заполненные томами в кожаных переплетах. Днем из окна

открывался чудесный, в обрамлении итальянских кипарисов, вид на пышные сады, окаймленное статуями декоративное озеро и зеленевшие вдали холмы южного Даунса.

Он вытащил из ящика стола книгу в темно-красном кожаном переплете и раскрыл ее. Внутри обнаружилась пожелтевшая, почти истлевшая страница из «Нью-Йорк дейли ньюс» от февраля 1922 года в прозрачном пластиковом конверте.

Не было дня в его жизни, когда бы он не смотрел на эту страничку из газеты и на имена и цифры на ее обратной стороне. Четыре имени, наполнявшие его всепоглощающей ненавистью каждый раз, когда он их видел.

Фергал Килпатрик. Мик Поллок. Эйден Бойл. Киллиан Креган.

Люди, которые, как сказала полиция тете, вошли в родительский дом, вломились в его комнату и ослепили его светом фонариков. Наполнили его спальню запахом спиртного и пота.

Люди, которые убили его мать и увели с собой его отца.

Все они давным-давно мертвы. Но осознание этого не приносило ни утешения, ни удовлетворения. Лишь сожаление. Глубокое сожаление оттого, что он так и не вернулся в Америку многие годы назад и не разыскал их, когда они были еще живы. А теперь слишком поздно.

Он часто пробивал их по Гуглу. Все имена были там, имена лейтенантов Дикого Билла Ловетта, который взял на себя руководство бандой «Белая рука», контролировавшей порты Манхэттена и Бруклина, после убийств главаря, Динни Миэна, а затем и следующего в их иерархии, Брендана Дейли.

Его отца.

Он долго изучал высветившиеся на экране компьютера ненавистные лица. Культяшка Поллок умер первым, был застрелен в баре в ходе одной из уличных войн, и убийц его так и не нашли.

Остальные трое сгинули, растворились в дымке времени. Их фамилии бесчисленное количество раз всплывали в интернет-поисковиках наряду с именем самого Дейли.

«Старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения».

Тетя Уна, увезшая их с сестрой в Ирландию, была глубоко верующей женщиной. Она читала им отрывки из Библии на протяжении всего путешествия из Нью-Йорка, а потом и каждый вечер их прошедшего близ Дублина детства.

Сам он к религии остался равнодушен, но вот насчет этого Книга пророка Иоиля была права. Юношей он имел множество видений, теперь же ему снились только сны. Он поднял глаза на бюст Лоуренса Аравийского. Одна цитата из книги этого великого человека, «Семи столпов мудрости», стала его мантрой на всю жизнь.

Мечтают все: но не одинаково. Те, кто по ночам грезит на пыльных чердаках своего ума, просыпаются днем и обнаруживают, что все это было тщетой; но те, кто мечтает днем, опасные люди, ибо они могут проживать свою мечту с открытыми глазами, воплощая ее.

Он всегда был мечтателем, фантазером, но теперь понял, что, наверное, оставался всего лишь лунатиком. Ему уже девяносто пять, но он так и не сдержал самое большое, самое важное обещание из тех, что давал в своей жизни. Клятву, которую, будучи еще маленьким мальчиком, произнес на борту «Мавритании» многие десятилетия назад.

«Когда-нибудь, па, я вернусь и найду тебя. Спасу тебя, где бы ты ни был».

Он вновь, уже в миллионный раз, посмотрел на единственный имевшийся у него ключ к разгадке.

9 5 3 7 0 4 0 4 2 4 0 4.

Чего он только не перепробовал. Проверял номера земельных участков на каждом кладбище в районе Нью-Йорка. Проверял номера заключенных — но номера были слишком длинные. Проверял координаты — но они были слишком короткими. Телефонные номера. Номера домов и машин. Номера банковских счетов. Коды депозитных ячеек. Он обращался к крипто-аналитикам, чтобы узнать, не представляют ли эти цифры некие буквы из зашифрованного послания. Но везде результат был отрицательным.

Вдруг он услышал монотонное «бип-бип-бип».

Сигнал тревоги, оповещавший о том, что кто-то приближается к периметру владения. Он пробежал взглядом по мониторам камер наружного наблюдения на стене, справа от стола, и остался доволен увиденным.

Они прибыли.

Почти без опоздания.

22

— Arrivederci, солнышко, — сказал водитель, впервые повернувшись к Рики Муру лицом. Похож на нечесаного гомика, мрачно подумал Мур.

Апологет выдернул Мура из «мерседеса» с такой легкостью, словно тот был срезкой в карточной колоде, и при свете прожекторов в тишине ночи воткнул прямо в гравий рядом с большим крыльцом белого особняка.

Они были в полумиле от съезда на змеившуюся между деревьев частную подъездную дорожку и в трех милях от ближайшего жилища. Исходя из своих знаний Суссекса, Мур смутно представлял себе, где именно они находятся, но детали топографии Льюиса знал плохо. Где-то поблизости ухнула сова. Напротив него выбирался с заднего сиденья «ренджровера» дородный мужчина с короткими, уложенными гелем волосами и в стильном деловом костюме. Из-под пиджака у него что-то выпирало.

Монотонно, словно часы, постукивал остывающий двигатель. Мужчина в деловом костюме направился к крыльцу. В темноте, тишине и при полном отсутствии каких-либо соседей Рики Муру с каждой секундой становилось все страшнее и страшнее. Надо бежать, но как? Почти парализованный страхом, мозг почти не работал. В следующую секунду он вскричал от боли, сковавшей правую руку.

— Извините, — сказал Апологет, таща его за собой. — Мне действительно очень жаль, поверьте. — Он улыбнулся. Зубы у него явно нуждались в хорошем дантисте. — Я всего лишь выполняю свою работу.

— Послушайте, — настойчиво заговорил Мур. — Я заплачу вам хорошие деньги, если вы отвезете меня обратно в паб. Много денег. Я хочу сказать — очень много.

Апологет был человеком преданным. Прозвище он получил в тюрьме за то, что постоянно извинялся, перед всеми и за все что угодно, и оно ему нравилось. Своим настоящим именем — Августин Красники — он пользовался редко. Извинения были частью его натуры, и с этим он ничего не мог поделать. В детстве, в родной Албании, мать ставила ему в укор то, что его отец бросил ее. Она попрекала сына каждой мелочью, и успокоить ее можно было только постоянными, бесконечными просьбами о прощении. Он был виноват даже в том, что шел дождь, а потому извинялся и за это. Потом пошли приемные семьи, менявшиеся одна за другой. Людей пугал его вид и физическая мощь. Осознавать и контролировать свою силу он научился не сразу. Однажды убил хомячка, слишком сильно его погладив, в другой раз случайно придушил волнистого попугайчика. Люди кричали от боли, когда он пожимал им руку. Он пытался запомнить, что нужно быть аккуратным и осторожным, но голова не всегда работала так, как надо.

Когда мальчишки в школе дразнили его, называя уродом, он пытался — и не мог — контролировать свою силу. Одним толчком ломал ребра или выбивал зубы, все до единого,

как кегли в боулинге! Он не мог сдержать себя, когда дети обзывали его Борисом Карловым, говорили, что он похож на чудовище Франкенштейна. Он бил их, а потом извинялся.

Лишь один человек выказывал ему милосердие. Его босс, Лукас Дейли. Он давал деньги, позволял жить в комнате над магазином на Лейнс. Апологет охранял магазин и присутствовал на всех чреватых опасностью сделках своего хозяина. С Лукасом Дейли предпочитали не связываться — всем хватало одного лишь взгляда на его телохранителя. И ему, своему боссу, Апологет был предан душой и телом.

— Извините, — сказал он Рики Муру. — Я бы и хотел согласиться. Правда. Мне нравится соглашаться и брать деньги. Но я не могу. Вы уж поверьте.

Мужчина в деловом костюме открыл переднюю дверь своим ключом, и Рики Мур, получив легкий толчок от Апологета, влетел, едва не растянувшись на пороге, внутрь дома. Дверь закрылась. Они были в просторном холле с выложенным, как шахматная доска, черными и белыми плитками полом. Два рыцаря в доспехах, каждый с копьем в правой руке, застыли по обе стороны массивной лестницы. На стенах красовались чудесные, написанные маслом картины, которые — в иных, конечно, обстоятельствах — наверняка заинтересовали бы гостя. Но сегодня Мур едва заметил их сквозь выступившие от боли слезы.

В воздухе стоял сильный запах сигарного дыма. Муру отчаянно хотелось курить. Старик с седыми волосами, в домашней куртке из мягкой шерстяной ткани — такие надевали для защиты одежды от табачного запаха — и черных бархатных тапочках с монограммой вышел им навстречу, опираясь на палку с серебряным набалдашником. В свободной руке он держал большую сигару. В васильковых глазах пылала ярость.

— Рики Мур?

Он молча кивнул.

— Я — Гэвин Дейли. Спасибо, что заглянули.

— Очень смешно, — дерзко проворчал Мур.

Дейли усмехнулся в ответ. Глаза его на мгновение потеплели, как будто солнце выглянуло из-за грозовой тучи.

— Смешно? Любите пошутить, да? Думаете, это смешно, когда у пожилых беззащитных леди выманивают обманом их ценности?

— Не понимаю, о чем это вы.

— Вам ведь хорошо платят за информацию, не так ли? Посылаете заранее свою листовку, потом приходите в дом и фотографируете все, что кажется важным?

— Только не я. Честно, не понимаю, о чем речь. — Он вскрикнул от боли — Апологет снова надавил на нерв на руке, словно напоминая о том, что ему лучше и не думать о побеге. — Ко мне это не относится.

— Дом на Уитдин-Роуд.

— Никогда там не был.

— Там живет одна леди, и на столе в холле одна из ваших листовок.

— Не припоминаю.

— Дай-ка освежу твою память, — язвительно сказал мужчина в деловом костюме и шмыгнул носом. Здесь, в холле, он выглядел повыше, чем показалось Муру раньше. Черные, смазанные гелем волосы зачесаны назад. Как у тех гангстеров, братьев Крэй, фотографию которых Мур где-то видел.

Он огляделся, прикидывая, можно ли вырваться отсюда, если горилла на секунду отпустит его руку.

— Твой айфон? — спросил тот, что напоминал Крэев, показывая телефон.

Мур кивнул и зашипел от боли — здоровяк снова сжал пальцы.

— Извините!

— Я, кстати, Лукас Дейли, — пояснил мужчина в деловом костюме. — Благодаря тебе мою тетю ограбили и убили. Сестру моего отца. Нам это очень не нравится.

— Я тут ни при чем! — горячо возразил Мур.

Лукас Дейли нахмурился, посмотрел на айфон, постучал по экрану и поднес айфон к его лицу.

— Узнаешь?

Рики Мур неохотно взглянул на фотографию уайтхерстовских позолоченных часов, висевших в гостиной Эйлин Макуиртер.

— Нет. Не узнаю.

— Хреновая ж у тебя память. — Лукас Дейли снова шмыгнул носом.

Мур промолчал, отчаянно пытаясь придумать что-то убедительное, но ничего не получалось.

— А как насчет этого?

Теперь ему показали высокий изящный комод, выполненный в георгианском стиле. Он снова покачал головой.

Двойник Крэев опять постучал по айфону.

— Это?

Мур воззрился на раскладной чиппендейловский столик.

— Никогда не видел, ей-богу! Это не мои фотографии. Я ничего такого не снимал.

Сын старика сунул руку под пиджак и извлек то, что оттопыривало полу. Это были электрические щипцы для завивки.

— А как насчет этого, мистер Мур?

— Да я в глаза их не видел! Честно!

— Точно такими пытали мою тетю, — сказал Лукас Дейли. — Ее мучили, чтобы узнать код сейфа и банковские ПИН-коды. Как думаешь, тебя они тоже разговорят? Нам нужны от тебя кое-какие имена. Начни с тех, кто ограбил дом тети Эйлин на Уитдин-Роуд.

— Лукас! — предупредил старик. — Без насилия. Мне это не нужно. Хватит. Я так не работаю.

— Честно, сэр, я не знаю никаких имен, — с пробудившейся вдруг надеждой обратился к нему Рики Мур.

— Иди спать, отец, — сказал Лукас Дейли.

— Никакого насилия, ты понял? — повторил старик.

— Иди спать. Позволь мне самому с этим разобраться.

— Мистер Мур, мне лишь нужны имена людей, сделавших это с моей сестрой, — сказал старик и, повернувшись, вышел из холла.

Мур посмотрел на Лукаса Дейли, потом уставился в пустое, ничего не выражающее лицо Апологета.

— Мой отец, мистер Мур, человек мягкий, так что мы заберем вас отсюда. Вряд ли ему придется по вкусу то, что мы собираемся с вами сделать — освежить вашу память, понимаете?

Рики Мур заверещал от ужаса, когда его толкнули к двери. А еще через секунду почувствовал, как повлажнели вдруг брюки.

Он обмочился.

Когда-то, когда она еще жила нормальной жизнью, Саре Кортни нравились пятничные вечера. Начало уик-энда, можно расслабиться, посмотреть какую-нибудь ерунду по телевизору, «Большого брата» или еще что-нибудь, а затем, в десять вечера, грязное, похабное шоу по четвертому каналу. Все это кануло в Лету. Теперь вечер пятницы означал лишь то, что ее муж, Лукас, придет домой более пьяным, чем в любой другой вечер недели. Если вообще придет.

Она вздрогнула и тут же проснулась. По телевизору, с приглушенным звуком, шел какой-то старый фильм. Питер Селлерс в роли инспектора Клузо, стоял в офисе Герберта Лома. Было полтретьего ночи. Сверху, из комнаты ее строптивого тинейджера-сына, неслись кошмарное «бум-бум-бум» хеви-метал и звуки скрипящих кроватных пружин. Уловила она и слабый запах марихуаны. Только этим Дэмиен в последнее время и занимался. Слушал ужасную музыку, ловил кайф и мастурбировал.

Исполненная сознанием супружеского долга, она приготовила Лукасу ужин, разогрела к восьми вечера, когда, по его заверениям, он должен был явиться, и с тех пор так и держала в теплой духовке. Она услышала звук открывающейся двери, удар о стену — стопор давно уже вылетел из лунки в полу и так и не был возвращен на место, — а затем тяжелые, неуклюжие шаги мужа.

Шаги остановились, едва он вошел в просторную, с минимальным количеством перегородок жилую зону их уютного дома на Ширли-Драйв в Хоуве. Дома, в котором они все еще жили лишь благодаря ее заработку, уходившему на выплату ипотеки.

— Какого хрена ты сделала со своим лицом? — невнятно пробормотал он и шмыгнул носом.

— Мы уже обсуждали это вчера вечером. Твой ужин в духовке, — ответила она.

— Я спросил, какого хрена ты сделала со своим лицом?

— Ты что, глухой? Говорю же, мы обсуждали это вчера вечером. Ты просил приготовить поесть к восьми.

— Прекрати игнорировать меня, дрянь. Мне нужно было разобраться с делами. Понятно? Мою тетку убили, помнишь? Где вообще твое сострадание? — Он хлопнул себя по животу. — Ты хоть представляешь себе мои чувства? Пришлось разобраться с мерзавцем, который это сделал. Хорошего мало… Ну, пропустил потом пару бокалов пива. Слышишь, что говорю?

Пошатываясь, он подошел ближе. «А ведь когда-то я любила тебя, — подумала она. — Боже всемогущий, действительно, в самом деле любила. Тебя, жалкий, отупевший от пьянства тюфяк. Любила за те чувства, что ты у меня вызывал, за то, как ты смотрел на меня. Любила за то, как ты разбирался в антиквариате. За то, что ты мог войти в комнату и рассказать мне все-все о каждом предмете мебели в ней».

— Опять впрыскивала в себя ботокс, не так ли? Ах, этот славный доктор Ревсон! Платим ему деньги, которых у нас нет. А может, ты с ним трахаешься или еще чего?

Ей удалось сохранить самообладание.

— Много сегодня просадил в казино?

— Да уж, дерьмовый выдался денек.

— Будто другие лучше! А лицо я подновила, — спокойно сказала она, — чтобы попытаться сохранить работу. Чтобы кормить тебя чем-то… и вливать пиво в твое жирное тупое брюхо. Я сделала это для того, чтобы тебе не приходилось бегать через каждые несколько месяцев к папочке за все новыми и новыми финансовыми вливаниями…

Больше она ничего сказать не успела. Его правый кулак врезался ей в живот, сбросил на пол. Ублюдок был хитер. Всегда бил так, чтобы синяков потом не было видно под одеждой.

«Завтра, — пообещала себе Сара, — я от него уйду». И все же она знала, что завтра он будет плакать, просить прощения и говорить, как сильно ее любит и что жить без нее не может. Завтра он будет клясться, как всегда, что они смогут все начать с чистого листа.

24

Перегрин Стюарт-Симмондс был высоким, жизнерадостным мужчиной за шестьдесят, с внушительной фигурой, элегантно упакованной в двубортный, в мелкую полоску костюм. Голову его украшала шевелюра волнистых седых волос, а узкие, в костяной оправе очки, державшиеся на краешке носа, придавали вид достопочтенного ученого.

Сейчас Перегрин Стюарт-Симмондс сидел за круглым столом в маленьком кабинете Роя Грейса, распространяя свежий запах мыла и с трудом подавляя зевок.

— Извините! — добродушно произнес он громыхающим голосом торговца. — Заработался допоздна, составлял для вас список.

Часы показывали двадцать минут восьмого. И это суббота! Очередной уик-энд к черту. Грейс тоже зевнул. Он тоже бодрствовал едва ли не всю ночь. Сначала засиделся за полночь с несколькими коллегами на работе, а потом, уже ночью, Ной разошелся так, что они с Клио даже не успевали толком уснуть.

— Кофе будете? — предложил он.

— Только со шприцем. Я принимаю его внутривенно! Черный, без сахара и, пожалуйста, покрепче.

Грейс вышел и через несколько минут вернулся с двумя дымящимися чашками.

— Ценю вашу расторопность, мистер Стюарт-Симмондс.

— Приходится торопиться, если мы не хотим упустить украденное. Можете не сомневаться, все было самым тщательным образом спланировано, и большая часть вещей, если не все, наверняка уже вывезены из страны. Когда начинается ваше совещание?

— В полдевятого. В нашем распоряжении час, и я хотел бы получить от вас по возможности больше информации. Список ценностей, взятых из дома миссис Эйлин Макуиртер, у нас есть, и я хотел бы знать, по каким признакам мы можем их опознать и насколько они уникальны. Мне также интересно ваше мнение по такому вопросу, как транспортировка краденого. Каким способом вещи могли перевозить, куда переправить и какие ведомства в других странах в состоянии нам помочь. Вы также могли бы дать мне совет относительно параметров формирования следственной группы и прочитать короткую лекцию о том, как работает мировой рынок антиквариата.

За окном, карабкаясь в гору, натужно захрипел фургон торговой сети «Асда». Эксперт подул на кофе и сделал осторожный, пробный глоток.

— Точнее, как работает мировой черный рынок антиквариата — думаю, вам это важнее.

— Полностью на вас полагаюсь.

— Прежде всего нужно понять следующее: мелкие предметы, такие как относительно недорогой фарфор, ювелирные украшения, картины, столовое серебро, — то, что стоит несколько сотен фунтов, — можно легко продать в городе вроде Брайтона, где имеется вполне достаточное количество антикварных салонов и магазинчиков. Предметы по-настоящему дорогие внесены в международный регистр вместе с фотографиями и подробным описанием. Этот регистр получают по подписке все уважающие себя дилеры. Никто из них к такой вещи и на пушечный выстрел не подойдет.

— И это работает в нашу пользу? — спросил Грейс.

— И да и нет. В реальной жизни происходит следующее: краденый антиквариат уходит в подполье, а это плохо. Большая часть такого антиквариата похищается по предварительному заказу частных покупателей. Лет через двадцать, тридцать или пятьдесят, когда и если эти покупатели пожелают продать тот или иной предмет, в регистре его давно уже не будет.

— С чего начать поиски?

— Я так понял, что миссис Макуиртер — сестра Гэвина Дейли?

— Да.

Эксперт кивнул.

— Это человек с большой репутацией. Одно время он был в числе крупнейших дилеров Великобритании. Весьма почтенный господин. — Он улыбнулся. — Возможно, чуточку мошенник.

— Вот как? — оживился Грейс.

— Такими были большинство прежних дилеров в Брайтоне. Они даже организовали свой нелегальный концерн под названием «Кольцо» и, договариваясь между собой, устанавливали цены на аукционах. Что вовсе не умаляет достоинств Гэвина Дейли. Как следует из списка украденного в доме миссис Макуиртер, она владела несколькими прекрасными вещами. Очевидно, что, покупая их, она пользовалась чьим-то советом. Скорее всего, ее консультировал брат. Но, как и все, приобретала кое-что и классом ниже. — Мистер Стюарт-Симмондс поднял палец. — Думаю, первым делом вам нужно поискать под низко висящими фруктами.

— Под низко висящими фруктами? — недоуменно повторил Грейс, с опаской отпивая обжигающий кофе. За окном кропил дождь, в кабинете заметно похолодало. Как будто дохнуло осенью. Где-то зазвонил телефон. Трубку никто не снял. Он чувствовал невероятную, давящую усталость, а значит, чтобы пройти лежащий впереди долгий день, нужно собрать в кулак все силы. Ничего другого не оставалось. Впрочем, ничего другого, как только поймать подонков, он и не хотел.

— Судя по объему украденного и размеру некоторых предметов, можно с уверенностью сказать, что грабителей было по меньшей мере двое, а скорее трое. Если не четверо. Знаю на собственном опыте, что грабители, когда работают под заказ, имеют обыкновение прихватывать что-то для себя, берут то, чего нет в списке, а потом продают за наличные скупщикам краденого. — Эксперт снова подул на кофе. — Я почти уверен, что у миссис Макуиртер были фотографии всего имеющегося в каждой комнате — их делают при заключении страхового договора. Если вы их отыщете, то сможете проверить, что именно взято и что осталось, помимо тех особо ценных вещей, которые уже идентифицировал ее брат. Если будет установлено отсутствие каких-то предметов, то вам стоит отправить своих людей, с фотографиями, в местные антикварные магазины, а также проверить уличные киоски и присмотреться к распродажам с колес. И, разумеется, тщательно пройтись по торговым площадкам eBay.

Грейс сделал соответствующие пометки в блокноте.

— Когда вы говорите о краже под заказ, это ведь предполагает некую инсайдерскую информацию.

Мистер Стюарт-Симмондс кивнул:

— Вы упоминали, что в доме нашли рекламный листок какого-то «молоточника»?

— Да. Некоего Р. К. Мура.

— Классический случай. «Молоточник» проникает под благовидным предлогом в дом и видит замечательную коллекцию прекрасных и дорогущих вещей. Он все записывает, часто фотографирует, разумеется скрытно, а потом продает адрес и перечень имеющегося. Некоторые крупные игроки имеют связи со страховыми компаниями — подкупают их сотрудников и получают полную опись имущества.

— Интересно, — задумчиво протянул Грейс. — Единственной незастрахованной вещью в нашем случае были карманные часы.

— Но почему?

— По той самой причине, о которой вы только что рассказали. Гэвин Дейли опасался, что, если часы попадут в реестр страховой компании, они могут стать для кого-то целью. О том, что они лежат в сейфе, не знал никто. К тому же и сам сейф очень надежно оборудован. Мистер Дейли лично спроектировал его как двойной.

— Двойной?

— Да. Весьма хитроумная придумка. Вы открываете сейф и думаете, что это уже все. Но задняя стенка — ложная. Вы вставляете торцовый ключ, поворачиваете, и она открывается, а за ней еще одна дверца со вторым кодовым замком. Обычно большинство грабителей и не догадываются о существовании потайной дверцы.

Эксперт пожевал губами.

— Если они не знали о часах, то не могли продать их заранее. Следовательно, либо они отдали часы своему нанимателю, либо постараются продать сами. «Патек Филип» 1910 года — вещь чертовски редкая. Я бы сказал, суперинтендент, что вашей первостепенной задачей должен стать поиск потенциальных покупателей. Часы наверняка приведут вас к преступникам.

— Если всплывут, — уточнил Грейс.

— Всплывут, это я вам гарантирую. Они — самое ценное из того, что взяли грабители, но они же и представляют для них самую большую угрозу.

25

ЧТОБЫ РАБОТАТЬ ЗДЕСЬ, НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО БЫТЬ СУМАСШЕДШИМ. НО ЭТО ПОМОГАЕТ!

В некоторых офисах табличку с таким девизом вешают шутки ради, но здесь ее не было. Чтобы работать здесь, нужно было действительно быть сумасшедшим. На полном серьезе. Сумасшедший здесь, наверное, высшая квалификация, думал Гарет Дюпон. Он и был таким, и прекрасно это знал. Принимал наркотики, отсидел за причинение тяжких телесных повреждений — тот хмырь заслужил свое за то, что клеился к его девушке в баре, но, может быть, оно и не стоило двух лет в тюряге и судимости в придачу.

Ему исполнилось тридцать три. Он был смазливый, смуглый, с роскошными темными волосами — испанские гены матери, — накачанный — не щадил себя в спортзале — и страстный фанат сальсы.

Гарет Дюпон неплохо заработал на аферах с продажей акций по телефону — почти все ушло в нос, — до пятницы сбывал изоляцию для перекрытий, а теперь, в начале новой недели, после «банковских каникул», продавал рекламные площади в спортивных журналах для базирующейся в Брайтоне компании «Маунтинпик паблишинг». Была у него и побочная работа, приносившая время от времени очень неплохой доход. И еще он много разговаривал с Богом. Бог иногда отвечал, но все же не так часто, как хотелось бы. В последнее время, решил Дюпон, Господь был определенно им недоволен. И вполне справедливо. Но, с другой стороны, нельзя же всегда быть совершенством. Бог должен это понимать.

После школы Дюпон подумывал, не податься ли в монахи. Но в последний момент осознал, что слишком любит женщин. И выпивку. И кокс. И деньги, чтобы все это покупать. Тяга, однако, осталась. На данном этапе телепродажи приносили хороший доход, что было как нельзя кстати, потому что к концу недели он всегда оказывался на мели, а после долгого уик-энда уж тем более. С пустым карманом и больной головой. Сегодня в карманах даже не звенело, а похмелье оказалось на редкость тяжелым.

А тут еще любовь.

Так ведь для чего еще нужны выходные, если не для этого? Погулял, выпил — сходи в церковь. Вот только чем меньше об этом говоришь, тем лучше. И вообще, он начал приходить к выводу, что церковь — это все же не его. Какое удовольствие сидеть со старушками в приколотых к голове шляпках и престарелыми ректорами со щелкающими челюстями? К Богу можно обратиться и без церкви, так ведь? Бог внутри тебя: в твоем сердце, в голове, в глазах.

Бог был и в видениях Суки Янь. Китаянка из Америки, она работала здесь на одну Ай-Ти-медиакомпанию. Они познакомились в пятницу вечером в брайтонском баре «Богемия». Потом спали до раннего субботнего утра и большую часть оставшегося уик-энда трахались до умопомрачения, подзаряжаясь всем, что вдыхалось и глоталось.

Осталась, правда, одна проблемка — кое в чем он ей приврал. Не сказал про дамочку, с которой встречается, про то, что квартира не его собственность, что он ее только снимает и на данный момент ему даже нечем заплатить за следующий квартал, который наступит через семь недель. А еще соврал насчет отличной работы в медиабизнесе. Хотя «Маунтинпик» ведь медиакомпания. Типа того.

Здесь, в офисе на втором этаже промышленного здания у входа в порт Ньюхейвена, что в десяти милях к востоку от Брайтона, их было шесть команд по пять человек в каждой и менеджер. Все мужчины. Все в рубашках с короткими рукавами, некоторые с приспущенными галстуками, другие с расстегнутыми воротничками. Все сидели за современными столами. Никому, кроме сидевшего на другой стороне босса, Алана Прайора, не было еще и тридцати пяти. Перед каждым — плоский экран, клавиатура, телефон, кофе и несколько бутылок воды. На часах полдесятого, и Гарет провел за столом всего лишь тридцать минут, а чувствовал себя так, словно с утра прошло уже несколько часов. Девять звонков — и ни одной продажи. Может, сейчас повезет.

Гарет пососал корку на костяшке сбитого пальца на правой руке и набрал номер, перенося всю ответственность за исход разговора на Бога. Как ни крути, а Господь изрядно ему задолжал. «Это — за тобой, Господи», — прошептал он одними губами и закрыв на секунду глаза.

Женский голос, резкий, острый. Уже по тому, как отвечают, можно определить, легко пойдет дело или трудно. Здесь он сразу понял — с этой придется попотеть. Гарет Дюпон посмотрел на лежащий перед ним текст и, взяв нужный тон, легкий и беззаботный, начал читать:

— Привет, это Гарет Дюпон. Я звоню от имени гольф-клуба северного Брайтона. Могу я поговорить с хозяином бизнеса или кем-то, кто отвечает у вас за маркетинг и рекламу?

На другом конце молчали. Уж не повесила ли эта корова трубку?

— Уточните, пожалуйста, вы по какому делу?

Гарет перескочил глазами к разделу, где рассматривалась такого рода ситуация, и, сохраняя бодрый тон, принялся читать вслух:

— Причина, по которой я вам звоню, заключается в том, что через пару месяцев мы выпускаем официальный корпоративный проспект-ежегодник для гольф-клуба северного Брайтона и проводим массированную дистрибуционную кампанию. В программу включены тысячи домов и большая часть находящихся в этом районе бизнесов, включая, разумеется, и сам клуб.

— Наш бизнес никакого отношения к гольфу не имеет, — холодно ответила она.

— Ну, вы так не думайте. Меня попросили найти крепко стоящие на ногах бизнесы и предложить им возможность расширить сферу деятельности. Имея в виду ваше конкретное направление, мы полагаем, что в данном случае имеем идеальное совпадение интересов. Наша целевая аудитория — богатые, влиятельные люди, способные оплатить

предоставляемые нами услуги. Меня просили особенно тщательно удостовериться в том, чтобы нашими партнерами были только надежные, профессиональные компании. Дело в том, что в рамках каждой публикации должно быть не более одного представителя каждой профессии или направления деятельности. Таким образом, все ваши конкуренты исключаются, и вы становитесь единственной открытой для обращения компанией.

— У нас похоронный бизнес, — ответила собеседница. — С какой стати нам рекламировать себя в проспекте гольф-клуба?

— В клубе немало пожилых членов. Рано или поздно они умрут. Сейчас я в общих чертах…

В трубке щелкнуло.

Вот стерва. Бросила трубку.

«Большое тебе спасибо, приятель», — мысленно обратился к Богу Гарет. Потом перешел к следующему имени в списке, отпил воды и набрал номер.

К пяти часам, когда работа уже пошла на спад, Гарет Дюпон продал полстраницы компании в Портслейде, занимающейся настилом полов. Не самый лучший старт на новой работе, но, может быть, завтра будет лучше. Должно быть.

Он вышел из офиса, надел «рэй-баны» — солнце еще светило вовсю, — забрался в арендованный черный «порше»-кабриолет, повернул ключ и опустил крышу. Посидел задумчиво. Подумать было о чем: плата за квартиру, очередной взнос за «порше». Может, немного помолиться? Он уже давненько этого не делал по-серьезному. С другой стороны, разозлив Бога, с молитвой торопиться не стоит. Лучше подождать в сторонке.

Он поехал в сторону Ньюхейвена, потом, уже в городе, свернул на прибрежную дорогу, которая вела домой, в Марина-Виллидж. У газетного киоска в глаза бросился баннер «Аргуса» с большими черными буквами:

УБИЙСТВО МАКУИРТЕР — НАГРАДА В 100 000 ФУНТОВ

Не обращая внимания на машину сзади, Гарет Дюпон ударил по тормозам и вильнул к бордюру. Заскочил в магазин, купил газету и, стоя у входа, пробежал глазами заметку под сенсационным заголовком, словно не замечая образовавшейся на узкой улице пробки.

Гэвин Дейли, брат Эйлин Макуиртер, убитой на прошлой неделе в своем особняке на Уитдин-Роуд, объявил о награде в 100 000 фунтов за информацию, которая приведет к аресту и обвинительному приговору для убийц его сестры.

Он продолжал читать. В конце заметки приводились два телефона: один в управлении уголовных расследований и второй для анонимных звонков в «Краймстопперс».

Гарет Дюпон ухмыльнулся. Иногда человеку просто везет! «Спасибо, Господи», — беззвучно поблагодарил он. Все прощено!

26

Криминалисты закончили свою работу в доме его сестры, и оцепление было снято. Шесть часов вечера. Ясное небо. Гэвин Дейли сидел в своем «мерседесе» в конце ведущей к особняку подъездной дорожки.

По обе стороны от дорожки, с небольшим интервалом друг от друга, были установлены желтые полицейские знаки с одинаковой надписью:

Вы находились здесь между 18.30 и 22.30 в прошлый вторник, 21 августа?
Вы видели здесь фургон?
Если да, пожалуйста, свяжитесь с полицией и попросите соединить вас с оперативным штабом — 01273 470101.

Гэвин Дейли распорядился отвезти его к дому. Там он вышел, отпустил шофера, сказав, что вызовет его, когда понадобится возвращаться, обошел дом и поднялся на крыльцо.

Рука заметно дрожала, пока он вставлял ключ в замок; в горле застрял комок.

На пороге старик задержался, словно не решив, хочет ли входить. Но дела не отложишь.

Вечер выдался теплый, и сад полнился птичьими голосами, стрекозами, осами; с соседнего участка доносился шелест разбрызгивателя. Согласно календарю, лето заканчивалось через несколько дней. Сколько их ему отмерено увидеть? Сколько бы он хотел?

И хотел бы вообще?

Все, кого он когда-либо любил, умерли. Мать — под пулями в собственной спальне. Отец — уведен в ночь. Он проводил в могилу двух жен и зятя. И теперь, когда коронер даст разрешение, похоронит сестру.

Гэвин Дейли не знал, сколько осталось лет, прежде чем сын отвезет его на кладбище. Он еще подвижен, несмотря на палку, а благодаря мастерству местного пластического хирурга выглядит лет на двадцать моложе. Проблемы с сердцем решены посредством тройного шунтирования. Правда, теперь появилась стенокардия. Простату ему удалили. Он достиг того, что называют зрелой старостью. Но зрелым себя не чувствовал. Скорее гнилым.

И не сдержавшим слова.

Гэвин Дейли повернул ключ, толкнул дверь и осторожно вошел, ступая на положенные криминалистами подножки. Дом встретил его запахами, от которых печаль только углубилась. Запах старости. Мебельной политуры. Ветшающих тканей. К старым добавились теперь и новые, принесенные экспертами с их химикалиями. Он посмотрел на пустое, более темное, чем остальной пол, место, где десятилетиями стоял красивый столик. Посмотрел на прямоугольники на стенах, где висела собранная сестрой коллекция прекрасных картин. Его окружала тишина, такая давящая, что он ощущал ее как тяжелое пальто на плечах.

Тетя Уна взяла за обыкновение каждое воскресенье водить их с сестрой в церковь. Но ребенком времени на религию у него не находилось. Теперь его было еще меньше. Да, случалось, что он был счастлив. Или, по крайней мере, доволен. Считался одним из крупнейших игроков на поле антиквариата. Ему это нравилось — увлекательно, приятно для самолюбия, новые знакомства. Но над всем этим висело и облако печали — им с Рут так и не удалось завести детей. Имя Дейли останется жить с его сыном-идиотом от первого брака с Шинед.

Теперь, оглядывая окружающую пустоту, он вдруг подумал, что вся жизнь была чем-то вроде плохой шутки. Тестом на выносливость. И если вникнуть во всю эту ветхозаветную муть, то получается, что каждый человек — Иов.

Что ж, по крайней мере одно он сделает наверняка: вернет часы, даже если это будет стоить ему жизни. И для начала поисков у него есть имя. Имя одного паршивца.

Гэвин Дейли прошел в гостиную с бледно-зелеными флокированными стенами, зелеными диванчиками и креслами. И снова тени на стенах. Мраморная каминная полка, на которой стояла когда-то потрясающая статуэтка Джакометти, теперь была пустая, голая, если не считать одной, напоминавшей о счастливых временах фотографии в рамке.

Эйлин, красивая, черноволосая, двадцативосьмилетняя, с любовью своей жизни, Брэдли Уокером, американским пилотом, так похожим на Кэрри Гранта. В августе 1943-го он сидел за штурвалом Б-24, принимавшего участие в грандиозной и провальной операции «Приливная

волна», целью которой было уничтожение нефтеперерабатывающих заводов Плоешти, в Румынии. Пятьдесят один бомбардировщик не вернулся тогда на базу, и Брэдли Уокер был в числе пропавших без вести, предположительно погибших.

Долгие годы Эйлин лелеяла надежду, что муж каким-то чудом выжил. Ей удавалось держаться, не падать духом. И у нее это получилось даже лучше, чем у него. Вот тебе и женщины, с грустью думал он. У многих из них внутренних ресурсов оказалось больше, чем у иных мужчин.

Он поднялся по лестнице на площадку, мимо радиатора, прикованной к которому Эйлин оставалась два дня, и вошел в ее спальню. После смерти мужа она поменяла двуспальную кровать на односпальную, смотревшуюся довольно странно в большой комнате, где до сих пор ощущался, пусть и слабо, ее запах. Возле подушки — мистер Стаффикинс, тряпичный одноглазый и одноухий медведь, привезенный сестрой из Нью-Йорка. Не забыть бы положить игрушку в гроб, напомнил он себе и взял с туалетного столика пару длинных черных перчаток от Корнелии Джеймс, чтобы положить их туда же. Эйлин бы это понравилось, подумал он; она всегда полагала, что женщина не может считаться должным образом одетой, пока не наденет перчатки. Он зашел ненадолго в ванную, потом спустился и повернул в ее кабинет.

Сначала Гэвин Дейли еще раз заглянул в стенной сейф — на случай, если вдруг упустил что-то в первый раз. Но там было пусто, и эта темная пустота отдалась в нем болью и гневом. Здесь лежали отцовские карманные часы. Единственная по-настоящему личная вещь, принадлежавшая когда-то ему и оставшаяся у них.

Он сел на стул у бюро орехового дерева. Черная паркеровская ручка в стакане с золотыми буквами HSBC — возможно, давнишний рождественский подарок от банка — на кожаном покрытии. Маленькие, в овальных рамках фотографии мужа, детей и ее самой. В ящиках полным-полно писем, счетов, марок. Чистый лист голубой гербовой бумаги, рядом конверт и незаполненная поздравительная открытка. Письмо, которое она собиралась написать и которое так и останется ненаписанным, и открытка, которая так и не будет послана. Дневника не было; вероятно, его забрали полицейские.

Гэвин Дейли выдвинул один из ящиков и тут же снова почувствовал, вместе со слабым древесным ароматом, ее собственный запах. Порывшись в бумагах, он достал кожаный фотоальбом с фотографиями находящихся в доме особенно ценных вещей. Делали их главным образом для страховой компании. Сестра собрала прекрасные коллекции картин, часов и мебели — все по его совету, — а некоторые вещи он купил для нее сам, по заниженной цене на договорном аукционе.

Гэвин Дейли положил альбом перед собой. Открыл. Первой должна была быть фотография незастрахованных золотых карманных часов «Патек Филип». Часов, которые их отец всегда носил в кармашке жилета. Стекло немного треснуло, головка погнулась, заводной вал застопорился, зубчатое колесико отсоединилось от центрального, и стрелки уже не двигались. Он не видел часы давно, с тех самых пор, как положил их в сейф, но легко мог представить во всех деталях. В последний раз он смотрел на них, чтобы проверить серийный номер, — став экспертом по хронометрам, он понял, что они могут представлять большую ценность. И не ошибся.

Часы оказались очень редкими и даже в нелучшем состоянии стоили сегодня никак не меньше двух миллионов фунтов. В деньгах ни он, ни Эйлин не нуждались и продавать «Патек Филип» не намеревались. Оба хотели сохранить их в том же виде, в каком и получили. Гэвин частенько думал, что вот однажды починит их и будет носить с гордостью, но так и не смог заставить себя совершить такое. Покореженные, они связывали его с отцом, и возможная потеря этой связи пугала.

Он никогда не задавался вопросом, как отец, простой стивидор, обзавелся столь ценной вещью. Скорее всего, украл где-то.

Будучи душеприказчиком сестры, Гэвин знал, что она оставила все — за исключением пожертвований на благотворительность и подарков прислуге — своей внучке. Он смотрел на завещание, и слезы подступали к глазам, а в ушах звучал призрачный голос из прошлого. Как же давно это было.

На манхэттенской пристани, в 1922-м. Он стоял там, маленький мальчик, с сестрой и тетей, когда парнишка в кепке пробился через толпу и сунул ему в руки тяжелый сверток с револьвером, часами и газетной страницей.

Запомни цифры.

Девяносто лет он пытался разгадать загадку — что имел в виду тот парень в кепке? И теперь боялся, что сойдет в могилу, так и не узнав ничего.

Слезы катились по щекам. Его переполняла невыносимая пустота.

«Я верну тебя, — молча пообещал он. — Чего бы это ни стоило, я верну тебя».

27

Гарету Дюпону нравились современные церкви. Особенно ему нравилась церковь Доброго Пастыря в Портслейде. В этом районе к западу от Брайтона, располагавшемся неподалеку от Шорэмской гавани, прошли его детские годы, и, сколько он себя помнил, его всегда тянуло к этому угловатому кирпичному зданию. Господь ведь не только старье создавал, всегда думал он. Здесь ему было куда легче общаться с Богом, чем в какой-нибудь пыльной старой церквушке.

Он прошел под знак, гласивший:

В ЭТОЙ ЦЕРКВИ НЕТ ЧУЖАКОВ — ТОЛЬКО ДРУЗЬЯ, С КОТОРЫМИ ВЫ ПОКА НЕ ВСТРЕТИЛИСЬ

Втянув запах искусственно высушенной древесины, политуры и свечного парафина, Гарет Дюпон направился к боковому нефу и присел на скамью, положив «Аргус» рядом с собой. Потом преклонил колени, закрыл глаза и, сложив руки замком, крепко сжал их — так, как учила мать; предполагалось, что именно так следует молиться. Опять же, предполагалось, что он будет ходить в католическую церковь, но он предпочел англиканскую и ощущал себя там в полной гармонии с Богом. В особенности потому, что англиканская церковь не возражала против развода благодаря Генриху VIII и, как следствие, супружеской неверности. А он сейчас как раз крутил с двумя дамами, из которых одна была свободной, а другая — очень даже замужней. Играл с огнем. Он любил огонь.

Когда Гарет вышел, было уже четверть восьмого. Надо спешить домой — принять душ и переодеться; в восемь ему нужно заехать за Суки Янь, с которой он договорился поужинать в «Спунс». Пару часов назад Гарет раздумывал, не сводить ли ее в какое-нибудь более дешевое заведение, но теперь это уже не было проблемой.

Он залез в «порше», но крышу опускать не стал и быстренько пробежался по клавишам телефона.

Ответил знакомый голос, жесткий, агрессивный.

— Это Гарет Дюпон, — сказал он.

— Не люблю, когда мне звонят на мобилу, что тебе нужно?

— Я только что видел «Аргус».

— И что там?

— Нечто весьма заманчивое.

— Ты что, спятил?

— Вовсе нет. Я бы хотел поговорить о деле. Почему бы нам не пересмотреть условия договора?

— Все, отключаюсь. Встретимся в пабе «Альбион», что на Черч-стрит в Хоуве, в восемь часов.

Дюпон подумал о свидании с Суки Янь.

— В восемь проблематично.

— Только не для меня.

28

«У Труди» был одной из немногих приятных достопримечательностей, которыми мог похвалиться Суссекс-Хаус, думал Грейс. Бывшее управление уголовных расследований — переименованное ныне в департамент насильственных преступлений и юстиции — располагалось в унылой промышленной зоне. Но в этом передвижном кафе, находившемся буквально под боком, делали самые лучшие в графстве бутерброды с беконом, а обслуживали клиентов самые веселые и жизнерадостные официанты. Вопреки всем стараниям Клио убедить его есть только здоровую и полезную пищу, Грейс по пути на работу, в семь часов утра, частенько брал у них яичницу и тот самый бутерброд с беконом.

Но в это утро он настолько ушел в изучение журнала регистрации тяжких преступлений, сочинение ответов на свалившуюся гору имейлов и заполнение очередной анкеты от обвинителя по делу Веннера, что совершенно забыл съесть свой завтрак.

Теперь, улучив минутку, Грейс торопливо наверстывал упущенное, не обращая внимания на то, что яичница и бутерброд уже остыли, и запивая все кофе. Одновременно он просматривал материалы, подготовленные к рабочему совещанию по операции «Камбала», и прислушивался к шуму дождя за окном. Название операций выдавал, выбирая их наугад, полицейский компьютер. В данный момент машина отрабатывала список рыб. «Камбала» в какой-то степени даже соответствовала текущему расследованию, потому что Грейс, измученный очередной бессонной ночью — спасибо Ною, — чувствовал себя рыбиной на берегу.

Со дня смерти Эйлин Макуиртер прошла неделя. Само ограбление, по приблизительным оценкам, произошло во временном промежутке от шести до девяти часов вечера вторника, 21 августа. Исходя из предположения, что преступников было трое, им понадобилось бы не меньше двух часов, чтобы вынести вещи из дома, упаковать и погрузить в машину. После этого грабители все равно что растворились в воздухе с антиквариатом и картинами на десять миллионов фунтов. А через девяносто минут Грейсу предстояло докладывать своему боссу, заместителю главного констебля Риггу, о последних успехах следствия.

Прекрасно.

Расследование убийств было для Грейса работой, которую он любил и которой хотел заниматься до конца карьеры. Началось это много лет назад, когда он, тогда еще молодой детектив-констебль, принял участие в своем первом деле. Обычно в начале каждого нового дня расследования он ощущал прилив сил и энергии, независимо от того, как поздно лег спать. Но в это утро суперинтенденту приходилось делать над собой усилие, чтобы не расклеиться.

Грейс посмотрел на большую цветную фотографию изрезанного морщинами, но все еще красивого лица старой леди. Рядом, на той же белой доске, висели снимки трех различных отпечатков обуви и взятых из каталогов образцов кроссовок, которые могли их оставить. Две

других белых доски были увешаны фотографиями антикварной мебели, картин и украшений, украденных из дома на Уитдин-Роуд.

Убранные назад седые, элегантно завитые волосы Эйлин Макуиртер удерживала усыпанная рубинами заколка. Глаза, пронзительные, но ясные и теплые, смотрели на суперинтендента через стекла очков в толстой черепаховой оправе. На ней была белая блузка с вышитым воротничком, в ушах — жемчужные сережки, на морщинистой шее — цепочка со старинной жемчужной подвеской. Мудрая, достойная, элегантная женщина.

Наверное, в молодости была красавицей, подумал Грейс. Такой бабушкой гордился бы каждый. На протяжении всей своей карьеры он питал особенно неприязненные чувства к подонкам, врывающимся в чужие дома, тем более в дома пожилых, беззащитных людей.

В запертом — чтобы в него не заглядывали любопытные уборщики — ящике стола лежал небольшой альбом с фотографиями с места преступлений. Многое повидавший и ко многому привыкший, суперинтендент с содроганием смотрел на некоторые снимки, сделанные в морге криминалистом Джеймсом Гартрелом. Вспоминая сейчас эти снимки, зафиксировавшие нанесенные женщине ужасные раны, Грейс внутренне сжимался от гнева и отвращения.

Не дожив восемнадцати месяцев до столетнего юбилея и полагающегося по такому случаю традиционного письма от королевы, Эйлин Макуиртер стала жертвой жестокости, произведшей угнетающее впечатление даже на самых закаленных членов следственной группы. Вскрытие обнаружило ожоги на теле, нанесенные, очевидно, с помощью раскаленных щипцов для завивки, обнаруженных на полу в спальне.

А вот относительно того, кто мучил и пытал пожилую даму, вскрытие не дало почти ничего. Отсутствие частичек кожи под ногтями указывало на то, что ей, по-видимому, не удалось поцарапать никого из них. А жаль. Грейс подумал, что, наверное, испытал бы злорадное удовлетворение, узнав, что она ухитрилась вырвать у кого-нибудь из мерзавцев глаз.

Единственными обнаруженными ключами были три отпечатка обуви, которые не совпадали с отпечатками тех, кто обычно бывал в доме, — приходящей два раза в неделю домработницы, садовника, жены ее племянника, Сары, и брата. Копии отпечатков были отправлены судебному врачу-ортопеду Хейдну Келли, уже сумевшему с помощью современных технологий провести — с потрясающими результатами — идентификацию походки и установить тип обуви, которую носили преступники.

Странно, размышлял Грейс, как сильно изменилось его восприятие насилия за два месяца после рождения Ноя. О том, что такое может произойти, он прочитал в одной из книг для будущих родителей.

Над фотографиями на белой доске шла сделанная черным маркером надпись:

ОПЕРАЦИЯ «КАМБАЛА»

ПОСТРАДАВШАЯ — ЭЙЛИН МАКУИРТЕР. РОДИЛАСЬ 24 АПРЕЛЯ 1914. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВРЕМЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 АВГУСТА — СРЕДА, 22 АВГУСТА

Ниже висел представленный братом умершей, Гэвином Дейли, список украденных из дома вещей.

Но что более всего занимало Роя Грейса в данный момент, так это два листка компьютерной распечатки со стандартными иконками и диаграммами генеалогического древа.

Он проследил сначала горизонтальные, потом вертикальные линии. Черная горизонтальная указывала стрелкой на Гордона Томаса Макуиртера, ныне покойного, родившегося 26 марта 1912 года. Ее муж, решил суперинтендент.

Первая вертикальная красная стрела вела к умершим детям, а вторая — к внучке. Слева от них еще одна красная показывала на Брендана Дейли и Шину Дейли. Надпись под Шиной Дейли гласила: «Родилась 19.09.1897 — умерла 18.02.1922». Под Бренданом было написано: «Родился 07.08.1891, пропал без вести, предположительно умер».

Он нахмурился, припоминая книги по ранней истории Нью-Йорка на полке в библиотеке убитой.

— Видел фильм «Банды Нью-Йорка»? — спросил, вырастая вдруг за спиной, Гленн Брэнсон.

Грейс обернулся:

— Смотрел как-то, но не до конца — уснул.

Брэнсон ухмыльнулся:

— Да уж, так вот и бывает в твоем возрасте.

— Отвали!

Брэнсон похлопал его по плечу.

— Не принимай на свой счет. Это факт.

Грейс бросил на него уничтожающий взгляд.

— Вся эта ерунда происходила еще до Эйлин Макуиртер, но фон для того времени, когда она была ребенком, получается интересный. — Гленн Брэнсон переключился на серьезный тон. — В 1900-х шли гангстерские войны между коренными американцами и ирландскими иммигрантами. У нас здесь эпоха более поздняя, когда главной бандой в ирландской мафии была «Белая рука». Они контролировали портовые территории Манхэттена и Бруклина, все пристани и пирсы. Их боссом был один тип по имени Динни Миэн. Это он выкинул из города Фрэнки Йела и Джонни Торрио, которые возглавляли банду «Черная рука». С ними был и Аль-Капоне, оказавшийся в конце концов в Чикаго. Потом, в конце двадцатых, Капоне вернулся в Нью-Йорк и отомстил — уничтожил ирландскую мафию и взял все под свой контроль. Динни Миэна убили в 1920-м. Брендан Дейли был одним из его лейтенантов. Борясь за влияние в «Белой руке», пропал без вести, предполагается, что погиб.

— Спасибо за урок истории!

Брэнсон посмотрел на друга и покачал головой:

— Разве тебя в школе ничему не учили?

Грейс кисло усмехнулся.

— Похоже, ничему полезному.

Сержант постучал себя в грудь.

— Да, мы, потомки рабов, должны знать историю.

— Никакой ты не потомок раба, — ухмыльнулся Грейс. — Твой отец водил автобус в Лондоне.

Обычно Брэнсон отвечал на такие выпады подходящей цитатой из какого-нибудь фильма — он знал их наизусть, — но на сей раз только печально улыбнулся. В глазах его читалось уныние, и Грейс расстроился из-за друга.

Семейная жизнь сержанта давно пошла под откос. В течение последнего года Грейс не раз выручал его, разрешая жить в своем пустующем доме. Через какое-то время Брэнсон ухитрился и дом привести в такое состояние, что тот выглядел не лучше своего временного хозяина. Навыков домоводства ему едва хватало на то, чтобы кое-как кормить Марлона.

Позади него послышалось знакомое шуршание. Грейс обернулся — детектив-сержант Белла Мой уже сидела на своем рабочем месте с красной коробочкой шоколадного драже «Мальтезерс». Иногда ему казалось, что она только на них и живет. И при этом Белла Мой совсем не набирала лишний вес. А в последнее время вообще как будто расцвела.

Уже не юная, за тридцать, Белла Мой жила с пожилой и больной матерью, носила унылую одежду, безобразную прическу и постоянно пребывала в меланхолическом состоянии. Но с некоторых пор в ее облике появились гламурные черты.

Грейс заметил, как она бросила в рот конфетку. Похрустела. И он вдруг поймал себя на том, что и ему тоже хочется. Словно перехватив его мысли, Белла протянула коробочку. Суперинтендент взял одну и тут же пожалел о содеянном, потому что, проглотив ее, он тут же захотел другую.

Из двенадцати членов группы не пришел только один, детектив-сержант Поттинг. Грейс посмотрел на часы — 8.35. Они уже задержались с началом на пять минут. В десять ему надлежало быть у заместителя главного констебля Питера Ригга, а последний слыл строгим приверженцем пунктуальности.

Мысли потянули в сторону. Он обладал почти фотографической памятью и, глядя на благородное лицо Эйлин Макуиртер, мысленно видел плотно стоящие на полках книги: «Банды Нью-Йорка», «Американские гангстеры тогда и сейчас», «Первые сто лет американской мафии», «Молодой Капоне», «Ранние уличные банды и гангстеры Нью-Йорка», «Ирландская организованная преступность». «Король бруклинского порта».

Книг было около пятидесяти, может, даже больше. Покойная не была ни исследовательницей, ни писательницей, а такое количество книг свидетельствовало об отнюдь не мимолетном интересе. Скорее о своего рода одержимости. Конечно, книги могли принадлежать ее мужу. Макуиртер, как и ее, Дейли, фамилии ирландские.

Грейс решил попозже пробить оба имени по Интернету. Потом он обратился к своим запискам и начал совещание.

29

Минут через десять после начала совещания в комнату, устало волоча ноги, вошел Поттинг. Вид у него был угрюмый. Детектив-сержант поступил на службу в полицию относительно поздно и среди коллег большой популярности не снискал. Многие считали его динозавром с дремучими политическими взглядами, но Рой Поттинга терпел, поскольку видел в нем надежного, упорного и цепкого детектива, одного из лучших, с кем ему довелось работать.

— Извините за опоздание, шеф, — пробурчал он. — Пришлось наведаться к врачу. — И, понизив голос, шепнул Грейсу: — Не слишком хорошие новости.

— Очень жаль, Норман. Расскажешь потом? — спросил суперинтендент, обеспокоенно вглядываясь в лицо сержанта.

Поттинг пожал плечами, изобразил скорбную гримасу и сел. Рой нахмурился, заметив, как Поттинг переглянулся с Беллой Мой. Он уже пару месяцев задавался вопросом, есть ли между ними что-то или нет. Они ведь такие разные; сержант уже зачесывает наверх редкие волосы, безуспешно стараясь спрятать под ними лысину, и от него постоянно воняет трубочным табаком. Назвать его привлекательным Грейс не решился бы при всем желании. Тем не менее пережил четыре брака. Впрочем, суперинтендент давно научился не удивляться тем сюрпризам, что подбрасывает порой жизнь.

Кроме Поттинга, на совещании присутствовали недавно вышедшая замуж — и уже беременная — детектив-констебль Эмма Джейн Бутвуд, эксперт-криминалист Дэвид Грин, детектив-сержант Гай Батчелор, Рей Пэкем из отдела высоких технологий, два регистратора, аналитик полицейской информационной системы ХОЛМС, криминалист-аналитик, офицер из

отдела разведки, несколько детективов и сотрудница управления по связям с общественностью рыжеволосая красавица Сью Флит. Главный констебль придавал большое значение своевременному и полному информированию публики — или, выражаясь на полицейском новоязе, обслуживаемых нами клиентов.

Рой Грейс никак не мог привыкнуть к этому слову — клиенты. Полиция всегда старалась сохранить определенную дистанцию между собой и широкими массами или общественностью. Но теперь и ему ничего не оставалось, как только поспевать за переменами, какими бы абсурдными ни представлялись некоторые правительственные директивы. Он с теплым чувством обвел взглядом свою команду, собравшуюся здесь обслуживать своих клиентов.

Из постоянных ее членов отсутствовал детектив-констебль Ник Николл, переведенный недавно в отдел организованной преступности. Досадная потеря, но, став отцом, Ник перестал быть эффективным детективом — отчасти и по причине регулярного недосыпания. Вот бы только не последовать его примеру, подумал Грейс.

— О’кей. Итак, у нас сегодня десятое рабочее совещание по операции «Камбала». — Он посмотрел на Беллу. — Что нового у группы внешнего поиска?

— Продолжаем подомовой обход, — ответила она. — Уитдин-Роуд, как известно, не самый компактный квартал. У них там большие дома, каждый на своем участке. Из тех, с кем мы разговаривали, лишь несколько человек знакомы со своими соседями. Мы полагаем, что грабители пользовались по крайней мере одним, а вероятнее, двумя фургонами, но их никто не заметил. Камер наблюдения ни на улице, ни на перекрестках нет. Я бы отметила только один интересный момент.

— Да?

— Это звонок от человека, обратившего внимание на расставленные нами знаки. Вообще-то речь идет, возможно, о юбилейном визите. Вечером во вторник, ровно за неделю до ограбления.

Все внимательно слушали Беллу.

— Позвонивший живет в нескольких домах от особняка Макуиртер. Увидев наш знак, он вспомнил, что около семи вечера, возвращаясь с работы, заметил у дома жертвы черный «порше». В машине сидел мужчина. Звонивший сказал, что не обратил на него внимания, подумал, что человек остановился, чтобы позвонить.

— Он дал описание водителя или запомнил регистрационный номер?

— Нет, сэр.

— Черные «порше» — обычная вещь в Брайтоне. Но не думаю, что их так уж много. Составьте список тех, у кого брайтонская регистрация; посмотрим, что получится.

— Есть, сэр. И еще одно. Может быть, тоже имеет какое-то отношение к нашему делу, хотя я так не думаю. На прошлой неделе в Брайтоне отмечен случай G5. В своем доме нашли мертвым мужчину, Ральфа Микса. Одно время он работал садовником у миссис Макуиртер и, насколько я смогла понять, был уволен четырнадцать лет назад. Может быть, затаил обиду, хотя умер за несколько дней до ограбления.

— Хорошо, постарайтесь что-нибудь выяснить.

— Есть, сэр. Я дам задание.

Суперинтендент поблагодарил ее и снова окинул взглядом собрание.

— О’кей. Как идет проверка бюро проката грузовых автомобилей?

— Ими я занимаюсь, сэр, — подал голос юный детектив-констебль Джек Александер, которого Грейс привлек на замену Нику Николлу. — Таких бюро много. Даже если отбросить компании национального масштаба, количество фирм, имеющих в парке небольшие фургоны, выражается сотнями.

Грейс поблагодарил его и снова повернулся к Белле Мой. Она взглянула в свои записки.

— Мы прошерстили eBay и проверили все занимающиеся антиквариатом магазины в Брайтоне и Хоуве. Искали мелкие вещи. Показывали фотографии особо ценных предметов. У крупных брайтонских дилеров ничего из украденного нет. Сейчас я отрабатываю список других британских дилеров, которые могут позволить себе большую покупку, и готовлю список международных дилеров. Также держим связь со страховыми компаниями и инспекторами. Очень возможно, что добыча переправляется за границу или уже там. Мы держим под наблюдением Шорэмскую и Ньюхейвенскую гавани и просматриваем все отправляемые за рубеж контейнеры. Ну и присматриваемся к специализированным аукционам. Самый ценный из украденных предметов — карманные часы «Патек Филип» 1910 года выпуска. Они не застрахованы и оцениваются по меньшей мере в два с лишним миллиона фунтов.

— В романе «Лунный гонщик» такие часы, «Патек Филип», носил сэр Хьюго Дракс, — объявил во всеуслышание Гленн Брэнсон. — Но в фильме их заменили на «Свотч».

— Спасибо, Гленн, это очень нам поможет, — съязвил Грейс и посмотрел на Беллу. — Отличная работа. Не ограничивайтесь только британскими аукционами. Часы нетрудно перевезти куда угодно, хоть на край света.

— Два миллиона за часы? — недоверчиво повторил Поттинг. — Ну и ну!

Белла кивнула и взглянула на свои, тоже «Свотч».

— Наверное, пошикарнее моих!

По комнате разбежались смешки. Громче всех смеялся Поттинг, и Грейс заметил, что они с Беллой снова переглянулись, и Белла вроде бы покраснела.

— Вообще-то у этих часов интересная история. Они принадлежали как сестре, так и брату. Гэвина Дейли хорошо знают в мире антиквариата. Живет он изолированно, и его дом пережил уже две попытки ограбления. Вот почему они уже несколько десятилетий хранят часы в доме сестры.

— Шеф. — Руку поднял детектив-констебль Экстон. — Такие дорогие часы наверняка легко опознать. Они ведь уникальные. Как же их тогда продать?

Грейс кивнул:

— Я тоже об этом думаю. И раз уж вопрос возник, даю вам задание — получить всю соответствующую информацию. Может быть, производители ведут какой-то учет. Надо выяснить, сколько таких часов имеется в мире. Как их опознают, есть ли на них серийный номер. Нет ли монограммы или инициалов. Каков мировой рынок для часов такой ценовой категории. Кто чаще всего их покупает. Есть ли крупные коллекционеры. Каким образом часы переходят от одного владельца к другому — посредством аукциона или через дилеров. И бывают ли специализированные аукционы.

— «Багажная» распродажа? — с шутовской ухмылкой предположил Поттинг.

— Я так не думаю, Норман. — Грейс повернулся к сержанту Аннализе Винир, координировавшей работу аналитиков, регистраторов и машинисток: — Вам есть что доложить?

— Мы проверили базы данных, искали ограбления частных домов с похожим образом действия. Пока что есть только одно совпадение, но преступники находятся сейчас в тюрьме. Все, кроме одного.

— И кто же это? — спросил Грейс.

— Эмис Смолбоун.

На мгновение все притихли, и тут у Гленна Брэнсона зазвонил мобильник. Сержант бросил извиняющийся взгляд на Грейса, ответил и тут же воскликнул:

— Нет, нет! Вот черт. Я сейчас буду.

Разом побледнев, сержант неуверенно поднялся.

— Извините, мне надо в больницу. Эри…

Эри была женой Брэнсона. Грейс вышел за ним в коридор.

— Что случилось? Скажи.

— Точно не знаю. Мне только сказали, что у нее переломы костей. На окружной ее сбил с байка какой-то пешеход.

— Позвони мне.

Брэнсон кивнул и вышел.

30

Вроде бы стояло лето, но неумолимый августовский дождь барабанил по окну подвального этажа, из которого открывался мрачный вид на мусорные баки и грязные стены. Скудный свет, едва пробивавшийся в убогую комнатушку в четыре утра, наводил на мысль, что лето уже на исходе. Его первое лето на свободе за последние двенадцать лет.

Но Эмис Смолбоун, развалившийся в сломанном кресле рядом с тлеющей в пепельнице сигаретой и наполовину выпитой бутылкой «Чивас Регал», пребывал в приподнятом настроении. Вскоре на него должны свалиться большущие деньги. Целая куча!

Была лишь одна проблема. Этот алчный мерзавец Гарет Дюпон. Смолбоун знал, что парень отличается несколько капризным характером, но за двенадцать лет заключения он подрастерял массу лучших контактов, многие и вовсе умерли, почему ему и пришлось обратиться к этому недоумку. Теперь он сожалел об этом. И мысленно проклинал тех, кто предложил вознаграждение. Однако же хрен он позволит этому говнюку себя шантажировать. Да, Дюпон — проблема, которую нужно решать. Необходимо что-то придумать.

Пока же радовало хотя бы то, что через несколько дней он отсюда съедет. В гораздо более комфортное жилище, при условии, что надзорный офицер не будет иметь ничего против, а причин для этого у него вроде бы нет. Его ждет сдаваемый в аренду таунхаус в центре брайтонского района Норт-Лейн. В качестве поручителя и гаранта арендного соглашения выступил один его кореш, Генри Тилни, которому, в отличие от него самого, удалось избежать королевского гостеприимства. Вскоре он сможет вернуть Тилни те пять штук, которые он за него внес.

И, опять же, в самом ближайшем будущем он сможет поквитаться и с детективом-суперинтендентом Роем Грейсом, лишившим его двенадцати лет жизни, которые он провел в одной из самых дерьмовых английских тюрем.

Напротив, на журнальном столике, в развернутом виде лежали поэтажные планы дома его будущих соседей. Дома Клио Мори. Пробраться в дом с крыши, через пожарный выход, будет проще простого. Первой его мыслью было нанять кого-либо для этого дела. Но зачем отдавать приличную сумму за то, что он с таким удовольствием может сделать и сам. Что бы это там ни было. Изуродовать Клио, быть может. Или убить ребенка.

Возможностей — бесчисленное множество, только выбирай. Мысленно он уже видел, как вытаскивает младенца из кроватки, глупое, бессловесное дитя, Ноя, и с силой швыряет на мощенную булыжными камнями мостовую.

Стук.

Как же ему нравится этот звук!

Шмяк.

О да.

Но гораздо больше ему хочется увидеть страдания детектива-суперинтендента Роя Грейса. Его скорбь.

И тут он действительно услышал стук. Затем еще один. В его дверь.

Он взглянул на золотой «Ролекс», что пролежал все эти двенадцать лет в депозитной ячейке, найти которую полиции не удалось. 4.20 утра. Посетителей он не ждал. Но в любое время ему могли занести его долю. Его процент от тех десяти миллионов, на которые потянуло награбленное на Уитдин-Роуд. Он встал и, пошатываясь от принятого спиртного, направился к двери.

Этот крохобор-домовладелец даже не удосужился снабдить дверь глазком или цепочкой, поэтому узнать, кто явился, иначе как прокричав через дверь, он не мог.

— Кто там?

— Санта-Клаус.

Голос показался смутно знакомым. Если принесли долю, придется открыть. И все же он чувствовал некое беспокойство. Он открыл замок и две задвижки, верхнюю и нижнюю. Затем чуть приоткрыл дверь. В следующее мгновение она вмазалась в его лицо, и, не устояв на ногах, он повалился на спину.

Огромный детина в темном костюме схватил его за воротник, едва не придушив.

— Гребаный недоумок! — прохрипел напавший с перекошенным от ярости лицом. — Что, нравится убивать беззащитных старушек? — Второй гость смотрел на него сверху вниз, не произнося ни слова.

Когда давление на горло ослабло, не на шутку напуганный, он пробормотал извиняющимся тоном:

— Я говорил, чтобы ее не трогали. Насилие не входило в наши планы.

— Говорил? Говорил кому?

Его затрясли с такой силой, что во рту ходуном заходили зубы.

— Почему я должен сдавать вам кого-то? — с трудом выдохнул он.

— Потому что ты самый раздолбаистый тупица на планете.

— Сам такой, — огрызнулся Эмис Смолбоун.

И почти тут же пожалел о своей пьяной браваде, так как кулак впечатался в его рот, кроша обошедшиеся в тысячи фунтов коронки, поставленные после последней драки, в которой он побывал. Затем другой кулак вонзился ему под ребра.

— Ты не в том положении, чтобы умничать здесь со мной. Мне нужны имена. Мне нужны те ублюдки, что сделали это, и я хочу знать, куда ушел весь товар, — мы с отцом желаем получить все обратно. От первой до последней вещи.

Смолбоун угрюмо уставился на него; все лицо его было в крови.

— Я не собираюсь подыхать стукачом.

В следующую секунду он вскричал от боли, когда рука, жесткая, словно механические щипцы, схватила его за яйца и с силой сдавила. Затем отпустила.

Упав на пол, Смолбоун забился, как в падучей.

— Ну что, назовешь имена? В следующий раз он не будет таким любезным — вырвет их на хрен, и дело с концом.

Сквозь пелену хлынувших из глаз слез Эмис Смолбоун посмотрел на стоявшего перед ним великана и поверил — этот может.

— Если я скажу вам, меня убьют, — простонал он.

— А если не скажешь, тебя убью я, разве что от тела придется избавляться — а с этим могут возникнуть проблемы. Лучше не доводи до этого. Имена, Смолбоун, ну же!

Тут его яйца вновь сжали, еще сильнее, чем прежде.

Превозмогая мучительную боль, он выкрикнул имена. За исключением одного — Гарета Дюпона; даже сейчас он не мог не понимать, что, если сдаст Дюпона, тот тотчас же поймет, кто за этим стоит. А принимая в расчет объявленную награду в сто тысяч фунтов, это может быть весьма опасно.

Они оставили его в блевотине на грязном ковре. Закрывая за собой дверь, громила повернулся и сказал:

— Извините.

31

Рой Грейс никак не мог отойти после нагоняя, устроенного ему утром заместителем главного констебля Риггом. В списке преступлений, влияющих, по мнению Ригга, на качество жизни населения Суссекса, незаконное проникновение в жилище занимало одно из верхних мест.

Всего лишь три года назад, выступая на ежедневном собрании старших офицеров полиции, мероприятии, известном также как утренняя молитва, старший суперинтендент Грэм Баррингтон, начальник полиции Брайтона и Хоува, с гордостью заявил, что впервые за все время существования полицейской статистики в городе не отмечено ни одного случая квартирной кражи со взломом. Тогда казалось, что по крайней мере этот аспект преступности взят под жесткий контроль.

Но затем, по мере углубления рецессии, ситуация начала меняться. И все же случаев, подобных жестокому, возмутительному нападению на Эйлин Макуиртер, не отмечалось уже довольно продолжительное время. Заместитель главного констебля потребовал у Грейса отчета о ходе расследования.

Если уж по справедливости, Рой Грейс понимал, какому давлению да еще с разных сторон подвергается его непосредственный начальник. Дело прогремело на всю страну, подкрепляя давнюю и не вполне заслуженную репутацию Брайтона как рая для преступников.

Нужно — и поскорее — предъявить подозреваемых. Пока что Грейс мог назвать заместителю главного констебля только одно имя. Эмис Смолбоун. Но так ли на самом деле глуп Смолбоун, чтобы, выйдя по условно-досрочному всего пару месяцев назад после двенадцати лет тюрьмы, снова рисковать свободой? Ответ — Грейс знал это по собственному долгому опыту общения с преступниками — будет «да». Смолбоун глуп и безрассуден. Это его фирменное клеймо.

Брат Эйлин Макуиртер уже связался с ним и сообщил, что хочет предложить награду в один миллион фунтов за информацию, которая приведет к аресту и осуждению преступников. Грейс убедил его в том, что сумма слишком велика и обещание такого вознаграждения приведет лишь к валу бесполезных звонков в полицию. Они договорились на сто тысяч, после чего поставили в известность «Аргус», связались с благотворительной организацией «Краймстопперс», принимающей на своем веб-сайте сообщения от анонимных информаторов, и Сью Флит из управления по связям с общественностью.

Его беспокоил Гленн Брэнсон. Он звонил ему дважды, и оба раза Гленн отвечал, что говорить сейчас не может и перезвонит позднее.

Суперинтендент еще раз заглянул в записки, подготовленные для вечернего, назначенного на 6.30, совещания.

— Шеф, я думал, этот говнюк Смолбоун еще сидит, — сказал, подойдя, Дэвид Грин.

— Вышел по УДО, — объяснил сержант Гай Батчелор. — И это дело точно его, по всему видно. Богатый дом, жертва подвергнута пыткам. Сам он, конечно, этого не делал. Грязную работу выполняют шестерки, получают долю. Весь в папашу, только мозгов поменьше.

— Я бы с удовольствием сходил и поболтал с ним сам, но не думаю, что от такого разговора будет толк, — сказал Грейс, имея в виду их давнюю вражду, и повернулся к новенькой, детективу-констеблю Сэм Тови, изящной уравновешенной женщине с короткими темными волосами и приятными, разве что слегка резкими манерами.

Смолбоун был грубияном и садистом, но, как и все мужчины такого типа, тушевался, сталкиваясь с сильными женщинами. Грейс помнил, как в прошлом он всегда отступал перед женщинами-полицейскими. Оглядывая свою команду и напряженно думая, кого бы послать, суперинтендент решил, что подходящую пару Тови составит Белла Мой. Тридцатипятилетняя, достаточно зрелая, она сумеет противостоять Смолбоуну.

— Сэм и Белла, поезжайте и поговорите с ним. Спросите насчет алиби на вечер вторника, 21 августа. У меня есть его адрес, но, возможно, он уже переехал. Если да, обратитесь к инспектору по надзору. Привет от меня передавать не стоит.

Кто-то усмехнулся. Несколько человек в группе знали историю взаимоотношений Роя Грейса и Эмиса Смолбоуна, одного из самых гнусных представителей криминального мира Брайтона. Тринадцать лет назад Грейс, тогда молодой детектив-инспектор, арестовал Смолбоуна и сыграл решающую роль в том, что последний получил пожизненный срок. Чуть более двух месяцев назад Смолбоун вышел на свободу, но оставался под надзором.

Отец Эмиса, Моррис, считавшийся мозговым центром того, что было в свое время разросшейся криминальной империей, неоднократно ускользал от полиции. Другие шли за решетку, Моррис же был слишком ловок и хитер, чтобы попасться. Сын его способностей не унаследовал, а садистские наклонности гарантировали ему неприятности.

Поскользнулся Эмис Смолбоун на убийстве конкурирующего наркодилера — бросил ему в ванну электронагреватель. При аресте угрожал посчитаться лично с Роем Грейсом и его женой, Сэнди. Через три недели, когда Смолбоун был уже в тюрьме, кто-то опрыскал гербицидом все, что росло у Грейса в саду, а в центре лужайки появились выжженные слова:

ТЫ ТРУП

Грейс взял его на заметку с первых дней работы детективом. До того Смолбоун уже засветился в нескольких делах о мошенничестве, связанных с выманиванием денег и ценностей у пожилых, больных людей. При необходимости в качестве средств убеждения использовались угрозы и запугивания. На криминальной сцене Брайтона и Хоува не было области, в которой не попробовала бы себя семейка Смолбоун; кражи со взломом, наркотики, крышевание, рэкет, проституция, подделка фирменных вещей, угон автомобилей — они ко всему приложили руку. Сейчас Грейса заинтересовал тот факт, что его старый знакомый в былые времена охотился за антиквариатом, большая часть которого уже через считаные часы после кражи отправлялась в Испанию.

Любое нарушение закона грозило отпущенному по условно-досрочному незамедлительным возвращением в тюрьму и расставанием со свободой на долгие годы.

— У нас есть чем связать Смолбоуна с этим ограблением? — спросил Грейс.

— Не настолько же он глуп, чтобы браться за старое, едва освободившись, — сказала Эмма Джейн Бутвуд.

— Натуру не поменяешь, — ответил Поттинг.

Грейс заметил, что сержант сильно потеет.

— Смолбоун привык жить на широкую ногу. Насколько мне помнится, мы тогда сильно его почистили, так что ему надо зарабатывать.

Суперинтендент кивнул и обратился к Сэм Тови и Белле Мой:

— Алиби на вечер пятницы у него будет, это я вам гарантирую. Наверняка провел вечер в пабе, где его знают и где найдется десяток свидетелей, готовых это подтвердить. Ваша задача — потрясти, как говорится, клетку, дать понять, что мы его подозреваем. Пусть занервничает, тогда больше шансов на то, что где-нибудь да оступится.

— Может, установить за ним наблюдение? — предложил Батчелор. — Или взять телефон на прослушку?

— У нас нет достаточных оснований, чтобы оправдать такие расходы. Да и прослушка на этой стадии, скорее всего, ничего не даст.

Наблюдение за подозреваемым обходилось недешево, поскольку приходилось привлекать значительные людские и технические ресурсы, и Грейс сильно сомневался, что заместитель главного констебля даст санкцию на такие расходы. Критерием постановки телефона на прослушивание считалось наличие безусловных доказательств прямой угрозы человеческой жизни. Разрешительный документ подписывали либо Ассоциация полицейских начальников, либо министр внутренних дел. Грейс повернулся к Поттингу, получившему на прошлом совещании задание выяснить, есть ли какие-то движения на банковских счетах и кредитных карточках Эйлин Макуиртер.

— Норман, есть что-нибудь по карточкам?

От суперинтендента не ускользнуло, что Поттинг и Белла Мой снова переглянулись, и детектив как будто даже повеселел немного, а на лице его появилось довольное выражение.

— Есть, шеф. В течение двадцати четырех часов, в промежутке между вечером 21-го и вечером 22 августа, с банковского счета Эйлин Макуиртер было снято посредством дебетовой карты двести фунтов. За этот же период триста фунтов было снято с ее карточки «Америкэн экспресс», триста фунтов — с «Мастеркард» и двести пятьдесят по «Визе». Записи камер наблюдения в местах нахождения банкоматов проверены. В каждом случае снимавший деньги скрывал лицо.

Грейс нахмурился:

— По предварительной оценке, общая стоимость вынесенного из дома жертвы где-то в районе десяти миллионов фунтов. Странно, что при этом кто-то идет на риск ради относительно небольших денег.

— Я так считаю, — сказал Поттинг, — что это только подтверждает предположение о том, что дело заказное. Работали шестерки, которым пообещали какой-то небольшой процент. Вот они и рискнули ради приработка.

— Вполне возможно, — согласился суперинтендент. — Ее брат, Гэвин Дейли, большой игрок в мире антиквариата. И у его сына Лукаса тоже бизнес в этой сфере. Не мог ли кто-то из них приложить руку к ограблению?

— Босс, я разговаривал с обоими Дейли, старшим и младшим, — сказал Гай Батчелор. — По-моему, Гэвин по-настоящему опечален случившимся. Сын, на мой взгляд, тоже расстроен. Ничего криминального за ним нет, но ребята из отдела по борьбе с наркотиками к нему присматриваются.

— Можно подробнее?

— Сейчас на него собирают досье. Лукас управляет магазином, принадлежащим его отцу, и женат на ведущей телевизионной новостной программы Саре Кортни.

— Уж она-то в порядке! — вставил сержант Поттинг.

Белла метнула в него недовольный взгляд, и он замолчал и даже чуточку покраснел.

— Но ни к каким ограблениям не причастен? — уточнил Грейс.

— Нет, сэр, но один интересный факт я обнаружил. Два года назад его жена обращалась за помощью в полицию. Позвонила, сказала, что муж ее избивает, попросила приехать. Его арестовали, но впоследствии отпустили, потому что она отказалась выдвигать обвинение.

Рой Грейс кивнул:

— Возьмем на заметку. Спасибо, Гай. — В длинном списке презираемых Грейсом человеческих типов мужчины, поднимающие руку на женщину, занимали не последнее место.

— Единственная из остальных, кто регулярно бывал в доме миссис Макуиртер, — это домработница, приходившая к ней два раза в неделю. Ей семьдесят пять, и на семью Дейли она работает лет тридцать. В списке также садовник, древний старик, молочник, разносчик газет, сантехник, его зовут Майкл Магуайр — недели четыре назад он что-то чинил в туалете, — и Брайан Бейкер, в апреле менявший черепицу на крыше. Всех их мы сейчас проверяем.

— Хорошо. Спасибо, Гай. — Грейс повернулся к сотруднице управления по связям с общественностью Сью Флит: — Что у нас с прессой, Сью? Общественный интерес есть?

— Люди звонят и пишут, спрашивают, обнаружили ли мы какой-то другой мотив, помимо ограбления, и есть ли подозреваемые.

— На данный момент интерес — не более того — для нас представляет только Эмис Смолбоун. Сообщать об этом не нужно. Есть ли необходимость в еще одной пресс-конференции?

— Острой необходимости нет, но она появится к концу недели.

— О’кей, тогда во второй половине дня в пятницу. — Суперинтендент повернулся к эксперту-криминалисту Дэвиду Грину: — Что-нибудь новенькое?

— Ничего, сэр. И не будет, пока мы не получим подробный анализ отпечатков от ортопеда, Хейдна Келли. Больше мы в доме миссис Макуиртер ничего не нашли.

Обычно Грейс сохранял хладнокровие, но усталость и разнос в кабинете заместителя главного констебля не прошли бесследно.

— Черт возьми! — взорвался он. — Женщину пытали, ее дом буквально опустошили! Какие-то следы обязаны остаться, иначе быть не может! А у нас только три отпечатка обуви!

— Если что-то есть, босс, мы найдем, — заверил его Грин.

Суперинтендент посмотрел на Рея Пэкема из отдела высоких технологий, мужчину лет сорока с лишним, которого запросто можно было принять за менеджера провинциального банка.

— Дал нам что-нибудь телефон жертвы?

— Звонков очень мало. Не знаю, может, это и не важно, но буквально за секунды до нападения ей позвонили. — Пэкем заглянул в свои записки. — Мы проверили. Телефон принадлежит служащему компании, занимающейся электронными продажами. Сейчас они продают теплоизоляцию для чердачных помещений. Служащего зовут Гарет Дюпон. В конце прошлой неделе он от них ушел и со вторника работает в компании «Маунтинпик». Я бы не придал звонку значения, если бы не одна деталь. — Рей Пэкем улыбнулся суперинтенденту, но продолжать не стал, словно наслаждаясь моментом всеобщего внимания.

— Что за деталь?

— За Гаретом Дюпоном много чего числится. Привлекался четыре раза. Владение марихуаной. Это мелочь. Остальное выглядит повнушительнее. Нанесение тяжких телесных повреждений, хранение и сбыт краденого, и, самое серьезное, он сейчас на УДО, а срок получил за ограбление при отягчающих обстоятельствах.

— Хорошая работа, Рей, — сказал Грейс. — Мне, кстати, тоже предлагали эту теплоизоляцию, но я от них ловко отделался. Есть подробности по ограблению с отягчающими?

Пэкем кивнул:

— Да, шеф. Пять лет назад его арестовали после ограбления загородного дома в Льюисе. Хозяев, пожилую пару, связали и пытали, примерно так же, как Эйлин Макуиртер. От них требовали ПИН-коды кредитных карточек, прижигали сигаретами. Дюпон утверждал, что был всего лишь шофером, и получил по минимуму, так как дал показания против двух своих подельников. По-моему, неприятный тип. Имеет также связи с криминальными структурами в Испании — русской мафией, — специализирующимися на краже дорогих картин.

— Босс, — поднял руку сержант Батчелор, — я тут вспомнил кое-что.

— Рассказывайте.

— Несколько лет назад у нас было дело с ограблениями загородных домов. Так вот, преступники использовали похожий трюк: звонили жильцам, предлагали что-то купить, а в это время в дверь кто-то звонил. Возникает неразбериха, люди теряют бдительность, особенно пожилые.

Рой Грейс записал что-то в блокнот.

— Хорошо, Гай. Соберите всю информацию об этом типе, выясните, чем занимается сейчас. С кем общается, с кем встречается. Все, что есть. А потом мы с вами прокатимся и поболтаем с ним.

— У нас есть адрес места жительства?

— Его должен знать инспектор по надзору. Или сходите завтра в «Маунтинпик», где он работает. Как соберетесь, предупредите — я бы тоже с вами прокатился. Заинтересовал меня этот тип.

— Есть, шеф.

Грейс нашел взглядом сержанта Мой.

— Белла, тот «молоточник», что оставил листовку в доме Эйлин Макуиртер, Р. К. Мур. Сегодня утром мне позвонил Энди Килли, инспектор из оперативного отдела. Сегодня в пять часов утра с полицией Суссекса связалась старшая медсестра из окружной больницы. Прочитала в «Аргусе» о том, что грабители, пытая Эйлин Макуиртер, прижигали ее сигаретами, а тут, утром в воскресенье, к ним поступил пациент с ожогами по всему телу, а также внутренними, назвавшийся Рики Муром. В отделение экстренной медицинской помощи пришел сам. Не буду вдаваться в детали, но сесть — или комфортно сходить по-большому — он сможет еще не скоро, через несколько недель.

— Шеф, так вы имеете в виду, что он педик? — спросил Норман Поттинг.

— Не по своей воле, — поморщился Грейс. Простота сержанта его раздражала. — Вряд ли кто-то получает удовольствие, когда ему в прямую кишку суют раскаленные щипцы для завивки.

— Фу, — выдохнул Поттинг.

— Вот именно, Норман, самая подходящая реакция, — язвительно заметил Грейс. — Я хочу, чтобы вы с Беллой съездили туда и поговорили с ним.

— Есть, шеф.

Суперинтендент уже заканчивал совещание, когда к нему подошел Поттинг:

— Не могли бы уделить мне минутку, шеф? Хотел посоветоваться.

Грейс посмотрел на часы — он помнил о данном Клио обещании вернуться домой пораньше.

— В моем кабинете через пять минут. Только побыстрее.

32

К неудовольствию Грейса, сразу после совещания Норман Поттинг проследовал за ним по коридору к офису открытой планировки, в котором помещался отдел тяжких

преступлений. Вообще-то он рассчитывал на небольшую передышку, чтобы позвонить Клио и сказать, что скоро будет дома.

Идя по зигзагообразным коридорам и с раздражением прислушиваясь к шагам следовавшего буквально по пятам за ним Поттинга, он проверил поступившую на «блэкберри» почту.

Едва он открыл дверь и вошел в кабинет, стягивая пиджак и вешая его на крючок, как на пороге возник и Норман Поттинг. Грейс втиснулся в пространство позади небольшого стола, и детектив-сержант грузно повалился на стоявший напротив стул. Одежда Поттинга пропахла трубочным табаком, но против этого суперинтендент не возражал. Он сам иногда покуривал, а потому не одобрял те драконовские меры, что предпринимало сейчас правительство против курильщиков. По правде сказать, он даже завидовал Поттингу, столь беспечно игнорировавшему запрет на курение при первой же удобной возможности.

— Итак, Норман? — сказал он, бросая взгляд на вновь загоревшийся красным экран «блэкберри», потом на часы. — Расскажешь?..

Поттинг заметно нервничал, что для него было нетипично.

— Видите ли, шеф, все дело в том… хм… понимаете ли… — начал он с деревенской картавостью и зарделся, потом почесал брови пальцами обеих рук. — Я тут на прошлой неделе… ходил к врачу… а сегодня утром вернулся к нему за результатами, потому-то и опоздал на совещание. Дело в том… он послал меня пройти кое-какие тесты… в последнее время у меня вроде как что-то не ладится с мочеиспусканием. То и дело бегаю в сортир по ночам. — Он вымученно улыбнулся.

Суперинтендент вернул ему улыбку, терпеливо ожидая, когда же сержант подойдет к сути вопроса.

— Сочувствую, Норман.

— Да… Ну, так вот, понимаете… — Поттинг заговорщически огляделся, затем понизил голос, словно они и не были в кабинете одни. — В общем, оказывается, у меня возникли кое-какие проблемы с простатой. Вроде как рачок укусил.

— О боже, мне жаль, Норман.

Грейсу действительно было искренне жаль Поттинга.

— Док говорит, есть варианты. Один — хирургическое вмешательство, вырезать там все… но тогда у меня, возможно, уже никогда и не встанет, если вы понимаете, о чем я. — Он покрутил указательным пальцем, иллюстрируя проблему. — Вероятность — процентов двадцать.

Рой Грейс кивнул. Хотя ему и жаль было Поттинга, вести разговоры про секс ему отнюдь не улыбалось.

— А в дальнейшем болезнь не вернется?

Поттинг печально покачал головой:

— Судя по всему, в большинстве случаев — нет. Еще один вариант — лучевая терапия. Насколько я понял, тогда все у меня будет функционировать, как и прежде… вот только рак может и не отступить. То есть… я хочу сказать… еще парочка годков — и все, опускай занавес. Мне нужно обсудить это с кем-то, но по-настоящему близких друзей в общем-то нет… У вас котелок варит, шеф. Может, вы чего посоветуете?

Грейс подумал, что впервые на своей памяти видит Нормана Поттинга таким потерянным. Тот выглядел словно маленький ребенок, ждущий, что учитель похвалит его за выполненное задание. Сержант зачастую вызывал у него раздражение, но сейчас он искренне сочувствовал коллеге, вставшему перед нелегким выбором.

— Даже не знаю, что и сказать, Норман. Не думаю, что я вправе давать подобного рода советы. А что на сей счет говорит твой доктор?

— Что я должен принять решение. Потом я побеседовал еще и с медсестрой — ничего такая дамочка, скажу я вам, — но вы единственный человек, мнению которого я доверяю… в том плане, что можете об этом судить непредвзято.

Грейс сделал глубокий вдох.

— Я недостаточно владею темой, чтобы дать тебе объективный совет. Вижу, сейчас ты немного расстроен. Думаю, надо как следует все обдумать, прежде чем что-либо решить.

— Даже не знаю, смогу ли пойти на такой риск… чтоб никогда больше. Выбор не из легких, если вы понимаете, о чем я.

Грейс вздрогнул — он прекрасно все понимал. Материалов на эту тему в прессе встречалось немало. Но в сорок лет эта проблема еще не заботила его настолько, чтобы о ней думать. Теперь его просили помочь принять решение, от которого, возможно, зависела жизнь человека.

— Собери все факты, Норман, о’кей? Соберешь — и мы рассмотрим их вместе, один за другим.

— Представьте, что это вы, не я. Что бы вы сделали?

Грейс пожал плечами:

— Не знаю, честно говоря, не знаю. Думаю, моя первая реакция была бы такой: жизнь это нечто куда более значимое, чем секс. Но я скажу тебе вот что. Исходя из всего того, что я видел собственными глазами, в пожилом возрасте есть свои хорошие стороны, но много и плохих. Я верю скорее в качество жизни, нежели в ее продолжительность. Если ты чувствуешь, что секс занимает важную часть твоей жизни, то должен взвесить, готов ли пожертвовать им ради нескольких лишних лет, которые проведешь играя в блошки и справляя малую нужду в памперсы в доме престарелых.

Поттинг ухмыльнулся:

— Да вы свой парень, шеф! Грейс покачал головой:

— Вряд ли. Хотя, возможно, когда-нибудь и пойму, что это за штука — жизнь. Вот тогда-то и смогу дать тебе правильный совет, а пока что…

Грейса прервал звонок мобильного. Бросив взгляд на дисплей, он увидел, что звонит Гленн Брэнсон. Извинившись перед Поттингом, суперинтендент ответил и тотчас же услышал всхлипывания друга.

— Черт, Рой, — пробормотал он. — Вот же дерьмо. Эри только что умерла.

33

Толстяк в капитанской фуражке, сидевший за рулем белого, с откидным верхом, «роллс-ройса-фантома», выглядел точь-в-точь как мистер Тоад. Удерживая руль всего лишь одним пухлым пальцем, он неспешно катил среди полчищ отдыхающих, беззаботно прогуливавшихся по набережной Пуэрто-Бануса.

Автомобили парковались на выкрашенных белым, элегантно разделенных цепями стоянках. Позади них беззаботно качались на волнах офигенные яхты, по большей части также ослепительно-белые и щеголявшие всевозможными, так называемыми «удобными» флагами. «Ас», «Далекие дали», «Тио Карлос», «Шаф». Одни из них приходили и уходили; другие, как и принадлежавшая ему, стояли здесь круглый год. Его яхта была из самых больших, и этот факт грел душу.

Ему нравилось это место. Дорогие брюлики, яркие цвета, дизайнерские солнцезащитные очки — в воздухе здесь стоял запах роскоши. И он был частью этого места, этой роскоши — лишь очень немногое, вроде трех бывших жен и двадцатичетырехлетней стриптизерши, которую он теперь трахал, заставляло его ненадолго забывать об этом. Когда-нибудь здесь он и умрет — состоявшимся, всего достигшим, довольным жизнью человеком!

Кабриолет проплывал мимо уютных баров и ресторанов, магазина «Булгари», бара «У Джека», потом миновал «Хлоэ», «Американскую пивную», «Дольче & Габбана». Яхты стояли кормой вперед — средиземноморский стиль! — вдоль понтонов яхтенной пристани по правую от него руку, впереди, на холме, высились белые мавританские виллы с красными черепичными крышами. Даже палящие лучи яркого солнца несли ощущение такой же ободряющей дороговизны, как и все прочее.

Облаченный в мешковатую белую рубашку, шорты-бермуды и сандалии «Гуччи», вдыхая приятный запах, исходивший от обтянутых тонкой кожей сидений, он вел машину неспешно, стараясь не обгонять беспечных прохожих. Он никуда не торопился; до отъезда в аэропорт времени оставалось еще столько, что он вполне успевал спокойно пообедать и сгонять партию-другую в гольф, а сейчас просто наслаждался жизнью. Он был очень доволен собой — даже более доволен, чем обычно. Благодушно принимая восхищенные взгляды, адресованные роллсу, он покачивал головой в такт звукам, несшимся из колонок стереосистемы, — играл «Миллионер» в исполнении «Доктора Хука». Ему нравилось проигрывать эту песню снова и снова, потому что им он, малыш Имон Поллок, родившийся в семье бедняка-неудачника, и был теперь — миллионером.

— «Денег больше, чем волос у лошадки», — пропел он во весь голос, вторя словам «Доктора Хука», и с лучезарной улыбкой помахал пухлым мизинцем улыбнувшейся ему миловидной женщине, потом притормозил перед молодой парой с прогулочной коляской, остановившейся поднять брошенную ребенком мягкую игрушку. Едва он это сделал, зазвонил телефон. Номер не определен, высветилось на экране.

Он поднес трубку к уху — никогда не знаешь, кто в толпе может тебя слушать.

— Имон Поллок на связи, — радостно произнес он.

— Это я. Как поживаешь?

— Как я поживаю? Да лучше некуда, спасибо! Солнышко светит, и я реально доволен жизнью. Да и с чего бы не быть довольным, а?

— У нас проблема. Кое-кому сейчас совсем не до веселья.

— Так как бы нам пролить на него немножко солнечного света?

— Начать можешь с того, что попытаешься вернуть к жизни его мертвую сестру.

На мгновение Поллоку показалось, что солнце забежало за тучку. Но небо по-прежнему было лазурно-синим.

— Она умерла?

— Твои головорезы убили ее.

Он выключил музыку.

— Ну, таких указаний я им не давал.

— И что ты намереваешься с этим делать?

— Я тебе скажу, что я намереваюсь с этим делать. Я намереваюсь как следует пообедать, затем поиграть в гольф на моем любимом поле, а потом меня ждет самолет. А ты?

— Когда я получу свою долю? — угрюмо спросил звонивший.

— Хороший мальчик, наконец-то мы говорим на одном языке! Со временем, когда я проверну все сделки, ты ее получишь.

— Ты говорил, что заплатишь мне сразу по оценке.

— Неужели?

— Да.

— Это совсем не в моем стиле. Боюсь, тебе придется запастись терпением, дорогуша.

— Мы так не договаривались, ублюдок!

Паренек в красных шортах фотографировал машину. Имон Поллок услужливо улыбнулся.

— Рад был пообщаться! — сказал он и отключился.

Он вновь врубил трек «Доктора Хука», думая уже об обеде. Сегодня можно побаловать себя запеченным омаром и бокальчиком — или двумя — «шабли». Нет ничего лучше аппетитной еды перед приятной партией в гольф.

Жизнь так прекрасна!

Он взглянул на золотые часы «Патримони» от «Вашерон Константен», стоимость которых на самом деле измерялась в гораздо большем количестве фунтовых банкнот, чем было волос у лошади, или измерялась бы, приобрети он их честно, по рыночной цене в двести тысяч фунтов.

Но слово «честность» отсутствовало в его словаре, как и другое — «совесть». Он похлопал себя по круглому, как мяч, животу. Да, сегодня он определенно настроен отведать омаров.

И совершенно всем доволен. И вот-вот станет намного богаче, чем был всего неделю назад.

Он вновь добавил громкости и, улыбаясь окружающему миру, весело запел вместе с «Доктором Хуком»: «Пожалуйста, не пойми меня превратно! Денежки все у меня, а я гадкий паренек!»

34

В скудно обставленном врачебном кабинете, расположенном в одном из подвальных помещений в мюнхенском районе Швабинг, неподалеку от реки Изар, лежала на кушетке психоаналитика женщина — чуть за тридцать, короткие, подстриженные «под мальчика» каштановые волосы, вполне подходящая для знойного летнего дня одежда — джинсовые шорты, белый топ с бретельками и яркие гавайские шлепки.

— Итак? — сказал доктор Эберштарк, прервав обычное для Сэнди затяжное молчание.

Сэнди вздрогнула.

— Продолжим невербальное общение? Может, лучше поговорить?

— Не понимаю, — сказала она.

— Что именно вы не понимаете?

— Почему я так сильно его ненавижу.

— Вы ведь ушли от него, не так ли? — Этот вопрос они уже давно прояснили, но психоаналитик повторил его снова, как делал время от времени.

— Да.

— Когда уже были беременны от него?

Она ничего не ответила.

— И вы ведь так ему и не сказали, что беременны?

— У меня не получалось зачать несколько лет.

— Так почему же вы ничего ему не сказали?

— Потому что… — Сэнди надолго замолчала, затем произнесла: — Потому что если бы я сказала… — И она вновь погрузилась в молчание.

— Потому что если бы вы сказали?.. — подтолкнул он ее, чувствуя, что они подходят к чему-то важному.

— Мне бы пришлось остаться.

— А это было бы так плохо?

Она кивнула.

— Почему?

— Будь вы замужем за копом, вы бы поняли.

— И чем же плохо быть замужем за копом?

Помолчав немного, она сказала:

— Я всегда была для него на втором месте. Работа — на первом, я — на втором… когда у него вообще находилось на меня время.

— А вам не кажется, что с рождением ребенка все бы изменилось?

— Нет, не кажется. — После секундного колебания она призналась: — И потом, с ребенком связано кое-что еще. — Она умолкла. Покраснела.

Психоаналитик посмотрел на часы.

— О'кей, на этом мы и остановимся. Сможете прийти в понедельник? Тогда и расскажете, что это за «кое-что». Хорошо?

— Montag, — согласилась она. — Понедельник.

35

Пройдя по длинному лабиринту коридоров Суссекской королевской окружной больницы с их стойким запахом половой мастики, они оказались в послеоперационном отделении, где проходил курс лечения Рики Мур. Здесь воздух был посвежее, да и пахло получше. Медсестра провела Беллу Мой через все отделение к самой дальней кровати. Лежавший на ней пациент не спал — одетый в бледно-голубую больничную пижаму, частично прикрытый одеялом, он безучастно смотрел перед собой. Старомодный телевизор на поворотном кронштейне был включен, но шел без звука. На столе, напротив полулежавшего на подушках болезненно бледного мужчины, стояла одинокая открытка; рядом с ней — стакан воды, небольшая коробочка с таблетками и свежий, еще нечитаный выпуск газеты «Аргус». Возле кровати — стул.

Медсестры — вторая подошла помочь коллеге — задернули занавески вокруг кровати, создав некое подобие уединенности. Белла Мой опустилась на стул.

— Рики Мур? — спросила она, как того требовал протокол.

Он посмотрел на нее недоверчиво, но ничего не сказал.

Едва взглянув на него, она подумала: да он же вылитая копия телевизионного актера Дэнниса Ватермана, бывшей звезды «Механика» и нынешней — «Новых улик».

Она предъявила удостоверение:

— Детектив-сержант Мой, суссекское управление уголовных расследований. Готовы ответить на несколько вопросов?

Он поморщился, с трудом выдавливая из себя по слову зараз:

— Если… хотите… столица… Перу… Лима.

Она улыбнулась.

— Очень остроумно.

Он вновь поморщился.

— Как я понимаю, Рики, вечером в пятницу вы подверглись нападению? Ничего, если я буду называть это именно так?

Пару секунд он просто смотрел на нее, потом кивнул.

— Вы знаете тех, кто это сделал?

Он покачал головой.

— Уверены?

Молчание.

— Если не ошибаюсь, Рики, вы занимаетесь антиквариатом?

— Да.

— Выглядите неважно, вам больно говорить?

Он кивнул.

— Я быстро. Кто-то обошелся с вами очень жестоко. Да?

Он уставился в никуда.

— Насколько жестоко, Рики?

Он продолжал смотреть в пространство.

— Не слышу ответа, Рики. Почему вас истязали?

Молчание.

— Врачи говорят, у вас серьезные повреждения внутренних органов. Пробит кишечник, сильно повреждены нервы. Вам что, нет до этого никакого дела?

Ни слова в ответ.

— Я бы жутко расстроилась, случись со мной такое. А вы разве нет?

Ничего.

Она посмотрела на открытку.

— Жена прислала?

— Подруга.

— Вас не беспокоит, что, возможно, вы никогда больше не сможете заниматься с ней любовью? И что, быть может, до конца дней будете страдать недержанием?

Он наградил ее угрюмым взглядом.

— Вы подверглись жестокому нападению. Насколько я понимаю, у вас серьезные ректальные ожоги. Это так?

— Я… старушку… пальцем… не трогал… — произнес он тихим, страдальческим голосом.

— Так это из-за нее с вами так?

Он не ответил.

— Может, скажете, кто издевался над старой леди? И кто так поизмывался над вами?

— Никто надо мной не измывался.

— Мне сказали, что вам засунули в задний проход что-то очень горячее. А с учетом пробитого кишечника, вы просто счастливчик, что не умерли от сепсиса. Вас кто-то пытал?

Он покачал головой.

— Нет, я просто ремонтировал кое-что и случайно сел на включенный паяльник. Даже не знаю, как так вышло.

— Вы занимались ремонтом нагишом?

Он закрыл глаза.

— Хотите рассказать что-то еще?

Молчание.

Через десять минут врач и медсестра отдернули занавеску и сказали Белле, что пациенту нужно поспать.

Выйдя из больницы, она набрала номер Роя Грейса.

36

— Знаешь, что хуже всего? — пробормотал сквозь слезы Гленн Брэнсон.

Они сидели в дальней кабинке паба, неподалеку от Суссекской окружной больницы, и он пил уже вторую пинту.

— Что? — Рой Грейс обнял друга за плечи.

На столе перед ним стоял стакан с виски «Гленфиддиш». Пить бы и не следовало, как-никак он был на службе, и на вечер оставалась кое-какая работа, но бывают же исключения. Новость Гленна глубоко его потрясла.

— Сознавать, что утром Эри ждет вскрытие. — Он посмотрел на Грейса из-под потяжелевших век. — Мы ведь знаем, что это такое.

Слов не было, и Грейс только кивнул.

— Ее будут резать. Распилят череп, вынут мозг. Потом разрежут грудь и…

Он не договорил, всхлипнул.

— Не ходи туда, — сказал Грейс.

— Но они же все равно это сделают, так? — Брэнсон беспомощно взглянул на него. — Мы же говорим о женщине, которую я любил. Матери моих детей. Я этого не вынесу.

— Им нужно понять, что случилось, — сказал Грейс и тут же пожалел об этом.

— Я знаю, что случилось. Она ехала по кольцу на набережной. Перед ней кто-то остановился. Даже не оглянулся. Она в них врезалась, упала с байка, сломала руку в трех местах и вывихнула плечо.

— Она была в шлеме? — нахмурился Грейс.

— Она всегда его надевала. И детей заставляла.

— Но если умерла, значит, серьезно повредила голову, так?

— Нет. Ее повезли в больницу, чтобы сделать операцию на руке, вставить металлические спицы и вправить плечо. Стали делать анестезию, а у нее аллергическая реакция на эту… как ее… злокачественную гипертермию. Похоже, именно это и случилось. По статистике, один шанс то ли на сто тысяч, то ли на миллион.

Грейс помолчал, потом взял друга за руку и легонько сжал.

— Я слышал, что такое иногда бывает… аллергическая реакция на анестетики. Кто бы мог подумать… Господи. Ты, дети… — Ему трудно было говорить.

— И как мне теперь объяснить им, что мамочка никогда уже к ним не придет?

— Может, стоит поговорить с детским психологом? Посоветоваться? Возьми отпуск на несколько дней.

Брэнсон пожал плечами.

— Спасибо. Посмотрим. Не знаю…

— Тебе нужно со многим разобраться.

— Да, — задумчиво сказал он.

Как же ему плохо, думал Грейс. И он такой беспомощный. Даже когда Эри выгнала его из дома, Гленн не отчаялся, совладал с собой, но сейчас, сломленный горем, он совсем растерялся.

— Да, просто невероятно. Чего только не бывает. Она падает с байка — такое с любым может случиться — и умирает в больнице от анестетика. Знаю, вы уже не были вместе, но мне очень жаль.

Брэнсон пожал плечами.

— Да. Знаешь, я так хотел, чтобы мы… ну, по крайней мере, перестали ненавидеть друг друга… остались… — он порывисто вздохнул, — остались друзьями.

Грейс молчал.

— Та дура, что остановилась перед ней… ее, наверное, даже не оштрафуют. А я вот теперь буду хоронить жену и мать моих детей.

— Тебе нужно быть сильным — ради детей, — сказал Грейс, пытаясь найти что-то позитивное, что могло бы отвлечь друга от трагедии. Его отношения с хитроватой, придирчивой и вечно недовольной чем-то женой Гленна окончательно испортились около года назад. Откровенно говоря, она никогда ему не нравилась. Гленн в конце концов ушел из дома и с тех пор жил в опустевшем коттедже Грейса. Место же сержанта занял новый приятель Эри.

Брэнсон разом допил оставшееся пиво и уныло кивнул.

— Кто сейчас с детьми?

— Сестра Эри приехала.

— А ее бойфренд?

— Собрал вещички и смылся. Подальше от проблем. Показал себя во всей красе, да?

— Уже? Так быстро?

— Спиди Гонсалес. [2]

Грейс покачал головой.

— Им нужен отец. Ты уже виделся с ними?

— Нет.

— Тебе надо съездить туда. Не откладывая. Это же твой дом. Надо взять все на себя.

— Она настроила детей против меня.

Грейс покачал головой. В такой ситуации трудно давать советы, и он сам не знал, что делать, но понимал — Гленн должен поступить как мужчина, взять на себя всю ответственность.

— Я тебя отвезу.

— Моя машина осталась на больничной стоянке.

— Тебе в таком состоянии за руль садиться не стоит. Я тебя подброшу.

Брэнсон невесело усмехнулся.

— Что мне делать, Рой?

— Я скажу, что тебе делать. Помнишь, несколько лет назад ты рассказывал мне, почему пошел в полицию?

— И что я рассказывал?

— Ты говорил, что был когда-то вышибалой в ночном клубе. Когда родился сын, Сэмми, ты посмотрел на малыша и вдруг подумал, что вот он подрастет и пойдет в школу и у него спросят, кто его отец. Ты не хотел, чтобы мальчик отвечал, что его папа — вышибала. Ты хотел, чтобы он гордился тобой. Поэтому ты пошел в полицию. И не важно, как там Эри настроила против тебя детей. Я сейчас отвезу тебя, и ты войдешь в дом и обнимешь их. Придет день, очень скоро, и они позабудут все плохое, что говорила о тебе Эри. Они будут гордиться тобой. Потому что ты особенный и им чертовски повезло иметь такого отца.

Сержант неловко улыбнулся.

— Знаешь, когда родилась Рэми, я как-то смотрел на них обоих, и мне в голову пришла чудная мысль. Я подумал, что когда-нибудь ты будешь думать обо мне лучше, чем я на самом деле есть. И что мне надо становиться лучше, чтобы смягчить твое неизбежное разочарование.

Рой Грейс поднял стакан и чокнулся с кружкой Гленна.

— Все будет хорошо. Знаешь, дружище, я ведь тебя люблю. Правда.

Брэнсон схватил его за руку, сжал, сморгнул слезы. Перевел дыхание.

— Дай мне сказать кое-что. Это предупреждение, так?

Грейс нахмурился.

— Предупреждение?

— Я не хочу, чтобы с тобой случилось то же, что и со мной. Тебе тоже хватило в жизни всякого. Но теперь ты должен понять, что с рождением Ноя твои отношения с Клио изменились навсегда. Ты уже не самое главное в ее жизни и никогда больше таким не будешь. Ты всегда будешь на втором месте, после сына и других детей, если они появятся. Я говорю тебе это, потому что знаю — ты достойный, заботливый человек, но ты загружен работой, и пройдет какое-то время, прежде чем ты это осознаешь. Наши дети не свели нас с Эри вместе, и за это я виню себя.

Грейс покачал головой:

— Не упрекай себя. Не за что. Ты хороший человек.

У него зазвонил телефон. Он ответил и бросил взгляд на часы. Четверть девятого. Он собирался вернуться пораньше домой и помочь Клио, которая, судя по голосу, держалась из последних сил. Но случившееся с Гленном было все же важнее.

— О’кей, — неохотно сказал он звонящему. — Встретимся в девять. Через сорок пять минут.

Грейс дал отбой и повернулся к Гленну:

— Допивай и поедем домой. Домой. К твоим детям.

— И что я им скажу?

Грейс сжал кулак и легонько ткнул друга в щеку.

— Скажи просто: я ваш папа и я дома.

37

— Размечтался, — процедил Эмис Смолбоун сквозь отсутствующие зубы.

Они сидели в отдельной кабинке в шумном пабе, напротив аквариума с тропической рыбой, выступавшего в качестве перегородки; он со стаканом виски и злой как черт, потому что не курил уже полчаса — на улице, где дожидался этого припоздавшего мудака, лило как из ведра, да еще все болело от побоев. Он был в своем обычном летнем прикиде — синий блейзер, рубашка с открытым воротом, цветастый галстук, модные брюки из хлопчатобумажного твила и туфли на кубинском каблуке.

— Я так не думаю, — сказал Гарет Дюпон, расположившийся напротив него с пинтой диетической колы и пакетиком чипсов со вкусом лука и сыра. Он тоже был жутко зол, так как уже сильно опаздывал на встречу с Суки Янь. На нем были белая тенниска, джинсы, куртка «пилот» из мягкой кожи и модные лоферы. — Кстати, что это с тобой?

— Наткнулся на дверь.

Дюпон кивнул, не проявив ни малейшего интереса к подробностям.

— Уговор есть уговор, — сказал Смолбоун. — Условия никто менять не может. И в этом городе никто ни на кого не стучит.

— А мне и не нужно ни на кого стучать, — заметил Дюпон. — Ты не был со мной откровенен. Не сказал, какие бабки здесь стоят на кону, не сказал, что я могу стать подозреваемым в деле об убийстве. Я тоже, как и ты, вышел под расписку. Ты попросил найти безопасное местечко для парочки-другой картин, но не говорил, что мне придется возить каких-то психов и барахла на десять миллионов фунтов.

— Ты что, действительно думаешь, что можешь всех сдать и получить вознаграждение? Гребаный мечтатель, вот ты кто.

Дюпон покачал головой:

— Ты отсидел немалый срок, Эмис, но не говори, что совсем отстал от жизни. — Он сунул руку в пакет с чипсами. — Должно быть, слышал о «Краймстопперс»?

— А что это такое?

— Благотворительная организация. Любой законопослушный член общества может позвонить им — анонимность гарантирована. Они никогда, ни за какие коврижки, не выдадут звонившего полиции или еще там кому. Но если этот анонимный звонок приведет к аресту и осуждению преступника, звонивший получит награду. Ну так как, споемся?

— Ты забываешь, Гарет, что я знаю здесь всех и каждого. — Смолбоун говорил доброжелательно, как дядюшка с беспутным племянником.

— А ты забываешь, что отсидел двенадцать с лишним лет, Эмис. Большинство твоих корешей там, за решеткой, и остались или же и вовсе сгинули. Потому-то ты на меня и вышел.

— И чего же ты хочешь?

— Ты предлагал мне за это дело десять кусков, так?

— На что ты согласился, причем с превеликим удовольствием, — ответил Смолбоун.

— Ага, вот только теперь я хочу сто штук. Или ты возвращаешься в тюрягу.

— Размечтался.

38

Грейс сидел у дома Гленна Брэнсона в Солтдине в своей новой — во всяком случае, новой для него — черной «альфа-ромео-джульетте», которую, как подержанную, купил по сниженной цене у «Фроста». По крыше барабанил назойливый летний дождь. Клио, судя по голосу в телефоне, совсем измучилась, и ему хотелось поскорее вернуться к ней, увидеть Ноя.

— Мне нужно встретиться с этим парнем, дорогая, это действительно очень важно.

— Ты же вроде бы говорил, что вернешься домой пораньше, — сказала Клио.

— Мне нужно было повидать Гленна. У него жена умерла — я ведь говорил, да? Умерла от аллергической реакции. Просто не верится.

— Да, говорил, и я даже представить себе не могу, что он сейчас чувствует. Бедняжка, мне так его жаль. Эйлин Макуиртер тоже умерла, и это ужасно. Ты должен найти ее убийц, и найти поскорее, и ты обязательно их найдешь, дорогой, потому что ты самый лучший. Но пара часов, Рой, ничего не изменят.

Сэнди никогда не понимала — или, по крайней мере, не принимала — того, что рабочий день детектива из отдела убийств может быть столь непредсказуемым. Но с Клио в этом плане проблем не возникало. Не приди время рожать, она бы так и работала у себя в морге Брайтона и Хоува, выезжая за трупами независимо от времени, днем и ночью, в самые неподходящие места, где бы ни умирали люди, а они редко бывают столь учтивы, чтобы самостоятельно испустить дух или пасть жертвой убийства в рабочее время. И все равно ему хотелось быть с ней, дома, хотелось проводить с Ноем каждую драгоценную минуту из своего свободного времени.

— Я делаю все, что могу, чтобы освободить уик-энд, милая.

— То есть ты сможешь выбраться на футбол? — В ее голосе проскользнули шутливые нотки.

— Если и смогу, то только по работе. Как там Ной?

— Вот уже часов пять как плачет, писается и срыгивает, и все это — без остановки.

— Я буду присматривать за Ноем всю ночь, когда вернусь, обещаю.

— Рада это слышать от тебя, дорогой, но вряд ли так будет. Ты тут же уснешь, а будить тебя я не стану, так как знаю, что в шесть тебе нужно быть на работе. И потом, у тебя нет молока.

— А разве не могу я покормить его из бутылочки, чтобы ты поспала хоть немного?

— Я так устала, — сказала она, — что едва соображаю.

— Буду дома, как только смогу.

Грейс с тяжелым сердцем отключил телефон. И как, черт возьми, он собирается быть одновременно и хорошим отцом, и хорошим детективом? Стоящая перед ним задача пугала. Возможно ли такое?

Должно быть, возможно, раз уж у других получалось. Вот только как этого добиться, он пока не знал.

39

У Гектора Уэбба, высокого мужчины с прямой, как доска, спиной и военной выправкой, были коротко подстриженные светлые волосы и грубоватое, в оспинах лицо. Когда Рой Грейс вошел в таверну Королевского павильона на брайтонской Касл-сквер, он сидел в баре с уже наполовину выпитой пинтой «Гиннесса».

Перед тем как переступить порог, Грейс по привычке прошелся взглядом по лицам посетителей, но ни одно не вызвало беспокойства. Лет двадцать назад Уэбб был детективом-инспектором так называемого «антикварного» отдела полиции Брайтона и Хоува — отдела, который, по экономическим причинам, был расформирован вскоре после его выхода в отставку. С тех пор он занимался тем, что пописывал документальные книги об авиации времен Второй мировой войны, удовлетворяя самую сильную свою страсть.

— Что тебе взять? — спросил Рой Грейс.

— Заказываю я, — настоял Уэбб.

После разговора с Клио Грейсу ужасно хотелось выпить, но он все еще был на работе.

— Диетическую колу со льдом, спасибо.

Уэбб сделал заказ, и они, получив свое, уединились за тихим столиком.

— Итак? — сказал Уэбб.

Будучи еще молодым детективом-констеблем, Грейс какое-то время служил под началом Уэбба, который как человек очень ему нравился.

Грейс быстренько изложил обстоятельства дела Эйлин Макуиртер, а потом сказал:

— Ты очень поможешь мне, Гектор, если намекнешь, где именно следует искать украденное. Я крайне далек от мира антиквариата, хотя и пытаюсь сейчас в ускоренном порядке с ним познакомиться, в основном с неоценимой помощью Перегрина Стюарта-Симмондса. Ты его знаешь?

— Да.

— Ты поддерживаешь связь с кем-нибудь из прежних дилеров?

Уэбб сделал большой глоток.

— Мир за эти годы сильно изменился, Рой. Но да, я и сейчас на связи с некоторыми из моих старых контактов, и, как они говорят, большинство дилеров переживают сейчас трудные времена, особенно после 11 сентября, когда сюда перестали приезжать американцы. Также они говорят, что и мода уже не та, что прежде. Люди теперь предпочитают иметь в домах современную мебель.

Грейс кивнул.

— Немаловажный фактор — это цена, — сказал Уэбб, допивая пиво.

Грейс принес ему еще бокал.

— Цена?

— Раньше люди обставляли дома главным образом старинными вещицами, потому что они обходились дешевле, чем новая мебель. Это ИКЕА сбила цены на антиквариат. Моя младшая дочь недавно вышла замуж, так они купили в ИКЕА чудесные столовые стулья по тридцать фунтов за штуку. — Он прихватил горстку орешков и, жуя, добавил: — Одно можно сказать наверняка: набег такого масштаба был спланирован заранее, и я совсем не

удивлюсь, если многое из похищенного заранее же было и продано. Из страны все это могли вывезти чертовски быстро. И вот что еще, Рой. Я бы не стал исключать участия в этом деле русской мафии. Скорее всего, это им приглянулись дорогие цацки, нежели кому-то в Испании. Но Марбелья — отличная отправная точка для русских и конечно же… для ирландцев.

— Ирландцев?

Уэбб кивнул:

— Люди забывают о них, но ирландская мафия в этот бизнес пришла гораздо раньше итальянской. Слышал о банде «Белая рука»? Может, Аль-Капоне и выкинул их из Нью-Йорка в конце двадцатых, но они никуда не делись. Покопайся в ИРА и ты обнаружишь ирландскую мафию в самом ее сердце.

Грейс криво улыбнулся.

— Интересно.

— В Нью-Йорке двадцатых годов они проворачивали это вместе с итальянцами, — продолжал Уэбб. — Теперь в испанской Марбелье, спустя девяносто лет, обделывают те же делишки за компанию с русскими и албанцами. Возьмем, к примеру, эти часы, «Патек Филип». Найдется масса русских, которые захотят получить редкие, винтажные часы и будут готовы раскошелиться не торгуясь. Когда я еще работал в отделе, мы знали, что двое из наших брайтонских дельцов ездили в Москву покупать краденые русские иконы, которые затем перепродавали в Финляндию, и кто знает, какими связями они за это время обзавелись.

Грейс отпил колы.

— Какие пути за рубеж нам нужно отслеживать, если допустить, что похищенный товар все еще в стране?

— Что вряд ли, — сказал Уэбб. — «Патек Филип» уже через пару часов после преступления могли уплыть через Канал во Францию в кармане какого-нибудь «ишака», как мы их называем, отправившегося в однодневный тур на ньюхейвенском пароме, где нет никакого досмотра. Обмен мог состояться в одном из придорожных кафе. Картины могли вырезать из рам и запихнуть на дно какого-нибудь чемоданчика для подобного же обмена. С мебелью все обстоит не так просто. — Он отпил пива и вытер рот тыльной стороной ладони. — Ее вывезти гораздо труднее, вероятно, понадобился бы контейнер, который отправили бы из Шорэмского или Ньюхейвенского портов. Дорогие экземпляры поместили бы среди обычной мебели, сочинив для таможни легенду, согласно которой все это, к примеру, идет на убранство какого-нибудь дома во Франции. Обычные таможенники, как правило, в антиквариате не разбираются.

— Прекрасно, — мрачно произнес Грейс. — Ну а если все это уже за границей, с чего мне следует начать?

— Я бы начал отсюда — с Шорэма или Ньюхейвена. Проверил бы все транспортные накладные на каждое судно, вышедшее из этих портов уже через пару часов после ограбления, а также все то, что еще ждет отправки. Особое внимание уделил бы тому, что отгружается в Россию или Испанию. Подержанным машинам — похищенное можно спрятать внутри них; контейнеровозам с грузом лесоматериалов или стали на борту, где может легко затеряться контейнер, полный антикварных вещиц. Да местные порты неплохо было бы прошерстить, начиная с Дуврского, Портсмутского, Саутгемптонского и Хариджского.

Грейс отпил еще колы.

— Ты говоришь о масштабной операции, Гектор.

— Да, так и есть. — Уэбб пожал плечами. — Ты расследуешь жестокое убийство и ограбление, тянущее на многие сотни тысяч. Я тебе не завидую.

— Есть хоть малейший шанс, что ты согласишься тряхнуть стариной и поможешь мне с этим?

Уэбб покачал головой и улыбнулся.

— Чтобы снова втянуться во всю эту политику? Нет уж, спасибо. Мне вполне хватает возни в саду, рыбалки с лодки и посиделок с моими четырьмя внуками. Я лишь в июле получил лицензию на управление яхтой, чему несказанно рад. Знаешь, что я крепко-накрепко усвоил за тридцать лет службы в полиции?

— И что же?

— Бороться с преступностью — это все равно что лежать перед ледником и пытаться его остановить. Если б я мог прожить жизнь заново и хотел во что бы то ни стало разбогатеть — а таких амбиций у меня никогда не было, — знаешь, каким бы бизнесом я занялся? Торговлей продуктами или оружием либо охранным. Люди всегда хотят есть, они всегда будут воровать и убивать друг друга.

— Да ты пессимист, как я вижу!

— Нет, Рой, я реалист.

Когда Рой Грейс покинул таверну Королевского павильона, уже смеркалось. К тому времени, как он, зажав нос, чтобы не дышать испражнениями, начал спускаться по бетонным ступеням автостоянки «Бартоломью», часы показывали уже без четверти десять.

Нужно было ехать домой, и суперинтендент остановился написать Клио эсэмэску, сообщить, что уже в пути. Но едва он отослал сообщение, как тотчас же пожалел об этом. Вот уже несколько часов его терзала некая смутная мысль, и только теперь, когда она окончательно оформилась в мозгу, он понял, что должен сделать.

40

Дом Клио находился менее чем в полумиле к северу от автостоянки. Но вместо того чтобы отправиться оттуда домой, Рой Грейс развернулся, а затем поехал на запад вдоль набережной. Клио это вряд ли обрадовало бы, да и ему самому радоваться было особенно нечему. Но он ничего не мог с собой поделать. Где-то там прятался тот, кто издевался над Эйлин Макуиртер, и этот негодяй вполне мог планировать очередное нападение на беспомощную жертву. Клио не права, если всерьез думает, что несколько часов ничего не изменят. На начальных этапах расследования убийства значение имеет каждый час, даже минута. Вполне возможно, что тот, кто стоит за этим ограблением, уже выбрал себе следующую цель…

Одолеваемый самыми противоречивыми эмоциями, Грейс в какой-то момент поймал себя на мысли, что завидует Гектору Уэббу, который, казалось, озабочен лишь собственным садом, ремонтом лодки и тем, чем еще бы побаловать внуков. Он вспомнил предупреждение Гленна Брэнсона о том, как дети целиком меняют жизнь человека. Размышляя о Сэнди и ее истериках всякий раз, когда его работа разрушала их планы, он задавался вопросом: в одних ли детях дело или все-таки это связано с характером работы детектива, расследующего убийство? Хочешь или не хочешь, а стремление раскрыть преступление и докопаться до сути преобладает над всем остальным в его жизни. Так было всегда, и он знал, что до тех пор, пока он останется на этой работе, так оно и будет. Прежде всего он должен добиться справедливости для жертвы и облегчить переживания ее семьи. Такова реальность.

Мысли постоянно возвращались к Гленну Брэнсону.

На айподе, подключенном к аудиосистеме автомобиля, он выбрал трек «Цена свободы» Марлы Глен. Через динамики зазвучал глубокий, богатый интонациями, проникновенный голос певицы, часто помогавший ему мыслить яснее. Рой проехал мимо крылатой статуи Мира, одного из своих любимых памятников, установленного точно на границе между Брайтоном и Хоувом, затем свернул на Хоув-Лаунс. Над головой проносились уличные

фонари. Он повернул направо, к памятнику королеве Виктории, и выехал на широкую нарядную Гранд-авеню. Часть ее, расположенная ближе к морю, была застроена высотными домами, многими из которых населяли состоятельные пенсионеры. Миновав перекресток на Черч-Роуд, он выехал на Драйв, где сохранилась большая часть оригинальной застройки, импозантные дома викторианского стиля. Здесь обосновались юридические фирмы и медицинские кабинеты, но сохранилось и немало частных квартир.

Примерно через полмили суперинтендент остановился у светофора на стыке с Олд-Шорэм-Роуд, затем поехал по Ширли-Драйв, с которой начинался район, в шутку прозванный Гленном Брэнсоном Ноб-Хилл. Прозвище вполне подходящее, подумал Грейс. Мало кто из офицеров полиции мог бы позволить себе какой-нибудь из здешних элегантных особняков, прилегающих к парку. Здесь селились сильные мира сего, среди которых вполне могли оказаться и удачливые преступники.

Он повернул направо, на Вудраф-авеню, и доехал до Дайк-Роуд-авеню, проходящую через центральную часть города. Дома здесь были еще выше, еще импозантнее. Он свернул налево, тут же принял правее, затем левее и, выехав на Уитдин-Роуд, оказался в одном из самых фешенебельных городских кварталов с извилистой, обсаженной деревьями дорогой и внушительными постройками, скрытыми за высокими заборами, стенами или оградами.

Что-то в этом деле постоянно мучило его и не давало покоя. Что-то здесь было не так. Что-то, что они упустили. Надо побыть одному, спокойно все обдумать. Надо побывать на месте преступления, причем в одиночку, чтобы никто не отвлекал от размышлений. Надо сосредоточиться, попытаться воспроизвести всю цепочку событий и пройти по ней…

Через несколько сотен ярдов дорога ушла влево, и он, повернув направо, выехал на уходящую круто вверх аллею, ведущую к дому Эйлин Макуиртер. В свете фар от елей и рододендронов запрыгали тени. Слева показался величественный и уединенный особняк, темный, заброшенный и, по правде говоря, жутковатый. В конце подъездной дороги Рой развернулся и направил фары на тыльную сторону дома, внимательно разглядывая окна, заднюю дверь, стены и крышу.

Он заглушил двигатель, но свет выключать не стал. Дождь прекратился, и легкий ветерок колыхал сине-белую оградительную ленту. Рой прокручивал в голове все, что знал об ограблении. Следов взлома обнаружено не было, и все выглядело так, что преступники для того, чтобы их пустили в дом, представились служащими «Уотерборд». Примерно в то время, когда, по их оценкам, произошло нападение, Эйлин Макуиртер позвонил продавец теплоизоляции Гарет Дюпон. Вполне возможно, что Дюпон не имел к случившемуся никакого отношения, но, по мнению Грейса, послужной список этого человека — кража со взломом при отягчающих обстоятельствах и сбыт краденого — неплохо вписывался в антураж данного преступления. Слишком уж много совпадений с этим злополучным телефонным звонком. Было бы неплохо выяснить, есть ли у Дюпона алиби.

По еще одному странному совпадению, вспомнил Рой, ему тоже звонили насчет изоляции для перекрытий через два дня после нападения на Эйлин Макуиртер. Но может ли здесь быть хоть какая-то связь? Он выбросил эту мысль из головы, вышел из автомобиля и извлек из дорожной сумки мощный фонарь. Прихватив пару защитных перчаток, Рой обошел дом и вышел к парадному входу. Где-то внизу, в темноте высветились и тут же исчезли чьи-то красные — по-видимому, крысы или другого грызуна — глаза. Суперинтендент взошел на крыльцо и, вынув дубликат ключа, открыл переднюю дверь. Оказавшись внутри, он сразу же заметил, что сигнализация не работает. Забыли поставить?

Подсвечивая фонарем, он быстро отыскал несколько стенных выключателей старого типа и нажал кнопку на одном из них. Зажглось несколько маломощных бра с розовыми абажурами. Пройдя через пустой коридор, Рой попал в кухню, где возле газовой плиты фирмы «Ага» увидел открытую кастрюлю с зеленой фасолью заплесневелого вида и рядом —

деревянную ложку. На стойке справа стояли горкой несколько кастрюль поменьше. Рядом — современный кнопочный телефон с очень крупными цифрами — для людей с ослабленным зрением. Наверное, прежде, чем открыть дверь, она сняла кастрюлю с плиты…

На входной двери имелись цепочка и глазок. Итак, либо Эйлин знала преступников, либо те обманом заставили ее открыть дверь. Кто из знакомых ей людей мог это сделать? Рой мысленно перебрал кандидатуры тех, кто был вхож в дом: пожилая домработница, садовник примерно того же возраста. Нет, только не они. Может быть, ее брат? Но тот совершенно не нуждается в деньгах. Племянник? Маловероятно. «Молоточник» Рики Мур в его списке стоял одним из первых…

В настоящее время полиция пыталась установить, как страховая компания ведет учет дорогих предметов и у кого мог бы быть доступ к этим данным. Проверялись и мойщик окон, и водопроводчик Майкл Магуайр, и маляры, и оформители. Строительный рабочий Брайан Бейкер и мастер по обслуживанию стиральной машины. Большинство домашних краж носят незапланированный характер, но данное ограбление было совсем другим. В Брайтоне и Хоуве проживает много таких же богатых, пожилых и весьма уязвимых людей, как Эйлин Макуиртер. Если преступники думают, что им это легко сойдет с рук, то наверняка нанесут где-нибудь новый удар. Это нужно предотвратить, и есть только один способ этого добиться — отправить негодяев за решетку. Но сначала их должно разыскать.

Как говорил Уэбб, десять миллионов фунтов — огромная сумма. За последние дни Грейс поговорил с несколькими местными антикварами, в том числе со специалистом по китайскому и японскому фарфору по имени Крис Тэпсел, экспертом по ювелирным украшениям Дереком ле-Варде и Саймоном Шнайдером, который регулярно появлялся в одной из любимых телевизионных программ Клио под названием «Тайные дилеры». Все как один высказались за то, что, очевидно, имеет место запланированная кража, в которой использована инсайдерская информация, и что на многие из украденных вещей выстроится целая очередь клиентов. Для восточного фарфора нашлись бы китайские покупатели. Большая часть мебели, вероятно, запланирована для отгрузки — или уже отправлена — в Россию. Картины были бы, скорее всего, куплены клиентами из США, Германии, Голландии или той же России.

Информация об имуществе, возможно, поступила от нечистого на руку сотрудника компании, заключавшего с Эйлин Макуиртер страховой договор. Но еще вероятнее, что эту информацию продал кому-то «молоточник» Рики Мур. Вполне привычное дело для таких, как он, обманом проникающих в дома богачей.

Несколько часов назад Белла Мой сообщила по телефону, что Мура жестоко истязали. Кто это сделал? И зачем?

В кармане завибрировал телефон, и на экране появился текст. Суперинтендент взглянул на дисплей. Сообщение от Клио.

«Рой, любимый, все хорошо?»

Он быстро ответил.

«Еще 30 мин. Извини. XXXXX».

Грейс возвратился в коридор и посмотрел на темную лестничную площадку. Огляделся — выключателя не было. Поднялся по ступенькам наверх, включил фонарь, снова поискал выключатель и опять не смог его отыскать.

Он посветил вверх и вниз: выключателя нигде видно не было. Тогда он распахнул настежь дверь в спальню Эйлин Макуиртер и, направив луч в темноту, шагнул вперед. Что-то ударило его по ногам, причем так сильно, что он вскрикнул от боли, потерял равновесие и, выронив фонарь, упал на ковер…

Всю свою жизнь Рой Грейс умел сохранять ясность мышления в трудной ситуации. Лежа в кромешной темноте — фонарик откатился на несколько футов, — он понимал, что противник только и ждет, чтобы он попытался дотянуться до него. И вместо этого откатился резко вбок, наткнувшись на что-то твердое.

— Ух! Черт!

Человек выругался, уронив что-то на пол. Что? Фонарик? Оружие? Рой услышал глухой звук от падения чего-то тяжелого. Он повернулся в темноте, сжал пальцы в кулак и, изготовившись к удару, перекатился, схватил свой фонарь и направил в сторону звука.

И увидел лежащего навзничь Гэвина Дейли в темно-зеленом костюме. Глаза его были закрыты. На мгновение Рой подумал, что убил старика. Он встал на колени и посветил ему в лицо. Через несколько секунд Дейли начал моргать.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Грейс.

Старик снова заморгал, открыл глаза, и на лице его мелькнула тревога. Грейс осветил собственное лицо, чтобы Дейли мог увидеть, кто находится рядом с ним.

— Господи!

— Вы в порядке? — повторил он.

— Вроде бы, — глотая воздух, ответил Дейли.

— Черт возьми, как же вы напугали меня!

— В следующий раз приезжайте в своей гребаной патрульной машине, — задыхаясь, проговорил Дейли. — И что, черт возьми, вы здесь делаете?

Отчаянно работая руками, старик с трудом сел и, выпрямившись, шумно выдохнул.

— Может быть, вы сами скажете, что здесь делаете, сэр, — ответил Грейс.

Он встал, включил свет и помог старику подняться. И только тогда увидел на полу трость с серебряным набалдашником и сразу понял, обо что ударился. Он передал трость хозяину.

— Я только что потерял свою сестру, единственного на свете человека, которого любил. — Гэвин Дейли пожал плечами. — Мне просто захотелось побыть здесь… ощутить ее присутствие. Понимаете? А один из ваших сказал, что за домом нужно следить. Что ублюдки могут вернуться и взять еще что-нибудь или сообщить другим о вещах, которые они не вынесли отсюда. Самое ценное я отправил на хранение. Но кто-то здесь уже побывал и кое-что забрал.

— Что именно? — Грейс опустился на колено и стал рассматривать болезненные рубцы выше лодыжек.

— Простите, если сделал больно.

— А вы чертовски сильны, тем более для своего возраста, — заметил Грейс с нескрываемым восхищением.

— Извините, но я ведь не знал, кто вы, черт побери, такой. Подумал, вы тот самый мерзавец, который, забрав фотографию часов «Патек Филип» из альбома Эйлин, вернулся за чем-то другим.

— Из альбома Эйлин?

— В тот четверг вечером он лежал здесь, в ее кабинете. Когда я приехал сюда, то увидел, что фотографии часов нет.

— А ее не мог взять кто-нибудь из моих коллег?

Дейли покачал головой:

— Нет, я уже спрашивал у вашего коллеги детектива Брэнсона. Это альбом с фотографиями особо ценных вещей. Должно быть, один из грабителей вернулся и забрал эту фотографию, чтобы вам потом было труднее опознать часы. Как вы думаете? Лично я

предполагаю вот что. Они взяли эту фотографию, а поскольку часы не застрахованы, в страховой компании они не значатся.

Грейс нахмурился. Если все так и случилось, значит, грабителей было больше, чем они подозревали.

— Возможно, сэр, но тогда это произошло за истекшие двое суток. Ни у кого ведь не было доступа в дом, когда он был опечатан полицией.

— Вот я и решил затаиться и подождать, когда они сюда явятся, — объяснил Дейли. — В последние дни мне что-то не спится. Но вы ведь, кажется, говорили о круглосуточной охране?

Старик был абсолютно прав. Но не говорить же ему, что урезанный полицейский бюджет не позволяет сделать все так, как задумано.

— Прилегающая территория ежечасно патрулируется, сэр.

— Разве? А я здесь с шести часов и за весь вечер не видел ни одной патрульной машины.

— Сколько вам лет, мистер Дейли?

— Девяносто пять. — Он снова резко выдохнул.

— Да вы настоящий здоровяк! И выглядите моложе лет на двадцать, уж это точно! В чем секрет такой формы?

В глазах Дейли мелькнул озорной огонек.

— Виски, сигары и от случая к случаю дикая, необузданная красотка.

Грейс усмехнулся. И тут же снова посерьезнел.

— Знаю, вас уже спрашивали об этом, но все-таки: как долго ваша сестра жила здесь?

Дейли ненадолго задумался.

— Приблизительно с 1962 года.

Грейс поблагодарил его.

— Разве это такая уж полезная информация, детектив?

— Возможно. Скажите мне, сэр, еще вот что. Вы ведь знаете мир антиквариата намного лучше многих специалистов в этой области. Вы не задумывались над тем, кто может за всем этим стоять? Кто-нибудь из местных, кто сможет реализовать такую партию краденого?

— Кто-то был очень хорошо осведомлен о том, что находится в доме, — ответил Гэвин Дейли.

Грейс посмотрел на односпальную кровать, выглядевшую слишком маленькой для такой огромной спальни.

— Эти часы… — задумчиво проговорил Дейли. — Знаете, в конечном счете это все, что меня беспокоит. Что бы еще ни вынесли отсюда ублюдки, бог с ним, пусть оставят себе.

Он с обреченным видом опустился на кровать.

— Но можно предположить, что многое, если не все, покроет страховка, не так ли, сэр?

— Да к черту страховку! Я вовсе не нуждаюсь в деньгах. Пусть они даже ничего и не выплатят, не страшно. Мой непутевый сын в любом случае спустит все после моей смерти.

— Лукас?

— Он самый. — Дейли помолчал несколько секунд, затем украдкой посмотрел на Грейса. — Вы, наверное, считаете меня твердолобым старым скрягой. И вы правы.

Грейс покачал головой:

— Нет, что вы.

— У вас есть дети, детектив?

— Сын. Совсем маленький.

Дейли кивнул, затем сунул руку во внутренний карман и извлек оттуда кожаный портсигар. Открыв крышку, он протянул его Грейсу. Там лежали три сигары.

Суперинтендент покачал головой:

— Спасибо. В другой раз — с удовольствием. Но не сейчас.

Дейли закрыл портсигар и задумчиво улыбнулся.

— Тот чернокожий парень, с которым я говорил, ваш коллега?

— Детектив-инспектор Брэнсон?

Дейли кивнул.

— Немного комик, не так ли? Повернут на кино.

— Ходячая киноэнциклопедия, — кивнул Грейс.

Дейли скривил губы.

— Но я сказал ему кое-что, о чем он не знал.

— О, в самом деле? — удивился Грейс, готовый вооружиться самородком знаний, чтобы при случае ткнуть им в бок Брэнсона.

— Помните, был один такой старый комик, Уильям Филдс? Знаете, что он отвечал, когда его спрашивали, любит ли он детей?

Грейс покачал головой.

— Только если они хорошо прожарены.

Грейс усмехнулся.

— Да-да, дети, детектив Грейс. Вот что я вам скажу. Они почти всегда будут вас разочаровывать… Но довольно обо мне и моих проблемах. Что вы думаете? Вы ведь вроде бы смышленый парень. Все говорят, мне повезло, что вы расследуете это дело.

— На данном этапе у меня пока недостаточно информации, чтобы сообщить вам свое мнение, сэр. Но я все-таки скажу, что подсказывает мне внутренний голос. Здесь поработал хорошо осведомленный человек.

Гэвин Дейли кивнул:

— Тот человек, что оставил рекламную листовку… Вот с кого вам нужно начать.

— Мы не спускаем с него глаз, — ответил Грейс. — Но кое-кто следит за ним еще пристальнее. — Он бросил на Дейли вопросительный взгляд. — Есть какие-нибудь мысли по поводу того, кто бы это мог быть?

Глаза старика на мгновение метнулись вправо; потом он снова посмотрел на Грейса, помолчал несколько мгновений и покачал головой.

— Вы говорили, что вам нравятся сигары…

— Нравятся.

— Давайте выйдем в сад. Выкурим по сигаре. Хочу рассказать вам о своей жизни, о сестре и о себе. Возможно, тогда вы поймете…

42

Дабы успокоить Дейли насчет безопасности, Грейс попросил, чтобы патрульная машина дежурила в начале подъездной дорожки к дому его сестры, а сам Дейли позвонил своему шоферу, чтобы тот приехал и забрал его. После чего Грейс остался ненадолго в доме, размышляя о разговоре со стариком.

Интересно, почему старик солгал? Суперинтендент определил это по движению глаз Гэвина Дейли. Когда он спросил антиквара о возрасте, глаза его двинулись влево, в сторону той половины мозга, которая ведает памятью. Точно так же глаза его сместились влево, когда Грейс поинтересовался, в чем секрет его отличной физической формы и как долго его

сестра жила в доме; но они не двинулись влево, когда он спросил, кто мог пытать Рики Мура. Они ушли вправо, в сторону конструктивной, логической половины. Той, где рождается ложь.

Неужели сам решил заняться расследованием?

Все имеющиеся на данный момент сведения о Гэвине Дейли характеризовали его как человека в высшей степени обаятельного, но твердого и жесткого в бизнесе. Он мошенник или, по крайней мере, был им, как, впрочем, большинство брайтонской братии антикваров. Но никакого криминала за ним не числилось. Сын его, похоже, из того же теста, но без отцовского шарма. Надо бы поговорить с Рики Муром, но тот мало того что в больнице в плохом состоянии, так еще, по словам Беллы, боится называть имена. Возможно, стоит надавить на Мура, когда он немного поправится. Угроза ареста по обвинению в убийстве может сделать его разговорчивее. Подозреваемые в убийстве под залог не выходят. Может пройти от года до полутора лет, прежде чем Мур предстанет перед судом. Если придется выбирать, провести столько времени в тюрьме или назвать имена, возможно, Мур расколется.

В одном Грейс не сомневался — здесь не обошлось без наводчика, который участвовал либо в планировании и непосредственно ограблении, либо же просто продал информацию. Тот факт, что Мура пытали таким же довольно необычным орудием, что применяли и к Эйлин Макуиртер, говорил сам за себя. Будь Мур невиновен, он бы пожаловался в полицию, а раз что-то скрывает, то, следовательно, кого-то боится. Но за что его пытали? И кто? Старик Дейли что-то знает, возможно, сам и приказал сделать это. Но по какой причине? Вероятнее всего, подумал Грейс, чтобы получить имена преступников и приняться за них. А если замешан старик, то, скорее всего, и его сын тоже. Люди, берущие закон в свои руки, полагающие, что могут справиться лучше полиции, всегда его беспокоили, потому что они неизменно все портят. А еще он чувствовал, что награда, назначенная Дейли, слишком велика, больше, чем хотелось бы.

Надо как можно скорее допросить Лукаса Дейли. И выяснить, где он находился в прошлую пятницу поздно вечером, в то время, когда пытали Мура. Только щедро профинансированной «вендетты» Рою Грейсу сейчас и не хватало.

Было уже полдвенадцатого, когда суперинтендент включил сигнализацию и отъехал от дома. Свернул к заправке «Эссо» на Дайк-Роуд-парк, зашел в «Теско экспресс», оглядел оскудевший выбор цветов. Большинство выглядели такими же уставшими, как и он сам. Лучшим оказался небольшой букетик малиновых роз. Он купил их для Клио, после чего вернулся в машину и поехал к своему дому, неподалеку от набережной Хоува.

Табличка снаружи гласила: продается. Бога ради, кто бы ты ни был, купи поскорее этот проклятый дом, подумал он, отпирая входную дверь. Одной головной болью станет меньше. Он включил кое-где свет и поспешил на кухню, к аквариуму с золотой рыбкой.

Рыбка, которую он выиграл на ярмарке уже больше десятка лет назад, плавала взад-вперед, словно искала что-то, прямо как ее хозяин. И, как и подозревал Грейс, отсек для корма был пуст.

Грейс наполнил его и вдобавок сыпанул несколько щепоток корма на поверхность воды. Марлон всплыл и начал заглатывать корм.

— Как поживаешь, старина?

Марлон продолжал есть.

Он всегда был угрюмым молчуном. Но он — последнее звено, соединявшее Роя с Сэнди, которая была с ним, когда он выиграл рыбку, стреляя из воздушки по мишеням на ярмарке в Хоув-парке. Пару раз они покупали Марлону товарища. И каждый раз, пару дней спустя, поутру обнаруживали в аквариуме только одну рыбку — Марлона, выглядевшего чуточку толще и самодовольнее.

Если Гленн действительно собирается вернуться домой и жить там, рыбку придется перевезти в дом Клио. Но Рой боялся, что Марлон, в его возрасте, не переживет дорогу и смену места. Он понимал, нелепо, конечно, что эта маленькая рыбка с ее тускнеющим золотым цветом — единственное связующее звено с его прошлой жизнью, но ничего не мог с собой поделать.

Он просмотрел стопку почты на столе, которую Гленн забыл отвезти в офис. По большей части то была макулатура, но на дне оказалось письмо от агента по недвижимости Мишона Маккея. Рой распечатал конверт.

Внутри было письмо от Даррана Уилмора, посредника в агентстве, которое занималось его домом. Тот сообщал хорошую новость — предложение с полной запрашиваемой стоимостью уже подтверждено поверенными покупателя. «Наша клиентка, в настоящее время проживающая за границей, заверила нас, что имеет всю сумму, и перевела средства своим поверенным, уполномоченным на заключение контракта».

Грейс возликовал. Наконец-то, наконец он сможет окончательно закрыть эту страницу и жить дальше.

Через двадцать минут, медленно проезжая мимо кованых железных ворот, за которыми находился городской дом Клио, он заметил, что табличку «Сдается» на наружной стене убрали. Она относилась к соседнему зданию, переделанному из старой фабрики в семь городских квартир. Дом несколько месяцев пустовал — соседи Клио работали по долгосрочному контракту в Дубае.

Грейс нашел место для парковки чуть поодаль и несколько минут посидел в машине, раздумывая, позвонить ли Гленну, спросить, как он, или не стоит. Нехорошо, конечно, плохо думать о мертвых, но он не мог заставить себя печалиться из-за смерти Эри. Она была самой настоящей стервой и весь последний год обращалась с Гленном, милейшим парнем, как с грязью под ногами. Ужасно, что двое их прелестных детишек так внезапно лишились матери. Но теперь у них снова есть отец, который, если честно, как человек в сто раз лучше.

Неся в руке цветы, он вернулся назад, вошел в калитку, затем в дом. Хамфри выбежал навстречу, нетерпеливо перебирая лапами в ожидании прогулки.

Рой Грейс наклонился и погладил его.

— Выведу тебя через минуту, ладно?

Потом он прислушался, не выйдет ли Клио, но все было тихо. Может быть, все-таки уснула?

Голодный как волк, он на цыпочках прошел в кухонную зону. На столе стояла миска Хамфри, полная собачьего корма. Она была накрыта целлофаном, а сверху прилеплена записка: «Пожалуйста, покорми Хамфри. Он голодный».

Грейс нахмурился. Отлично, подумал он. Ну, спасибо, дорогая.

Хамфри выжидающе смотрел на него.

— Вот, стало быть, кто я, а, приятель? Ваш с Марлоном слуга, да?

Хамфри гавкнул. Рой тут же шикнул на собаку — еще разбудит Ноя, — снял целлофан и поднял миску. Под ней была еще одна записка.

«Твоя еда в холодильнике. Ты ее не заслуживаешь. Но я все равно люблю тебя».

43

Этот район южного испанского побережья, официально именуемый во всех жизнерадостных туристических брошюрах как Коста-дель-Соль, был уже давно известен британской полиции под менее бодрящим названием — Коста-дель-Крайм. Сразу после Второй мировой войны его главный город Марбелья, как говорят, открыто предложил место

жительства богатым беглым нацистам. И вплоть до 2001 года у него не было с Англией юридически оформленного закона об экстрадиции. Несколько десятилетий это место оставалось безопасным убежищем для британских мошенников в бегах, которые могли преспокойно жить тут в свое удовольствие.

Если бы коррупция была олимпийским видом спорта, то у двух последних мэров города — оба сейчас за решеткой — кабинеты были бы увешаны золотыми медалями, а девяносто четыре сановника — тоже в тюрьме — купались бы в серебре и бронзе. Сегодня тут радушно принимают русских бандитов, албанских террористов и ирландских мафиози. Приютилось здесь и процветающее сообщество британских бандитов. И все же, несмотря на случающиеся время от времени перестрелки, уровень преступности здесь относительно низкий, а благодаря чудесному климату побережье давно стало местом паломничества эмигрантов и туристов.

В нескольких милях западнее аэропорта Малаги Лукас Дейли мчал в арендованном джипе по горному серпантину, поглядывая время от времени на стрелку спутникового навигатора. Когда-то он хорошо знал эти места, поскольку какое-то время держал квартиру в огромном пригороде Марбельи, Пуэрто-Банусе; четыре года назад ее пришлось продать, чтобы расплатиться с игорными долгами.

Было одиннадцать тридцать утра по местному времени. Внизу, слева от них, расстилался город с белыми домами, а за ним синее-пресинее Средиземное море. Хотя кондиционер работал на полную мощность, Дейли держал окно открытым, наслаждаясь после паршивого английского лета дыханием тридцатичетырехградусной жары.

— Черт, ну и пекло, — сказал он, вытряхивая сигарету из пачки «Мальборо лайт».

— Извините, — сказал Апологет.

— Тебе не обязательно за все извиняться.

Апологет с минуту ничего не говорил. Потом сказал:

— Ладно, извините.

Лукас Дейли усмехнулся и потрепал помощника по плечу.

— Знаешь, за что ты мне нравишься, Августин?

— Нет.

— За то, что ты тупой! Вечно извиняешься!

— Извините.

Дейли прикурил сигарету, потом ответил на звонок своего букмекера в Брайтоне. И настроение сразу испортилось. Он сделал ставку на скачках и заплатил по карточке «Американ экспресс», но платеж не прошел. Информация была надежная на все сто, от одного продажного тренера, знавшего, кто заправляет бегами в Брайтоне. Он поставил много больше обычного. Если лошадка Быстрая Краля выиграет, это даст ему долгожданную передышку от насущных проблем.

Он съехал на обочину и поспешно продиктовал букмекеру реквизиты другой карточки, которую держал на крайний случай и которая еще не была заблокирована. Дальше ехали молча, как обычно. Апологет был не из разговорчивых, если только речь шла не о футболе, о котором он мог говорить часами. Он знал все, что только можно знать, о каждой футбольной команде Великобритании, расписание игр, имена ключевых игроков, голевой счет за сезон. Лукас старался не заговаривать с ним о футболе — это было все равно что включать аппарат, не имеющий кнопки «выкл.».

И, кроме того, у него на уме было другое. Много чего другого. Паршивого. Полного дерьма.

Ростовщик, недавно вытащивший его из последней передряги, стал прессовать не на шутку. Пришлось согласиться на более жесткие условия сделки. А папаша, чертов сквалыга,

наотрез отказывается помочь. Одна надежда, что старый хрыч скоро отдаст концы. Или же фортуна повернется к нему лицом на скачках и за игровым столом.

Миновав Марбелью, Пуэрто-Банус и проехав еще несколько миль, они направились по главной улице в соседний городок Эстепона. Слева высилась пирамидальная «Краун-Плаза». Справа — крупный дилерский центр «Лексус» и закрытая автомойка. Стрелка на навигаторе указывала направо, но Лукас Дейли знал эти места.

Проехав короткий ряд магазинов и баров, они оказались в жилом квартале с белыми коттеджами и многоквартирными домами. Впереди слева появился большой магазин, за ним расположился бар с внешней террасой и надписью «У Ларри» — красными буквами на рубчатом навесе. Двое сомнительного вида парней лет тридцати в темных очках и в компании скучающей вульгарной девицы сидели на террасе. Один курил огромную сигару.

Дейли припарковался на стоянке рядом с баром. Они вылезли под палящий зной и направились к бару. Дейли, с переброшенной через плечо ветровкой, был в белой тенниске, джинсах, коричневых замшевых лоферах от Гуччи и шел развязной походкой завсегдатая. Апологет, на голову выше его, был в тенниске, спортивных штанах и кроссовках.

В баре было прохладно. С полдюжины мужчин сидели перед экраном подвешенного высоко на стене телевизора, по которому шел повтор какого-то футбольного матча. Трое из них, все в татуировках, были в майках и обрезанных джинсах, прямо как в униформе. Все держали банки с пивом и что-то орали. Несколько лет назад Лукас знал здесь каждого, но теперь знакомых лиц не обнаружил.

Апологет остановился и с минуту поглазел на экран:

— «Манчестер Юнайтед» и «Сандерленд». Не очень хорошая игра.

Двое парней подозрительно зыркнули на него. Они пошли дальше.

Интерьер являл собой нечто среднее между суррогатом английского паба и испанской бодегой — дубовый бар в форме буквы L, деревянные стулья, пивные насосы, дубовые бочонки на стене и полки, заставленные бутылками со спиртным. С потолка свисали фонари на цепях, а стены увешаны вымпелами британских футбольных клубов и обрамленными в рамки фотографиями — «Манчестер Юнайтед», «Ньюкасл», «Арсенал» и «Челси».

За стойкой маячил высокий жилистый мужчина с короткими редеющими волосами, одетый в серую рубашку, расстегнутую до пупа. Перед ним стоял большой бокал с лагером. Он взглянул на Лукаса Дейли:

— Видел тебя раньше, да?

— Может, и видел. Когда-то у меня была квартира в Банусе. Выпивал здесь пару-тройку раз — пока не пристрелили того парня.

— Как и половина Коста-дель-Соль. Зарезали мой бизнес на корню, — сказал мужчина с восточнолондонским акцентом. — Это было пять лет назад, но у людей долгая память. Сюда никто больше не приходит, только горстка завсегдатаев. — Он указал на развалившихся на стульях парней, которые смотрели футбол. — Время от времени мне даже приходится подрабатывать мойщиком стекол, чтобы свести концы с концами. Так что, как видишь…

Лукас Дейли прервал его:

— Я ищу Лоренса Пауэлла.

— Да? Ты его нашел. — Мужчина смерил его холодным взглядом.

— Я — кореш Эмиса Смолбоуна. Просил передать тебе, что ты — дрочун.

Лоренс Пауэлл ухмыльнулся. Потом бросил беспокойный взгляд сначала на Апологета, потом снова на Дейли.

— Думал, он еще сидит.

— Вышел.

— Чертов идиот, вот он кто. — Пауэлл покачал головой, потом постучал себя по виску. — Псих. Так что желаете, джентльмены?

— Один «Сан-Мигель» и одну диетколу. — Дейли взглянул на Апологета — тот одобрительно кивнул. Спиртное албанец не употреблял. — А закусить?

— Чипсы.

— И все?

— Простые или с сыром и луком?

— По одному тех и других.

Подоспели напитки вместе с чипсами. Дейли жадно набросился на них, пока Апологет пил колу. Бармен молча и терпеливо стоял за стойкой бара.

— Так, стало быть, Эмис в порядке? — спросил он.

— Последний раз, когда мы его видели, ему требовался хороший дантист. — Дейли ухмыльнулся Апологету, и тот кивнул задумчиво и рассеянно, словно голова его была занята какой-то забытой печалью. — Я ищу кое-каких людей, они здесь живут, — продолжал Дейли. — Мне сказали, ты их знаешь. Имон Поллок, Тони Макарио и Кен Барнс?

— У тебя славные друзья, — отозвался Пауэлл.

— Выбираю качество. — Лукас Дейли бросил взгляд на барный стул с дыркой от пули — клиенту выстрелили в пах в споре из-за женщины. Он был здесь, когда это случилось, но и теперь поморщился, хоть прошло уже пять лет, вспомнив крики бедняги, получившего пулю 38-го калибра.

— Найти нетрудно, — сказал Ларри Пауэлл. — Имон Поллок на полпути в собственную задницу. Тебе просто понадобится фонарик посильнее. Тони Макарио и Кен Барнс уже там. Так глубоко влезли, что могли чистить ему зубы через глотку. Парочка летучих гангстеров — вот они кто.

— То есть? — спросил Дейли.

Пауэлл метнул взгляд на группу перед телевизором, дабы убедиться, что никто из них не слушает, и заговорщически наклонился вперед.

— Они выполняют работу для Поллока. Сам он не марается и набивает брюхо на доходы от их трудов. Хорошенькое дело. Он находит им работу в Англии, сажает на рейс «ИзиДжет». Через двадцать четыре часа они уже опять здесь. К тем, у кого в Британии уголовное прошлое, не обращается. Ни тебе отпечатков пальцев, ни ДНК. — Он пожал плечами и отпил из стакана.

— А если бы кто-то, кого я знал, захотел кого-то из них шлепнуть?

Лоренс Пауэлл снова пожал плечами:

— Не проблема. Дай марокканцу бен Ладена.

Дейли глотнул пива прямо из бутылки и нахмурился.

— Что-что? Ты сказал: «Дай марокканцу бен Ладена»?

— Да.

— А не мог бы ты изъясняться по-английски?

Лоренс Пауэлл повел их на террасу и указал на Средиземное море, на два смутных очертания на горизонте.

— Вот та громадина — Гибралтар. Другая — Северная Африка. Марокко, — пояснил он. — У их полиции бесполезная база данных отпечатков пальцев и еще более бесполезная национальная база данных ДНК. Марокканец может приехать сюда, пришить кого-нибудь и вернуться в свою страну даже раньше, чем полиция доберется до места преступления. Найти его будет труднее, чем песчинку в пустыне.

— А бен Ладен? — спросил Лукас Дейли.

— Пятисотенная евро. Говорят, они такие же неуловимые, как был бен Ладен. — Пауэлл усмехнулся. — От Марокко до Сеуты на пароме всего ничего. — Он ткнул пальцем влево, на запад. — На эти деньги марокканец может жить пару лет. Жизнь там дешевая.

— И ты можешь связаться с этими марокканцами? — поинтересовался Дейли.

— Я все могу. — Лоренс Пауэлл потер указательный и большой пальцы друг о друга.

Позади них в баре послышались громкие одобрительные крики, когда кто-то забил гол.

Дейли положил пятисотенную на стойку, следом еще четыре. Пауэлл проворно спрятал их в бар.

— Так что я должен сделать? — Он выжидающе воззрился на них.

— Сколько времени тебе потребуется для передачи?

— Обслуживание в тот же день. Просто звякни мне. — Он подтолкнул визитку через стойку.

Дейли сунул ее в бумажник, затем вытащил еще одну пятисотенную и положил на стойку. Пауэлл посмотрел на нее, как на собачье дерьмо. Дейли добавил вторую.

— Поллок, Макарио и Барнс. Где мне найти их?

Пауэлл поднял три пальца, давая понять, что хочет еще одну бумажку.

Лукас Дейли кивнул Апологету. Албанец схватил бармена за горло и поднял в воздух. Пауэлл захрипел и лихорадочно затряс головой, мыча и подвывая. Никто позади них не оглянулся, все были поглощены футболом.

Апологет дал ногам Пауэлла коснуться пола, но продолжал держать его за горло.

— Мой босс не дойная корова. Он задал вопрос. И хочет получить ответ. Извините, что ушиб вас.

— «Довольный», — прохрипел Лоренс Пауэлл. — В Пуэрто-Банусе.

— Ладно, отпусти его, — велел Лукас Дейли. — «Довольный» в Пуэрто-Банусе? — переспросил он Пауэлла. — Это название коттеджа или дома?

Пауэлл, потирая шею и хватая ртом воздух, выдавил:

— Это судно. Охренительно большая яхта.

— Лучше б ты был прав, — сказал Лукас Дейли. — Не хотелось бы возвращаться и снова тебя беспокоить. — Он повернулся к Апологету: — Мы ведь не любим беспокоить людей, правда?

— Извините, — сказал Апологет Лоренсу Пауэллу, — за неудобство.

44

Компания «Маунтинпик паблишинг», где работал Гарет Дюпон, располагалась на третьем этаже сверкающего современного здания в промышленной зоне рядом с Ньюхейвенским портом, коммерческой гаванью в нескольких милях к востоку от Брайтона. Любезный владелец компании Алан Прайор устроил Роя Грейса и Гая Батчелора в конференц-зале, организовал чай, кофе и печенье и пошел за Гаретом Дюпоном.

Перед этим Грейс поговорил с Гленном, сказал, чтобы не спешил возвращаться на работу; забот хватало — съездить в офис коронера, получить разрешение забрать тело Эри, а потом начинать приготовления к похоронам. Голос у Гленна был унылый, что неудивительно, и Гай Батчелор пребывал в подавленном настроении, как, впрочем, и вся команда на утреннем совещании.

От кондиционера тянуло холодом, и в комнате стоял сильный запах нового офиса, идущий от ковра, краски и мебели, уступивший резкому аромату одеколона, когда в комнату вошел Гарет Дюпон. Источая самоуверенность, он бодро приветствовал двух детективов.

Ведет себя как-то уж чересчур дерзко, подумал Грейс. Выглядел Дюпон именно так, как и должен выглядеть коммерсант: белая рубашка с закатанными рукавами, аккуратно выглаженные черные брюки, блестящие черные туфли, два вульгарных пижонских кольца и броские часы.

На протяжении всего разговора Грейс внимательно изучал сидящего напротив мужчину. Тридцать с небольшим, привлекательная внешность, короткие, уложенные гелем черные волосы, руки в татуировках, тренированное тело человека, регулярно посещающего спортзал. На костяшке пальца правой руки — короста. Грейс быстро подсчитал в уме. Ограбление было десять дней назад, примерно столько времени и нужно, чтобы рана затянулась, но корка еще осталась.

Дюпон налил кофе, угостился печеньем, осторожно обмакнул его в кофе. Интересно, подумал Грейс, не обмакивался ли он в одеколон?

— Мы понимаем, что время важно для вас, поэтому не задержим дольше, чем необходимо, — сказал суперинтендент, дождавшись, пока Дюпон съест печенье. — Будьте добры, назовите дату своего рождения. — Он пристально наблюдал за глазами коммивояжера.

— Двадцать пятое июля 1979 года.

— Значит, вам тридцать три?

— Да. Плохо дело, верно? Скоро превращусь в старую развалину.

— Думаю, вам до этого еще далеко, — заметил Гай Батчелор.

— Где вы живете? — спросил Грейс, все время внимательно следя за ним.

Дюпон назвал адрес в брайтонском порту.

Грейс записал. Перевел взгляд на запястье мужчины:

— Красивые часы.

— Благодарю! — Дюпон поднял руку, давая им получше разглядеть их. — Винтажные «Булгари». Моя бывшая подарила пару лет назад.

— Вот как? — изрек Грейс. — Какое совпадение, они точь-в-точь похожи на те, что были украдены из дома на Уитден-Роуд в Брайтоне на прошлой неделе.

Он почувствовал, как Батчелор стрельнул в него взглядом. На секунду Рою показалось, что температура в комнате упала еще больше.

— В самом деле? — равнодушно обронил Дюпон. — Итак, джентльмены, чем я могу вам помочь? — Он снова взглянул на свои часы. — Видите ли, у нас здесь свой график.

— Не волнуйтесь, мистер Прайор любезно сказал, что мы можем не торопиться.

Дюпон опять посмотрел на часы. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Что ж, неудивительно, ведь это не он платит нам зарплату. Мы все сидим на комиссионных, так что, как говорится, время — деньги.

— Мы быстро, — пообещал Грейс. — Я бы хотел, чтобы вы мысленно вернулись на десять дней назад и вспомнили день и вечер вторника, 21 августа. Не могли бы вы рассказать нам, что делали в этот день?

Несмотря на невысокую температуру в комнате, на лбу у коммерсанта выступили капельки пота. Он тронул пальцем нос.

— Хм, дайте подумать. Хм… — Он вытащил свой телефон. — Сейчас загляну в записную книжку. А, да, я работал. Да.

— Где вы работали? — спросил Грейс.

— В моей последней компании. «Рэнсом ричмен».

— В офисе?

Оба детектива отметили короткое колебание.

— Нет, дома. Я много работаю дома. Ранний вечер — хорошее время застать домовладельца на месте до того, как они отправляются отдыхать.

— В семь вечера с вашего мобильного был сделан телефонный звонок вот на этот номер, — сказал Батчелор и подал ему листок.

Дюпон взглянул на него.

— Брайтонский номер, да, возможно; что ж, этот код покрывает большую зону, в которой я работал.

— А вы не можете ничего вспомнить об этом конкретном номере? — задал вопрос Грейс.

Коммивояжер взглянул на них обоих, заколебался, потом покачал головой:

— Нет, извините. Я делаю десятки незапланированных звонков каждый день. Я, разумеется, помню имена тех, кто становится потенциальным клиентом.

— Может, вспомните имя Эйлин Макуиртер? — спросил Грейс, снова пристально следя за глазами Дюпона.

— Эйлин Макуиртер?

— Да.

Он чересчур быстро покачал головой, потом вскинул палец.

— Погодите-ка… про нее говорили в новостях, верно? Какое-то ужасное ограбление дома?

— Ужаснее некуда, — сказал Грейс. — Она умерла.

— Да, я читал об этом, потому-то и вспомнил имя.

Грейс указал на лежащий на столе листок с телефонным номером:

— Вы должны были узнать этот номер. Вы звонили ей в тот вечер, когда на нее напали.

— Неужели?

— Она была в очень плохом состоянии, — продолжал Грейс, — но сказала, что это случилось около семи вечера во вторник, 21 августа. Записи показывают, что вы звонили ей в то время. Странное совпадение, не находите?

— Я… не знаю, что и сказать.

— Вы утверждаете, что находились дома, мистер Дюпон? — вклинился Гай Батчелор. — Почему вы не позвонили по домашнему?

— Потому что по мобильнику дешевле. У меня такой тариф, где дается тысяча бесплатных минут в месяц. В офисе я пользуюсь стационарным телефоном, а из дома дешевле по мобильному.

— Кто-нибудь может подтвердить, где вы были в семь вечера во вторник, 21 августа? — спросил Грейс.

— Я был дома один. Полагаю, Бог может.

— Бог? — Грейс улыбнулся ему.

Дюпон пожал плечами:

— Вы можете получить подтверждение от Него, не так ли?

Дюпон бросил взгляд на свои часы.

— Я рассказал вам все, что мог, — мне уже пора возвращаться на работу.

— Конечно. Извините за беспокойство. — Грейс снова улыбнулся. — Просто при расследовании убийства мы должны все проверить, дабы отсеять непричастных. Надеюсь, вы понимаете?

— О да, прекрасно понимаю. Надеюсь, вы поймаете ублюдков, которые сделали это.

— Поймаем, мистер Дюпон, можете не беспокоиться. Непременно поймаем, — с улыбкой заверил его Грейс. — Кстати, какая у вас машина?

Дюпон на секунду заколебался, затем ответил:

— «Гольф GTI».

— Хорошая машина. А номер, случайно, не помните?

— Один момент.

Дюпон вышел из комнаты и через минуту вернулся, неся связку ключей с прицепленной биркой с номером. Он вручил их Грейсу.

— Совсем новая, словно только что с конвейера.

— Проблем меньше, когда машина на гарантии.

— А кому нужны проблемы? — усмехнулся Грейс, возвращая ему ключи.

Как только детективы ушли, Гарет Дюпон вернулся в офис с гораздо более беззаботным видом, чем уходил, и отдал ключи коллеге, которому и принадлежала машина.

— Спасибо, приятель, — сказал он. — Я твой должник.

45

Детективы молча вышли из здания, вернулись к служебной машине Грейса, стандартному серебристому «форду-фокусу», какие получали все суперинтенденты. Они уже пристегнулись, когда Грейс повернулся к коллеге:

— Ну, что думаешь?

— Паршивец вертелся, как червяк на крючке.

— Соврал насчет работы дома. Соврал, что не узнал номер. Соврал, что не узнал имя, а потом попытался быстренько замести следы.

— Не помню, чтобы в списке украденного значились часы «Булгари», а, Рой?

— Их там и не было. — Суперинтендент повернул ключ. — Просто хотел поиграть у него на нервах и посмотреть, куда у него идут глаза, когда не надо врать.

— Думаешь, нам пока не за что его арестовать?

— Для начала нужно привязать его к месту преступления. — Выехав с парковки и из промышленной зоны, Грейс повернул к ведущей в Брайтон прибрежной дороге. — Дюпон наверняка замешан. Видел коросту на костяшке пальца?

— Видел.

— Может, и на месте преступления кровь осталась. Если криминалисты найдут, если получим совпадение, вот тогда мы за него и возьмемся. И у меня такое чувство, что он может привести нас к другим. Мерзкий тип. Думаю, продаст что угодно и кого угодно, особенно своих подельников, за сокращение срока. Если только он оставил там капельку крови, парни найдут.

— Не знаю, может, я не так складываю два и два, что получаю пять…

— В любом случае это больше, чем у нас есть на него сейчас, — усмехнулся Грейс.

Батчелор тоже усмехнулся.

— Я все думаю про отчет Беллы о ее разговоре со Смолбоуном.

— Я о нем тоже думаю.

— У него синяк под глазом и передние зубы выбиты. Белла сказала, что ему, похоже, и ходить больно. Утверждает, что принял лишнего и налетел на холодильник.

— Ну и ну! И как зовут этот холодильник?

— Мне тоже интересно.

— На следующий день после обнаружения Эйлин Макуиртер избит и подвергся пыткам Рики Мур. Несколько дней спустя избит — и, возможно, подвергся пыткам — Эмис Смолбоун.

— Связь Мура с домом Эйлин Макуиртер установлена, для Эмиса Смолбоуна такие дела не в новинку. Как и для нашего нового приятеля Гарета Дюпона.

— И как тебе это все представляется?

— Думаю, Рики Мур сыграл роль разведчика и, скорее всего, передал информацию либо Смолбоуну, либо Дюпону. Старик Дейли, брат Эйлин, увидел в ее доме листовку и, должно быть, взял закон в свои руки. Мура пытали, чтобы узнать имена. Он назвал Смолбоуна. От того тоже требовали имена.

Сержант кивнул:

— Думаю, шеф, мы видим ситуацию одинаково.

Многие из случившихся за последнее время изменений раздражали Роя Грейса. Особенно это касалось новых правил парковки. Раньше, занимаясь расследованием серьезного преступления, он мог парковаться в городе где угодно. Теперь — нет. Теперь — наравне со всеми, по правилам. А это означало, что сначала нужно покататься, пока не найдешь свободное место, а потом еще и заплатить за стоянку сумасшедшие деньги. Он уже давно перестал даже думать о том, во что обходится налогоплательщикам время полицейского.

Выйдя с автостоянки на Бартоломьюз, они направились к Лейнс через лабиринт узких переулков. Главным ориентиром здесь служил ювелирный салон Дерека ле-Варде, а следующим был большой магазин с широким выбором антиквариата, включая чучело страуса, письменный стол Георга III, золоченую люстру и китайские вазы. Позолоченная вывеска над дверью сообщала, что хозяева его

ГЭВИН ДЕЙЛИ И СЫН

Детективы вошли. В центре зала, за стеклянной витриной с мелкими декоративными вещицами, в кресле-каталке сидел мужчина с коротким хвостом и в маленьких круглых очках. Закинутая назад голова придавала ему вид самоуверенный и дерзкий. На нем была мешковатая гавайская рубашка и еще более мешковатые кавалерийские брюки из твила.

— Джентльмены, чем могу помочь? — спросил он с североирландским акцентом.

Грейс показал удостоверение.

— Детектив-суперинтендент Грейс и детектив-сержант Батчелор. Мы хотели бы поговорить с вашим хозяином, мистером Лукасом Дейли.

— К сожалению, он уехал и вернется в понедельник.

— Вы знаете, куда он уехал?

— Да, в Испанию. Уик-энд с гольфом. Мне что-нибудь ему передать?

— Куда именно в Испании?

— На юг. В Марбелью.

Грейс протянул ему карточку:

— Спасибо. Передайте, пожалуйста, чтобы позвонил мне по этому номеру сразу по возвращении.

— Что-нибудь еще, джентльмены?

— Сколько стоит ваш страус? — поинтересовался Батчелор.

— Четыре тысячи фунтов.

— Ага. Спасибо. Я подумаю.

— Их нелегко найти.

— Как и вашего босса, да?

Человек в каталке не ответил.

Выйдя на улицу, Грейс набрал номер Гэвина Дейли. Старик ответил сразу же.

— Это ваш ночной спарринг-партнер, мистер Дейли. Детектив-суперинтендент Грейс. Мне бы следовало подать на вас за нападение.

— Будь я лет на двадцать моложе, вы бы и не поднялись! Грейс услышал в голосе старика добродушные нотки.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Какие новости? У вас ведь есть что-то хорошее для меня?

— Ваш сын — большой любитель гольфа, да?

Тон собеседника тут же поменялся на осторожный.

— А почему вы спрашиваете?

— Он член какого клуба?

— Вообще-то я не знаю, детектив Грейс.

— Но он хорошо играет?

— Мы с сыном не настолько близки, и, как он проводит свое свободное время, я вам сказать не могу.

— Не настолько близки? Не объясните поподробнее, мистер Дейли?

— Нет, не объясню. У нас свои вопросы, но после смерти моей сестры мы действуем заодно.

— Не верите, что мы найдем преступников?

— Вовсе нет.

— Даже притом, что вы объявили награду в сто тысяч фунтов?

— Ваш отец жив, детектив Грейс?

— Нет, умер несколько лет назад.

— У вас есть его вещи, которыми вы дорожите?

— Да, есть.

— У нас с сестрой такая вещь была одна. Его карманные часы. Как вы, наверное, знаете, они оцениваются в два миллиона фунтов. Но дело не в этом. Нам с ней в жизни повезло, мы сделали много денег. И мы никогда не выставляли часы на продажу. Они — единственное, что осталось нам от отца… от родителей. Какие-то мерзавцы забрали их. Мне наплевать на все остальное, но не наплевать на часы. Я хочу их вернуть. Это чтобы вы знали и понимали.

— Я хорошо вас понимаю, но хочу, чтобы и вы кое-что поняли. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы поймать тех, кто это сделал, и вернуть украденное. Но мы обязаны делать это в рамках закона.

Гэвин Дейли не ответил.

46

Въехав на джипе на пандус большой подземной парковки Пуэрто-Бануса, Лукас Дейли снял солнцезащитные «рэй-баны» и осторожно осмотрелся в поисках камер системы скрытого видеонаблюдения. Он не хотел, чтобы позднее кому-то удалось отследить их перемещения. Несколько камер, к своему неудовольствию, он все же заметил и направил машину к выезду. Вид у него был крайне раздраженный.

Апологет посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Да здесь же много свободных мест, босс.

— Не нравятся они мне.

— Извините.

Как только они выехали на яркий солнечный свет, Дейли снова напялил очки. Посмотрел на часы на панели, затем, словно не веря глазам, на наручные: 14.46. В Соединенном Королевстве сейчас было на час меньше, а это означало, что менее чем через пятьдесят минут, в 14.15, в Брайтоне начнется первый забег ежегодного «Ривз Флорин Кап». Ставки на бегущую в нем Быструю Кралю принимались из расчета 33: 1.

Лукас поставил на эту лошадь кучу денег, чем отчасти объяснялась его нервозность. Но лишь отчасти. Он знал, зачем он здесь и что должен сделать, весь вопрос заключался в другом: как именно? Плана как такового у него пока что еще не было, и сейчас он хотел проработать его во всех деталях.

Времени у них еще было столько, что и девать некуда; им предстояло дождаться наступления темноты, а темнело в этих местах, при ясном небе, не раньше половины десятого. Он еще помнил, что в порту обычно полным-полно едва одетых молоденьких женщин, а значит, несколько часов за бокалом холодного пива на набережной не станут таким уж тяжким испытанием, даже с учетом того, что пришлось бы терпеть компанию Апологета или скорее отсутствие оной.

Он еще немного покружил по городу, убивая время, пока наконец не нашел свободное местечко на узкой тенистой улочке, где, судя по всему, никакого видеонаблюдения не велось. Оставив машину, они спустились к порту и с небрежным видом принялись прохаживаться вдоль пристани — ни дать ни взять обычная парочка парней, бесцельно слоняющихся среди толп туристов, восторгающихся стоящими на причале шикарными яхтами. Дейли прошелся взглядом по названиям. «Тио Карлос», «Шаф», «Далекие дали», «Фредерика», «Довольный». В отсутствие даже малейшего ветерка их флаги безжизненно свисали с флагштоков.

Владелец бара, Лоренс Пауэлл, был прав, когда говорил, что «Довольный» — охренительно большая яхта. Она была гораздо длиннее, выше, шире своих соседей и даже блестела каким-то особым блеском. Двое мужчин в белой униформе работали на задней палубе, один, со шваброй и ведром в руках, драил настил, другой полировал хромовые поручни. У того, что возил шваброй, была бритая голова и татуировка во всю шею; второй, с коротко стриженными темными волосами, работал с сигаретой в зубах.

Проходя мимо, Лукас Дейли незаметно снял обоих на камеру телефона, потом остановился на некотором отдалении, вставил карту, которую ему дал Лоренс Пауэлл, набрал номер последнего и скинул ему фотографии.

Они устроились за столиком на набережной, откуда открывался прекрасный вид на яхту «Довольный». Пока Апологет изучал ламинированное меню, Дейли взглянул на часы. До скачек оставалось уже четверть часа. Апологет заказал колу и лазанью с картофелем фри, Дейли — большой бокал пива. Он был слишком на взводе, чтобы что-то есть, да и пить, он знал, не следовало — вечером ему понадобится ясная голова. Впрочем, до вечера еще далеко.

Едва принесли напитки, завибрировал телефон. Лукас посмотрел на экран — пришел ответ от Лоренса Пауэлла.

Темноволосый слева — Макарио. Бритоголовый справа — Барнс.

— Наши клиенты, — сказал он Апологету и вышел из бара, чтобы сделать звонок.

Через пять минут Лукас вернулся, за три глотка осушил бокал и заказал еще один. Взглянув на телефон, он раз уже в десятый постучал по экрану, пытаясь войти на сайт брайтонских скачек, но соединение было слишком медленным, и у него ничего не вышло.

Еще двадцать беспокойных минут и третий бокал пива (Апологет в это время вовсю налегал на еду).

Он закурил и позвонил своему букмекеру.

— Это Лукас Дейли. Есть результаты брайтонского забега за 14.15?

— Секундочку. Да. Первым пришел номер седьмой, Коннемара, вторым — номер четвертый, Кентский Мальчик, третьим — номер десятый, Соглядатай.

У Дейли все похолодело внизу живота.

— Уверен, что это брайтонский забег за 14.15?

— Да. «Ривз Флорин Кап».

Дейли затянулся сигаретой, руки дрожали.

— Как насчет Быстрой Крали?

— Быстрой Крали? Повиси немного, сейчас проверю.

Дожидаясь ответа, Дейли сделал еще одну глубокую затяжку.

— Вот же дерьмо, — пробормотал он.

— Что-то не так, босс? — спросил Апологет.

Спустя пару секунд Дейли услышал голос букмекера:

— Она не вышла из бокса.

— Что значит — не вышла из бокса?

— Быстрая Краля заартачилась и отказалась выходить за калитку.

— То есть в гонке она не участвовала? Не бежала. Могу я получить свою ставку обратно?

— Боюсь, что нет — это было уже после сигнала к старту. Все ставки, сделанные на эту лошадь, проиграны.

— Черт, черт, черт! — выругался Дейли и отключился.

Апологет посмотрел на босса.

— Плохо?

Дейли кивнул и выбил из пачки новую сигарету.

— Плохо.

— Извините.

47

Примерно в полтретьего дня Рой Грейс остановил машину возле своего любимого книжного «Сити букс», независимого магазина, располагавшегося на Вестерн-Роуд. Ему нравилось, как здесь пахнет книгами. Скромные стены вмещали целый лабиринт тесно заставленных книгами полок. Когда у суперинтендента появлялась свободная минутка, а в последние дни такое случалось нечасто, он с удовольствием заглядывал сюда и просто бродил между стеллажей.

— У вас есть что-нибудь по истории первых криминальных банд Нью-Йорка? — спросил Грейс у молодой, серьезного вида женщины с каштановыми волосами, стоявшей за прилавком. За спиной у нее маячил не менее серьезного вида мужчина с коротко подстриженными седыми волосами, который выстукивал что-то на клавиатуре компьютера. Услышав знакомый голос, он поднял голову и широко улыбнулся.

— Рад видеть вас, детектив-суперинтендент! История первых криминальных банд? Какой именно период вас интересует? Все началось в 1850-е годы с ирландской банды «Мертвые кролики», которая затем стала называть себя «Белой рукой». Или, может быть, вас интересует итальянская банда Аль-Капоне «Черная рука»?

— Мне нужно все, что у вас есть на эту тему, — ответил Грейс.

Через десять минут, положив на заднее сиденье машины фирменный пакет магазина с пятью книгами, Рой Грейс медленно проехал по Ширли-Драйв и, свернув налево, миновал зону отдыха. Сидевший рядом Гай Батчелор высматривал номера отдельно стоящих домов на северной стороне.

Они проехали примерно четверть мили, он сказал:

— Здесь, босс!

Они подъехали к красивому, отдельно стоящему домику. Спортивный «Мерседес-SLK» занимал одно из двух мест на подъездной дорожке перед встроенным гаражом, второе оставалось свободным. Полицейские вышли из машины и поднялись на крыльцо. Грейс позвонил в дверной звонок.

Из глубины дома доносились агрессивные, напористые ритмы рок-музыки.

— «Число зверя», — сказал Батчелор.

— «Айрон Мейден»?

Сержант кивнул.

— Не знал, что ты интересуешься рок-музыкой, Гай.

— Угу. Приходится, когда у тебя дочь-подросток.

Грейс усмехнулся. В следующее мгновение массивная дубовая дверь распахнулась, и они увидели на пороге босоногую женщину в шелковом кремовом халате. В реальной жизни она выглядела миниатюрнее, а без макияжа ее лицо казалось непривычно бледным. Длинные темные волосы были убраны наверх и замотаны полотенцем на манер тюрбана. На мгновение Рой замешкался, не сразу узнав в ней поразительно красивую ведущую новостей местного телеканала, которую он так часто видел на экране. Она выглядела нервной, даже немного испуганной. Совсем не похожей на уверенную в себе женщину из «ящика».

— Здравствуйте! Кто вы? — спросила она, подозрительно глядя на них.

— Сара Кортни?

— Да, это я.

Грейс показал ей свое служебное удостоверение, Батчелор сделал то же самое.

— Я — детектив-суперинтендент Грейс. Со мной сержант Батчелор из полиции Суссекса и Суррея, отдел тяжких преступлений, — представился он. — С вами можно переговорить?

Она посмотрела на часы.

— Это имеет какое-то отношение к тете моего мужа?

— Да, — подтвердил Грейс.

— Ужасно. До сих пор не могу в это поверить. Ну хорошо. Входите. Но я смогу уделить вам всего несколько минут. Потом за мной заедут и отвезут в студию. Так что прошу вас, не стойте на пороге. Меня и так уже постоянно осаждает пресса.

— Конечно. Кстати, я ваш большой поклонник! — сообщил Грейс и тут же покраснел, поняв, насколько пошлыми ей могут показаться его слова.

Она тепло и без всякого притворства улыбнулась:

— Спасибо на добром слове!

Они вошли в прихожую, где вкусно пахло всякой всячиной. Изящный антикварный столик, два кресла с высокими спинками, большие настенные часы. На стенах — фотографии

хозяйки. На одной она была запечатлена с певцом Фэтбой Слимом, на другой — с человеком, которого Грейс принял за ее мужа. На третьей — со спортивным комментатором Десом Лайнемом. Еще на одной — с легендарной певицей, дамой ордена Британской империи Верой Линн. И наконец, с Дэвидом Кэмероном. Музыка, доносившаяся сверху, звучала здесь гораздо громче.

— Извините за шум, — улыбнулась телеведущая. — Мой сын приехал на лето после занятий в университете. Сутки напролет слушает музыку.

Она отвела полицейских в гостиную.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

— Нет-нет, спасибо, ничего не нужно. Мы вас долго не задержим. — Взгляд Грейса скользнул по просторной, элегантной и при этом весьма уютной комнате, почти полностью обставленной антиквариатом. Из окна открывался вид на ухоженную лужайку и бассейн. По обе стороны мраморного камина стояли, повернувшись друг к другу лицом, обтянутые коричневой кожей кресла-«честерфилды». Между ними — небольшой деревянный сундучок, украшенный замысловатой резьбой и выполнявший роль кофейного столика. На подставке красного дерева, напоминающей ножку бокала, — огромный телеэкран. В углу — шкаф-витрина. Каминная полка уставлена приглашениями. В обстановке угадывался мужской стиль с редкими штрихами женского. Признак мужа-доминатора, решил Грейс. Полы домашнего халата на мгновение разошлись, и хозяйка тут же поспешила прикрыться, однако даже короткого мига суперинтенденту хватило, чтобы заметить синяки на ее груди. Неужели муж? Человек, способный пытать людей, может избить и собственную жену?

— Вы добились каких-нибудь успехов в расследовании? — поинтересовалась хозяйка дома.

— Да, кое-каких достигли. Но пока еще никто не арестован.

— Это не люди, а настоящие чудовища. Надеюсь, вы их поймаете.

— Я тоже хочу на это надеяться, — отозвался суперинтендент.

— Поверить не могу, что с ней такое сделали.

— Вы с мужем… вы были близки с миссис Макуиртер? — спросил Батчелор.

Она немного помолчала, затем ответила:

— Боюсь, что нет, не были. Мы неплохо с ней ладили, можно даже сказать, что сблизились, но у нее были проблемы с Лукасом.

— Какие проблемы?

— Видите ли, дело в том, что Лукас не очень ладит с отцом.

— Это я понял, — отозвался Грейс. — В чем же заключались проблемы?

— Его отец задал слишком высокий стандарт. Он, как говорится, сам себя сделал и многого достиг. Очень успешный. Думаю, он давил на Лукаса. А мой муж тоже сильный человек. Так что нашла коса на камень.

— Думаю, проблемы возникают очень часто, когда в семейном бизнесе участвуют близкие родственники.

Она пожала плечами:

— Мне кажется, что все дело в том, что мой муж не имеет тех деловых качеств, хватки и проницательности, что отличают его отца. За последние годы Лукас потерял много отцовских денег, пытаясь диверсифицировать бизнес. Вы, наверное, знаете, что торговля антиквариатом сейчас не та, что была раньше. Лукас открыл большой бар и ресторан в Брайтоне, но прогорел. Затем вложил много денег в другие коммерческие предприятия, но по каким-то причинам не преуспел и в этом. Когда он вошел в антикварный бизнес, фирма

«Гэвин Дейли антикс» была одним из крупнейших дилеров во всей Великобритании, с шестью магазинами в Брайтоне и двумя — в Лондоне. Теперь остался только один.

Грейс кивнул:

— А какие отношения были у вашего мужа с Эйлин?

— Боюсь, старик настроил свою сестру против Лукаса. Убедил ее вычеркнуть моего мужа из завещания.

— Зачем же он это сделал?

Она помедлила с ответом.

— Мне кажется, что я лезу не в свое дело.

— Вы не обязаны нам отвечать, если не хотите.

— Нет, я скажу. Мне кажется, он почувствовал, что Лукасу нужно испытание реальностью. Если он унаследует от нее большие деньги, то непременно их профукает. Пустит на ветер.

— Семья и деньги, — криво улыбнулся Грейс.

— Может быть, эта трагедия сблизит Лукаса с отцом.

— Но вы-то с Эйлин ладили?

— Да, мы с Эйлин прекрасно ладили. Я время от времени заглядывала к ней, и она всегда щедро потчевала меня хересом. Она была жутко самостоятельная и в свои девяносто восемь на удивление крепка и бодра! Ее брат на редкость хорошо выглядит для своих девяноста пяти. В этой семье хорошие гены, это уж точно. А ведь им в жизни не сладко пришлось. Всякое испытали.

— Да? Это как же?

— Они родились в Нью-Йорке. Мне кажется, их отец был тем, кого сегодня назвали бы гангстером. Он занимал высокое положение в банде «Белая рука». Однажды ночью в дом ворвались вооруженные люди. Сначала вломились в спальню Гэвина, потом застрелили мать и увели с собой отца. Гэвин и Эйлин его так больше и не увидели. Через несколько месяцев тетка увезла их в Ирландию, полагая, что там им будет безопаснее, чем в Нью-Йорке. Позднее, когда они уже были подростками, — думаю, где-то в начале тридцатых годов, — тетка познакомилась с мужчиной из Брайтона, вышла за него замуж, и они перебрались сюда.

Грейс слушал ее внимательно. Теперь книги, которые он видел в кабинете Эйлин Макуиртер, обрели для него смысл, так же как и разговор с Гэвином в саду. Он подошел к шкафу-витрине и принялся рассматривать выставленные в нем призы, награды и кубки.

— Ваши личные или вашего супруга, миссис Кортни?

Она слегка покраснела.

— Это всё мои. В основном телевизионные награды, парочка призов за теннисные соревнования и один за конкурс исполнителей сальсы. Я занимаюсь танцами, это, знаете ли, помогает сохранять хорошую форму. — Она жестом предложила гостям садиться и сама опустилась напротив них на диван. Скрестив босые ноги, Сара Кортни испытующе посмотрела на полицейских.

— Нам нужно поговорить с вашим мужем, Лукасом, — сказал Грейс. — Насколько я понимаю, в данный момент его дома нет.

— Да, уехал на уик-энд.

— Куда? — спросил Батчелор.

— В Марбелью. В Испанию. Поиграть в чисто мужской компании в гольф.

— Он заядлый гольфист? — полюбопытствовал Грейс.

— Он компанейский человек и любит общество, — немного замешкавшись, ответила хозяйка.

— А здесь он в каком гольф-клубе состоит?

На ее лице неожиданно появилось выражение неловкости.

— Э-э-э… знаете, он играет в гольф не очень часто. Главным образом за компанию. Я вам даже не скажу точно, в каком здешнем клубе он состоит, да и вообще состоит ли в каком. — Сара Кортни немного помолчала, потом заговорила снова: — То есть, я хотела сказать, он играет в разных клубах.

— Гольф — дорогое удовольствие, — вступил в разговор Гай Батчелор. — Я едва не вылетел из своего клуба из-за того, что редко играю. Гораздо дешевле платить за разовое участие.

— Ваш муж регулярно играет в гольф в Испании? — уточнил Грейс.

— Нет, вовсе нет. — Миссис Кортни пожала плечами. Беспокойство ее только усилилось. — Он… мы… у нас была квартира в Пуэрто-Банусе, и у нас там по-прежнему живут друзья.

Теперь в ней не было ни грана той уверенности, которую она излучала в роли телеведущей. Она нервно крутила на пальце обручальное кольцо. Грейс был почти на все сто уверен, что Сара Кортни лжет. Покрывает своего мужа, это уж точно. Но что именно покрывает?

— Значит, на площадку он вас меняет нечасто? — с улыбкой спросил он.

— Нет, — улыбнулась в ответ его собеседница и бросила взгляд на часы.

— Мы сейчас уйдем. Уделите нам буквально еще секундочку. Когда возвращается ваш муж?

Миссис Кортни немного помедлила с ответом.

— В воскресенье. Поздно вечером.

Гай Батчелор протянул ей свою карточку.

— Не знаю, сумеете ли вы уговорить его позвонить вот по этому телефону, когда он вернется. Пусть свяжется с нами, как только сможет.

— Конечно, — ответила миссис Кортни и положила карточку на кофейный столик.

— Простите за дерзость, но вы очень хорошая телеведущая, — не удержался Грейс.

— Спасибо!

— Вы всегда работаете в пятницу? — спросил Рой.

— Ведущие часто меняются, но в прошлом месяце я работала в пятничных вечерних региональных выпусках. После шести— и десятичасовых общенациональных выпусков.

Стараясь не выдать интереса, Грейс небрежно продолжал:

— Вечера летом долгие. Наверное, пока вы на работе, муж играет в гольф?

Миссис Кортни снова покраснела, и на ее лице появилось несчастное выражение.

— В общем-то нет… не очень часто.

— Не сочтите за излишнее любопытство, не припоминаете, играл ли он в гольф вечером в прошлую пятницу?

Она снова бросила взгляд на часы.

— В прошлую пятницу? Нет, подождите, он ездил повидаться с отцом. Гэвин очень расстроился из-за Эйлин. Думаю, он ужинал с отцом, пока я была на телевидении.

— Вам ведь пришлось самой объявлять эту новость в эфире, верно? — спросил Гай Батчелор.

— Нет. И я бы не стала это делать. Вряд ли смогла бы совладать с эмоциями.

Полицейские поднялись.

— Спасибо, что уделили нам время, миссис Кортни. Мы непременно поговорим с мистером Дейли, когда он вернется.

— Я обязательно передам ему вашу карточку.

Уже в машине Грейс сказал:

— Ни одного приза за гольф.

— Может, он игрок никакой. И что нам теперь с этим делать, босс? Вы уж извините, если я немного туплю.

— Думаю, он вообще ни в какой гольф не играет. У тех, кто играет, всегда есть дома призы, даже если это всего лишь деревянная ложка.

Батчелор съехал на обочину, остановился, вышел из машины, вытащил сигарету из пачки «Силк Кат» и предложил шефу:

— Будете?

— Нет. Не сейчас. Но за предложение спасибо.

— Бросили?

— Давно бросил. Но иногда выкуриваю сигаретку под стаканчик вечером. — Грейс пожал плечами. — Мне нравится, так что черт с ним!

— Почему и менеджер в магазине, и жена Дейли утверждают, что он уехал играть в гольф, а, Рой?

Суперинтендент молчал. Сержант прислонился к машине, закурил и выпустил идеально ровное колечко дыма.

— Меня всегда интересовало, как это делают, — заметил Грейс.

Сержант улыбнулся и одно за другим выпустил еще два кольца. На мгновение они прикоснулись друг к другу и стали похожи на пару наручников.

— Ты меня сразил.

— Мой излюбленный трюк на всех вечеринках.

— Потом ты машешь волшебной палочкой, и колечки дыма превращаются в «браслеты»?

— Зависит от того, что за вечеринка, — ухмыльнулся в ответ сержант. — Получается, мы можем с уверенностью полагать, что если Лукас Дейли чем-то и занимается в Марбелье, то уж точно не гольфом?

— Мы с тобой снова мыслим одинаково. Можно сказать, идем по маршруту ровно?

— Или прямиком в бункер?

48

В семь вечера Лукас Дейли и Апологет увидели, как Тони Макарио и Кен Барнс заперли калитку на верхней площадке трапа яхты «Довольный» и с важным видом прошествовали на берег.

Неженками они не выглядели — оба невысокие, но крепкие, поджарые, жилистые. Макарио — с коротко подстриженными темными волосами, недельной щетиной и длинным шрамом под правым глазом, который Дейли разглядел даже издалека. Оба в джинсах и белых теннисках с нанесенным по трафарету названием яхты на груди. Сойдя на набережную, они двинулись вдоль пристани: Макарио — в шлепанцах, бритый наголо, татуированный Барнс — в кедах.

— Вернутся или пойдем за ними? — спросил Апологет.

— Уж лучше бы им вернуться. Жди здесь. — Дейли встал и неспешной походкой потянулся следом.

Далеко морячки не ушли. Ярдов через двести они свернули в переулок, где было полно шумных баров и ресторанов, потом направо, в ирландский паб «О'Грэдис». На окнах и стеклянных панелях распахнутых настежь дверей красовалась надпись «ГИННЕСС» и его логотип, арфа. Дейли чуть подождал, глядя, как они пробираются сквозь толпу к барной стойке, а когда они заказали выпивку, повернулся и отправился за Апологетом.

Десятью минутами позже оба уже сидели с пивом в пабе, на безопасном расстоянии от Макарио и Барнса, наблюдая, как те пытаются завязать разговор с группой безучастных девчушек-тинейджеров. Дейли отчаянно хотелось, чтобы у них ничего не выгорело, так как подобный расклад заметно осложнил бы уже оформившиеся в его мозгу новые планы.

Спустя полтора часа, к его облегчению, девушки ушли, несмотря на просьбы двух уже порядком поднабравшихся мужчин остаться. В начале двенадцатого Макарио и Барнс вышли из бара и, пошатываясь, побрели по улице. Последовавшие за ними Дейли и Апологет увидели, как они остановились у окошка небольшой пиццерии, отпускавшей заказы на дом.

Подхватив большие полистироловые контейнеры, Макарио и его спутник нетвердой поступью возвратились к «Довольному» и, поднявшись на борт яхты, исчезли за дверями кают-компании.

Было почти половина двенадцатого. Вечер выдался теплый, и народу на улицах с каждой минутой становилось все больше и больше. Дейли и Апологет зашли в бар напротив. Себе Лукас заказал «Метаксу» — успокоить нервы, Апологету — еще одну колу. Через десять минут он сказал:

— Ладно, давай-ка жахнем рок-н-ролл.

— Извините, я не очень хорошо танцую, — отозвался Апологет.

Дейли ухмыльнулся и ободряюще хлопнул его по спине.

— Я про то, чтоб качнуть лодку?

— Качнуть лодку?

— Это шутка такая.

— Не понимаю.

Дейли кивком указал на яхту «Довольный».

Апологет ухмыльнулся:

— А, это… Так бы сразу и сказали.

49

Набережная почти опустела, осталась только одна юная милующаяся парочка, ничего вокруг себя не замечающая. Как всегда, когда разыгрывались нервы, отчаянно хотелось курить. Сунув в рот сигарету, Лукас щелкнул зажигалкой. Ничего. Кончился газ.

— Вот дерьмо.

Он подошел к обнимающейся парочке и бесцеремонно, не дожидаясь, пока его заметят, спросил:

— Из вас кто-нибудь английский понимает?

Они повернулись к нему.

— Мы англичане, — сказал парень. — Что надо?

— Зажигалки не найдется?

— А как же! — Парень сунул руку в карман, достал зажигалку, щелкнул и поднес огонек к сигарете Лукаса.

— Спасибо. — Лукас прикурил, забрал зажигалку и, попыхивая сигаретой, пошел прочь.

— Да не за что.

К тому времени, когда он докурил, парочка уже исчезла. Лукас вручил Апологету хирургические перчатки и сам натянул такие же. Они поднялись по трапу, прошли через калитку, которую Макарио и Барнс оставили открытой, и ступили на широкую палубу, мягкую под ногами и пахнущую деревом, мастикой, лаком и кожей. Яхта слегка покачивалась на тихой воде.

Дейли открыл дверь, и они вошли в просторный кормовой салон. Вдоль стен стояли обитые белой кожей банкетки, в центре — изогнутый бар с высокими табуретами, сиденья которых тоже были обтянуты белой кожей. На стене за стойкой — заставленные бутылками полки. Здесь отчетливо пахло пиццей.

Дальше, за баром, виднелись сверкающие деревянные ступеньки и канатный поручень. Оттуда, из-под ступенек, доносился голос футбольного комментатора и сопутствующие трансляции звуки. Лукас предостерегающе понял руку и осторожно спустился. Внизу он увидел перед собой большую столовую, в центре которой стояли стол на двенадцать мест и стулья с сиденьями из белой кожи. Макарио и Барнс сидели перед огромным телевизором в дальнем конце комнаты, спиной к трапу, и ели пиццу из коробок, запивая ее пивом из банок.

Лукас поманил Апологета, ткнул пальцем себе в грудь и указал на Макарио, потом ткнул в Апологета и указал на Барнса.

Албанец кивнул.

Они бесшумно прошли вперед, и в тот момент, когда Макарио отправлял в рот очередной кусок пиццы, Дейли нанес ему в шею короткий рубящий удар. Макарио завалился вбок и рухнул на пол, где и остался лежать. Апологет выхватил из кресла и поставил на ноги Барнса.

— Какого?.. — Договорить Барнс не смог, потому что албанец сжал ему горло, и остальные слова изрыгнулись нечленораздельным бульканьем. Вдобавок Апологет наступил ему на ногу.

Бритоголовый вскрикнул от боли.

— Извините, — сказал Апологет.

— Вы кто, на хрен, такие? — прохрипел Барнс дрожащим от страха голосом.

— Я — мистер Злой, — представился Лукас Дейли. — А мой друг — мистер Злее. Ты Кен Барнс?

Ответа не последовало.

— Язык проглотил?

И снова молчание.

— Вот что я тебе скажу. У моего друга есть щипцы. Для завивки. Он может включить их, нагреть и вырвать твой язык. Как тебе такое? Нравится? Вот тогда у тебя будет оправдание для молчания. Так?

Глаза Барнса расширились от ужаса.

— Августин, сделай ему немножко больно. Что-то он неразговорчивый.

Апологет снова наступил Барнсу на ногу, теперь уже сильнее.

Барнс взвыл, и из глаз его потекли слезы.

— Значит, кричать ты можешь. Раз можешь кричать, то можешь и говорить, да? Как тебя зовут?

— Кен Барнс. — Он едва мог говорить от боли.

— Мне нужна от тебя информация. К примеру, такая. Хорошо ли ты провел время на Уитдин-Роуд, в Брайтоне, на прошлой неделе? Понравилось ли пытать щипцами старую леди?

— Это не я, — жалобно выдавил Барнс.

— Нет?

— Нет. Не я. Я… я… — Он замолчал.

Дейли кивнул Апологету. Тот пустил в ход уже испытанный прием, и Дейли услышал хруст ломающихся костей, сопровождаемый душераздирающим воем.

— «Барселона» забила, — сообщил Апологет, кивая на экран.

— Это он. Он… тупой идиот… — прошипел Барнс.

— Твой друг, мистер Макарио? — уточнил Дейли.

— Да.

Дейли кивнул и посмотрел на замершего в неловкой позе Макарио.

— Какой он из себя? Крепкий молчаливый тип, да?

— Меня просто наняли. Сказали, что надо помочь с мебелью. Я только этим и занимался.

— Кто тебя нанял? Твой босс Имон Поллок?

Барнс не ответил.

Дейли посмотрел на Апологета:

— Наступи ему на ногу еще разок.

— Не-е-е-ет! Пожалуйста, не надо! Я скажу все, что вы хотите.

— Так-то лучше. Ты ведь в любом случае все мне скажешь. А теперь так. У меня список вещей, о которых я хочу знать. Первое. Где часы «Патек Филип», которые вы взяли из дома? Второе. Где все остальное? Третье. Где на яхте сейф и как его открыть? И четвертое. Где твой босс, Имон Поллок?

— Где часы, я не знаю. Я их вообще не помню.

— А помнишь, как получили от старушки код от сейфа?

Барнс покачал головой.

— Что-то ты знаешь. Я тебе не верю, — сказал Дейли. — Как думаешь, почему? Потому что ты отъявленный лгун?

— Этот мордоворот сломал мне на хрен ногу.

— Через минуту сломает другую. Старушка была моей тетушкой. Часы принадлежали моему деду. Тетушку я вернуть не могу, потому что она умерла. Но часы намерен вернуть. И ты знаешь, где они.

Барнс покачал головой.

Дейли взял его за подбородок, заставил поднять голову и посмотрел в глаза.

— Слушай меня, Кен. Если не скажешь, где часы, мой друг убьет тебя. Все просто. Подумай. Даю десять секунд.

Часы на его руке отсчитали десять секунд. Дейли посмотрел на Апологета и повернул запястье. В следующее мгновение Барнс уже висел головой вниз, удерживаемый за правую лодыжку.

— Ну как, помогает? Вспомнил?

— Я перебрал, — едва ворочая языком, пробормотал Барнс. — Пожалуйста, опустите. Я… я…

— Может, еще стаканчик пропустишь? Прочистишь мозги? — поинтересовался Дейли.

Барнс покачал головой. Глаза у него были как две перепуганные пташки.

— Я мигом, — бросил Дейли, взбегая по ступенькам.

— Извините, что приходится так вас держать, — сказал Апологет.

Через полминуты Дейли вернулся с бутылкой виски «Макаллан» в одной руке и пластмассовой воронкой в другой.

— Положи его на пол, — распорядился он, — и открой ему пасть.

Албанец не заставил себя ждать. Барнс завертелся, пытаясь освободиться, но Апологет наступил ему коленом на грудь и, словно тисками, сжал голову руками. Дейли опустился на колено, отвинтил крышку, вставил в рот Барнсу воронку и стал заливать виски.

Барнс сделал два или три глотка и захлебнулся.

— Слишком быстро лью?

Барнс попытался покачать головой, но Апологет держал ее железной хваткой. Не прошло и пяти минут, как бутылка опустела.

Глаза у пленника закатились. Дейли взглянул на Макарио, который начал понемногу шевелиться, и снова склонился над Барнсом.

— Где часы? «Патек Филип»? Где сейф? И где твой босс, Имон Поллок?

— Сейф в спальне хозяина. — Глаза у Барнса снова закатились. Через пару секунд он вырубился, пробормотав что-то неразборчивое.

Когда минут через пятнадцать Тони Макарио пришел в себя и открыл глаза, первым, что он увидел, был его коллега, Кен Барнс, подвешенный вниз головой за лодыжки. Бедняга медленно раскачивался и при этом довольно сильно бился головой о стойку, густо усеянную шляпками заклепок.

Потом сквозь алкогольный туман и острую боль пробилось осознание того, что сам он связан по рукам и ногам и не в состоянии даже пошевелиться.

Барнса весьма бесцеремонно бросили на пол. Из раны на голове вытекала кровь.

— Твой приятель оказался не слишком разговорчивым, — сказал Дейли. — Может, ты нам поможешь? Мы заглянули в сейф, но там пусто. — Он помолчал немного, шмыгнул носом. — Откуда эта вонь? У меня очень чувствительное обоняние. Ты что, в штаны наложил?

Макарио качнул головой.

— Ну и ладно. Тогда это у тебя впереди. Через минуту. — Дейли достал из кармана зажигалку и несколько раз щелкнул. — Любишь горячее?

— Горячее?

— Да. Поджигать людей.

— Никогда никого не поджигал.

Дейли пристально посмотрел на него.

— Не хочешь рассказать нам про Уитдин-Роуд? Помнишь старую леди, которую ты поджигал? Кто вас туда отправил? Имон Поллок, верно?

Несколько секунд Макарио бесстрастно смотрел перед собой, потом сказал:

— Уитдин-Роуд? Впервые слышу про такую улицу.

— А вот твой приятель другое говорил. Что это была твоя идея. Пытать старушку. Чтобы сказала вам код сейфа и ПИН-коды кредитных карточек. Или он соврал? Подставил тебя, чтобы спасти свою шкуру?

— Что? Этот говнюк…

— Ну вот, это уже похоже на правду!

— Моя идея? Да мне пришлось оттаскивать его от нее.

— Продолжай. — Дейли кивком указал на Апологета. — Моему другу очень не нравится делать людям больно. Правда. Он предпочел бы этого не делать. Нам с отцом наплевать на антиквариат и картины. Но мы хотим вернуть часы. Сентиментально, да? Знаешь значение этого слова?

Макарио кивнул.

— Твой друг утверждает, что не знает, где мистер Поллок. А ты?

— Он ничего нам не говорит. Я не знаю. Правда не знаю.

— Неужели? Как думаешь, сколько стоит эта яхта? Миллионов десять? Двадцать? Пятьдесят? Сто? Вы, два клоуна, стережете ее, пока он в отъезде, и ты не знаешь его адреса? А контактный номер? — Он постучал себя в грудь. — Я что, похож на идиота? На деревенского простачка?

— Нет.

Оставив с пленником Апологета, Лукас Дейли сходил в бар и вернулся с литровой бутылкой водки «Серый гусь» и, вооружившись воронкой, влил половину в горло Макарио. Через пару минут последний, запинаясь, пробормотал, что Поллок вроде бы отправился в Нью-Йорк, но куда именно, ему неизвестно.

— А теперь расскажи, что вы сделали с остальным? Куда отправились картины и антиквариат моей тетушки? На восемь миллионов фунтов. Что вы с ними сделали? Они же не в воздухе растворились? — Он щелкнул зажигалкой и поднес огонек к бровям Макарио. — И не думай, что я не стану. С удовольствием подожгу тебе лицо.

— Отправили на склад… в какой-то… амбар… вроде того…

— Какой склад? В доках? В Шорэме или Ньюхейвене?

Макарио покачал головой:

— В промышленной… зоне. Льюис… Возле туннеля…

— Куда все пойдет со склада?

— За границу.

И тут он отключился.

Дейли развязал веревки. Потом освободил Барнса. Оставив обоих мужчин на полу и в полной отключке, Дейли и Апологет поднялись по ступенькам и вышли на кормовую палубу. Спустились по трапу на набережную и направились к стоящему в темноте смуглолицему человеку, поджидавшему их с сигаретой в зубах.

50

Хамфри похрапывал. Лежал на спине на диване рядом с Грейсом, перебирая в воздухе лапами, словно умирающий муравей-мутант. Грейс почесал ему живот.

— Эй, дружок, тише! Телевизор не слышно.

Хамфри его проигнорировал.

Шел фильм «Банды Нью-Йорка», который одолжил Грейсу Гленн Брэнсон; Дэниел Дэй-Льюис на экране выглядел донельзя кровожадным. На журнальном столике стопкой лежали четыре из тех книг о зарождения нью-йоркских банд, которые он купил в книжном. Пятую, «Молодого Капоне», Грейс раскрытой держал на коленях. Через радионяню он слышал дыхание Ноя. Малыша покормили в девять вечера, и теперь он безмятежно спал.

Грейс сильнее почесал Хамфри живот.

— Ш-ш-ш, мальчик! Я не могу сделать громче, не хочу разбудить твою хозяйку или Ноя. О’кей?

Хамфри приглушенно пукнул. Мгновением позже комнату заполнила ужасающая вонь.

— Эй, так нечестно! — Грейс отвесил собаке игривый шлепок, на который та никак не отреагировала. Зажав пальцами нос, он так и сидел, пока вонь не прошла, после чего наградил пса еще одним шлепком. — Не пукать, лады? Я ведь тоже могу.

Внезапно на плечо ему легла рука. Подняв глаза, он увидел Клио, — с растрепанными волосами, она стояла рядом в бледно-голубой ночной рубашке.

— Что смотришь?

— Это по работе. Ты в порядке? Чего-нибудь хочешь?

— Да, хочу. Хочу, чтобы ушла эта чертова полнота и варикозное расширение вен. Хочу перестать все время чувствовать себя жутко уставшей и раздраженной из-за постоянного недосыпания, — простонала она. — Прости, но ни в одной из этих книг не было сказано, что будет так плохо, — по крайней мере, не в тех, что я прочла. — Она поцеловала его в лоб.

Он взял ее руки и нежно их сжал.

— Будь у меня волшебная палочка, я бы махнул ею — и все мгновенно улетучилось бы.

— Черт, Рой, почему никто не сказал мне, каково это — завести ребенка?

— Может, потому, что никто бы и не заводил, знай они, каково это.

Она кивнула:

— Да, так и есть! — И, меняя тему, спросила: — Где ты держишь наручники?

— Наручники?

— Угу.

— У меня имеется парочка в дежурном портфеле, но в том, чем я занимаюсь, применять их особых причин нет.

Она одарила его странной улыбкой, смысла которой он не понял.

— То есть они у тебя найдутся?

— Да.

— Я подумала, что, может… ну, ты понимаешь… может, я смогу испытать их на тебе… когда-нибудь, когда буду не такой раздраженной.

Он ухмыльнулся.

— Так вот какие книги ты читаешь?

— Я сейчас на второй. — Она снова усмехнулась.

— Насчет наручников не уверен, — сказал он. — На каких только мерзавцах они не перебывали. Может, попробуем шелковые повязки?

— Думаю, мы можем попробовать много всего разного. Но мне не хотелось бы отвлекать тебя от работы. Сначала засади за решетку всех плохих парней, а уж потом сможешь заняться и мною. — Она снова поцеловала его в лоб. — Только не сегодня. Я все еще на взводе и слишком устала.

Он проводил ее взглядом:

— Люблю тебя.

— Даже такую толстую?

— Так даже лучше, есть больше чего любить.

— Какое же ты трепло! — Она махнула рукой. — Видишь, даже твоя золотая рыбка согласна!

Высоко вверху, на одной из подогнанных книжных полок в дальнем конце комнаты, Марлон прижался носом к стеклу аквариума, без конца открывая и закрывая рот. Он пережил переезд в новый дом, сняв камень с души своего хозяина. За те годы, что прошли после исчезновения Сэнди, Грейс необъяснимо привязался к рыбешке и знал, что будет грустить, когда Марлон умрет.

Он перевез его сюда потому, что Гленн вернулся домой, к детям. Другой причиной переезда была приближающаяся продажа коттеджа. Вещи надо вывезти и отправить на хранение до тех пор, пока они с Клио не решат, что может понадобиться, когда они купят новый дом.

Он сосредоточился на фильме, шокированный жестокостью банды «Мертвые кролики». Если картина хотя бы отдаленно отражала действительность, жизнь в некоторых районах Нью-Йорка, начиная годов этак с 1850-х и до Великой депрессии, была поистине адской. Да, «Адская кухня» — самое подходящее название.

Гэвин Дейли, безусловно, стреляный воробей. А будет ли он сам таким энергичным и трезвомыслящим в девяносто пять — если, конечно, протянет так долго, что вряд ли. Исторически так уж сложилось, что средняя продолжительность жизни ушедших в отставку офицеров полиции оставалась на одном из самых низких уровней среди всех профессий. Хрестоматийный тому пример его отец, который умер всего через три года после того, как отошел от дел.

Грейс бросил взгляд на монитор радионяни. Прислушался к звуку дыхания Ноя. Доживет ли он до того дня, когда у него появятся внуки?

Дейли и в девяносто пять сохранил силу и дух. По всем расчетам, Эйлин Макуиртер тоже легко бы перешагнула вековой рубеж, не подрежь ей кто-то столь жестоко крылышки. Эта мысль глубоко его опечалила. Он знал, что цивилизация — всего лишь тонкий налет. Стоит лишь почитать, или посмотреть, или послушать любые утренние новости, чтобы увидеть, в каком аду постоянно живет множество людей на этой планете. Он никогда не забывал, как ему повезло родиться в Англии, стране относительно спокойной. Но и здесь то и дело возникали угрозы; террористы угрожали как извне, так и изнутри. Террористы и разного рода злодеи.

Он знал, что судьба определила ему редкое положение, позволяющее сделать хоть что-то для жителей Брайтона и Хоува, да и всего Суссекса, который он так сильно любил. Эйлин Макуиртер следовало безмятежно умереть во сне, от старости, годами позже. После всего того, что она и ее брат перенесли в детстве — как он узнал от самого Дейли за выкуренной в ее саду сигарой, — она заслужила хотя бы это.

Никогда в жизни он не был столь решительно настроен найти преступников и засадить их за решетку. Желательно навсегда. Если повезет и им не попадется какой-нибудь ушлый судья-либерал.

Грейс посмотрел на Марлона. И на мгновение отвлекся — поскорее бы собраться, очистить старый дом и подвести черту под последними годами своей жизни. Потом он снова сосредоточился на фильме и всем том, что можно было почерпнуть из него и что помогло бы в его расследовании.

51

Теперь, когда кто-то еще, кто-то посторонний тоже трамбовал его жизнь, сборы обернулись занятием весьма болезненным. Боль причиняли не воспоминания — никаких воспоминаний, которые Эмис Смолбоун хотел бы захватить с собой, у него не было, кроме разве что фотографии отца и матери, служившей единственным украшением его камеры. Других фотографий — своих бывших и двоих детей, двадцать лет назад увезенных женой в Австралию и давно ставших чужими, — он не держал.

Сборы, притом что и собирать-то было особенно нечего, доставляли физическую боль. Тело болело от побоев. Но сильнее всего пострадал рот, и это огорчало больше всего. Незадолго до ареста, тринадцать лет назад, он отдал целое состояние за то, чтобы привести в порядок рот. И вот теперь пяти передних зубов нет, челюсть сломана и чертовски болит. Дантист сказал, что нужна операция. Времени на операцию не было, так что боль

приходилось заглушать нурофеном и виски. Он уже решил, что починит рот, когда получит деньги по этой сделке, а до тех пор, по крайней мере на публике, лучше помалкивать.

На часах за полночь, но Эмис Смолбоун еще бодрствовал — зажав губами сигарету, по второму разу проверял комоды и шкафы в своей подвальной квартире. Последняя ночь в этой вонючей дыре, думал он с облегчением. Уик-энд он проведет у закадычного дружка Бенни Джулиуса в особняке на Дайк-Роуд-авеню. Едва ли не по соседству с тем большим домом, где когда-то жил и сам Эмис. Дом и «феррари» у подъезда. Да еще вилла на Марбелье и яхта в Пуэрто-Банусе.

А что теперь? Один большой чемодан, да и тот наполовину пустой. Чудесно, да? Шестьдесят два года, и все твое, все нажитое — одежонка да туалетные принадлежности. Даже чемодана много.

Смолбоун аккуратно положил фотографию родителей на сложенную рубашку. Отец, Морис Смолбоун, был мужчина высокий, представительный, широкоплечий, с приятным худощавым лицом. Темно-русые, крашеные волосы до последних дней зачесывал назад. Мать тоже была высокая, элегантная. Какого же дьявола он только на пять футов с одним дюймом и вытянул? Почему жизнь так дерьмово с ним обошлась?

Почему тогда, много лет назад, Рой Грейс именно его и выбрал? Все, что было когда-то, ушло благодаря Рою Грейсу, твердо вознамерившемуся стереть его в порошок. Помнится, Грейс говорил тогда, что, мол, ничего личного, но Эмис Смолбоун не верил. Грейс и теперь жизни ему не даст.

Друзья советовали забыть: мол, Грейс коп и всего лишь делает свою работу. Но Смолбоун видел дело в ином свете. В тюрьме один старый зэк рассказал ему, что папаша Грейса, тоже детектив, долгие годы преследовал его отца и больше всего жалел, что так и не смог упрятать Мориса за решетку.

Так что для Грейса это дело было личное. Сколько Эмис помнил, детектив всегда сидел у него на хвосте. И даже когда он отмотал срок и вышел на свободу, Грейс продолжал его преследовать. Обвинил в том, что это он, Эмис, нацарапал что-то на машине его подружки, а потом похитил, вывез за город, да там и оставил, вынудив тащиться до дому целых пять миль под гребаным дождем.

Из-за него одного, Роя Грейса, Эмис не только оказался у разбитого корыта; чуть ли не все старые друзья-приятели отказались иметь с ним дело, отвернулись, как от прокаженного, как от неудачника. Морис Смолбоун играл большую роль на криминальной сцене Брайтона. Его все боялись и уважали. Никто не смел тронуть Мориса Смолбоуна, даже полицейские, многие из которых в лучшие времена кормились с его руки.

Так что, мать его, пошло не так?

Суперинтендент Рой Грейс сойдет в могилу, горько сожалея о содеянном. Нельзя просто так отнять у кого-то двенадцать лет жизни и все, что к этому прилагается. Тюремный врач предупреждал его не злиться, потому что из-за этого поднимается кровяное давление. Да пошло оно. Эмис растер окурок и тут же закурил другую сигарету. И лишь теперь заметил, что пропустил кое-что еще. Еще одну фотографию, на которой его отец стоял возле суда в Льюисе. Смолбоун-старший ослепительно улыбался, раскинув руки, словно ему принадлежал весь мир. Весь или не весь, но приличный кусок точно. Снимок был сделан через несколько минут после того, как Морис вышел из зала, где с него сняли кучу обвинений, в том числе в оказании давления и запугивании присяжных.

Эмис пошел по папашиным стопам, но ему повезло куда меньше.

И все благодаря Рою Грейсу, бывшему тогда инспектором.

С тех пор инспектор пошел в гору. Ха.

Стал отцом.

В понедельник он станет соседом уже суперинтендента Грейса. Снимет трехэтажный домик рядом с тем, где коп живет со своей блондинистой шлюшкой Клио Мори. Инспектор службы надзора, к которому Эмис Смолбоун обратился за разрешением на перемену адреса, спросил, как он будет оплачивать новое жилье. Смолбоун объяснил, что платить будет приятель, Генри Тилни, за которым числится кое-какой должок, а потом они вместе начнут новый бизнес, займутся бэушными машинами. Инспектор объяснение проглотил.

Рой Грейс думает, что его потаскушка и ребенок будут в безопасности в этом своем домишке за заборчиком? Как же.

Смолбоун улыбнулся. Как говорится, если не можешь победить — присоединяйся.

До понедельника!

52

Утреннее субботнее совещание пришлось проводить в конференц-зале отдела тяжких преступлений — разместить разросшуюся команду оказалось непросто. Присутствовали все, в том числе, как с удовлетворением отметил Рой Грейс, и Гленн Брэнсон, объяснивший, что свояченица поведет детей в бассейн и присмотрит за ними до вечера.

Первой слово взяла Белла Мой.

— Работая по информации вашего контакта, Гектора Уэбба, считающего, что большая часть украденного будет вывезена из Соединенного Королевства в контейнерах, я уделяю основное внимание кораблям, которые могут забирать контейнеры из местных портов.

Грейс заметил, что, выступая, она дважды взглянула на Нормана Поттинга. Неужели между ними действительно что-то есть? Вопрос этот занимал его все больше и больше.

— Вчера я разговаривала с начальником Шорэмского порта в его офисе. Просмотрели список грузовых судов, ушедших после восьми вечера вторника, 21-го. Раньше этого времени похищенные из дома Эйлин Макуиртер вещи попасть туда не могли. Заходить в порт и выходить грузовые корабли могут только за четыре часа до и четыре часа после прилива. Следующий прилив был в два тридцать восемь среды, 22-го, и потом в пятнадцать часов три минуты.

Она снова стрельнула взглядом в сторону Поттинга, и на этот раз старый хрыч подмигнул в ответ. Неужто что-то есть? Белла и такой замшелый распутник, как Поттинг? Впрочем, теперь его мало что удивляло.

Белла взяла со стола несколько скрепленных листков.

— Все суда с массой груза более пятисот тонн должны иметь включенные транспондеры системы опознавания для Центральной Европы, усовершенствованный вариант системы распознавания «свой-чужой», использовавшейся нашим военно-морским флотом в годы войны. Принцип работы тот же, что и у системы идентификации самолетов при контроле воздушного трафика. Находясь в море, все грузовые суда постоянно отслеживаются — это новшество ввели после 11 сентября.

— И что будет, если они отключат транспондер? — спросил эксперт-криминалист Дэйв Грин.

— Для этого нужна очень веская причина, — ответила Белла. — Например, они находятся в водах, где есть угроза нападения сомалийских пиратов. В ситуациях подобного рода отключать приборы разрешается. — Она постучала пальцем по своим листкам. — Здесь список всех грузовых судов, отплывших после восьми часов вечера 21 августа. Здесь же и транспортные накладные. «Торрент», перевозит металлолом. «Анке Анджела» — с грузом овса. «Уолтер Хамман» — с удобрениями…

— У нас есть их пункты назначения? — перебил ее Гленн Брэнсон.

— Есть.

— Хорошая работа, Белла, — сказал Грейс. — Во-первых, нам нужно знать, не отклонился ли какой-то из этих кораблей от маршрута. Во-вторых, нам нужно взаимодействовать с Интерполом для проверки тех выгруженных контейнеров, которые не указаны в накладных. Необходимо отправить в Интерпол список украденного у Эйлин Макуиртер.

— Будет сделано, сэр.

— Как насчет грузовиков на паромах? — спросил детектив-констебль Алек Дэвис.

— У меня есть список всех, которые находятся в радиусе сотни миль от Брайтона. Работа огромная. — Белла посмотрела на Роя Грейса. — Мы ищем черные «порше» с суссекскими регистрационными номерами, но пока никого из владельцев на заметку не взяли. Хорошо бы расширить параметры.

— Да, провести проверку по всей стране. Они могли воспользоваться и перекупленной машиной.

Руку поднял детектив-констебль Джон Экстер. На столе перед ним лежала стопка журналов.

— Сэр, у меня тут «Антикс трейд газет». Думаю, всем в команде было бы полезно почитать. Здесь про одну турецкую криминальную семью в Лондоне с очень хорошей системой дистрибуции на тамошнем антикварном рынке. Перечисляются все ярмарки и рынки, и есть календарь аукционов, как местных, так и заграничных. Кто почитает, узнает кое-что о торговле антиквариатом и о рынках сбыта.

— Спасибо, Джон, — кивнул Грейс. — Раздай, пожалуйста, всем.

Экстон протянул журнал сержанту Поттингу:

— Извини, Норман, но девушки на третьей странице нет. Не совсем твое чтиво.

По комнате прокатился смешок. Усмехнулся даже Рой Грейс.

Поттинг поджал губы.

— Кстати, Джон, слышал анекдот про леди, которая вышла замуж за археолога?

И снова они переглянулись, Поттинг и Белла Мой.

— Нет, не слышал.

— Она выразилась так: «В этих отношениях хорошо хотя бы то, что чем больше я старею, тем сильнее его интерес ко мне».

Все, кроме Гленна Брэнсона, рассмеялись. Грейс с удовольствием отметил, что его люди в хорошем настроении. Он по своему опыту знал, что наилучших результатов достигает команда, в которой есть дух товарищества. Беспокоило его только состояние друга. Надо бы поплотнее подключить его к расследованию.

— Гленн, у меня для тебя задание. Свяжись с испанским отделением Интерпола. Выясни, не было ли отмечено за этот уикэнд случаев подозрительной смерти в районе Марбельи. Или, может быть, нападений или избиений? Ладно?

— Хотите, чтобы я лично проверил, а, босс? Уик-энд на солнышке, я бы не отказался.

Грейс улыбнулся.

— Не на этой стадии. — Он повернулся к аналитику Анна-лизе Винир: — Есть что-нибудь похожее на наш случай?

— Одно дело в Ньюкасле, сэр, и одно в Глазго. Я ими займусь.

Грейс с надеждой оглядел присутствующих.

— Еще что-нибудь?

Больше ничего ни у кого не было.

— Вечернее совещание назначаю на пять. Если ничего нового не будет, то все свободны до утра. О'кей?

Возражений не последовало.

53

День начался в пять утра. Как мило, хотя и немножко иронично, думал Гэвин Дейли, — чем старее становишься, тем меньше тебе требуется сна. Скоро отоспишься. О да. Великий бард хорошо это понимал.

Уснуть!

И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;

Какие сны приснятся в смертном сне,

Когда мы сбросим этот бренный шум. [3]

«Какие сны», да. Три ночи в неделю все последние девяносто лет ему снилась та ночь, когда они застрелили мать и забрали отца. В этом сне, одном и том же каждый раз, он видел вытекающую из нее толчками кровь; потом статую Свободы, растворяющуюся в тумане за мостом Верразано-Нэрроуз. И наконец, свое обещание.

«Когда-нибудь, па, я вернусь и найду тебя. Где бы ты ни был, я спасу тебя».

И снова вспомнились слова Гамлета.

Безвестный край, откуда нет возврата. [4]

Он не мог умереть, не найдя отца. Еще не поздно. Не поздно, пока он жив.

54

— Ну как, рыбки еще хочется? — спросил Рой Грейс.

— Совершенно определенно! — сказала Клио. — А еще очень хочется устриц. И преогромную дуврскую камбалу!

— Мне казалось, такие желания возникают только у беременных, нет? — Грейс сконфуженно посмотрел на плававшего в своем аквариуме Марлона. — Не принимай на свой счет, старина.

— К сожалению, пока кормишь грудью, есть моллюсков не рекомендуется. Так что поглощать их придется тебе, а я буду смотреть и наслаждаться ими виртуально! — Она развязно усмехнулась. — Говорят, они разжигают в мужчинах похоть.

— Мне устрицы не нужны. Во мне похоть разгорается всегда, когда я с тобой.

— И кстати, меня тут кое на что новенькое потянуло.

— Вот как?

— Да, раньше я об этом и не думала, а теперь вот просветилась.

— Почерпнула из той книги, которую сейчас читаешь?

— Это уже третья. Прошлась сегодня по магазинам и купила несколько штучек, которые можно попробовать, когда я буду готова. — Клио взглянула на него искоса.

— Ты заходила в секс-шоп с Ноем?

— Ною там ужасно понравилось! Он с таким интересом все разглядывал — по-моему, ему по вкусу красное и розовое в «Энн Саммерс».

— Мальчику всего два месяца, а ты уже его портишь! — ухмыльнулся Грейс.

Она помолчала, потом нахмурилась.

— Я ведь еще нравлюсь тебе, правда? Даже толстая и с варикозными венами? Я читала где-то, что некоторые мужчины переставали заниматься сексом с женами после того, как те рожали.

Он обнял ее и поцеловал.

— Ты выглядишь потрясающе. — Она и впрямь выглядела потрясающе — свободное кремовое платье, замшевые туфельки на шпильках, сияющие, пахнущие чистотой волосы цвета озимой пшеницы. — И ты ужасно мне нравишься. Больше, чем когда-либо. — Он снова поцеловал ее.

В дверь позвонили.

Клио с неохотой отступила:

— Это наши старички!

Грейс посмотрел на часы — 6.45. Родители Клио, к которым он питал искреннюю симпатию, всегда приходили по меньшей мере на четверть часа раньше. Сегодня они нянчились с внуком, так что Рой и Клио получили первый после рождения Ноя выходной.

Хотя многие считают, что официально лето завершается в конце августа, для Роя Грейса самым восхитительным месяцем часто становился сентябрь. Обычно он старался не отвлекаться во время расследования убийства и теперь разрывался на части: поработать вечером над делом Эйлин Макуиртер или вывести «в свет» Клио.

Проблема обострилась прошлым вечером, когда в голосе Клио зазвучали немного капризные нотки, явственно напомнившие ему Сэнди. Сэнди никогда не понимала, как мертвецы могут быть важнее ее. Почему его работа имеет приоритет над их совместной жизнью. Тогда Грейс пытался объяснить ей слова, засевшие у него в памяти со времен полицейского колледжа, где он учился на детектива. Инструктор зачитал им моральный кодекс ФБР, написанный его первым директором, Дж. Эдгаром Гувером: «Нет большей чести для офицера, нет долга большего, чем тот, что возложен на него или нее по расследованию смерти человека».

Он всегда защищал жертв убийства. Работал денно и нощно, чтобы поймать и упрятать за решетку преступников. И в большинстве случаев добивался успеха.

Но теперь он был еще и отцом. А скоро снова станет мужем. В мире появились люди — его сын и будущая жена, — которые нуждались в нем даже больше, чем жертвы убийства. Осознание этого пришло недавно и не оставляло с тех пор, постоянно терзая, грызя изнутри.

В конце концов он принял решение и теперь, с гордостью шествуя по Гарднер-стрит под руку с красивой женщиной, нисколько об этом не жалел. На этой же улице находился магазин одежды Луиджи, где Рой несколько месяцев назад, поддавшись давлению своего самозваного гуру-стилиста Гленна Брэнсона, потратил две с лишним тысячи долларов на кардинальное обновление гардероба. Сейчас на нем была белая футболка поло с пуговицами, легкая куртка-«пилот», суженные книзу брюки-чинос и коричневые замшевые лоферы. Встречные мужчины заглядывались на Клио, и Рою Грейсу это нравилось. Интересно, думал он, улыбаясь про себя, как бы они вели себя, узнав, чем эта восхитительная женщина зарабатывает на жизнь и что однажды, не дай бог, она будет готовить их для вскрытия.

Пройдя по узкой, так нравившейся ему Лейнс, мимо ресторанов и баров, они вышли на Брайтон-Плейс с одной из самых известных городских достопримечательностей «Суссекс-паб». Прямо напротив расположился английский ресторан с длинным рядом вынесенных на улицу — средиземноморский стиль! — и огороженных канатом столиков.

— Внутри или снаружи? — спросил менеджер.

— Я заказывала снаружи, — насторожилась Клио и вопросительно взглянула на своего спутника.

Он одобрительно кивнул.

Их провели к свободному столику. Зная на основании долгого опыта его предпочтения, Клио указала Рою место спиной к стене:

— Твой полицейский стул, дорогой.

Он легонько сжал ее руку. Прослужив несколько лет, большинство полицейских чувствовали себя комфортно в ресторанах и барах, только если сидели спиной к стене, видя весь зал и все входы. У Грейса, как и у многих его коллег, это вошло в привычку.

Они сели. За спиной у Клио, от фешенебельной Ист-стрит в сторону Лейнс, струился бесконечный людской поток. Рой взял винную карту, солидную книжицу в кожаном переплете, раскрыл и, едва найдя список белых сухих вин, которые нравились им обоим, вдруг заметил два знакомых лица.

— Вот черт! — Он укрылся за книжицей, — увидев его, парочка могла испытать немалый конфуз, — хотя, не будучи чужд некоторого коварства, и испытал тайное злорадство, представив такую ситуацию.

— Что такое? — спросила Клио.

Он подождал немного, опустил карту и указал на парочку, рука об руку прошествовавшую мимо.

— Думал, зайдут сюда!

Клио посмотрела вслед паре. Мужчина с большой плешью — в коричневом пиджаке и серых брюках. Женщина с каштановыми, модно подстриженными волосами — в симпатичном розовом платье.

— И кто они?

— Ты встречалась с обоими по отдельности, в морге. Детектив-сержант Норман Поттинг и детектив-сержант Белла Мой!

— Не самая подходящая пара, по крайней мере насколько я могу судить.

— Ты даже не представляешь, насколько неподходящая.

— Она в твоей команде, и это у нее нет никакой личной жизни, да? Она ведь ухаживает за престарелой матерью?

Грейс кивнул.

— А он был женат… сколько? Четыре раза?

— Угу.

Подошел официант. Грейс заказал два бокала шампанского и оливки.

— Это ужасно.

— Да, Норман, конечно, не подарок. Но и молодец — отхватил-таки Беллу!

— Отхватил Беллу? — недоверчиво повторила Клио. — Да что вы за люди, мужчины? Так говорите о женщинах, будто это спорт какой-то! А может, выразиться иначе? Бедняжка Белла подобрала от отчаяния никому не нужного, патологически неверного старичка-распутника!

Грейс рассмеялся:

— Ты права.

— Так почему они сошлись, Рой?

— Наверное, потому, что для большинства людей жизнь — своего рода компромисс. Тот писатель или философ, который так тебе нравится и о котором ты рассказала мне пару месяцев назад, какая у него основная тема? Что-то вроде того, что многие проживают жизнь в тихом отчаянии?

— Да. Но мы ведь так жить не будем, да, Рой?

Он посмотрел в ее ясные зеленые глаза.

— Никогда.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Принесли шампанское. Грейс поднял бокал. Чокнулись.

— Никакого отчаяния. Никогда.

— Никогда и никакого!

Чуть позже Грейс заказал шесть устриц, но потом, поймав лукавый взгляд Клио, добавил до дюжины.

55

В понедельник, в одиннадцать утра, Гэвин Дейли сидел за столом, перелистывая карточки ветхого каталога в поисках имени из далекого прошлого и не обращая внимания на скрипучий треск старенькой газонокосилки, ползающей туда-сюда по лужайке и оставляющей за собой безупречно ровные полосы.

Час назад в новостях сообщили, что коронер разрешил забрать тело его сестры. Похороны могли состояться уже завтра, как он и планировал. Размышления прервал небрежный стук и последовавший за этим звук открывающейся двери. Оглянувшись, он увидел домработницу Бетти с подносом — бокал, открытая бутылка белого бургундского «Кортон-Шарлемань», аккуратно обрезанная «робайна» и тарелка с зелеными оливками.

Первый из двух ежедневных бокалов белого вина, за которыми последует вечернее виски — на два пальца. Умеренность во всем — таков был его рецепт. У каждого из долгожителей, кого он знал или о ком читал, был свой секрет. Одни полностью отказывались от алкоголя. Другие брали на себя обет безбрачия. Несчастные бедолаги — они, может, и прожили долгую жизнь, но, увы, не показалась ли она им слишком долгой? А ведь стоило бы послушать старейшего в Англии долгожителя, Генри Эллингема, умершего относительно недавно в возрасте ста тринадцати лет и объяснившего в радиоинтервью свое долголетие приверженностью «сигаретам, виски и сумасбродным женщинам».

Каждое утро, когда Бетти подавала первый бокал, Гэвин Дейли выпивал его в память о Генри Эллингеме и лишь потом раскуривал сигару.

На столе перед ним лежала, запечатанная в пластик, первая страница февральского номера «Дейли ньюс» 1922 года. Гэвин Дейли поблагодарил Бетти, отпил вина, подождал немного и, услышав, как закрылась дверь, продолжил поиски в потрепанных каталожных карточках. И в конце концов нашел имя и номер телефона. Когда-то, много лет назад, он регулярно пользовался услугами генеалога Мартина Диплока для проверки истории высококлассного антиквариата.

Набрав номер и услышав, что таковой не обслуживается, он не удивился, но на всякий случай вбил имя старого знакомца в поисковую строку Гугла. Здесь его ждал сюрприз — простенький веб-сайт с электронным адресом и, похоже, заморским телефонным номером. Он позвонил и услышал гудки. Три. Четыре. Пять.

Щелчок — и в трубке раздался поставленный и хорошо узнаваемый голос.

— Ты еще жив?

Секундная пауза…

— Кто это?

— Гэвин Дейли!

— Ну и ну! Ты, кажется, тоже жив!

— Всего лишь.

— Лет двадцать не виделись.

— Около того.

— Итак, чему обязан таким удовольствием?

— Нужно проверить одну семейную историю. Ты еще работаешь?

— Живу на Тенерифе, от дел отошел лет пятнадцать назад. Но форму поддерживаю. Благодаря Интернету старые связи сохранять легче. А что такое?

— Не знаю, может, шанс и невелик, но я давно научился не отметать совпадения.

— Знаешь, что о совпадениях сказал Эйнштейн?

— Что-нибудь вроде того, что это визитные карточки Бога?

— Близко. Посредством совпадений Бог остается анонимным.

Гэвин улыбнулся и сделал еще глоток.

— С тобой приятно разговаривать, Мартин. Как Джейн?

— У нее все хорошо. Она в полном здравии. Солнце идет людям на пользу.

— Но вредит антиквариату.

— Какая у тебя для меня информация?

— Есть человек. Имон Поллок. В данный момент его основное место жительства — яхта в Марбелье, «Довольный». Как я уже сказал, шансы невелики, но я с удовольствием заплачу сколько нужно, чтобы ты выяснил, имеет ли он какое-либо отношение к Мику Поллоку, жившему в двадцатых в Нью-Йорке. Возможно, ирландец и член банды «Белая рука».

— Какие-то еще детали есть?

— У Мика была одна нога — я так понимаю, его подстрелили в гангстерской разборке, началась гангрена и вторую отрезали. Отсюда и кличка — Культяшка.

— Культяшка Поллок. Что-нибудь еще?

— Боюсь, что нет. Попробуешь подготовить детальное семейное древо?

— Я посмотрю, что можно сделать, но ничего не обещаю.

— Дай мне адрес — перешлю деньжат.

— Это бесплатно. Сказать по правде, соскучился по работе. Будет хороший повод размяться. Дело срочное?

— В нашем возрасте, Мартин, все дела срочные.

56

Как и большинство знакомых коллег, Рой Грейс неизменно испытывал дискомфорт, навещая тюрьму. Отчасти это объяснялось патологической ненавистью заключенных к полиции, отчасти утратой контроля. Обычно полицейский контролирует любую ситуацию, в которой может оказаться, но здесь, как только за тобой закрываются первые двери, ты попадаешь в руки начальника тюрьмы и его или ее подчиненных.

С осужденными и приговоренными к лишению свободы полицейскими другие заключенные обращались так же, как с педофилами.

В Суссексе было две тюрьмы: Форд, открытая, категории D, где отбывали срок осужденные за относительно незначительные преступления и с низким потенциалом рецидива, а также те, чей срок заключения подходил к завершению, — здесь они постепенно привыкали к миру, в который им предстояло вернуться. Другая, Льюис, категории B, представляла собой мрачное, зловещее учреждение. В детстве Рой Грейс нередко проходил мимо нее с родителями, и она неизменно будоражила воображение и пугала его.

Построенная как крепость, тюрьма Льюис имела высокие каменные стены и крохотные зарешеченные окна. Услышав от отца, что там держат под замком плохих людей, Рой Грейс представлял их чудовищами, так и норовящими при удобном случае оторвать кому-нибудь голову. Теперь, имея за спиной многолетний опыт полицейской службы, он знал, что это не совсем так. И тем не менее любой служитель закона, по какой бы причине он — или она —

ни оказался за решеткой, мог считать себя везунчиком, выйдя на свободу целым и невредимым.

Вот почему Рой Грейс испытал немалое облегчение, когда, отметившись в регистратуре и оставив в сейфе оба телефона, свой личный и служебный, увидел, что его встречает заместитель начальника тюрьмы Алан Сеттерингтон, и узнал, что комната для свиданий в главном корпусе уже готова и ждет его.

Сеттерингтон, сухощавый, подтянутый мужчина, поддерживавший отличную физическую форму тем, что гонял по уик-эндам на мотоцикле, был в модном костюме и ярком галстуке при белой форменной рубашке. Как и положено, двери сначала открывались, а потом закрывались с металлическим щелчком, по мере того как они проходили по мрачному, без окон, коридору с каменными полами, унылыми стенами, украшенными кое-где постерами Комиссии по здравоохранению и безопасности, пожарными ведерками и большими прочными дверьми.

Угостив гостя кофе, Алан Сеттерингтон отправился за информатором, согласившимся поговорить с Грейсом. Не за спасибо, конечно.

Донни Лонкрейн явился на свидание в зеленой тюремной форме. Ему уже стукнуло пятьдесят пять, и выглядел он типично для большинства заключенных: лет на десять старше своего возраста — образ жизни и плохие наркотики накладывали свою печать. В последний раз пути Роя Грейса и серийного автомобильного вора — и по совместительству полицейского информатора — пересекались лет десять назад, и вид старого знакомца шокировал суперинтендента. Сеттерингтон вышел, тактично оставив их наедине, и закрыл за собой дверь.

Высокий, но как будто скособоченный, с зачесанными на лоб короткими седыми волосами, Лонкрейн робко ответил на предложенное рукопожатие, протянув влажную, словно только что из почтения к посетителю помыл руки, ладонь.

Грейс покачал головой:

— Что ты здесь делаешь? Сам же сказал мне при нашей последней встрече, что сойдешь с кривой дорожки.

Лонкрейн пожал плечами:

— Да, собирался. Проблема, понимаете, в том, что мне нравятся машины.

— Они тебе всегда нравились.

— Дело в том, что теперь их труднее умыкнуть. Хитрая защита. «Ауди», «бимеры», мерсы, «феррари», «бентли», да? Раньше я, бывало, вскрывал их за тридцать секунд. А знаете, сколько надо теперь?

— Сколько?

— Ну, при нынешних системах защиты… около четырех часов. Остается одно — или взять на дороге, оглушить водителя тазером и вытащить из машины, или вломиться к хозяину в дом и забрать ключи.

— Донни, когда мы разговаривали в прошлый раз, ты говорил, что хочешь стать инструктором по фитнесу, что откроешь спортзал, когда выйдешь.

Лонкрейн снова пожал плечами:

— Да, были такие планы.

— Так что случилось?

— Не так-то все просто. Помогать такому старому зэку, как я, хотят немногие. Нужны рекомендации, банковские ссуды и все такое. У меня биография не самая лучшая. — Он грустно улыбнулся.

Грейс тоже улыбнулся. Донни Лонкрейн дураком не был, но жизнь не дала ему шанса. Отец загремел в тюрьму за наркотики, когда мать была беременна им, четвертым ребенком. Она тоже сидела на наркотиках. Донни был одержим автомобилями и первую судимость получил в четырнадцать лет за угон — хотелось прокатиться. В семнадцать лет он делал хорошие деньги и вел веселую жизнь, воруя в Лондоне по заказу криминальной банды экзотические автомобили.

— Знаешь, Донни, начать сначала никогда не поздно.

Старый рецидивист кивнул:

— Да, сэр. У меня своя мечта.

— Какая же?

— Я бы хотел снова жениться. Жить в симпатичном домике. Растить детишек. Иметь хорошую машину. Но этому не бывать.

— Почему? Тебе же только пятьдесят пять. Думаю, ты мог бы встать на ноги.

— Да, пятьдесят пять и еще сто семьдесят. Кому я там, на свободе, нужен, кроме других таких же? И знаете что, сэр? Я даже не против остаться здесь. У меня телик, за электричество платить не надо, кормежка приличная и приятели рядом.

— Я могу тебе чем-то помочь? — спросил Грейс.

— Могли бы, если б дали ключики от «Феррари-458». Вот на такой еще не катался. — Он усмехнулся. — Так что вы от меня хотите?

— Ты ведь этот срок не только за угон получил, был еще и антиквариат, верно?

Лонкрейн кивнул:

— Как я уже сказал, самый верный способ спереть крутую тачку в наше время — это залезть в дом, возле которого она стоит. А как в дом попадешь, так, бывает, и что-то еще прихватишь.

— Конечно. — Грейс невольно усмехнулся — в словах Донни была своя, пусть и извращенная логика.

Несколько секунд Лонкрейн пристально смотрел на суперинтендента.

— Без обид, сэр, но вы, если б не стали копом, могли бы стать хорошим взломщиком.

— Приятно слышать.

— Нет, я серьезно. Вы человек основательный. Взлом — дело непростое, тут и планирование требуется, и внимание к деталям. В любом случае вы же сюда не консультировать меня пришли. Чем могу помочь?

— Около двух недель назад на Уитдин-Роуд, в Брайтоне, произошло ограбление. Из дома взяли антиквариата на десять миллионов фунтов, хозяйку, пожилую леди Эйлин Макуиртер, пытали, после чего она умерла. Десять миллионов — большие деньги для любого, как ни посмотри. Хотелось бы знать, не слышал ли ты здесь что-то.

Некоторое время Лонкрейн молчал.

— А если слышал?

— Двести фунтов, Донни, и, возможно, доброе слово начальнику тюрьмы.

— А как же насчет премии в десять процентов от украденного?

Грейс улыбнулся:

— Так было до тех пор, пока наш бюджет не пошел по швам.

В не столь уж далекие времена информатор действительно мог получить до десяти процентов ценностей, возвращенных с помощью предоставленной им информации. Плата достойная и заслуженная, потому что быть информатором — дело крайне опасное и рискованное, особенно в тюрьме. Грейс понимал, что Лонкрейну несомненно придется

объяснять сокамерникам, зачем его вызывали к начальнику тюрьмы, и отвечать на каверзные вопросы приятелей.

Заключенный бросил на него настороженный взгляд.

— Знаете, что здесь бывает со стукачами?

— Представляю.

— Кипяток в рожу. Лезвие в еду. Хорошего мало.

Лонкрейн снова замолчал, и Грейс уже забеспокоился, что так ничего и не узнает, но потом его собеседник поднял руку и выставил три пальца.

— Ладно, три сотни. Договорились. Кому перевести деньги?

— Я дам номер моего счета в швейцарском банке, — ответил Донни с таким непроницаемым лицом, что Грейс даже поверил ему на секунду. — На вашем месте, сэр, я бы присмотрелся к одному экспату по имени Имон Поллок. Возможно, он за этим стоит.

В общем раскладе три сотни фунтов погоды не делали, но начальство в любом случае требовало отчета, и неоправданные траты не приветствовались. Оставалось надеяться, что деньги потрачены не впустую.

— Поллок… Что-то знакомое. — Грейс задумчиво нахмурился.

— Работал когда-то с Эмисом Смолбоуном.

— С Эмисом Смолбоуном?

— Да, одно время они были крепко повязаны.

— Расскажи мне про этого Поллока.

— Жирный ублюдок, подставляет всех, с кем имеет дело. Живет за границей, в Марбелье. Раньше жил в Брайтоне. Весь из себя расфуфыренный, любит дорогие часы. Мелочь его не интересует. Меньше чем за десять штук и наклоняться не станет. Дает деньги в долг под грабительские проценты. Держится в тени, внимание полиции не привлекает, но врагов нажил немало. Говорят, в Марбелье живет на яхте, с охраной. Бизнес с ним ведут только совсем уж отчаянные.

— Похоже, приятный господин.

— Да уж, лапочка.

Получив телефон и выйдя наконец за тюремные ворота, Грейс первым делом позвонил Эмме Джейн Бутвуд и попросил отложить все и срочно собрать информацию на Имона Поллока.

Потом, повернув направо, он зашагал к гостевой парковке. Поллок. Ему определенно доводилось слышать это имя, но где и при каких обстоятельствах?

57

Констебль Сьюзи Холидей приняла вызов, когда они ехали по Портленд-Роуд в Хоуве и приближались к тому месту, где в начале года случилась трагедия — мотоциклист попал под грузовик. Сидевший за рулем ее коллега Дэйв Робертс тоже слышал разговор.

— «Олд Ректори», Овингдин. Знаешь, где это? — спросила она.

Он нахмурился.

— Нет.

— Похоже, еще один потенциальный G5. — Сьюзи вбила адрес в навигатор. — Разворачивайся.

— Я-то думал, мы на этот год свою квоту выбрали, — проворчал Робертс.

— Мертвецы счет не ведут, — цинично ответила она.

Робертс показал левый поворот и свернул к побережью. Рация снова затрещала голосом диспетчера. Сьюзи наклонила голову, вслушиваясь, потом кивнула коллеге:

— Вызов поступил от некоей леди по имени Кэрол Морган. У нее жилец в коттедже, и вот о нем-то она и беспокоится.

Овингдин, деревушка к востоку от Кемптауна, примерно в миле к северу от моря, лежала за «Ройден-скул», частной школой для девочек, в окружении полей и лугов. Дэйв Робертс частенько мечтал, что когда-нибудь, выйдя в отставку, поселится там, если, конечно, позволят средства.

— Как его зовут?

— Лестер Сторк. — Сьюзи усмехнулась. — Чудное имя.

— Лестер Сторк? Раздолбай.

— О! Это как?

— Мелкий барыга. Я задерживал его как-то, когда еще только начинал. Из него, должно быть, уже песок сыплется. Удивительно, что еще жив.

— Может быть, уже и нет.

На побережье повернули налево, на восток, проехали школу и еще раз свернули влево перед «Сент-Данстен», знаменитым приютом для слепых отставников. Потом поднялись по идущей вверх дороге и въехали в деревню. Навигатор подсказал, что нужный им дом уже близко.

Он и впрямь был рядом, слева от дороги, — внушительный, каменный, с большим загоном позади.

— Здесь! — сказала Сьюзи, прочитав красивую надпись на фасаде — «Олд Ректори».

Робертс вывернул на подъездную дорожку и остановился перед входом. Вышли вместе, и тут же из-за угла дома появилась красивая женщина лет сорока с небольшим, с волнистыми светлыми волосами, в бриджах для верховой езды и сапожках-джодпурах. На поводу она вела упирающегося жеребца.

— Генри! — укоризненно воскликнула незнакомка тем непринужденно аристократическим голосом, обладателям которого всегда тайно завидовала Сьюзи. Тут женщина увидела полицейскую машину и двоих людей в форме, подняла руку, снова повернулась к жеребцу и, твердо сказав что-то, шагнула навстречу гостям. — Все в порядке. Он просто немного не в духе сегодня.

— Миссис Кэрол Морган? — спросила Сьюзи Холидей.

— Да, это я. Спасибо, что приехали. Быстро вы. Я уж думала, пару дней ждать придется.

— Нам сообщили, что вы беспокоитесь из-за съемщика.

— Да-да, верно. — Миссис Морган указала за угол. — У нас там небольшой коттедж, который мы сдаем последние пять лет. Жилец наш немного странный. Приятный, вежливый, ничего плохого сказать не могу. Держится особняком. — Она нахмурилась. — Но прошлой ночью я услышала его машину — у нее довольно характерный звук, и мой муж, Джон, считает, что ей нужен новый выпускной трубопровод, — наверное, около полуночи. Утром, проснувшись, я снова ее услышала. То есть мотор еще работал. В семь я вышла покормить Генри. Дверь коттеджа была закрыта. Я позвонила, но никто не ответил. Подождала до полудня и позвонила еще раз. Вот тогда и решила позвонить вам. Надеюсь, не оторвала вас от…

— Все в порядке, — сказала Сьюзи Холидей. — Вы правильно поступили.

— Понимаете, мне немного не по себе. В прошлом месяце в «Аргусе» писали, что аварийные службы получают много ложных вызовов.

— Моя коллега права, миссис Морган, — вступил в разговор констебль Робертс. — Вашего жильца зовут Лестер Сторк?

Конь нетерпеливо потянул в сторону, и хозяйка резко дернула повод.

— Генри! — Она снова повернулась к полицейским: — Да, Лестер Сторк.

— Можете показать нам коттедж? — спросила Сьюзи.

— Конечно. Я только привяжу Генри. Следуйте за мной.

Она привязала жеребца к деревянным перилам и, зайдя за угол, повела полицейских по короткой дорожке к небольшому, сложенному из красного кирпича коттеджу, построенному, по-видимому, позже главного здания. Сбоку к коттеджу примыкал ветхий гараж, возле которого стоял видавший виды белый фургончик «рено». Подойдя ближе, они услышали звук работающего вхолостую мотора.

Придерживая шлем — поднявшийся ветер норовил сорвать его с головы, — Дэйв Робертс посмотрел в окно со стороны водителя, потом открыл оказавшуюся незапертой дверцу и заглянул внутрь. Ничего, кроме канистры с бензином, торцового ключа на полу и старой газеты на заднем сиденье. Он достал из кармана носовой платок — чтобы не оставить лишних следов, если понадобится снимать отпечатки, — обернул им руку и выключил зажигание.

Поднявшись затем на крыльцо, Робертс позвонил и, выждав несколько секунд, постучал костяшками пальцев в дешевую переднюю дверь. Никто не ответил. Он опустился на колени, открыл почтовый ящик и принюхался. Ничего. Слева от двери находилось небольшое окно, через которое была видна скромная гостиная с выключенным старым телевизором.

— Так вы говорите, миссис Морган, что он вернулся вчера около полуночи.

— Да, немного раньше.

— У вас есть номер его телефона?

Хозяйка продиктовала номер, Сьюзи набрала, и они услышали сначала звонок, а потом, после паузы, бодрый голос автоответчика:

— Вы дозвонились до Лестера Сторка. Я или занят, или умер. На всякий случай оставьте сообщение.

Втроем они обошли дом, заглядывая поочередно во все окна. Увидели крохотную пустую кухоньку, толкнули боковую дверь — заперто. С дальней стороны, там, где гараж, окон не было. Вернувшись к передней двери, они остановились у крыльца.

Робертс осмотрел замок.

— Миссис Морган, у вас есть запасной ключ?

— Да, но я не помню, куда его положила.

— Вы не против, если мы войдем?

Она покачала головой:

— Давайте.

Робертс подобрался и с силой ударил по двери ногой. Она не шелохнулась. Он попытался еще раз. И снова безрезультатно. Робертс нахмурился и посмотрел на коллегу:

— Похоже, ее укрепили.

Он подошел к окну, натянул перчатки и, взяв в руку полицейскую дубинку, резко ударил по стеклу. Оно треснуло. Самый большой кусок упал в гостиную. Робертс просунул руку и попытался найти защелку. Но и та не поддавалась.

— Черт! — выругался он и, повернувшись к миссис Морган, добавил: — Извините, сорвалось.

Хозяйка усмехнулась.

— Оконный замок, — констатировал Робертс. — Ваш жилец не собирался облегчать жизнь незваным гостям.

— Думаю, это все сделал он сам, — заметила миссис Морган.

Робертс выбил дубинкой остатки стекла и забрался в комнату, где пахло так, словно там выкурили миллион сигарет и ни разу не открывали окно. На уныло голых стенах лишь две невзрачные репродукции с лошадьми. На потертом ковре скудная мебель.

— Мистер Сторк! Полиция! Мистер Сторк! — Робертс постоял секунду-другую, прошел в коридор и… остановился.

Дэйв Робертс не видел старого знакомца много лет, но узнал его сразу. Лестер Сторк, высохший, сморщенный человечек — в другой, лучшей жизни он мог бы стать жокеем, — был в поношенном, «в елочку» пиджаке, мятой кремовой рубашке, серых брюках и дешевых черных туфлях. Наверное, он поднимался по лестнице, но упал и лежал теперь, распростершись, на нижних ступеньках с широко открытыми невидящими глазами и сползшим набок каштановым париком.

Констебль опустился на колени, стянул одну перчатку и коснулся щеки. Холодная как лед. Тем не менее, хотя и понимая, что старик мертв уже несколько часов, он поискал пульс, осмотрел внимательно лицо, изучил положение тела, но никаких признаков насильственной смерти не обнаружил. Но почему Лестер Сторк запер за собой дверь, оставив машину с работающим двигателем?

— Может быть, дверь захлопнулась от ветра? Но кто, вернувшись около полуночи и войдя в дом, оставляет фургон с включенным мотором?

— Только тот, кто намерен вернуться, — ответила коллеге Сьюзи, глядя на распростертое тело.

— И куда же мог собираться семидесятипятилетний старик в полночь в воскресенье на разбитом фургоне?

— Уж конечно, не в клуб.

— И, скорее всего, не в церковь. — Робертс вызвал сержанта, потом попросил соединить со службой коронера.

Пока он звонил, Сьюзи прошла в заднюю комнату, размером чуть больше кладовой, включила свет и сразу поняла, почему на окнах завешены шторы.

На полу лежала целая горка антикварных вещей: бронзовые статуэтки, китайские вазы, серебряный чайный сервиз, искусной работы часы, несколько картин маслом, золотое блюдо. Зная, что недавно в городе случилось крупное ограбление, Сьюзи достала телефон и сделала несколько снимков. Потом связалась с оперативным дежурным, спросила адрес электронной почты и отправила короткое сообщение: «Это обнаружено на G5 известного скупщика краденого. Возможно, есть что-то из дома на Уитдин-Роуд».

58

— Я делаю иногда страшные вещи.

— Продолжайте.

Долгое молчание. Выждав несколько минут, мюнхенский психоаналитик доктор Эберштарк спросил:

— Какие страшные вещи, Сэнди?

Она лежала на кушетке отвернувшись, избегая зрительного контакта.

— Поместила объявление в их местной газете, в разделе «Смерти», что их ребенок умер.

— Ребенок Роя Грейса?

— Его и той стервы, его подружки.

— Но вы же больше не с ним. Вы сами решили уйти от него, так?

— Я не думала, что он променяет меня на какую-то паршивку.

Лицо доктора Эберштарка не выражало ровным счетом ничего. Прошло еще несколько минут.

— А чего вы ожидали после девяти лет? Что он останется один до конца жизни?

И снова молчание.

— Я сделала еще кое-что ужасное.

— Что вы сделали?

— Поцарапала машину этой дряни. Как ее там? Клио? Поцарапала отверткой капот. Написала: «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ШЛЮХА. ТВОЙ РЕБЕНОК СЛЕДУЮЩИЙ».

— Через девять лет после того, как ушли от него?

— Вообще-то почти через десять.

— Чего вы хотели достичь этим?

— Иногда я чувствую себя тем скорпионом из басни.

— Какой басни?

— Той, в которой скорпион просит черепаху перевезти его через речку на другой берег. Черепаха отвечает: «Не могу. Ты ведь меня ужалишь». Скорпион говорит: «Послушай, я же не дурак. Если я тебя ужалю, пока мы будем переправляться, мы оба умрем — ты от моего яда, а я утону». — «Ладно, — соглашается черепаха. — Так и быть». И вот они доплыли до середины реки, и скорпион жалит черепаху. Та, умирая, все же оборачивается, смотрит на скорпиона и говорит: «Зачем ты это сделал? Теперь мы оба утонем». — «Знаю, — отвечает скорпион. — Мне очень жаль, но я ничего не могу с собой поделать. Такова моя натура».

— Значит, вы считаете себя скорпионом?

Она не ответила.

— Вам нравится так думать, чтобы оправдать свою злость?

— Знаю, это нерационально. Мне бы нужно радоваться тому, что он счастлив, но я не могу.

— Хотите его вернуть? Он представляет собой прошлое, то, что вы хотите, но не можете вернуть? Этого никто не может.

— Может, я псих и меня нужно посадить под замок?

— Тот факт, что вы сознаете это, говорит о том, что вы не больны. В вас копится злость, ее нужно куда-то вывести, и вы направляете ее на него и на женщину, которая, как вам представляется, мешает ему вернуться к вам.

Она села. Задумалась.

Подождав еще немного, доктор Эберштарк сменил тему:

— На нашем последнем сеансе вы собирались рассказать что-то о ребенке. Хотите рассказать сейчас?

Она пожала плечами.

— Дело в том… Я не уверена, что ребенок от Роя.

— Вот как?

— У меня был роман. С одним из его коллег.

59

— Человеком месяца Имон Поллок не был давненько, — сказал Гленн Брэнсон. — По крайней мере, в среде брайтонских антикваров. Твой приятель Донни Лонкрейн был прав.

Грейс повернул машину к въезду в крематорий. Из двух имеющихся в Брайтоне мультиконфессиональных крематориев он предпочитал муниципальный, «Вудвейл», напоминавший деревенскую приходскую церковь и расположенный в уютном зеленом местечке. Большинство же состоятельных горожан останавливали свой выбор на «Даунсе».

Рой Грейс считал правилом хорошего тона посещение похорон жертв, дела которых расследовал, но всегда при этом руководствовался и другим, скрытым мотивом. Он наблюдал

за присутствующими и за теми, кто, держась поодаль, следил за церемонией со стороны. Иногда убийцы, люди психически нездоровые, действительно приходили посмотреть на происходящее, а те, что замучили до смерти Эйлин Макуиртер, здоровыми, конечно, не были.

Грейс сдал назад, заняв позицию, откуда они с Гленном Брэнсоном могли без помех наблюдать за прибывающими.

Кортеж был небольшой. Из первого подъехавшего вслед за катафалком лимузина вышли Гэвин Дейли и его сын Лукас с супругой Сарой. Из следующего появилась пара с двумя детьми. Внучка Эйлин Макуиртер и ее муж, Никки и Мэтт Спирс, решил Грейс, и правнуки покойной, Джейми и Изобел. Третий автомобиль доставил нескольких пожилых мужчин и женщин, в одной из которых Грейс узнал домоправительницу Гэвина Дейли. Двое оставшихся могли быть домработницей и садовником Эйлин.

Следующей была женщина, которую Грейс хорошо знал и которая очень ему нравилась, Кэролин Рэндал, региональный менеджер суссекской ветки «Краймстопперс», одной из благотворительных организаций, финансовую поддержку которым оказывала миссис Макуиртер. За ней шла глава фонда брайтонского хосписа «Мартлетс».

Гленн расстегнул ремень, сунул руку во внутренний карман пиджака и, достав конверт, передал его Грейсу:

— Здесь его карточка. Имон Поллок.

Грейс вытряхнул фотографию, с которой на него смотрел болезненно тучный мужчина лет шестидесяти с лишним, с коротко подстриженными седыми волнистыми волосами и до отвращения самодовольной усмешкой. Мужчина был в смокинге и с бокалом шампанского в руке.

— Какая у нас есть на него информация?

— На счету Поллока судимость. Давняя, от 1980-го. Занимался продажей краденых часов. Получил два года условно.

Грейс моментально насторожился.

— Часов?

Брэнсон кивнул.

— Думаю, кому-то надо с ним поговорить.

— Да. Я бы и сам слетал в Марбелью, если бы не…

Грейс положил руку на плечо другу.

— Ты в порядке, приятель?

Брэнсон кивнул, и глаза его блеснули от подступивших слез.

— Эри говорила, чего бы она хотела?

— Говорила, что не хотела бы, чтобы ее сожгли, — фыркнул Брэнсон. — Ничего не поделаешь, придется уважить. Я уже сообщил в погребальную контору, что мне нужен участок на Вудиндингском кладбище. Пойдешь со мной на похороны?

— Конечно. Дату уже назначили?

Сержант покачал головой:

— Нет. Ждем, когда коронер даст разрешение выдать тело из морга.

Вышедшая из подъехавшего скромного «ауди» молодая пара забрала с заднего сиденья ребенка. Грейс посмотрел на часы — до начала церемонии оставалось пять минут.

— Ну что, идем?

— Ага.

Не успели они выбраться из «форда», как у суперинтендента зазвонил телефон.

— Рой Грейс, слушаю.

Звонил эксперт-криминалист Дэвид Грин.

— Подумал, что вас это заинтересует. Нашли крохотное пятнышко крови, — взволнованно доложил он. — В том двойном радиаторе, что взяли из дома.

— К которому они привязали Эйлин Макуиртер?

— Да. Пятнышко совсем маленькое, но в неплохом состоянии. Думаю, сможем получить образец ДНК.

Грейс сразу же вспомнил ссадины на костяшках пальцев нагловатого коммерсанта Гарета Дюпона. Вспомнил и то, о чем узнал накануне от Донни Лонкрейна в тюрьме Льюис.

— Можешь сделать все побыстрее?

— Уже отправил материал в лабораторию.

Всего лишь пару лет назад работа по выделению ДНК занимала несколько недель. Теперь результат получали порой в течение двадцати четырех часов.

— Отлично, Дэйв!

— Спасибо, босс. Но радоваться рано, придется подождать.

Они уже подошли к входу в часовню. Грейс дал отбой и уже хотел сообщить новость другу, но тут у сержанта зазвонил телефон.

— Да, вы с ним и разговариваете, — подтвердил Брэнсон. — Извините, не очень хорошо вас слышу. Можете повторить? — Он помолчал секунду-другую, прислушиваясь. — Черт! Точно? Получили подтверждение?

Глаза у него заблестели, и Грейс, наблюдая за сержантом, подумал, что уже давно не видел его таким оживленным. Через минуту Брэнсон закончил разговор и повернулся:

— Ну, думаю, тебе это понравится.

60

Гэвин Дейли вернулся с похорон около четырех пополудни. Большой пустой дом встретил его с непривычной неприветливостью. Совершенно измотанный, он добрался до кабинета, налил больше обычного вина, раскурил сигару, сел и, осушив первый бокал практически залпом, уставился в окно.

Родственники Эйлин пригласили его в ресторан после похорон, но он отказался. Хотелось побыть одному, подумать. В шесть Гэвин Дейли прошел в столовую и сел за стол с немного помятым «Аргусом» в ожидании раннего ужина.

В девяносто пять человек может позволить себе утопить горести в прекраснейшем вине, говаривал он людям, в особенности своей домоправительнице Бетти, упрекавшим его за пристрастие к выпивке. А еще он знал, что в кухонном шкафчике у нее всегда есть бутылочка «Бристоль крим».

Дважды в неделю Бетти готовила его любимый ужин: копченого лосося из местной коптильни «Спрингс» с большим кружком лимона и яичницей. Лосось — рыба жирная, и Гэвин считал, что в том числе и ей он обязан здоровьем в столь почтенном возрасте. Впрочем, в нынешнем настроении ему было не до этого.

В этот вечер, торопясь вернуться в кабинет, Гэвин Дейли закончил с ужином быстрее обычного. Сев за письменный стол и включив свет, он достал из ящика конверт из плотной коричневой бумаги, в котором держал фотографию сломанных часов «Патек Филип». Странно, но конверт был пуст. Гэвин Дейли нахмурился, пытаясь вспомнить, куда мог положить снимок. Он хорошо их помнил и мог без труда представить: погнутая головка; стрелки, застывшие навечно в 1922-м; невидимый Человек-на-Луне за желтоватым полумесяцем на синем фоне с золотыми ночными звездами.

Гэвин Дейли снова задумался над значением цифр. Тех, написанных от руки теперь уже выцветшими чернилами на другой стороне страницы из нью-йоркской «Дейли ньюс».

953704042404

«Помни цифры», — сказал посланец, передавший ему револьвер, часы и газетную страницу.

Он выпил еще вина. Срезал кончик очередной сигары. Что же они значат? Чего он не видит? Что упускает? Он потратил на разгадку почти девяносто лет, приглашал самых разных экспертов — цифры хранили молчание.

Ответ здесь. Он знал это. Знал так же ясно, как и слышал шепчущий из могилы голос отца.

— Эй, малыш, еще не спишь?

— Не, па, не сплю. Можно посмотреть на твои часы?

Его время истекало.

Говорят, жизнь — дар. Может быть. Или, может быть, проклятие. Ему же представлялось, что жизнь — путешествие. Путешествие по круговому маршруту. Он снова был ребенком. В Нью-Йорке. В далеком 1922-м. Вспоминал ту ночь, когда убили его мать и увели отца. Вспоминал свое обещание, данное на корме «Мавритании».

«Когда-нибудь, па, я вернусь и найду тебя. Спасу тебя, где бы ты ни был».

Гэвин Дейли частенько повторял запавшие в память слова Хемингуэя. Он не совсем понимал их, но знал — они относятся к нему.

Есть вещи, научиться которым невозможно быстро и за постижение которых должно заплатить единственным, что у нас есть, временем. Это очень простые вещи, и, поскольку постижение их требует всей жизни, то немногое новое, что каждый получает от жизни, стоит очень дорого, и есть единственное наследие, которое он должен оставить.

А что, часто спрашивал себя Гэвин Дейли, получил от жизни он?

Огромное богатство. Богатство, которым не с кем поделиться и которое придется оставить внучке Эйлин и ее семье. Сыну Лукасу, по совету адвоката, — лишь небольшое наследство по завещанию, что затруднит ему возможность оспорить его волю. И какой, спрашивается, от всего этого толк?

Да, конечно, путешествие было не лишено приятностей. Несколько десятилетий он оставался бесспорным королем брайтонского мира антиквариата. А теперь?

А теперь?

После «черного понедельника» [5] и потом 11 сентября, когда сюда перестали приезжать американцы, торговля антиквариатом, особенно коричневой мебелью, умерла, быстро и в конвульсиях.

Теперь это все стало историей. Теперь это все не имело никакого значения. Еще несколько лет, и его здесь не будет. А потом, по прошествии двух или трех десятков лет, о нем никто и не вспомнит, словно он и не жил вовсе. Многие ли помнят своих предков? Определенно нет. Вот так-то.

На столе зазвонил телефон.

— Гэвин?

Приторный нью-йоркский акцент принадлежал милейшему манхэттенскому пройдохе Джулиусу Розенблауму, неплохо зарабатывавшему на торговле дорогими часами сомнительного происхождения. Гэвин Дейли связался с американцем потому, что одной из специализаций были редкие морские часы. Добытые незаконно с затонувших кораблей, похищенные и украденные, они проходили через руки Розенблаума, не вызывая лишних вопросов.

— Подумал, это может иметь отношение к нашему недавнему разговору. Некоторое время назад мне позвонил какой-то парень с английским акцентом. Сказал, у него есть

карманные часы «Патек Филип» 1910 года. Спросил, не желаю ли я взглянуть. Говорит, ищет наилучший вариант не меньше чем за три миллиона долларов.

— Вот как?

— И еще кое-что. На вопросы относительно истории хронометра отвечал уклончиво. Терминология выдавала полнейшего дилетанта, а ведь если у человека столь редкая вещь, он должен бы знать о ней кое-что, верно?

— Вообще-то да. Ты взял у него номер телефона или что-то еще?

— Нет, но он собирается принести их, сказал, что позвонит утром — остальное время у него занято.

— Ты не мог бы сфотографировать их и прислать снимки мне, факсом или электронной почтой?

— Разумеется.

— А заодно щелкни и его самого.

— Без проблем, у меня здесь камера видеонаблюдения.

— Он назвал себя?

— Роберт Кентон.

— Роберт Кентон?

— Ты его знаешь?

— Впервые слышу.

— Имя, скорее всего, не настоящее.

— Конечно. — Гэвин поблагодарил собеседника и положил трубку. Может, позвонить суперинтенденту Грейсу? Поразмыслив, он решил, что не стоит.

Вместо этого Гэвин Дейли налил еще виски, раскурил сигару и задумался.

61

— Ребята, у нас есть результат, — объявил Гленн Брэнсон, вернувшись в зал, где проходило вечернее совещание и откуда он вышел принять телефонный звонок. — Босс, помните, мне позвонили на похоронах. Насчет двух тел, найденных в бухте Пуэрто-Банус, возле яхты «Довольный»? Там же обнаружена перевернутая шлюпка. Яхта принадлежит человеку, о котором сообщил информатор в тюрьме Льюис.

Грейс оторвался от большого листа бумаги, чуть косо пришпиленного к белой доске. На листе было написано: ОПЕРАЦИЯ «КАМБАЛА» — ДИАГРАММА СВЯЗЕЙ. ИМОН ПОЛЛОК. Сгенерированная компьютером, она напоминала генеалогическое древо из школьного учебника истории, но с современными головами и плечами. Мужчины обозначались на ней синим, женщины — красным.

— Тому, который попадался на торговле краденым, — продолжал Брэнсон.

— Верно, попадался. Вместе с еще одним нашим старым знакомцем. — Грейс указал на линию, идущую к маленькому четырехугольнику в правой части диаграммы. — Посмотрите, что мы здесь имеем. Наши Шесть Степеней Разделения. Только никакого разделения на самом деле нет. В том деле, на котором попался Поллок — сбыте краденых часов, — мелькало имя Эмиса Смолбоуна. Я просмотрел документы — Смолбоуну предъявили обвинение, но потом освободили за недостатком доказательств. — Суперинтендент повернулся к Аннализе Винир. — Отличная работа, Аннализа. — Он снова взглянул на Брэнсона.

— Думаю, шеф, деньги на информатора потрачены не зря.

— Что у тебя еще?

Все присутствующие выжидающе смотрели на Брэнсона. Рой Грейс бросил мимолетный взгляд сначала на Беллу Мой, потом на Нормана Поттинга. Оба были в его команде, и оба заслуживали немножко счастья. Что ж, удачи обоим.

— Сейчас звонил мой контакт из испанского отделения Интерпола. Они идентифицировали оба тела. Один — Энтони Джозеф Макарио, другой — Кеннет Оливер Барнс. Оба имеют ирландское гражданство. — Сержант посмотрел на Аннализу Винир. — Можно пробить эти имена по нашей базе данных? Желательно побыстрее. Вдруг что-то выплывет.

— Да, конечно.

— Хорошо, Гленн, — кивнул Грейс. — Итак, у нас есть «молоточник» Рики Мур, который, как мы полагаем, мог быть поставщиком первоначальной информации касательно Эйлин Макуиртер и подвергся пыткам в первые же сутки после ее обнаружения. Далее. Сын Гэвина Дейли отправляется в Марбелью якобы для участия в турнире по гольфу, хотя у нас нет никаких подтверждений того, что он состоял когда-либо в каком-то гольф-клубе. Затем в поле нашего зрения попадает Имон Поллок. И вот теперь неподалеку от его яхты обнаружены два тела. Если мы сумеем связать Макарио или Барнса с домом на Уитдин-Роуд или Поллоком, то, возможно, сделаем шаг вперед в нашем расследовании.

Грейс посмотрел на детектива-констебля Алека Дэвиса, одного из самых молодых членов команды.

— Алек, необходимо выяснить, летал Лукас Дейли в Марбелью один или его кто-то сопровождал. Начни с авиалиний, например «ИзиДжет». Они должны знать, был ли с ним кто-то еще.

— Есть, сэр.

Грейс повернулся к Поттингу:

— Норман, я хочу, чтобы ты слетал в Испанию и попробовал выяснить что-нибудь на месте.

— Есть, шеф. — Поттинг метнул взгляд в Беллу Мой. — Мне взять с собой кого-нибудь?

— Боюсь, при нашем нынешнем бюджете это невозможно.

— Не забудь ведерко и лопатку, — пошутил Гай Батчелор. — Говорят, там отличный песочек.

— В прошлый раз меня там пронесло, — отозвался Поттинг. — После их чертовой паэльи.

Поставленный на виброзвонок телефон задергался на столе. Грейс уже собирался дать отбой, но в последний момент передумал и взял трубку:

— Рой Грейс.

Через две минуты, когда суперинтендент положил телефон на стол, голова у него шла кругом — впервые с начала расследования. Он посмотрел на Поттинга.

— Норман, Библия у тебя с собой?

По залу, где собралось тридцать пять человек, полицейских и гражданских, прокатился смешок.

— Должно быть, оставил на скамейке в церкви, — отозвался с усмешкой Поттинг.

Библия требовалась в том случае, когда полицейский обращался к судье за ордером на обыск.

— Хорошо, что держу свою в кабинете, — сказал Грейс. — Думаю, нам стоит получить ордер на тот случай, если нашего знакомца не окажется на месте, когда мы постучим в дверь.

— В чью дверь, босс? — поинтересовался Гай Батчелор.

Рой Грейс улыбнулся.

— Я скажу, в чью дверь мы не станем стучать. Мы не побеспокоим Ринго Старра. Так что альбом для автографов можешь не брать. Звонили насчет пальчиков. Бронзовая статуэтка, найденная в куче краденого в доме Лестера Сторка, опознана Гэвином Дейли как принадлежавшая его сестре.

— Есть результат?

Грейс усмехнулся.

62

К тому времени, когда Рой Грейс закончил со всеми делами, часы показывали 22.35. Норман Поттинг обратился за ордером на обыск к судье Джулиет Смит, которая и подписала требуемый документ. Суперинтендент пожелал лично руководить операцией, для которой собрал небольшую команду из местного отделения полиции. Один из полицейских захватил «большой желтый ключ», как называют полицейский таран, другой вооружился гидравлическим ключом для выдавливания оконных рам. Компанию им составила Лорна Деннисон-Уилкинс со своими специалистами по проведению обыска.

Из машин вышли возле пристани, перед напоминающей эскарп крутой меловой скалой. Со стороны пролива дул сильный ветер. Снасти звякали и посвистывали, швартовы натужно стонали, прячущиеся в сумерках пустые темные яхты со скрипом терлись об отбойники. Полицейские повернулись к современному малоэтажному жилому зданию.

— Квартира триста двадцать четыре, да, шеф? — уточнил старший опергруппы.

— Точно. — Рой Грейс вопросительно взглянул на Нормана Поттинга.

Сержант на всякий случай заглянул в блокнот.

— Да, триста двадцать четыре.

Место 324 на парковке перед зданием занимал черный «порше»-кабриолет. Грейс занес в память регистрационный номер.

Первым делом им предстояло, по возможности не привлекая внимания, войти в само здание. Обычно, планируя такого рода операции, полицейские берут ключ от подъезда у смотрителя, но сегодня времени на это не было. Грейс отправил троих прикрывать запасный и пожарные выходы.

Норман Поттинг нажал пару кнопок на панели. Подождав несколько секунд, он нажал еще две.

Из одной квартиры ему ответил бодрый голос молодой женщины:

— Да?

— Посылка. «ФедЭкс», — сказал Поттинг.

— «ФедЭкс»?

— Квартира двести двадцать один?

— Да, это моя.

— Служба доставки «ФедЭкс». Вам посылка.

— А… От «Амазона»?

— Да, — подтвердил Поттинг.

Замок щелкнул. Детектив толкнул дверь. Все вошли.

— А имя на посылке есть? — спросила женщина, но о ней уже забыли.

Группа быстро, минуя лифт, прошла по коридору и повернула на лестницу. Перед дверью квартиры на третьем этаже все на минуту остановились. Из квартиры доносился слабый запах карри. Полицейские посмотрели на суперинтендента.

Грейс лишь теперь заметил, что из всей группы только они с Поттингом не экипированы должным образом. Даже бронежилеты не взяли. Он отстранил сержанта.

— Пошли!

Один из полицейских нажал кнопку звонка. Ответа не последовало. Подождав с полминуты, он позвонил еще раз.

Не получив ответа, все громко прокричали «ПОЛИЦИЯ! ЭТО ПОЛИЦИЯ!» и расступились перед полицейским с тараном. Потом, следуя стандартной тактике «шок-и-трепет», проорали что есть мочи «ПОЛИЦИЯ!» и ломанулись в квартиру. Грейс и Поттинг держались в арьергарде. Обставленная в современном минималистском стиле, с большим венецианским окном, из которого открывался вид на стоящие у причалов яхты, квартира была погружена в полумрак.

— Шеф, сюда! — крикнул через секунду один из полицейских.

Грейс побежал на голос. Поттинг последовал за ним. Они промчались через жилую и обеденную зоны и, влетев в спальню, замерли на пороге.

Огромная кровать занимала едва ли не всю утопавшую в приглушенном мягком свете комнатку. Центр ее занимал лежавший на спине Гарет Дюпон, руки и ноги привязаны полосками шелка к столбикам кровати. Но самой яркой деталью картины была его эрекция, впечатляющая по всем возможным стандартам. Из динамиков стереосистемы изливался хрипловатый знойный голос, исполнявший что-то на итальянском.

Рядом с распростертым Дюпоном, держа в руке увенчанный ярко-красным пером жезл, стояла женщина в довольно зловещей черной венецианской маске и совершенно обнаженная, если не считать блестящих и как будто мокрых высоких сапог. Тело ее, пусть и не отличающееся свежестью юности, выглядело соблазнительно, хотя Грейс и обратил внимание на темневшие под правой ключицей синяки.

Женщина-полицейский подала ей халат.

— Щекочешь воображение, а? — поинтересовался Норман Поттинг.

— Не смешно, — проворчал Гарет Дюпон. — Она здесь абсолютно ни при чем.

Грейс ошеломленно взирал на синяки, которые — черт бы их побрал — успел узнать. Усилием воли отведя глаза, он заставил себя сосредоточиться на подозреваемом.

— Гарет Риккардо Дюпон, на основании имеющихся улик я арестую вас по подозрению в ограблении и убийстве миссис Эйлин Макуиртер. Вы имеете право хранить молчание. Вашей защите может повредить, если вы не промолчите о чем-то, на что позднее будете ссылаться в суде. Все, что вы скажете, может быть использовано как свидетельство. Все ясно?

— Умеете вы выбрать подходящий момент.

— Это называется что заслужил, то и получил! — вставил Норман Поттинг и, не удержавшись и скользнув взглядом к быстро теряющему силу органу, добавил: — Или, как в данном случае, не получил.

Грейс посмотрел на женщину в маске. В душе он надеялся, что она предпочтет хотя бы на какое-то время сохранить анонимность и достоинство. Происходящее здесь ее не касалось.

Но Сара Кортни выбрала другой вариант и сняла маску.

63

Сидя в темноте у окна своего нового дома, где он устроил что-то вроде наблюдательного пункта, Эмис Смолбоун дожидался возвращения Роя Грейса. Полчаса назад часы показывали полночь.

Дом Смолбоун снял с полной меблировкой. Современный, не вполне в его вкусе, он все же был намного лучше прежней дыры.

Завтра ему доставят кое-какое электронное оборудование. Во-первых, современную полицейскую рацию — от продажного техника, работающего в отделе связи управления полиции. Во-вторых, купленное через знакомого Генри Тилни сканирующее устройство, способное перехватывать любые телефонные звонки, как по наземной линии, так и по мобильной, в радиусе двухсот ярдов и читать любые имейлы и текстовые сообщения.

Получив эти приборы, он будет в курсе всех передвижений своих новых соседей. Но больше всего Эмис Смолбоун ждал того момента, когда суперинтендент Рой Грейс узнает, кто теперь живет с ним по соседству. Многие годы детектив вставал у него на пути, и теперь мысль о том, что он обойдет копа и встанет у него на пути, доставляла огромное удовольствие.

Но еще большее удовольствие приносили открывающиеся возможности расстроить или полностью сломать ему жизнь. Словно в ответ на эти мысли в соседнем доме расплакался ребенок.

Ребенок Грейса.

Эмис Смолбоун налил, не жалея, виски, закурил сигарету и… замер.

Кто-то прошел через калитку. Мужчина в костюме и галстуке, с распухшим портфелем в руке.

— Эй, Ной! — прошептал беззвучно Смолбоун. — Папочка вернулся!

64

Гэвин Дейли налил в стакан ирландского виски «Мидлтон» и закурил сигару. Было уже за полночь, но ему не спалось. Полученные из Нью-Йорка от часового дилера Джулиуса Розенблаума новости раздули в нем никогда не угасавший костер. В его жизни была цель. Миссия. Неукротимый огонь.

На столе перед ним лежали разобранные каминные часы. Большие, в три фута высотой, каминные часы с боем фирмы «Ингрэм». Рядом с ними — набор часовых инструментов в бархатном чехле. Чуть дальше — кольт 32-го калибра с шестью патронами в барабане. Тот самый, полученный от неизвестного на причале 54. Холодный, увесистый, револьвер пах машинным маслом — каждый год, в годовщину исчезновения отца, Гэвин Дейли любовно чистил его и протирал.

В инкрустированном, выполненном из красного дерева корпусе часов находился круглый латунный гонг. Пустотелый, он состоял из двух привинченных друг к другу латунных дисков. Работа, требующая сосредоточенности и точности, продвигалась медленно, но в конце концов старый антиквар снял гонг, положил его на стол и принялся выкручивать винты. Их не трогали более ста пятидесяти лет, с того времени, когда часы появились на свет, и каждый потребовал немало времени и внимания. К окончанию работы на лбу у него выступил пот. Он аккуратно снял диски, взял револьвер и вложил в один из них. Оружие легло точно по размеру.

Гэвин Дейли прошел в кухню. Бетти уже поднялась к себе и, скорее всего, уснула. Он взял пару мягких хозяйственных салфеток и вернулся в кабинет.

Обернув револьвер тканью и перевязав скотчем, антиквар уложил пакет в один из дисков, потом сложил оба, поднес к уху и встряхнул. К вящему его удовольствию, из гонга не донеслось ни звука.

Затем он с величайшей осторожностью вернул гонг на положенное место в корпусе и приступил к сборке механизма. Важно было сделать все так, чтобы часы без подозрений прошли внешний осмотр.

Гэвин Дейли закончил работу в три часа ночи и при этом нисколько не устал.

Огонь не угас.

Огонь, вспыхнувший в февральскую ночь 1922 года и разгоревшийся еще сильнее теперь, ранним сентябрьским утром, девятью десятилетиями позже.

Он смял в пепельнице окурок сигары и еще раз взглянул на страницу из «Дейли ньюс» с четырьмя именами на поле.

Сейчас его интересовало одно.

Поллок.

Мик Поллок.

Культяшка Поллок.

Взгляд его перешел на другой список имен, выведенных его собственной нетвердой рукой в настольном блокноте. Имен, присланных генеалогом Мартином Диплоком.

Совпадение? Визитная карточка Бога?

Или время мертвеца все же пришло?

65

Ной расплакался в четыре часа утра — проголодался. Едва не шатаясь от усталости, Рой выбрался из постели и потащился следом за Клио в детскую, где она уже включила свет.

— Возвращайся в спальню, дорогой, — сказала Клио, вынимая Ноя из кроватки.

— Посижу с тобой.

Спать совсем не хотелось. Ему до сих пор не верилось, что милая, обаятельная Сара Кортни завела интрижку с таким мелким паршивцем, как Гарет Дюпон. И он искренне надеялся, что ее муж, этот громила Лукас, никогда ни о чем не узнает.

Клио перенесла сына в спальню, села на краешек кровати и спустила сорочку с правого плеча. Рой Грейс смотрел на них как зачарованный. Вот этот крохотный комочек — их сын. Его сын. Когда-нибудь он научит его бить по мячу. Играть в крикет. Плавать. Может быть, гонять на мотоцикле. Хрупкий человечек, приникший к груди Клио. Они вместе произвели его на свет. И всегда будут ответственны за него.

У Клио над грудью выступила сыпь. Волнистые пряди упали на лицо, и она смотрела на Ноя с такой любовью, что у Грейса глаза наполнились слезами. Тоненькие волосики Ноя спутались на лбу, придавая ему сходство с Биллом Каттингом, персонажем «Банд Нью-Йорка» в исполнении Дэниела Дэй-Льюиса.

За время службы в полиции Грейс сталкивался с несколькими чудовищами в человеческом обличье. Но убийц невозможно загнать в какую-то одну категорию. Одни — люди с трагической судьбой, убившие в пылу момента, из ревности, и до конца дней сожалеющие о содеянном в минуты безумия. Другие — алчные, лишенные совести злодеи, отнимающие жизнь за банку бобов. Третьи — настоящие хищники, утоляющие убийством жажду крови.

И все же у большинства тех, кого он отправил за решетку, было кое-что общее. Они все вышли из неполных семей.

Грейс надеялся, что Ной никогда не узнает, что это такое. Несколько дней назад Клио обиделась из-за того, что он задержался на работе и вернулся домой слишком поздно. Глядя теперь на любимую женщину и ребенка, он знал, что, если однажды придется выбирать между службой и домом, карьерой и семьей, никаких колебаний с его стороны не будет.

И тут же перед внутренним взором появилась, словно призрак, фотография Эйлин Макуиртер. А за ней соблазнительный образ жены Лукаса Дейли, телеведущей Сары Кортни, женщины с потрясающе сексуальным телом, снимающей маску в спальне Гарета Дюпона. И она трахалась с ним? С человеком, ограбившим и убившим тетю ее мужа?

Да что же это, черт возьми, такое?

В голове прокручивались самые разные сценарии. Может быть, Гарет Дюпон заранее наметил ее как ничего не подозревающую осведомительницу? Может быть, истинной целью была информация о привычках и передвижениях Эйлин Макуиртер? Грейс постарался припомнить детали визита, который они с сержантом Батчелором нанесли недавно в ее дом на Ширли-Драйв. Сара Кортни сказала тогда, что была близка с Эйлин Макуиртер. И со стороны все выглядело так, будто она и впрямь огорчена ее смертью. Крокодиловы слезы?

Нет, не похоже. Живя с грубияном-мужем, Сара чувствовала себя одинокой и беззащитной — может быть, Гарет Дюпон именно на этом и сыграл? Такой сценарий представлялся вполне возможным. Грейс уже позвонил ей и попытался договориться о встрече — без присутствия супруга, — но Сара сказала, что уезжает из города на два дня для работы над пилотным проектом нового дневного телешоу.

— По-моему, у нас новые соседи, — сказала Клио.

— Да?

— В том доме, на котором висело объявление о сдаче внаем.

— И хозяева которого сейчас в Дубае?

— Да. У них вроде бы двухлетний контракт. Объявление о сдаче сняли, а вечером в окнах уже горел свет.

— Ты с ними еще не познакомилась?

— Нет. И кстати, они почти не выходят.

— Может, нам следует пригласить их как-нибудь вечерком, а? Клио пожала плечами:

— Наверное. Было бы мило. Но только тогда, когда ты будешь дома, — подчеркнула она.

Грейс кивнул.

— Ложись, дорогой. У тебя усталый вид.

— Это оттого, что я думал, — улыбнулся он.

— И о чем же?

— О том, как повезло Ною. Что у него такая чудесная мать.

— Отец тоже неплох!

— Иногда.

— Верно. — Она наморщила нос и усмехнулась. — Иногда.

Ной срыгнул.

Грейс вернулся к кровати, но ложиться не стал, а удобно устроился и взял книгу по истории Нью-Йорка, которую читал уже несколько дней и которую выбрал из целой стопки, купленных в «Сити букс».

Уже на середине первой страницы он замер, наткнувшись на знакомое имя.

66

В это утро Гэвин Дейли особенно остро ощутил бремя прожитых лет. Спать он лег только в пять часов утра — звонил старым знакомым в Америку, сначала в Нью-Йорк, потом, позже, в Денвер, штат Колорадо, и Лос-Анджелес. Теперь он чувствовал, что готов выпить бокал вина и выкурить первую за день сигару. И тут в дверь позвонили.

Через пару минут в кабинет, постучав, вошла домоправительница:

— Внизу полицейский, спрашивает, можно ли ему поговорить с вами, мистер Дейли.

Он кивнул:

— Проведите. Я поговорю с ним здесь.

Почти сразу вошел суперинтендент Рой Грейс. Дейли поднялся, изобразил радушную улыбку.

— Суперинтендент, какой приятный сюрприз. У вас для меня новости?

— Хотелось бы поговорить с вами, мистер Дейли.

Старый антиквар указал гостю на одно из красных кресел-«честерфилд».

— Я собирался выпить. Вам нравится белое бургундское?

— Нравится, сэр, но я на службе. А вот от кофе не откажусь.

Детектив выглядел уставшим и даже измученным. Дейли распорядился принести кофе и вино, занял свое место за столом и развернул кресло лицом к детективу.

— Итак, что нового?

— Прошлой ночью, сэр, нами арестован мужчина, подозреваемый в соучастии в ограблении вашей сестры.

— Весьма приятное известие. Можете назвать мне его имя?

— Вы сами, сэр, кого-то подозреваете?

— Нет.

— Не считая Рики Мура? — Грейс внимательно наблюдал за глазами собеседника.

— Кроме Мура, у меня подозреваемых нет.

— Я бы попросил, сэр, некоторое время держать информацию в секрете.

— Конечно.

— Человека, которого мы арестовали, зовут Гарет Дюпон. Вам знакомо это имя?

Дейли покачал головой:

— Гарет Дюпон?

Грейс по-прежнему не спускал с него глаз.

— В данный момент я не могу поделиться с вами деталями, но имеющиеся улики позволяют связать его с местом преступления. Может быть, ваша сестра упоминала о нем?

— Нет, никогда.

— Я хочу выяснить, была ли у него законная причина посещать ее дом.

— Мне об этом ничего не известно.

— И не могли бы вы, сэр, немного подробнее рассказать о часах, взятых из сейфа вашей сестры? Чтобы нам было легче их идентифицировать. Сделать это без фотографии довольно трудно, как вы, надеюсь, понимаете. Мы знаем марку, у нас есть описание, но под него могут подходить многие модели.

Дейли покачал головой:

— Нет, эти были уникальные. Ладно, скажу так, почти уникальные. Не знаю, насколько хорошо вы разбираетесь в часах, суперинтендент…

Грейс посмотрел на свои, прочные и надежные, но сильно поцарапанные швейцарские армейские, на потертом кожаном ремешке, подаренные Сэнди на его тридцатый день рождения — день, когда она сама исчезла.

— Боюсь, очень плохо.

— Фирма «Патек Филип» основана в 1851-м. Не будет преувеличением сказать, что именно они и изобрели карманные часы, эволюционировавшие затем в наручные, те, что знакомы теперь нам всем. Они придумали автоматический завод, вечный календарь, сплит-хронограф с двумя секундными стрелками, минутный репетир… Как результат, винтажные часы «Филип Патек» ценятся очень дорого. Рекордную цену уплатили несколько лет назад на одном аукционе, когда часы «Патек Филип Генри Грейвз суперкомликейшн» были проданы за одиннадцать миллионов триста тысяч долларов.

— Касательно часов, украденных у вашей сестры, — много ли есть идентичных им?

— Буду откровенен, для меня всегда оставалось загадкой, как такие часы попали к моему отцу. Он был простым докером, да, членом банды, но сама банда существовала главным образом для защиты прав ирландцев, живших на Манхэттене и в Бруклине. Хотелось бы думать, что он выиграл их в покер или получил в оплату долга, но я знаю — он был человеком жестким. Иначе было не выжить. Скорее всего, часы попали к нему каким-то иным путем.

Мужчины улыбнулись друг другу — недосказанное повисло в воздухе.

— Что касается вашего вопроса о других, идентичных часах. Несколько лет назад, осознав ценность часов, я попытался найти подтверждение их происхождения. Я связался с женевским офисом и сообщил им серийный номер, но они сказали, что в их реестрах такого номера нет.

Грейс нахмурился.

— То есть часы поддельные?

— Вначале я так и подумал, но потом узнал кое-что о существовавшей в те времена практике. Видите ли, тогда все часы изготовлялись на заказ. На изготовление уходили месяцы. Одновременно лучшие ученики делали для себя дубликат. Разумеется, тайно. Подозреваю, именно такие часы и были у отца. В производстве одежды работницы частенько шьют для себя что-то из остатков ткани. У них это называется *капустой*.

— Хороша капуста! — улыбнулся Грейс. — И такие часы ценятся меньше?

— Вовсе нет. В том-то и дело, что они — часть истории.

— Вы их не фотографировали?

— Фотографировал. И снимки где-то есть. Или, может быть, их положили куда-то или даже выбросили. Я все обыскал, но пока ничего не нашел. И та фотография, что была у Эйлин, тоже пропала.

— Как ваш сын? — резко сменив тему, спросил Грейс. — Он ведь летал в Марбелью на турнир по гольфу?

— Сказать по правде, не знаю. Мы с Лукасом не очень-то близки.

Суперинтендент кивнул. Некоторое время оба молчали.

— Энтони Макарио и Кеннет Барнс. Слышали о таких?

— Нет, — быстро, словно ожидал вопроса, ответил Дейли.

Это, а также движение глаз подсказали Грейсу, что антиквар лжет. Вдобавок старик еще и почесал кончик носа — определенно верный знак.

— Их обнаружили вчера утром в бухте Пуэрто-Банус. Рядом с перевернутой лодкой. В теплой воде тело обычно всплывает на второй-третий день. Ваш сын был в Марбелье в пятницу. Я всегда обращаю внимание на совпадения.

В кабинет с подносом — открытая бутылка вина, бокал, фарфоровая чашечка на блюдечке, маленький кофейник и молочник — вошла экономка. Пока она расставляла посуду, Грейс прошелся взглядом по комнате — кабинет всегда может сказать что-то о хозяине.

Заполненные книгами стеллажи, бюсты — одни на полках, другие на подставках — и прекрасный сад за окном. На письменном столе — красивые каминные часы с инкрустацией и римскими цифрами на циферблате.

Экономка вышла, и Грейс с удовольствием сделал глоток кофе.

Дейли смотрел на него в упор. Настроение его разительно изменилось, дружелюбие сменилось едва ли не враждебностью.

— К чему вы клоните, суперинтендент? — сердито спросил он.

— Отличный кофе, спасибо. — Грейс поставил чашечку на блюдце и указал на часы. — Очень красивые.

Дейли лишь на мгновение отвел глаза и снова уставился на гостя с каким-то странным выражением. Как будто ему вдруг стало отчего-то не по себе.

— «Ингрэм». Ручная работа. 1865 год. Замечательный образец. Отправляю клиенту в Нью-Йорк.

— Так вы не отошли от дел?

— Нет. Шевелись — вот мой секрет. Делай то, что любишь. Вы человек молодой, но когда-нибудь меня поймете. — Гэвин Дейли оживился. Погладил деревянный корпус. — Эти созданы настоящим мастером. Сегодня ничего подобного уже не делают. — Он повернулся к Грейсу и снова нахмурился. — Итак, вы скажете мне, к чему все эти намеки?

— Что ж, возьмем, к примеру, Рики Мура. Вашу сестру подвергли ужасным пыткам — сигареты, щипцы для завивки. На следующую после ее смерти ночь Мура похитили и пытали подобным же образом. — Грейс поднял руки и обезоруживающе улыбнулся. — Совпадение, но, может быть, и только. В пятницу ваш сын отправляется в Марбелью, а потом там находят два тела. Время смерти, по расчетам наших испанских коллег, между вечером пятницы и воскресеньем. — Грейс взял чашечку, подул на кофе и отпил еще глоток.

— И какое, черт возьми, это имеет отношение к Лукасу?

— Я надеялся, что, может быть, вы мне скажете.

— Я уже сказал, мы редко разговариваем.

Грейс поставил чашку и указал на бюст Т. Э. Лоуренса. Он узнал его потому, что Клио занималась в Открытом университете, где изучала философию.

— Полагаю, вы держите его здесь по какой-то причине.

— Они все здесь по одной причине. Все — великие ирландцы, трудами которых я восхищаюсь.

— Тогда вы вспомните, что сказал однажды Лоуренс: «Оценить новость — то же самое, что привязать жестянку к хвосту кошки».

Дейли нахмурился:

— Вообще-то не помню. И что это значит?

— Это значит, мистер Дейли, что каждый раз, когда вы шевелите пальцем, я слышу, как где-то звякает ваш сын.

Лицо старика полыхнуло гневом. Поднявшись из-за стола, он указал рукой на дверь:

— Вон, мистер Грейс! Детектив-суперинтендент или какой там у вас чин! Вон! Захотите снова поговорить со мной или моим сыном — обращайтесь к моему адвокату.

— Не возражаете, если я сначала допью кофе?

— Вообще-то возражаю. Убирайтесь к чертям из моего дома и больше не беспокойте без ордера.

Экономка выпустила Роя Грейса через переднюю дверь. Он поблагодарил ее за кофе и с улыбкой зашагал по посыпанной галькой дорожке к своей машине, унося больше, чем смел рассчитывать.

67

— Девятнадцатый век, — сообщил Лукас Дейли двум тихим, вежливым китайским дилерам в деловых костюмах. Он уже продавал им кое-что раньше, а теперь указывал на пару изящных китайских ваз. В последнее время китайцы и японцы были теми из немногих, кто еще тратил хорошие деньги на антиквариат. — Из Кантона. — Лукас постучал пальцем по панелям восточных фигурок. — Исключительные вещицы! Мы купили их у герцога Суссекского — ему пришлось недавно распродать часть фамильных ценностей, чтобы получить средства на поддержание особняка. По словам герцога, вазы были куплены в

Кантоне его прапрадедом, помогавшим Джону Нэшу делать приобретения для Павильона. Вещи действительно редкие. Думаю, вы со мной согласитесь.

Никакого герцога Суссекского не было. Вазы Лукас приобрел у местного скупщика краденого Лестера Сторка. Без лишних вопросов, за сотню фунтов.

— Сколько? — спросил один из китайцев.

— Две с половиной тысячи фунтов за обе. Понимаете, найти пару в таком хорошем состоянии сейчас очень трудно…

— Лукас? — прервал его помощник Деннис Купер, вырядившийся в еще более жуткую, чем обычно, гавайскую рубаху.

— Я занят.

— Твой отец. Говорит, что срочно.

— Скажи, что у меня покупатели.

Когда он повернулся, китайцы уже шли к выходу.

— Эй! — крикнул Лукас. — Эй! Ваше предложение?

— Мне не нравится ваше лицо, — бросил тот, с которым он разговаривал.

— Да пошел ты!

Дверь за ними закрылась.

Деннис подъехал к нему на своей каталке и протянул телефон. Лукас грубо выхватил трубку.

— Я занят…

— Тупица! — оборвал его Гэвин Дейли. — Совершенный кретин! Ты должен был получить от них информацию, но не убивать.

— Ты о чем? — понизив голос и отодвинувшись от помощника, спросил Лукас.

— Тебе было сказано отправиться в Марбелью и узнать, где часы. Я не приказывал кого-то убивать. О чем ты, черт возьми, думал? Зачем было убивать? Я хочу вернуть часы. Мне не нужна кровь.

— Я никого не убивал.

— Нет? Тогда как же случилось, что тела Тони Макарио и Кена Барнса нашли в бухте Пуэрто-Банус?

— Понятия не имею.

— Не имеешь? Неужели? Ты ведь навещал их со своим албанским головорезом, этим Борисом Карловым, так?

Соображать требовалось быстро, на ходу, но этим талантом Лукас никогда не отличался.

— Ну… мы вроде как… потолковали. Они были немного не в духе, но в полном порядке, когда мы ушли. Сказали, что Имон Поллок улетел в Нью-Йорк. Мы обыскали яхту и нашли сейф, но там ничего не было. Потом ушли.

— Мне только что нанес визит старший следователь по делу. И ясно дал понять, что считает меня причастным к их смерти.

— Да они были пьяны, когда мы уходили. Может, свалились за борт и утонули.

— Ты смотрел в ночное небо?

— В ночное небо? Ты про что?

— Ты смотрел в это чертово ночное небо, когда был там? После того, как ушел со своим Борисом?

— Никакой он не Борис, а Августин Красники.

— Так что ты увидел, когда посмотрел в ночное небо?

— Да не смотрел я ни в какое ночное небо.

— Какой стыд. А знаешь, что бы ты там увидел?

— Нет. И что?

— Летающих свиней.

— Ага, только небо было облачное.

— Очень смешно. Слушай. Мне нужно срочно улететь в Нью-Йорк.

— В Нью-Йорк? Зачем?

— Думаю, часы могут быть там, и если они там, то я знаю у кого.

68

Любовь к Брайтону была у Роя Грейса в крови. На свадьбе шафер Дик Поуп в характерном для себя стиле пошутил, что если Рой когда-нибудь попадет на вскрытие, то на каждой его кости патологоанатом обнаружит одно и то же клеймо — *Брайтон*, — как на популярном местном леденце.

Более десяти лет городская футбольная команда «Альбион», известная среди болельщиков как «чайки», не имела надлежащего дома и по необходимости использовала местный легкоатлетический стадион. Но в прошлом году благодаря щедрости индивидуального благотворителя Тони Блума и «Американ экспресс» команда получила стадион «Амекс», один из лучших, по общему согласию, футбольных стадионов в Европе.

В эту среду здесь проходила важная встреча чемпионата. Застряв в пробке на автостраде А27 и глядя на великолепное здание справа, Рой Грейс испытал прилив гордости. Оно не только украсило город, но и пробудило у него, как и у тысяч других жителей Брайтона и Хоува, интерес к игре.

Через десять минут суперинтендент припарковался у тротуара между двумя полицейскими машинами, откуда в сопровождении Даррена Бокэма, приписанного к клубу офицера полиции, облаченного в плюшевую куртку и форменную фуражку, направился в комнату наблюдения на Северной трибуне.

Благодаря продуманному расположению — на приличной высоте, за воротами — осуществляющий наблюдение полицейский прекрасно видел как ярко освещенное поле, так и трибуны. Матч уже начался. Грейс бросил быстрый взгляд на электронное табло — счет оставался сухим.

Двадцать из присутствующих на игре двадцати семи тысяч болельщиков являлись владельцами сезонных абонементов, так что при распределении мест приходилось проявлять особую осторожность, дабы минимизировать угрозу столкновений. Один из секторов на Восточной трибуне предназначался исключительно для семей с детьми. Рядом с ними располагались болельщики, известные своим миролюбивым нравом. Самые буйные помещались на Северной трибуне, ближе к комнате наблюдения. Приезжим фанатам отводились места на Южной трибуне.

Всего на стадионе было установлено восемьдесят семь камер видеонаблюдения, и операторы имели возможность «наехать» на смутьяна с любой из них так близко, что могли при необходимости прочитать время у него — или у нее — на часах.

Бокэм представил Грейса Крису Бейкеру, офицеру по безопасности, одетому в модный серый костюм.

— Насколько я понимаю, вы хотите найти в этой толпе конкретного человека, Лукаса Дейли?

— Совершенно верно.

— Я уже просмотрел список владельцев сезонных абонементов, и его среди них нет. Не знаете, с кем он мог прийти?

— Нет. Я пытался перехватить его раньше, но жена сказала, что он уже отправился сюда.

Бейкер подвел Грейса к занимавшему целую стену блоку мониторов и усадил рядом с оператором.

Первой и основной целью видеонаблюдения было выявление нарушителей порядка и по возможности пресечение хулиганских действий, но, кроме того, полиция использовала камеры еще и для отслеживания интересующих ее типов и установления личности тех, кто пришел с ними за компанию. Это был ценный источник информации.

Найти человека в двадцатисемитысячной толпе дело нелегкое, но с помощью оператора Грейс обнаружил Лукаса Дейли сравнительно быстро, потратив около пятнадцати минут. Сын старого антиквара отыскался в двенадцатом ряду на Западной трибуне — в кожаной, с флисовым воротником куртке-«пилот», свитере-водолазке, джинсах и обернутом вокруг шеи бело-голубом шарфе «чаек». Грейс узнал младшего Дейли по фотографиям в гостиной его дома, куда приходил для разговора с Сарой Кортни. Узнал суперинтендент и его соседей. Один, Рики Чэтем, местный ловчила, официально занимался торговыми автоматами, а неофициально промышлял краденым. Полиция присматривалась к нему довольно давно, подозревая также в снабжении наркотиками нескольких клубов в Суссексе и соседних графствах, но добыть твердые доказательства, которые позволили бы упечь мошенника за решетку, пока не могла. Согласно списку владельцев абонементов, Лукас имел право на три места, которые и были сейчас заняты. Вторым его спутником оказался городской адвокат по уголовным делам Лейтон Ллойд, услугами которого нередко пользовались криминальные авторитеты Брайтона. Как кстати, с циничной усмешкой подумал суперинтендент, возможно, адвокат тебе скоро и понадобится.

Матч получился скучный, без огонька. Унылое течение игры слегка оживили две желтые карточки да короткая вспышка гнева со стороны тренера Гаса Пойета по адресу рефери, принявшего довольно спорное решение удалить одного из игроков.

Публика тут же взорвалась, взревела и разразилась традиционным «Судья — гандон!».

Впрочем, Грейс за игрой не следил — все его внимание занимал Лукас Дейли, который тоже не проявлял большого интереса к футбольной баталии и горячо обсуждал что-то со своими двумя спутниками. Суперинтендент пожалел, что рядом нет специалиста, умеющего читать по губам.

Минут за десять до финального свистка Грейс вышел из комнаты наблюдения и прошел к выходам с Западной трибуны, где и дождался окончания встречи. Толпа болельщиков протекала мимо него — одни направлялись к парковкам, другие к автобусам, третьи к железнодорожному вокзалу.

Через некоторое время объект его интереса появился из прохода в сопровождении Чэтема и адвоката и остановился шагах в десяти — закурить. Грейс тут же вышел из засады, держа в руке удостоверение.

— Лукас Дейли? Детектив-суперинтендент Грейс. Старший следователь по делу об убийстве вашей тети. Можно вас на пару слов?

Рики Чэтем бросил на полицейского беспокойный взгляд и не останавливаясь прошел мимо. Адвокат же остался и вопросительно посмотрел на Дейли.

— Подожди меня на парковке, Лейтон, — сказал ему Дейли и, не выказав ни удивления, ни каких-либо иных чувств, повернулся к Грейсу: — Да?

На вид Лукасу Дейли было под пятьдесят. Попытка обнаружить в его лице отцовские черты успехом не увенчалась. В отличие от старика, чье лицо выдавало характер, Лукас Дейли был просто смазливым, но ничем не примечательным оболтусом. В плане личностной

выразительности его физиономия могла бы соперничать разве что с отключенным холодильником.

— Как ваш гольф в выходные?

Дейли нахмурился, потом, после паузы, ответил:

— Нормально.

— В окрестностях Марбельи хорошие поля?

— Разве мое увлечение гольфом имеет какое-то отношение к моей тете, детектив… э… извините, не расслышал имя?

— Грейс, — повторил суперинтендент. — Да, возможно, и имеет.

Взгляд его собеседника беспокойно заметался по сторонам.

— Вы были в Марбелье в прошлый уик-энд?

— И что с того?

— На турнире по гольфу?

— Да.

— С кем вы летали?

— Один. Летал на встречу с живущими там друзьями.

— Экспатами?

— И что?

— Вы ведь не один летали, верно?

Дейли уставился на него с явной тревогой.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы путешествовали с джентльменом по имени Августин Красники и обратные билеты покупали для двоих — на «Изи Джет».

— А, да, точно. С ним. — Глаза его все так же бегали туда-сюда. — Он, знаете ли, мой помощник.

— Кадди?

— Вот именно.

— Вы хорошо играете?

— Средне.

— Какой у вас гандикап?

Дейли затянулся сигаретой. Грейс внимательно наблюдал за его глазами.

— Двенадцать.

Несколько лет назад детектив и сам попытался было попробовать себя в гольфе, но вскоре оставил это занятие — Сэнди начала жаловаться, что гольф отнимает слишком много драгоценного времени. Он знал, двенадцать — внушительный гандикап, заработать который невозможно, если не играешь регулярно. А тот, кто играет регулярно, рано или поздно обязательно что-то выигрывает. И обязательно выставляет завоеванный трофей на видное место.

— Где играете здесь?

— На Хейуордс-Хит преимущественно. Извините, но как это связано с убийством моей тети?

— Вам говорят что-нибудь имена Энтони Макарио и Кеннета Барнса?

Дейли прищурился, будто в глаза попал дым от сигареты.

— Нет, никогда прежде не слышал.

Грейс кивнул.

— Значит, ни вы, ни ваш отец не имеете никакого отношения к тому, что эти двое закончили жизненный путь в бухте Пуэрто-Банус?

По лицу Дейли промелькнула злобная гримаса, и в какой-то момент суперинтендент подумал, что сейчас последует удар, и собрался, готовясь уклониться. Но удара не последовало, а Лукас Дейли лишь указал кивком на образовавшуюся неподалеку толпу зевак.

— Повторяю, впервые о них слышу. Не против, если я пойду? Мне еще машину взять надо.

— Можете идти, но я хочу, чтобы вы знали кое-что. Никто не выше закона, мистер Дейли. О'кей? Мне очень жаль, что с вашей тетей случилось такое. Так быть не должно. Но имейте в виду, я не допущу самоуправства.

Дейли снова затянулся.

— К чему вы все-таки клоните, детектив Грейтс?

— Грейс. И я ни к чему не клоню. Но я не уверен, что вы летали в Марбелью играть в гольф, и не позволю, чтобы кто-либо брал закон в свои руки.

— Мы с отцом — законопослушные граждане.

— Вот и хорошо.

— Позвольте спросить, как ваши успехи в следствии? Вы ищете тех, кто убил мою тетю? Вы намерены вернуть ее собственность? В особенности часы, которые так много значат для моего отца?

— Мы работаем над этим.

— Да? Ну так вот, мы с отцом тоже работаем над этим. На случай, если у вас не получится — ничего личного. Посмотрим, кто вернет часы первым, детектив Грейс. Чем больше проходит времени, тем меньше шансов на их возвращение. Верно?

— Продать столь редкую и столь ценную вещь не так-то просто, независимо от того, есть подтверждение их происхождения или нет.

— Вот это меня и беспокоит. Какой-нибудь подонок, не разбирающийся в часах, может просто сбросить их барыге за пару фунтов.

— Поэтому вы и летали в Марбелью, да? Принять меры, чтобы часы не ушли слишком далеко, за океан? Энтони Макарио и Кеннет Барнс встали у вас на пути и утонули. Тепло?

— Тепло? Да вы просто авангард этого долбаного ледникового периода. Мой вам совет — перестаньте тратить впустую общественные денежки, занимаясь ерундой, и ловите настоящих злодеев.

69

Выехать со стадионной парковки получилось только в четверть одиннадцатого вечера, но это было еще не все. Из-за дорожного происшествия автострада А27 оказалась частично блокированной, так что путь домой занял у Роя Грейса еще сорок минут.

Он набрал входной код на воротах и, шагнув в мощеный дворик, посмотрел на погруженный в темноту соседний дом. Интересно, кто там поселился? Похоже, новые жильцы рано легли спать. Что ж, хорошая новость. В маленьком, изолированном квартале самым жутким кошмаром мог бы стать любитель громкой музыки.

Грейс переступил порог, оставшись в счастливом неведении относительно человека за тюлевой занавеской, сидящего в темной комнате наверху с тлеющей сигаретой в пепельнице и стаканом виски под рукой и наблюдающего за ним горящими ненавистью глазами.

В доме было тихо, внизу горел нижний свет. Хамфри радостно кинулся навстречу. Грейс потрепал пса, разулся, прошел на цыпочках к Марлону и лишь затем направился в кухню. Клио оставила ему тарелку с треской, картошкой и бобами, записку с подробной инструкцией, как разогреть это все в микроволновке, и поцелуйчики.

Исполнив указания, он угостил Хамфри печеньем, налил себе розового вина из бутылки в холодильнике и, захватив поднос, вернулся в гостиную и устроился на диване. Пес последовал за ним туда же. Грейс пообещал вывести его на прогулку, включил телевизор и, приглушив звук, пощелкал пультом. И лишь потом увидел наручники.

Они лежали на низеньком кофейном столике, придавив записку такого содержания:

«С расчетом на скорое будущее… XXXXXXXXXXXXXXXX».

Грейс ухмыльнулся, переключился на «Скай ньюс» и пробежал глазами по новостным заголовкам. Покончив с ужином, он взял еще одну книгу по истории банды «Белая рука», открыл алфавитный указатель и, пройдясь взглядом сверху вниз, нашел нужное имя с шестью ссылками на разные страницы. Грейс начал читать, и чем больше он читал, тем больше убеждался в своей правоте.

От этого занятия его отвлек Хамфри, который вдруг сел и коротко тявкнул.

Грейс повернулся и увидел стоящую у подножия лестницы Клио — с шелковыми полосками в руке и похотливой улыбкой на губах. Больше на ней ничего не было.

70

— Чему улыбаешься, старичок? — поинтересовался Гленн Брэнсон.

Часы показывали 8.25 утра. Грейс оторвался от лежащих на столе бумаг. В левой руке он держал недоеденный бутерброд с беконом.

— Отчет из суда. Для нас все складывается неплохо.

Брэнсон развернул стоящий перед столом стул и сел, положив руки на спинку. Вид у него был такой, словно он только что откусил лимона. При задержании Карла Веннера сержанта подстрелили, но пуля, к счастью, не задела жизненно важных внутренних органов.

— Рад слышать. Хорошо, что не пошло по-другому.

— Ты как?

— Пытаюсь спасти ситуацию. Эри постаралась, настроила детей против меня. Но у меня появился нежданный союзник, ее сестра.

— А что ее бойфренд?

— Представь, ему еще хватило наглости прийти за своими вещичками и высказать мне претензии за то, что я сменил замки! Я посоветовал ему поискать барахло на свалке. И, веришь, дети захотели его повидать.

— Верю, дружище. Они же скучают по нему. Не забывай, их жизнь полностью перевернулась. Последний год они видели в нем отца. Не торопись, всему свое время. Когда-нибудь дети поймут, что ты отличный парень.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Дай им время, лет тридцать или чуть больше, и они привыкнут к тому, что это твои компакт-диски валяются на полу, а золотая рыбка регулярно остается некормленой.

— Уж и не знаю, почему ты мне нравишься, — проворчал Брэнсон. — Ты напоминаешь мне того придурка Попая во «Французском связном».

— А что, он приковывал свою подружку наручниками к кровати?

— В первой же сцене. Или, может, это она его приковывала.

Грейс улыбнулся.

— Какая отвратительная, грязная ухмылочка.

Грейс кивнул — картины прошлой ночи еще мелькали перед глазами.

— Точно, грязнее не бывает.

— Клио малость почудила, а?

Грейс пожал плечами:

— Ты у нас фанат кино. Вуди Аллен нравится?

— Не все, но кое-что — да, нравится.

— Так ты не помнишь это место из «Все, что вы всегда хотели знать о сексе, но боялись спросить»?

Брэнсон наморщил лоб, потом кивнул:

— А, да! Кто-то спрашивает, грязное ли дело секс, а он отвечает, что, мол, да, но только если заниматься им правильно.

Грейс усмехнулся и попытался вытолкнуть языком застрявший между зубами кусочек бекона.

Брэнсон уткнулся подбородком в сложенные на спинке стула руки.

— У нас с Эри когда-то все было как надо. В том-то и досада. Заводишь детей, и все уходит. — Он печально покачал головой. — Не упускай это — несмотря на возраст!

— Спасибо за совет. — Грейс посмотрел на часы. — О’кей, две минуты.

71

Утреннее совещание Грейс начал с изложения гипотезы, над которой раздумывал всю ночь.

— Итак, сын Гэвина Дейли Лукас летал в Марбелью, и, судя по списку пассажиров, компанию ему составлял некто Августин Красники. Наши источники в Интерполе говорят, в Албании, откуда он родом, за ним тянется длинный шлейф обвинений, связанных с физическим насилием. В одном случае он собственноручно вырвал оба глаза нерадивому должнику, в результате чего тот остался слепым. Тем не менее благодаря нашим либеральным законам и мягкому европейскому сердцу мы впустили это чудовище в свою страну, дали ему денег и бесплатное лечение. По данным тех же источников в Интерполе, в воскресенье утром в Марбелье были обнаружены тела Энтони Макарио и Кеннета Барнса. — Он посмотрел на Аннализу Винир. — Есть по ним информация?

Регистратор оторвалась от своих бумажек.

— Да, сэр. Оба были приняты на работу Имоном Поллоком в качестве членов судовой команды. Яхта «Довольный» находится по большей части в Пуэрто-Банусе. Нам известно, что Поллок неоднократно попадался на покупке и продаже краденых часов. На счету Макарио проникновение в чужое жилище, а также — это было семнадцать лет назад в Манчестере — торговля наркотиками. Кеннет Барнс лишь два года назад вышел из тюрьмы, куда попал за вооруженное ограбление в Уортинге, получив десять лет. При нападении на офис жилищно-строительного кооператива он захватил заложницу, двадцатилетнюю девушку, и угрожал ее убить. Приятная пара, сэр, лучше не найти.

По комнате пробежали смешки.

— Ну, тогда невелика потеря, — прокомментировал Норман Поттинг.

Пропустив реплику сержанта мимо ушей, Грейс поблагодарил Винир и заглянул в подготовленные для совещания записки.

— Думаю, Лукас Дейли летал в Марбелью с расчетом возвратить отцу дорогие часы «Патек Филип». Время смерти тех двоих в бухте Пуэрто-Банус совпадает со временем его визита.

— Шеф. — Норман Поттинг поднял руку. — Если они полетели за часами и чем-то еще, то зачем было убивать?

— Вот и я задаюсь тем же вопросом. Может быть, хотели обыскать яхту? Надеюсь, ты узнаешь больше того, что дал Интерпол, когда сам туда попадешь.

— Тогда почему просто не связать? — сказал Гай Батчелор.

— Может, потому, что Красники псих? — отозвался Поттинг. — Мы же слышали о его прошлом.

Грейс подумал о синяках на груди Сары Кортни, которые заметил, когда у нее соскользнул халат, и потом в спальне Дюпона.

— Мы знаем, что Лукаса Дейли арестовывали два года назад за избиение жены, но потом отпустили, потому что она отказалась от обвинений. Он — бандит. Возможно, они с Красники просто зашли слишком далеко. — Суперинтендент взял со стола несколько листков. — У меня здесь отчет о вскрытии тех двоих из Марбельи. Интересный материал.

Грейс замолчал на секунду — застрявший в зубах кусочек бекона причинял изрядный дискомфорт, но лезть пальцем в рот на глазах у всей команды он не мог, а значит, оставалось только в меру сил не обращать на него внимания.

— Если коротко, у Макарио сломаны две кости в ноге и синяки на ней, совпадающие с переломами. Синяки также на задней части шеи. У Барнса синяки на передней части шеи. Получить такие повреждения на резиновой шлюпке, даже если она перевернулась, на мой взгляд, невозможно.

— Шеф, — подал голос Гай Батчелор, — если Дейли и Красники убили этих двоих, то почему они это сделали? Потому что добыли нужную информацию или потому что не получили ее?

— Так убивают, когда людям надо заткнуть рот, — ответил Грейс.

— Чтобы они не выдали… что? — спросил Батчелор.

Хороший вопрос. Кусочек бекона в зубах мешал сосредоточиться, но где взять зубочистку? Грейс, наверное, в двадцатый раз попытался выковырнуть его языком и снова безуспешно.

— Возможно, чтобы не донесли своему хозяину, кто у него на хвосте. Возможно, потому, что они оба, как выразился Норман, пара психов, и Дейли вышел из себя из-за смерти тети.

— Вызвать на допрос старика Дейли? — предложил Брэнсон.

Грейс покачал головой:

— Думаю, Дейли мог опередить нас. Установим наблюдение за его сыном. Что-то подсказывает мне, что он приведет нас к часам. Если найдем часы, найдем и того, кто стоит за всем этим.

— Имон Поллок? — догадался Брэнсон.

— Я бы назвал его нашим главным подозреваемым, — ответил Грейс. — У нас есть Гарет Дюпон, и мы попытаемся разговорить его. Он уже изложил свою версию, а сегодня утром и мы определились со стратегией. Ему продлили задержание. Очень жаль, что подозреваемым в убийстве нельзя предлагать сделку по приговору, но думаю, мы сможем предложить ему кое-что другое.

— Что именно? — полюбопытствовал Поттинг.

— Подытожим, что нам известно о Лукасе Дейли. Это только моя гипотеза — доказательств пока нет. Рики Мур, которого Лукас считает виновным в ограблении и смерти своей тети, попадает в отделение интенсивной терапии с серьезными ожогами. Лукас летит в Марбелью, и — надо же! — Макарио и Барнс тонут в бухте. — Грейс посмотрел на Нормана Поттинга.

— Слушаю, шеф.

— Предположим, у меня роман с женой Лукаса. Зная его мстительный нрав, я бы постарался не афишировать свои с ней отношения. И в первую очередь я бы не хотел, чтобы о них прознал муж. Правильно?

— Конечно!

— Подозреваемых в убийстве под залог не выпускают. Если нам удастся перевести Дюпона в центр предварительного заключения и намекнуть, что мы собираемся открыть его секрет младшему Дейли, полагаю, он расколется. Но есть одна проблема, которую нужно как-то решить. Нам нечем прижать Дюпона, нечего ему предъявить. Он соврал нам в офисе насчет своей машины. Сказал, что у него «Гольф-GTI». Возле его дома стоит черный «порше». Судя по регистрационным номерам, машина принадлежит одной прокатной компании, офис которой находится в Лондоне. — Грейс повернулся к Белле Мой: — Вот почему ты ничего не нашла. Я связался с компанией, и они сказали, что сдали автомобиль некоему Гарету Дюпону. Там и адрес его указан. Но с домом Эйлин Макуиртер этот факт его никак не связывает. — Он пробежал взглядом по лицам собравшихся.

— У нас есть отпечаток на бронзовой статуэтке и звонок с его мобильного телефона. Теперь мы знаем, что Дюпон ездит на черном «порше», похожем на тот, что заметили у дома примерно за неделю до ограбления, — сказал Гай Батчелор. — Разве этого недостаточно?

Грейс покачал головой.

— Триангуляционный отчет по его мобильному четкого ответа не дает. Во время звонка он мог находиться где угодно в радиусе четверти мили от дома. В лучшем случае это косвенная улика. Что касается отпечатка на статуэтке, адвокат заявит, что подзащитный мог оставить его, когда брал ее в доме Лестера Сторка. Так что все это не прокатит — нам нужно что-то еще.

— Сэр, — заговорила Жаклин Туомли, — что нам известно о смерти Лестера Сторка?

— Филип Ки из службы коронера сообщил, что Сторк умер естественной смертью — от сердечного приступа.

— Переволновался — такая добыча! — усмехнулся Норман Поттинг. — И не странно ли, что Дюпон закрутил шашни именно с женой Лукаса Дейли? Не попахивает ли здесь сговором?

— Ее причастности исключать нельзя. Нам придется еще раз с ней поговорить. Уверен, Дейли ее побивает, так что мотив у нее есть. Но когда мы с Гаем разговаривали с Сарой Кортни, мне показалось, что к старушке она относилась с искренней симпатией. — Суперинтендент посмотрел на сержанта.

Батчелор кивнул:

— Согласен, шеф. Я бы сказал, что более вероятен другой вариант: это Дюпон выбрал ее в качестве цели. — Он пожал плечами. — Несчастливое замужество, а тут этот красавчик, знающий, как подойти к женщине. Скорее всего, они познакомились где-то, и он ее подцепил. Поговорю с ней — посмотрим, что скажет.

Руку поднял детектив-констебль Джек Александер.

— Сэр, я узнал кое-что относительно «порше».

— И что же, Джек?

Констебль рассказал. А когда закончил, атмосфера в комнате заметно изменилась.

— А вот это, молодой человек, — сказал Грейс, — просто гениально.

72

По правилам суссекской полиции, комната для допросов в Суссекс-Хаус была оборудована камерой видеонаблюдения, установленной высоко на стене. Просматривая записи допросов, полицейские изучали язык тела заключенных и делали вывод о степени их искренности.

Квадратное, совершенно безликое помещение с привинченным к полу металлическим столом и жесткими стульями; окно с видом на внутренний двор, центральное положение в котором занимало футуристического вида сооружение из какого-то напоминающего мрамор

темно-зеленого материала. Глядя на него, Рой Грейс неизменно приходил к выводу, что дизайнер его, должно быть, черпал вдохновение в сериале «Стартрек».

Подозреваемый, небритый, в мятой рубашке, сидел по одну сторону стола со своим адвокатом Лейтоном Ллойдом, одетым еще более броско, чем на футболе. Крепкий, жилистый, с коротко подстриженными волосами, он пользовался уважением в определенных кругах, поскольку снял с крючка не одного и не двух брайтонских злодеев.

К подбору команды Грейс подошел с особой тщательностью. Белла Мой и Гай Батчелор были опытными, прошедшими специальную подготовку дознавателями. Суперинтендент надеялся, что присутствие Батчелора, уже встречавшегося с Гаретом Дюпоном в его офисе, заставит арестованного нервничать, тогда как Беллу этот дамский угодник воспримет, может быть, едва ли не как друга.

Сам Грейс устроился в смотровой, узкой, без окон комнатке, перед монитором, дававшем картинку из соседнего помещения. У рабочего стола стояли два разнокалиберных стула, на столе — приземистый металлический короб, в котором находился аппарат для видеозаписи. Происходящее в комнате для допросов передавалось на дешевый цветной монитор.

Суперинтендент недовольно поморщился — в смотровой постоянно воняло так, будто кто-то с немытыми ногами только что ел здесь кебаб. Он заглянул в корзину для мусора под столом — пусто. Допрос начался. Гай Батчелор спросил у Гарета Дюпона, помнит ли он, где был вечером вторника, 21 августа.

— Конечно. Дома. Работал.

— Работали?

— Да, занимался телепродажами.

— Вы делаете это лично или по телефону?

— По телефону.

— Но вы же ездили на Уитдин-Роуд поговорить с миссис Эйлин Макуиртер, так?

Дюпон покачал головой:

— Нет, я оставался дома.

— Вы ведь слышали о триангуляции мобильного телефона, мистер Дюпон?

Лейтон Ллойд поднял руку:

— Извините, но какое это имеет отношение к моему клиенту?

— Подождите немного, сэр, и вы все поймете, — сказал Батчелор и снова повернулся к Дюпону: — Так вы знаете что-то?

Арестованный покачал головой.

— Тогда я объясню. Все мобильные телефоны, независимо от того, включены они или нет, связаны с базовыми станциями. Их мачты можно увидеть по всей стране. Регистрация проходит каждые пятнадцать минут. По принимающей сигнал станции можно определить две ближайшие и провести триангуляцию. Ваш мобильный оператор «О2», так?

Дюпон неохотно кивнул.

— Две базовые станции «О2» находятся на Дайк-Роуд-авеню, рукой подать от Уитдин-Роуд, — продолжал сержант. — Третья установлена неподалеку от А23, в четверти мили к северу от Уитдин-Роуд. Согласно данным «О2», вы находились вблизи Уитдин-Роуд в промежутке от семи до половины восьмого вечера вторника, 21 августа. Так что дома вас не было. Можете объяснить этот факт?

Дюпон ненадолго задумался, потом кивнул:

— Ах да, забыл. Навещал одну знакомую. Живет возле Уитдин-Роуд.

— Она может подтвердить ваши показания?

Дюпон вдруг смутился, и Грейс понял почему. Говоря о знакомой, он имел в виду Сару Кортни. Суперинтендент сделал мысленную заметку — уточнить, была ли Сара в тот вечер в эфире.

Между тем адвокат вывел на экран телефона карту и внимательно ее изучал.

— Передо мной весь этот район. И покрывает он не только Уитдин-Роуд — здесь плотная жилищная застройка, целая сеть улиц.

— Гарет. — Белла Мой вступила в разговор с приятной улыбкой. — Чего мы не понимаем, так это того, как ваши отпечатки попали на принадлежавшую миссис Макуиртер бронзовую статуэтку?

Дюпон покраснел.

— Я немножко занимаюсь антиквариатом. Помимо основной работы. В наше время прожить только на телепродажи нелегко. — Наблюдая за ним, Грейс видел признаки все большего беспокойства. — Вроде как… — Он вдруг нахмурился. — А где она была, эта статуэтка?

— Вот вы нам и скажите, — предложил Гай Батчелор.

Лейтон Ллойд положил руку на плечо клиенту.

— Без комментариев, — посоветовал он.

— Да, без комментариев. — Дюпон наклонился к адвокату и прошептал ему что-то на ухо.

Лейтон Ллойд решительно покачал головой.

— Мистер Дюпон, — продолжал Батчелор, — меня озадачивает еще кое-что. Когда я в прошлую пятницу приходил к вам в офис с моим коллегой, суперинтендентом Грейсом, мы спросили, на какой машине вы ездите. Вы сказали, что на «Фольксвагене-Гольфе-GTI». Но затем я узнал, что вы пользуетесь другой машиной, «порше»-кабриолетом. Почему вы нам солгали?

А ведь Дюпон совсем смешался, подумал Грейс.

— Да… ну… в общем, дело в том, что мы с моим приятелем Андре Сиверсом часто меняемся машинами. Когда ему хочется произвести впечатление на какую-нибудь пташку, он берет «порше». Понимаете, о чем я?

— Нет, — отрезал Батчелор. — Не понимаю. Я хочу знать, почему вы солгали полицейским.

— Наверное, не хотел, чтобы вы сочли меня показушником.

Батчелор посмотрел на Беллу Мой и снова повернулся к Дюпону:

— Ладно, тогда скажите мне вот что. Вы хорошо знаете Уитдин-Роуд в Брайтоне?

Дюпон покачал головой:

— Совсем не знаю. Никогда там не был.

— Уверены? — не отставал Батчелор.

— Конечно, — кивнул он. — Нет, подождите. Это не там до прошлого года проходили футбольные матчи?

— Там.

— Ну конечно, да, я же сам фанат «чаек». Но стадион не совсем на Уитдин-Роуд.

— Итак, вы определенно не были на Уитдин-Роуд вечером вторника, 21 августа.

— Определенно.

Детективы переглянулись и едва заметно кивнули друг другу.

— Давайте на секунду вернемся к вашему «порше», — сказала Белла Мой. — Симпатичная машина, очень дорогая, насколько я понимаю, и, судя по номерам, почти новая.

Дюпон пожал плечами.

— Страховка, должно быть, очень большая? — продолжала она.

— Достаточно большая, да.

— Мне говорили, что в случаях с дорогими машинами страховщики предъявляют ряд обязательных требований. Например, установку трекера. На вашем «порше» есть трекер?

Дюпон снова занервничал и взглянул на адвоката:

— Да, есть.

— Хитроумные устройства эти трекеры, — сказал Гай Батчелор. — Отслеживают каждую вашу поездку да еще и журнал ведут. У вас ведь трекер компании «Навтрек», да?

Дюпон заколебался — вопрос ему не понравился.

— Да.

— Они предоставили нам журнал передвижений вашего «порше» за последние четыре недели. Там зафиксированы все ваши поездки, все остановки, их продолжительность. Во вторник, 14 августа, вы находились у дома Эйлин Макуиртер, на Уитдин-Роуд, с 18.43 до 19.21. Вы утверждаете, что не знаете этот район. Может быть, заблудились?

— Очень остроумно, — пробормотал Дюпон.

— Вы также находились у этого дома, уже менее продолжительное время, в последующие вечера — в среду, 15 августа, в четверг, 16 августа, в пятницу, 17 августа, в субботу, 18 августа, и в понедельник, 20 августа, перед ограблением. Можете объяснить, что вы там делали?

Дюпон бросил отчаянный взгляд на Лейтона Ллойда и опять обратился к Батчелору:

— Можно мне поговорить с адвокатом? Наедине?

Полицейские выключили записывающее устройство, включая камеру, и вышли из комнаты, чтобы на скорую руку обсудить ход допроса с Грейсом. Минут через десять адвокат попросил их вернуться.

— Мой клиент желает сделать заявление, — сказал Лейтон Ллойд, как только они включили запись. — Он согласен с тем, что означает полученная с трекера информация, но настаивает на том, что не находился в самом доме. Он хочет, чтобы вы поняли этот важный для него пункт.

Детективы кивнули, и Батчелор знаком предложил Дюпону продолжать.

Дюпон с уверенным видом положил руки на стол.

— Дело вот какое. Со мной связался один знакомый. Сказал, что можно хорошо заработать, просто посидев за рулем. Есть пара приезжих ребят и есть один шикарный дом; им нужен шофер, хорошо знающий тот район. От меня требовалось организовать фургон и встретить их в аэропорту. Признаю, за рулем фургона сидел я, но в дом не заходил.

Несколько секунд оба полицейских молчали, потом Батчелор сказал:

— И вы даже не притрагивались ни к чему? К мебели? Там были довольно крупные вещи?

— Ну, я помог им с погрузкой. Но только снаружи.

— Уверены, что не заходили в дом? — спросила Белла Мой.

— Уверен.

Батчелор нахмурился.

— Вам придется помочь нам кое с чем, мистер Дюпон. Видите ли, на радиаторе, том, к которому была прикована миссис Макуиртер, осталось пятно крови. Согласно полученному из лаборатории заключению, в крови обнаружена ваша ДНК. — Батчелор выразительно

посмотрел на пальцы Дюпона — корка на сбитых костяшках отвалилась, оставив только красноватую отметину.

Дюпон растерялся и даже согнул палец, словно надеясь, что уличающая его метка исчезнет.

Лейтон Ллойд предостерегающе поднял руку:

— У моего клиента больше нет комментариев.

73

День для Лукаса Дейли начался паршиво и (о чем он еще не знал) закончился еще хуже.

Он постоял у магазина, под легким дождиком, выкурил сигаретку, вернулся и, набрав номер, снова попал на голосовую почту. Еще несколько дней назад ему удавалось оставлять сообщения, но теперь такого варианта не представлялось. Он опять набрал номер и услышал: «Почтовый ящик полон. Попробуйте оставить сообщение позже».

— Скотина. Ну ты и скотина.

Покупателей не было весь день, никто не звонил, никто ничем не интересовался, никто даже не пытался продать им что-то. Стрелки на часах подбирались к половине четвертого. Эффект выпитого за ланчем пива рассеялся, а приниматься за выпивку снова было еще рановато. В таком настроении он был готов убить кого-нибудь.

«Позвони. Позвони, позвони же, ублюдок. Не заставляй меня ждать. Найду — шею сверну».

Лукас снова вышел, взял в ближайшем кафе два кофе — себе и помощнику — и, вернувшись, сел за стол. Почтовый ящик был забит спамом и счетами, оплатить которые он не мог. За окном непрерывным потоком шли люди, преимущественно туристы. «Ну же, придурки, зайдите и купите у меня хоть что-нибудь!» Но никто не заходил и никто ничего не покупал. Впрочем, сейчас его больше заботило не это. Разве что случилось бы чудо, и в магазин забрел бы какой-то чудак и скупил все подчистую. Только такие деньги могли бы помочь ему разобраться с текущими проблемами.

Сидевший в своей каталке Деннис Купер с головой ушел в сборник судоку, что вполне устраивало Дейли, — настроение не располагало к пустому трепу. К тому же он просто не понимал Купера, когда тот начинал нести какую-то философскую заумь, цитируя людей со странными именами, о которых Лукас никогда и не слышал.

Августин Красники, чьи обязанности в магазине сводились к перемещению покупаемых или продаваемых тяжелых предметов, всю первую половину дня оставался наверху, где, скорее всего, смотрел запись какого-нибудь пропущенного футбольного матча.

Лукас Дейли то и дело проверял по телефону результаты скачек. Ставок он сегодня не делал — коэффициент был низкий, и он даже при наилучшем раскладе получил бы слишком мало.

Что могло бы его устроить, так это тройной коэффициент.

Или звонок, которого он ждал.

Бег мыслей прервало появление за окном фигуры, передвигающейся с помощью палки.

— Ему еще какого черта тут надо? — проворчал Лукас.

Купер оторвался от судоку:

— Боже, сам пожаловал!

Секундой позже в магазин вошел Дейли-старший, пребывавший в столь же скверном, что и его отпрыск, настроении.

— Привет, пап.

Не ответив на приветствие, старик обежал взглядом кабинет.

— Слышал, кого арестовали? Гарета Дюпона. И обвинение ему предъявлено не только в ограблении, но и в убийстве Эйлин. А это означает, что под залог его не отпустят и он будет находится, как мне сказали, в тюрьме Льюис.

— Хорошая новость.

Лицо Гэвина Дейли потемнело, как предгрозовое небо.

— И что же тут хорошего? Я хочу вернуть часы. Мне нужно найти кого-то, кто поговорил бы с ним в тюрьме. Дюпон должен знать, где они.

— Ты же вроде бы говорил, что часы в Нью-Йорке.

— Я так и думал, но подтверждение не пришло, а это плохой знак.

— Может, кто-то в тюрьме и поговорит с ним, если подмазать.

— Может быть. — Гэвин Дейли еще раз прошелся глазами по выставленным образцам и вдруг протопал к той самой паре китайских ваз, продать которые Лукас пытался чуть раньше. — А они как здесь оказались?

— Хороши, да? Отличная покупка. Взял всего за сотню фунтов, а стоят они никак не меньше пары сотен тысяч.

— Неужели?

— Конечно! Девятнадцатый век, кантонские.

— Не объясняй, без тебя знаю. И что, и откуда.

Лукас с гордостью постучал себя по лбу и самодовольно ухмыльнулся:

— Видишь, что-то от тебя передалось и мне.

— Вот как? — Гэвин Дейли взял одну из ваз и внимательно ее осмотрел. — Говоришь, передалось?

— Да.

— У кого ты их купил?

— У одного парня. Кто такой, не знаю, никогда раньше не видел. Пришел с улицы, спросил, сколько я дам. Он даже не понимал, чем владеет!

— Как и ты! Хочешь продать за две тысячи?

— Неплохая прибыль!

— Эти вазы эпохи династии Мин. Есть несколько сколов, из-за которых цена будет меньше, но на аукционе, «Сотби» или «Кристи», за них могут дать около ста тысяч.

— Ну ничего себе. — Лукас разволновался, увидев перспективу решения всех своих проблем. — Черт!

Вековая фарфоровая ваза с грохотом упала на пол и разлетелась на десятки кусочков.

Не веря своим глазам, Лукас в ужасе уставился на старика:

— Черт! Ты ее уронил! Ты уронил вазу!

— Какой я неуклюжий! — Дейли-старший взял вторую вазу, а секундой позже и она выскользнула из его пальцев и последовала за первой. — Упс!

Сначала Лукас подумал, что отец пьян или, того хуже, у него развивается старческое слабоумие или какая-то другая болезнь. Ни шока, ни даже удивления на лице старого антиквара не отразилось — только злость и гнев.

— Как же ты глуп!

— Глуп? Я? — взорвался Лукас. — Посмотри, что ты натворил! Рехнулся?

— Рехнулся? Нет. Но я чертовски зол. И глубоко разочарован. Разочарован твоей тупостью. Эти вазы принадлежали твоей тете. Тот, кто забрал их, не понимал, что к нему попало, и сбыл по дешевке уличному барыге. А ты их купил. — Он покачал головой.

— Невероятно. Ты их разбил!

— А в чем проблема? Ты ведь заплатил за них всего-то сотню фунтов.

— Но они же стоили сто тысяч! И ты просто их разбил?

— Знаешь, что говорят про семейный бизнес? Слышал про правило трех поколений?

— И что говорят? — угрюмо проворчал Лукас, глядя на осколки разбившейся надежды.

— Первое поколение его строит. Второе — проматывает. Третье — спускает в трубу. Тебе удалось миновать промежуточную стадию. Поздравляю.

Гэвин Дейли в гневе протопал к двери. Стоило ему выйти, как в магазин вошли двое мужчин в деловых костюмах. В первый момент Лукас посмотрел на них с надеждой, но, узнав, попятился.

Один, ростом за шесть футов, с бритой головой и лицом словно выкованным из железа, выглядел так, словно, надевая пиджак, не позаботился убрать вешалку. У другого, чуточку ниже и одетого поизящнее, были набрякшие веки, под глазами темные круги, смазанные гелем, зачесанные строго назад волосы, в уголке рта дымящаяся сигара.

Лукас повернулся к Деннису Куперу:

— Скажи Красники, чтобы спустился. Быстро!

— Мистер Дейли, рад вас видеть, — сказал тот, что пониже, неторопливо попыхивая сигарой.

— Извините, у нас не курят, — сказал Лукас. — Закон запрещает.

Гость с сигарой посмотрел на Денниса Купера и, выдохнув струйку дыма, усмехнулся:

— Калека возражает?

Лукас Дейли постарался сдержаться. В сложившейся ситуации сила была не на его стороне.

— Агрессия идет только в одном направлении. Она создает еще большую агрессию, — сухо ответил Купер.

— Что, правда, Квазимодо? Может, применим то же правило к деньгам? Они тоже движутся только в одном направлении — в карман твоему боссу. И никогда к нам не возвращаются. Понимаешь, к чему я?

— Меня зовут не Квазимодо.

— Тогда я и не к тебе обращался, солнышко, так ведь? — Гость повернулся к Лукасу Дейли: — А жена у тебя хороша. Миленькая девочка. — Он сунул руку во внутренний карман, достал старомодную бритву и щелкнул кнопкой. Лезвие открылось. — Не думаю, что Сара Кортни появится в телевизоре с порезанным на ленты личиком, а?

— Она тут ни при чем.

Гость с лезвием повернулся к напарнику:

— Плохо, да? Очень плохо.

Бритоголовый хмуро кивнул:

— Плохо.

Тот, что пониже, снова посмотрел на Дейли.

— Дело вот какое. Ты задолжал моему боссу пятьдесят штук. Моя работа — убедить тебя вернуть должок. Жаль, но иногда страдают и невиновные. Понимаешь, что я имею в виду? Но, с другой стороны, они же сами подставляются. Саре Кортни не следовало связываться с таким кретином, как ты. Посмотри на этого калеку. Что с ним случилось? На мотоцикле неудачно прокатился? С чердака свалился? Почему ему хочется работать с таким недоумком?

— Вообще-то я служил в армии, и меня ранили в спину в Афганистане, — сказал Деннис Купер. — Раз уж вы спросили.

— А, прекрасно, у нас тут, оказывается, герой. — Гость с сигарой перевел взгляд за спину Дейли, и выражение наглой самоуверенности на его лице сменилось гримасой страха.

Дейли оглянулся: позади него, поигрывая бейсбольной битой, стоял Красники.

— Мой босс желает, чтобы вы ушли, — сказал албанец. — Вы очень ему не нравитесь. Извините.

— Пошел ты… — процедил высокий.

Второй метнул в него беспокойный взгляд.

Красники сделал шаг вперед и поднял биту.

— Вы, может, меня не слышали? Уходите.

Гости осторожно отступили к двери и выскользнули на улицу. Красники подождал, пока за ними закроется дверь. Парочка потопталась у входа и неохотно двинулась прочь.

— Молодец! — сказал Дейли.

И тут у него зазвонил телефон. На экране высветился незнакомый номер.

— Лукас Дейли слушает.

— Выкинешь еще один такой вот трюк — и будешь до конца жизни ездить в каталке, как твой калека. У тебя одна неделя, чтобы достать деньги. Заглянем в следующий четверг, в пять часов. И чтобы без этого твоего Бориса Карлова. Понял?

Из трубки дохнуло мертвой тишиной.

74

С каждым днем Эмис Смолбоун все острее сознавал, как изменился мир за время его с ним разлуки. И больше в технологическом, чем в культурном плане. Чтобы не выглядеть динозавром, надо прибавлять.

И почему, спрашивал себя он, все инструкции к электронным приборам написаны так, словно английский для их автора не родной, а третий или даже четвертый язык?

На полу второго этажа арендованного им дома перед ним лежал наполовину собранный дорогущий сканер. А он-то думал, что откроет коробку, достанет сканер и — бинго!

Вместо этого пришлось первым делом установить на компьютер программу с прилагавшегося к сканеру CD-диска. Программу он установил, хотя и сомневался, что правильно выполнил все инструкции, содержавшие на каждом уровне какую-то закавыку.

В конце концов штуковина все-таки заработала, но пока ничего интересного услышать не удалось. Он долго слушал, как Клио Мори треплется с подружкой, обмениваясь мнениями о кормлении малышей и жалуясь на то, что у нее болят соски.

Господи!

Больше всего Эмиса Смолбоуна интересовал рабочий график Роя Грейса. Ему надо было знать, когда полицейского точно не бывает дома и Клио с ребенком остаются одни.

Он не решил пока, с кем и что сделать. Расправиться ли с одним или с обоими. Главная цель осталась прежней — уничтожить Роя Грейса. Но как сделать это лучше? Изуродовать на всю оставшуюся жизнь его любимую Клио? Или убить ребенка? Или использовать оба варианта?

Кровь приятно зашумела, разнося тепло.

Вот бы обоих…

75

Рой Грейс и Гай Батчелор сидели в «форде-фокусе» на Ширли-Драйв, откуда им открывался отличный вид на дом Сары Кортни по другую сторону дороги. Ее «Мерседес-SLK»

стоял на парковке рядом с черным спортивным «ренджровером», принадлежащим ее мужу. Присутствие «ренджровера» означало, что Лукас Дейли дома, и детективы ждали, когда он уйдет. В половине седьмого вечера у Сары начиналась программа региональных новостей, и времени оставалось немного.

Предположение подтвердилось уже через десять минут. Сара вышла из дому, пробежала под моросящим дождиком и забралась в машину. Потом сдала назад, развернулась и покатила вниз, в сторону Олд-Шорэм-Роуд.

Подождав еще немного, Грейс повернул ключ и поехал следом. Сару догнали у перекрестка. «Мерседес» показал правый поворот, и Грейс увидел через заднее окно, что женщина, нарушая правила, разговаривает по мобильному.

Светофор моргнул зеленым, и Сара повернула вправо, на запад. Грейс следовал за ней, пропустив вперед несколько машин. Миновав Саквилл-Роуд, она продолжала движение в том же направлении. Суперинтендент протянул левую руку, включил синий свет и, обогнав «мерседес», мягко затормозил и остановился на площадке перед автомастерской «Харвуд».

Сара повторила его маневр.

Грейс вышел из «форда», подошел к «мерседесу» с левой стороны и жестом попросил открыть дверцу. Она освободила пассажирское сиденье, переложив на колени сумочку, и он забрался в машину. В салоне приятно пахло кожей и духами.

— Вы нарушаете правила, пользуясь мобильным во время движения, — с усмешкой сказал Грейс.

— Извините. — Она поставила телефон на подставку. — Блютус не работает. Вы поэтому меня остановили?

— Нет, но дорожному патрулю я вас сдавать не стану.

— Спасибо. Обычно я сама за руль не сажусь, но сегодня мне нужно встретиться с другом.

— Я подумал, что мне лучше поговорить с вами подальше от дома. После той вторничной ночи… — Суперинтендент вопросительно посмотрел на нее, и она залилась румянцем.

— Думала, что умру от смущения.

— Давайте проясним кое-что. Ваша личная жизнь, мисс Кортни, меня не интересует. В противном случае я бы пришел к вам домой, не обращая внимания, дома ваш муж или нет.

— Спасибо, что не стали этого делать. — Она выключила мотор.

Был час пик, и по мокрой дороге, шурша шинами, проносились один за другим автомобили.

— Возможно, мой вопрос покажется вам слишком личным, но позвольте спросить, давно ли вы знакомы с Гаретом Дюпоном?

— Вообще-то вопрос и впрямь довольно личный. — Она посмотрела на часы. — И мне нельзя задерживаться: у меня эфир в половине седьмого.

— Я знаю и не хочу, чтобы вы опоздали. Но Гарет Дюпон подозревается в убийстве тети вашего мужа, а вы две ночи назад были с ним в постели.

— И поэтому я тоже подозреваемая?

— На данной стадии — нет.

— Но могу ею стать?

— Извините, у меня еще один личный вопрос. Муж бьет вас?

Она открыла трясущимися пальцами сумочку и, порывшись в ее содержимом, достала пачку сигарет.

— Не возражаете, если я закурю?

— Мне нравится запах сигарет.

Сара предложила ему «Мальборо лайт», но суперинтендент покачал головой. Она затянулась, опустила окно, выдохнула.

— Хотите правду? Он — подонок.

Грейс кивнул.

— И поэтому вы завели роман с Гаретом Дюпоном?

— Мы познакомились в школе танцев. Он был доброжелателен, любезен. — Она пожала плечами. — Я давно не встречала мужчин, которые были бы со мной учтивы.

Грейс вспомнил трофей в ее кабинете.

— Дюпон был вашим партнером по танцам?

— Да.

— Позвольте спросить, как долго вы с ним встречаетесь?

— Около трех месяцев. — Сара Кортни задумчиво посмотрела в окно. — С начала июня, когда он появился на занятиях.

— Гарет Дюпон заговаривал с вами о тете вашего мужа, Эйлин Макуиртер?

Она глубоко затянулась и стряхнула в окно пепел.

— Ничего особенного вспомнить не могу. Я… — Она нахмурилась. — Вообще-то да. Помню, однажды мы разговаривали, и я упомянула, что отец моего мужа — Гэвин Дейли. Гарет разволновался. Сказал, что Гэвин — один из самых больших антикваров в стране, что он и сам увлекается антиквариатом. Думаю, он и в самом деле разбирается в этом деле.

— Он заговаривал с вами о часах?

— О часах?

— Если точнее, о часах «Патек Филип»?

Сара покачала головой:

— Нет.

— Уверены? — Грейс внимательно наблюдал за ней.

— Уверена. «Патек Филип»? Они ведь особенные, да? Как это звучит их рекламный слоган… «Вы не можете владеть „Патеком Филипом". Вы только заботитесь о них, чтобы передать следующему поколению».

Грейс улыбнулся:

— Значит, при вас он о «Патек Филип» не упоминал?

Она снова, уже решительно, покачала головой и взглянула на часики:

— Нет. Я бы запомнила. Люблю часы.

— Ваши очень элегантные. Только, боюсь, я плохо в них разбираюсь.

— Это «Картье». «Картье танк».

— О «Картье» я слышал. Очень красивые.

— Спасибо.

Грейс уже давно подумывал о том, чтобы сделать Клио подарок. Что-нибудь такое, отчего бы она улыбнулась, что поднимало бы ей настроение в трудные времена. Может быть, симпатичные часики? «Картье танк»?

— Прошу прощения, но сколько примерно стоят такие?

Сара Кортни заколебалась. Грейс следил за ее глазами.

— Думаю, около трех тысяч фунтов.

Лжет. Но почему? Может быть, часы — подарок мужа, и она не знает настоящей цены, а говорит наугад?

— О’кей. Не стану вас больше задерживать. Не хочу, чтобы вы опоздали. Спасибо.

Грейс выбрался из «мерседеса» и вернулся к «форду». Гай Батчелор встретил его вопросительным взглядом.

Суперинтендент покачал головой:

— Похоже, познакомились в школе танцев.

— То есть она невиновна?

— Виновна или нет, но лгунья первоклассная.

— И что подсказывает чутье?

— Дюпон специально ее выбрал. Без вопросов.

76

Зазвонил мобильный. На дисплее высветилось «международный».

— Да, — ответил он.

— Слушай внимательно. И не беспокойся — телефон с защитой. Тебе тоже надо обзавестись таким.

— Уже. Я по нему и разговариваю.

— Этот номер у меня уже несколько недель.

— Ты единственный, у кого он есть.

— Смени его к следующему разу, когда мы будем разговаривать.

— Когда мы будем разговаривать в следующий раз, телефон не понадобится. Мы будем в одной комнате, и я буду сжимать твою жирную шею.

— Какой горячий! Слушай внимательно. У нас большая проблема. Гарету Дюпону предъявлено обвинение. Сейчас он в тюрьме Льюис.

— Без тебя знаю.

— Ты понимаешь, что будет, если его признают виновным? Провести остаток жизни за решеткой. Меня беспокоит, что может сделать этот говнюк, чтобы спасти свою шкуру. Он сдаст Смолбоуна. Смолбоун — слабое звено.

— А ты где?

— Не важно. Важно другое — ты должен сделать так, чтобы Смолбоун замолчал. Навсегда. Понял, что я имею в виду?

— Мне нужна моя доля.

— Получишь, когда я услышу, что Смолбоун мертв.

— Ждешь, что я тебе поверю? После того, как ты со мной обошелся?

— Я уже мало чего жду. Тебе нужно понять этот жизненный урок, если хочешь быть довольным. Пока!

В трубке щелкнуло. И тишина.

Он сердито уставился на телефон. И все же в одном жирный ублюдок прав.

Эмис Смолбоун…

77

Проснувшись, словно от толчка, Гэвин Дейли не сразу понял, где находится. Его разбудил резкий, буравящий звук. В первую секунду он даже подумал, что кто-то сверлит дыру. Но нет, это был звонок. Телефон. Гэвин Дейли был в кабинете и, наверное, уснул в своем кресле. От лежавшей в стеклянной пепельнице сигары поднималась тоненькая струйка дыма, на кончике образовалось кольцо пепла. Рядом с пепельницей в стакане с виски давно растаял лед. Болела голова — в этот вечер он выпил лишнего.

Выждав секунду-другую, чтобы прийти в себя и окончательно сориентироваться, антиквар взял трубку.

— Гэвин Дейли.

— Привет, Гэвин, это Джулиус Розенблаум. Извини, что поздно, надеюсь, не разбудил? — слащавым голосом поинтересовался нью-йоркский дилер. — Есть новость, вот я и подумал, что лучше сообщить ее тебе не откладывая.

Дейли посмотрел на часы — половина двенадцатого ночи.

— Да, конечно. Я и не спал… сижу… в кабинете. — Он все еще не очень хорошо соображал, но сонливость сняло как рукой. Звонок был именно тот, которого он ждал.

— Тот парень, о котором я тебе говорил, Мистер Безымянный, тот, что звонил во вторник насчет часов «Патек Филип», он приходил сегодня во второй половине дня.

— Да?

— У меня есть фотографии. И его, и часов. Я снял их с камеры наблюдения и только что отправил тебе электронной почтой. Если хочешь, открой почту и посмотри, твои ли часы.

— Да, да, Джулиус, сейчас. Можешь немного подождать?

— Не торопись.

— Ты еще в офисе?

— И буду еще минут десять, а потом на обед. Я дам тебе номер моего сотового, так что сможешь позвонить, если сейчас не успеешь.

— Спасибо. Так… что ты сам думаешь о часах?

— Он принес только фотографии, но часы, похоже, вполне аутентичны. Есть небольшие повреждения — головка и заводной вал погнуты, на стекле трещина, вмятина на задней стороне корпуса.

— Похоже, это они.

— Я спросил, есть ли у него подтверждения подлинности. Он объяснил, что часы в его семье с начала 1920-х. Что ему их передал дедушка.

— Трогательная история. Напомни мне его имя.

— Роберт Кентон. Оно тебе знакомо?

Дейли ненадолго задумался.

— Нет.

— Я спросил, сколько он хочет. Он завилял, сказал, что ждет предложений на следующей неделе и что намерен закончить все дело к среде, выбрав лучшее. Имен тех, с кем еще встречался, не назвал. Я дал понять, что заинтересован, подмаслил его немного. В общем, обещал принести в понедельник утром, в одиннадцать. Если сможешь прилететь, я посажу тебя в комнату, откуда ты сам сможешь рассмотреть часы. Если это твои, мне достаточно лишь нажать кнопку, и все двери будут заперты, и полиция получит сигнал вызова.

— Я очень тебе признателен.

— Посмотри фотографии и перезвони.

Дейли с усилием поднялся из кресла, перешел к столу, сел, включил компьютер и открыл архивированный файл. Через секунду на экране появилось несколько мутноватых фотографий. На первой — входящий в комнату мужчина. За шестьдесят, полный, короткие курчавые волосы с сединой, синий блейзер с серебряными пуговицами, белая рубашка с открытым воротом, шарфик с разноцветным орнаментом. На следующем снимке — тот же мужчина, но лицо взято крупным планом и картинка более четкая. На третьей фотографии — часы.

Его часы, с погнутой головкой и трещиной на стекле. Но на всякий случай он еще раз обыскал все ящики стола и перебрал все лежащие в них бумаги. Фотографии как в воду канули. Гэвин Дейли попытался вспомнить, когда видел их в последний раз.

Он знал, что в последнее время становится немного забывчивым. Пару раз терял или клал с другими важные документы. Не важно, фотографии рано или поздно отыщутся. Дейли вернулся к компьютеру, еще раз посмотрел на часы и вдруг поймал себя на том, что дрожит от гнева. Мерзавец. Жирный мерзавец.

Движимый любопытством, он набрал в поисковой строке Гугла имя — Роберт Кентон. Система выдала больше двадцати ссылок. Он перешел на «Картинки», но не обнаружил ни одного изображения, которое имело бы сходство с лицом человека на фотографии из Нью-Йорка. Подумав, Дейли ввел другое имя — Имон Поллок.

Теперь на экране открылась страница из брайтонского «Аргуса» от 1992 года. Заголовок гласил: «БРАЙТОНСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ ПОЛУЧИЛ СРОК».

В короткой заметке под заголовком рассказывалось о том, что Имон Поллок, спонсор местного благотворительного общества для помощи детям-инвалидам, признан виновным в скупке и продаже краденого, в том числе и часов. Но еще больше самой истории Дейли заинтересовала фотография Поллока двадцатилетней давности. Мужчина на ней не отличался особой полнотой, и волосы у него были гуще и темнее, но на этом различия и заканчивались.

Лицо на снимке в газете определенно принадлежало человеку, представившемуся Джулиусу Розенблауму как Роберт Кентон.

Тому самому человеку, которого нашел генеалог Мартин Диплок и который был потомком одного из четверки, вломившейся в его спальню ночью далекого 1922 года, убившей его мать и забравшей отца.

И вот теперь этот человек украл часы его отца.

78

Собравшиеся на утреннее пятничное совещание испытывали смешанные чувства. Все, конечно, были довольны, что одному из подозреваемых, Гарету Дюпону, предъявлено обвинение в убийстве Эйлин Макуиртер, но праздновать никто не спешил. Люди понимали, что отправили за решетку обезьянку, тогда как шарманщик остался на свободе. Они могли указывать на Имона Поллока, но не располагали даже доказательствами его причастности к преступлению.

Отдел высокотехнологичных преступлений обнаружил серию звонков в Испанию, сделанных с мобильного телефона Дюпона в июле — августе. Испанские номера часто менялись, и установить их владельцев не представлялось возможным: абоненты пользовались предоплаченными телефонными картами. Специалисты не могли определить даже область Испании, куда шли звонки. Рабочий компьютер Дюпона и его личный лэптоп никакой ценной информацией с полицией пока не поделились. В данный момент самые большие надежды возлагались на Нормана Поттинга, улетевшего в Марбелью, чтобы установить связь с тамошней полицией, расследующей смерть двух ирландских экспатов, Кеннета Барнса и Энтони Макарио, и попытаться добыть какую-то информацию об Имоне Поллоке. Направляя в Испанию Поттинга, Рой Грейс полагался на его особый талант — рыть землю.

Для участия в утреннем совещании суперинтендент пригласил и известного специалиста-ортопеда, помощь которого оказалась весьма полезной в расследовании предыдущего дела.

— Я попросил прийти доктора Хейдна Келли, поскольку у него есть кое-что интересное по Барнсу и Макарио. У него сейчас собрание на факультете хирургии, и он любезно согласился приехать к нам сразу по окончании.

В этот самый момент в дверь постучали — доктор прибыл. Рой Грейс приветливо кивнул гостю.

В свои сорок с небольшим доктор Хейдн Келли производил впечатление человека приятного и открытого. Одет он был в темно-синий льняной костюм, белую рубашку с изумрудно-зеленым галстуком и коричневые лоферы — словно только что сошел с крылечка виллы где-нибудь на Французской Ривьере. Но когда доктор повернулся к аудитории, лицо его было серьезным и сосредоточенным.

— Привет, ребята. Рад снова видеть вас. Полиция Марбельи прислала мне слепки со ступней Кеннета Барнса и Энтони Макарио. Сейчас я коротко расскажу о проведенном сравнении этих слепков со следами кроссовок, обнаруженных в доме миссис Макуиртер.

Следующие пять минут Келли объяснял сделанные им расчеты и компьютерный анализ, заключив короткий доклад выводом о том, что отпечатки на месте преступления оставлены Барнсом и Макарио.

Рой Грейс поблагодарил гостя:

— О’кей. Итак, теперь на месте преступления у нас трое. Двое из них мертвы, третьему, Гарету Дюпону, светит пожизненный. Я собираюсь получить ордер на временное освобождение для проведения следственных действий, забрать его из тюрьмы и потолковать в неформальной обстановке. Посмотрим, удастся ли вытянуть из него какие-то имена в обмен на некоторые привилегии.

— Как насчет джакузи в камеру? — предложил Дэйв Грин.

— Если бы! — отозвался Грейс.

Предоставление заключенным поблажек уже не относилось к сфере компетенции полиции. Любые послабления — разумеется, неофициальные — могли иметь место только при нахождении заключенного вне тюрьмы.

Белла Мой сообщила, что зеркало в стиле ар-деко, взятое из дома Эйлин Макуиртер, замечено в антикварном магазине в Льюисе. Хозяин магазина объяснил, что купил его у пришедшего с улицы незнакомца. Судя по обрывочному описанию, продавцом мог быть Лестер Сторк.

— Вполне возможно, — согласился Грейс.

— При условии, что он сдал зеркало до своей смерти, — вставил Гай Батчелор.

Рой Грейс повернулся к эксперту по антиквариату:

— Есть что-то новенькое?

— Есть. У меня здесь список всех аукционов на ближайшие три месяца. — Эксперт указал на пришпиленный к доске листок. — Я также получил все их каталоги. Проблема в том, что многие принимают заявки буквально до самого последнего часа. Я разослал информацию по «Патек Филип» и уверен, что, если часы выставят на продажу, нам об этом сообщат. Я также связался с дилерами, занимающимися часами высокой ценовой категории. Надеюсь, новости скоро будут — не от одних, так от других.

Руку поднял Гленн Брэнсон:

— Мистер Стюарт-Симмондс, на прошлой нашей встрече вы сказали, что некоторые из украденных предметов могут быть заранее проданы частным коллекционерам. Возможен ли такой вариант с часами? Если да, они ведь могут больше и не появиться?

— Дело в том, — ответил эксперт, — что преступники, крадущие на заказ, должны заранее обладать детальной информацией о предмете. Для операции «Камбала»

примечательно то, что почти все украденное было в страховом списке, тогда как другие вещи, проданные местным скупщикам, в этом списке отсутствовали. Часов в страховом списке не было, на основании чего я делаю вывод, что о них заранее никто не знал.

— Так вы допускаете, что организатор ограбления до сих пор ничего не знает о часах? — спросил Гай Батчелор.

— Такой вариант вполне возможен. Нельзя, конечно, исключать, что тот, у кого они находятся, не догадывается об их истинной ценности.

Грейс промолчал. Он думал о потайном сейфе и о коротком разговоре с Сарой Кортни в ее машине. Как-то странно она повела себя, когда он спросил, сколько стоят ее часики, хотя это и можно объяснить смущением. При этом Сара сказала, что была дружна с Эйлин Макуиртер и частенько к ней заходила. Показывала ли старушка ей «Филип Патек»? Если да, не упомянула ли Сара о них Гарету Дюпону? Как там гласит старая пословица? Он вспомнил, что видел ее на постере времен Второй мировой войны. «Болтливые губы корабли топят».

Губы у Сары Кортни, что и говорить, соблазнительные и почти нереально полные. Только вот болтливые ли?

79

Рой Грейс никогда не лелеял амбиций стать богачом. Ему не раз доводилось бывать в роскошных домах — по делам, связанным с благотворительностью, или проводя расследование; Сэнди была членом Национального траста, и по уик-эндам им доводилось бывать в солидных домах. Но, любуясь их ландшафтными садами, архитектурой и художественными сокровищами, он всегда — так уж устроен ум полицейского — задавался вопросом: откуда взялись деньги на покупку всего этого? Грейс знал: в большинстве аристократических семей достаточно копнуть на несколько поколений, чтобы наткнуться на «барона-разбойника».

Эта же мысль посетила его и теперь, когда перед ним открылись кованые ворота особняка Гэвина Дейли. Проехав по растянувшейся на полмили дорожке, обсаженной буками, суперинтендент увидел перед собой внушительный фасад. Величественное, с какими стандартами ни подходи, здание классических пропорций, сложенное из благородного старого камня, с широкими ступенями и четырьмя высокими колоннами галереи производило сильное впечатление, и даже не особенно разбирающийся в архитектуре Грейс с первого взгляда понял, что это — настоящее, а не какая-то современная стилизация.

Так или иначе, он не мог даже представить, сколько стоит такой особняк. Наверное, десятки миллионов. И при этом даже внимательное изучение прошлой деятельности Гэвина Дейли не выявило ничего криминального. Ловкий, изворотливый, даже коварный тип, не чуждый риска и частенько ходивший по грани, но не преступивший черту. Грейс искренне жалел старика. Одиночество в конце жизненного пути, жестокое убийство сестры. И что? Разве богатство принесло ему комфорт и радость?

Неподалеку от входа, рядом с затейливым, украшенным каменными фигурками фонтаном, стоял не первой молодости темно-синий лимузин с шофером, одетым в форму и на вид очень важным.

Грейс нажал кнопку звонка. Со всех сторон на него смотрели камеры наблюдения. Впустят ли его после недавней размолвки со стариком? Через пару минут одетая в форму домоправительница открыла дверь и приветствовала гостя с приятной, характерной для уроженки деревенского Суссекса картавостью:

— Доброе утро, сэр. Я провожу вас к мистеру Дейли.

Она повернулась, медленно пересекла холл — следуя за ней, суперинтендент заметил стоящий у передней двери большой чемодан — и постучала в дверь кабинета.

Переступив порог, Грейс вдохнул густой запах старого сигарного дыма, словно въевшегося в дубовые панели и мебель. Запах этот нравился ему всегда, потому что напоминал об отце, любившем время от времени насладиться хорошей сигарой. Сидевший за столом Гэвин Дейли при появлении гостя поднялся. На нем был тщательно отутюженный спортивный пиджак, рубашка в клетку, кавалерийские твиловые брюки и замшевые броуги.

— Чем могу помочь, суперинтендент? — с плохо скрытым беспокойством спросил старик и, выйдя из-за стола, протянул сухую, костлявую руку, после чего жестом предложил детективу расположиться на софе.

— Надеюсь, сэр, вы не против, что я к вам заглянул?

— Нет. Прошу извинить, если был излишне резок с вами при прошлой нашей встрече. Время нелегкое, надеюсь, вы меня поймете.

— Конечно, сэр.

Гэвин Дейли бросил взгляд на часы.

— Торопитесь на самолет, сэр?

— Да. Улетаю… во Францию, в Ниццу. Хочу провести уикэнд на вилле, отдохнуть от всего этого. — Антиквар сдержанно улыбнулся.

— Понимаю. Вам можно только позавидовать. Хотя, думаю, если бы я жил в таком прекрасном доме, как этот, то, наверное, никогда бы его не покинул.

Дейли не поддержал разговор.

— У вас для меня новости, суперинтендент?

— Да. Мы нашли зеркало в стиле ар-деко, которое, как полагаем, могло принадлежать вашей сестре. Я бы хотел, чтобы вы идентифицировали его, если это возможно.

Старик закивал.

— Но я приехал не только с этим. Ситуация довольно деликатная.

Грейс перевел взгляд на стоящий между ними инкрустированный столик. Часы показывали половину десятого, и он с удовольствием выпил бы кофе, но рассчитывать на предложение, похоже, не приходилось.

Дейли выжидающе смотрел на него.

— Мы знаем, что вы берегли часы и хранили их в сейфе за ложной стенкой. Вот почему мы почти уверены, что преступники получили информацию от кого-то из бывающих в доме.

— От Рики Мура?

Грейс покачал головой:

— Не думаю, что ваша сестра показала бы ему сейф. Вы согласны?

— Никогда. — Старик снова взглянул на часы. — Должно быть, она рассказала им о сейфе, когда ее пытали.

— Конечно, сэр, такая возможность очевидна, но я хотел бы спросить вас кое о чем. Насколько дружна была ваша сестра с Сарой Кортни?

— Очень дружна. Эйлин питала к ней глубокую симпатию. Мой сын, Лукас, никогда ей не нравился, но его жену она любила. Сара часто бывала у нее, они проводили вместе много времени.

— Как вы считаете, ваша сестра могла показать часы Саре Кортни?

Лицо старика потемнело.

— Вы имеете в виду то, что мне кажется? Что Сара могла иметь отношение к случившемуся?

Грейс оказался в нелегком положении и в поисках решения опустил взгляд на кофейный столик, словно ответ мог быть вырезан в дереве.

— Мне трудно это сказать, у вашей невестки был роман на стороне.

Антиквар пожал плечами:

— Удачи ей. Она заслуживает лучшего, чем мой сын.

Удивленный и успокоенный реакцией старика, детектив продолжал:

— Человек, которым она увлеклась, Гарет Дюпон. Тот самый, которому предъявлено обвинение в соучастии в убийстве вашей сестры.

Заявление вызвало долгую паузу. Дейли так сильно сжал пальцы, что Грейс почти видел кости под тонкой бледной кожей.

— Это многое объясняет, — наконец обронил старик.

— Думаете, они могли быть в сговоре?

Дейли покачал головой.

— Ни в коем случае. Сара — достойная, приличная женщина. Полагаю, этот тип, Дюпон, воспользовался ею, понемногу вытянув информацию. Вы разговаривали с ней?

— Да, и я склонен согласиться с вами.

— Лукас обращался с ней хуже некуда, и Сара оказалась уязвимой для такого подонка, как Дюпон.

Грейс внимательно посмотрел ему в глаза.

— Во сколько ваш самолет в Ниццу, сэр?

— В час дня.

— Что ж, удачного полета. Буду держать вас в курсе.

— Спасибо. Ценю вашу любезность, суперинтендент.

Покидая дом старого антиквара, Рой Грейс размышлял о двух вещах. Во-первых, о странной и оставшейся непонятой реакции Сары Кортни на его вопрос о цене ее наручных часиков. Во-вторых — и теперь это обстоятельство выходило на первый план, — о дорожном чемодане в холле. Несколько недель назад по телевизору шел документальный фильм о людях, имеющих второй дом в Испании или Франции. Они рассказывали, как там все дешево и как удобен перелет из страны в страну, если пользоваться услугами компаний-лоукостеров. И все упоминали, как важно путешествовать без багажа, чтобы не тратить время на его проверку, — достаточно небольшой сумки.

Чемодан, стоявший в холле, был огромен. Такой, несомненно, подлежит проверке, если, конечно, Дейли не летит частным самолетом. Но даже и в таком случае зачем богатому и опытному путешественнику большой багаж?

Разве что старик солгал насчет пункта назначения.

Зазвонил телефон.

— Рой, думаю, вас это заинтересует, — сказал Перегрин Стю арт-Симмондс. — Мне только что позвонил друг, Ричард Роббинс, знаток редких часов, работает в Чикаго, на Джуэлерс-Роу. Человек с безупречной репутацией. До него дошли слухи о неких часах «Патек Филип», судя по описанию очень похожих на пропавшие у нас и предлагаемых на продажу в Нью-Йорке.

— У него есть какие-то люди? Чтобы мы могли с ними побеседовать?

— Да, он назвал несколько. Я сейчас этим и занимаюсь. Подумал, что и вам захочется узнать.

— Конечно. Спасибо.

Едва закончив разговор, Рой Грейс набрал номер и попросил проверить списки пассажиров ближайших рейсов на Нью-Йорк. Искать следовало Гэвина Дейли.

80

Вой сирен полицейских машин, несущихся по мюнхенской Виденмайерштрассе, шестью этажами ниже становился все громче. Стоял жаркий для конца лета день, и доктор Эберштарк, приоткрыв на несколько дюймов окно кабинета, впустил не только свежий воздух, но и уличный шум.

Психоаналитик пристально посмотрел на Сэнди.

— Вы действительно хотите сообщить ему, что живы?

— Рою?

— Да, Рою.

— Нет.

Вой сирен достиг пика, и в тот же миг ее коснулось дыхание ветерка.

— То есть вы — мертвы?

— Мертва Сэнди Грейс, но не я.

Доктор Эберштарк, невзрачного вида мужчина неопределенного, от пятидесяти до шестидесяти лет, возраста, умел в нужный момент становиться почти совсем незаметным. Отчасти благодаря костюмам — они все были на размер больше, как будто он покупал их на вырост; отчасти потому, что сидел всегда съежившись, втянув голову в плечи, и носил большие, в черной оправе очки, из-за которых лицо его казалось еще меньше.

— В юридическом смысле вы мертвы.

— Согласно документам, я — фрау Ломан.

Он испытующе посмотрел на нее.

— Вы говорили, что получили германское гражданство за взятку. Разве это законно?

Она равнодушно пожала плечами:

— Никто же не умер.

Он задержал на ней взгляд:

— Никто не умер, но ведь кое-кто определенно пострадал, так?

Она долго молчала. Потом спросила:

— Кто?

— Ваш муж, Рой. Вы никогда не думали о том, как сказалось на нем ваше исчезновение?

— Конечно думала. Много. Поначалу все время. Но… — Сэнди снова впала в молчание.

Доктор выждал пару минут.

— Но — что?

— Тот вариант был наилучшим. На мой взгляд.

— И этот ваш взгляд не изменился, не так ли?

— Я сама сломала себе жизнь. Сама запуталась. Наверное, поэтому я здесь. Люди ведь не идут к психоаналитику, когда счастливы, верно?

— Давайте не будем отвлекаться и поговорим о вас.

Она улыбнулась:

— Я полная неудачница, да?

У доктора были маленькие, пронзительные глаза, обычно бесстрастные и холодные, как сталь. Но время от времени в них вспыхивали веселые огоньки.

— Я бы так не сказал. По крайней мере, пока. Но продвинетесь в этом направлении, если продолжите в том же духе и купите тот дом.

За все оставшееся до конца сеанса время она не произнесла ни слова.

81

— И что это все значит? — угрюмо спросил Гарет Дюпон, лениво жуя резинку на заднем сиденье «форда». Он побрился и переоделся в чистые джинсы, свежевыстиранную голубую рубашку и замшевую куртку-«бомбер». Заключенным разрешалось носить собственную одежду до вынесения приговора.

— Я подумал, что вам захочется провести несколько часов вне тюрьмы, — ответил разместившийся на переднем сиденье Рой Грейс.

Время шло к полудню, и им требовалось вернуть Дюпона к пяти часам. Гай Батчелор сдал назад, выезжая из тюремного двора. Забирая заключенного на время, по специальному разрешению, полиции приходится соблюдать особенную осторожность, чтобы об этом не узнали его товарищи по несчастью. Достаточно малейшего подозрения в сотрудничестве с силами правопорядка, чтобы жизнь такого бедолаги превратилась в полное опасностей и всевозможных неприятностей существование.

На этот раз временное изъятие Гарета Дюпона обосновывалось тем, что он, в расчете на смягчение приговора, назовет адреса и покажет детективам другие дома, в ограблении которых принимал участие. В качестве меры предосторожности его забрали не из тюрьмы, а из блока временного содержания.

— Я бы вообще предпочел другое место.

— Сами выбирали. Разве нет?

Доехав до электрических ворот, Батчелор остановился и подождал, пока они откроются.

— Я старушку не трогал и к этому никакого отношения не имею.

— А к чему вы имеете отношение, Гарет?

Он поднял скованные наручниками руки:

— Снять можно? Бежать я не собираюсь.

— Какое великодушие. Что ж, давайте посмотрим, в какой степени вы готовы к сотрудничеству, и, возможно, мы даже сделаем кое-что получше — например, угостим вас приличным ланчем, а? — Суперинтендент вопросительно вскинул брови.

Дюпон заметно оживился.

— А как насчет тюрьмы? Можете перевести в камеру получше?

— С ванной? По-моему, та, в которой двуспальная кровать, уже занята.

— Ха-ха. Я сижу с вонючим недоумком, который вдобавок еще и храпит как свинья. Это омерзительно.

— Я посмотрю, что можно сделать, но обещать ничего не буду — у меня нет таких полномочий. Если поможете нам, поговорю с начальником тюрьмы. Итак, что бы вы хотели на ланч?

— На биг-мак замахнуться можно?

— С чипсами и колой?

— Не дразните, а то размечтаюсь.

— Буду рад угостить, Гарет, но только если поможете нам.

Они проехали по A27, поднялись вверх по холму и свернули на Дайк-Роуд-авеню, центральную магистраль Брайтона и Хоува, по обе стороны которой стояли самые дорогие городские здания, некоторые из них были уже давно перестроены в дома престарелых и частные лечебницы. Остановились у массивных кованых ворот, за которыми виднелся большой дом из красного кирпича, а также «бентли» и «феррари» на подъездной дорожке.

— Узнаете? — спросил Грейс.

Дюпон покачал головой.

— Его ограбили три года назад. Взяли много картин и серебра Георгианской эпохи. Никого не задержали. Ваша работа?

— Нет.

— Уверены? Вам лучше признаться в других преступлениях до суда — судья будет снисходительнее. В противном случае срок может увеличиться.

— Не думаю, что можно добавить что-то к пожизненному. Повторяю, я здесь не был. И еще раз — я не делал старушке ничего плохого. Вы должны поверить мне.

— Почему я должен вам верить?

— Потому что… ох… — Дюпон вздохнул. — Этим придуркам вовсе и не надо было ее пытать. У меня был код от сейфа, и про ложную заднюю стенку я тоже знал.

— Вы знали, что там часы «Патек Филип»?

— Да.

— Вот как? И от кого же?

— Не могу сказать. Он меня убьет.

— Он? Уверены, что не она?

— Он, — упрямо повторил Дюпон, и Грейс увидел по его глазам: не врет.

Он кивнул сержанту — поезжай дальше — и снова повернулся к арестованному:

— Значит, это только совпадение, что вы сначала завели роман с женой Лукаса Дейли, а потом оказались участником ограбления дома его тети?

Дюпон пожал плечами:

— Ну, кое-что я от нее, может быть, и узнал.

— Ваша встреча с ней — счастливый случай? Или вы нашли ее специально?

— Знаете, во что я верю, помимо прочего? — вопросом на вопрос ответил арестованный. — В серендипити. [6]Иногда человеку просто везет.

Батчелор повернул вправо, на трехполосную Тонгдин-Роуд, еще более роскошную, чем Дайк-Роуд-авеню. Некоторые дома здесь прятались за кирпичными стенами и живыми изгородями. Проехав один из них, с белыми колоннами и пропорциями греческого храма, Батчелор свернул влево, на Тонгдин-авеню, самую шикарную улицу города. Обойдя трех водителей-новичков, отрабатывающих движение задним ходом, сержант повернул вправо и остановился перед другим особняком, из которого открывался прекрасный вид на Канал.

— А как насчет этого? — осведомился Грейс. — Четыре года назад, в полночь, на хозяев, когда те стояли у ворот, напали двое в масках. Связали, угрожали зажигалкой, так что в конце концов те назвали код сейфа и ПИН-коды банковских карт.

Дюпон снова покачал головой:

— Нет, не мое, извините.

— Подумайте хорошенько, — посоветовал Грейс. — И кстати, у меня для вас еще одна плохая новость.

— Какая?

— Мы нашли грузовой фургон, который вы арендовали в Ипсвиче. Думали, далеко возьмете и вас не найдут?

Дюпон промолчал.

— В машине обнаружены отпечатки — ваши и ваших приятелей, Макарио и Барнса. Вы получите от пятнадцати до двадцати лет. Так что примите дружеское предупреждение: не надо нас злить. Договорились?

— О чем?

— Мы в десяти минутах от ближайшего «Макдоналдса». Где вещи из дома Эйлин Макуиртер? Кто вас нанял? Случайно, не человек по имени Имон Поллок?

— Я думал, мы заключим настоящую сделку, на бумаге, с адвокатом. Думал, вы возите меня по местам ограблений.

— Можете ничего не говорить, но тогда и мы не обязаны угощать вас биг-маком. Отвезем прямиком в тюрьму, если вы такой вариант предпочитаете.

— В тюрьме меня достанут. Я же знаю. Хотелось бы и бургер съесть, но сдавать я никого не стану. Так что, если у вас такой план, везите меня назад.

У Грейса зазвонил телефон. Он поднял палец, потом ответил. Звонил Норман Поттинг.

— Как там на Коста-дель-Соль? Все в порядке?

— Точнее сказать, Коста-дель-Крим, — ухмыльнулся Поттинг. — Кое-что есть. Во-первых, результаты вскрытия Кена Барнса и Энтони Макарио. Оба умерли, потому что утонули. Возможная причина — злоупотребление алкоголем. В пользу такого вывода и перевернутая лодка. Но коронеру не нравятся их прижизненные повреждения. Похоже, перед утоплением оба побывали в серьезной драчке. Вот только ничего особенного никто на соседних яхтах не заметил, жалоб на шум в полицию не поступало, в ближайших домах никто ничего не слышал. Теперь расследованием более плотно займется жандармерия. Такое вот дело.

— О’кей, Норман. Спасибо. Что еще?

— Местная полиция проверила все списки пассажиров, прибывших за последнюю неделю из аэропорта Малаги. И вот тут выскочило имя Имона Поллока.

— Откуда и куда?

— Прибыл в прошлый четверг, 30 августа. Из Малаги в Мадрид. В Мадриде, должно быть, переночевал и 31 августа улетел в Нью-Йорк.

Грейс знал, что сидящий у него за спиной Дюпон слышит каждое слово. Он вышел из машины, захлопнул дверцу и прошел несколько шагов по улице. Ветер крепчал.

— Отличная работа, Норман. Нам надо выяснить, где он остановился в Нью-Йорке. Помню, когда я летал туда в прошлом году, от меня потребовали такую информацию перед посадкой.

— Я уже выяснил, шеф, — довольным голосом ответил Поттинг. — Отель «Риц-Карлтон», пять-ноль, Центральный парк.

— Молодец!

Грейс дал отбой. Голова шла кругом. Донни Лонкрейн намекнул на Имона Поллока. И вот через неделю с небольшим Имон Поллок летит в Нью-Йорк. Еще через неделю Перегрин Стюарт-Симмондс сообщает о подходящих по описанию часах «Патек Филип», которые кто-то предлагает нью-йоркским дилерам.

Снова зазвонил телефон. На сей раз это был констебль Экстон.

— Босс, у меня информация по Гэвину Дейли. Вы просили узнать, на какой рейс он зарегистрировался. «Бритиш эруэйз» до Нью-Йорка, аэропорт Кеннеди. Время вылета час пятьдесят пополудни.

Суперинтендент взглянул на часы — 1.20.

— Хорошая работа, Джон.

Он вернулся в машину, сел и посмотрел на Гарета Дюпона.

— Как вы там говорили? Насчет серендипити? Иногда человеку просто везет?

Дюпон кивнул.

— Что ж, вы правы. Иногда человеку просто везет.

— Значит, я свой бургер все-таки получу?

— Извините, планы поменялись. Мы возвращаемся, и я отвезу вас прямиком в тюрьму. Боюсь, сегодня не ваш счастливый день, Гарет, а мой.

82

В начале второго Рой Грейс и Гай Батчелор подъехали к дому Лукаса Дейли и Сары Кортни на Ширли-Драйв. Суперинтендент сказал Батчелору подождать в машине, сам же прошел к передней двери и позвонил.

Хозяйка открыла через несколько минут. Она была в джинсах и футболке и, увидев Грейса, смущенно покраснела.

— Детектив-суперинтендент, добрый день. — Сара приветливо улыбнулась.

— Я только что из магазина. Мне сказали, что Лукас уехал на уик-энд. Снова на какой-то турнир по гольфу?

Она занервничала, но лгать не стала и, отвечая, смотрела Грейсу в глаза.

— Нет. Лукас… Вообще-то ему пришлось уехать по делам.

— Случайно, не в Нью-Йорк?

Снова нерешительная пауза.

— Да.

— Мне необходимо поговорить с ним. Это важно. Не знаете, где он остановится?

— Нет, не знаю. — Ее глаза по-прежнему говорили правду. — Сказал, что позвонит, когда устроится. Вообще-то все произошло так неожиданно. Может, войдете?

Суперинтендент вошел, и Сара закрыла за ним дверь.

— Чашечку чаю? Кофе?

— Нет, спасибо.

Красивая женщина, думал он, глядя на нее. И какого же черта спит с таким отъявленным проходимцем, как Гарет Дюпон? Из-за мерзавца мужа?

— Ваш супруг часто бывает в Нью-Йорке?

— Нет. Понимаете… — Ей почему-то стало вдруг не по себе, взгляд забегал по сторонам. — Все заграничные контакты поддерживает мой свекор. Время от времени он уезжает на важные международные аукционы — продавать или покупать что-то. Или просто посмотреть на какие-то вещи, которые собирается купить.

— Для этого он и отправился сейчас в Нью-Йорк?

— Да, насколько я поняла. Он не рассказывает мне о своем бизнесе. У него своя жизнь, а у меня своя. — Она со значением посмотрела на него. — Думаю, вы и сами уже заметили.

Теперь смутился уже Грейс.

— Ваша личная жизнь — не мое дело.

— Спасибо.

83

Каждый раз, входя в величественное здание времен королевы Анны, где размещалось управление суссекской полиции, Рой Грейс как будто возвращался в детство, становился растерянным и немного испуганным мальчишкой, вызванным в кабинет директора школы.

Его босс, заместитель главного констебля Питер Ригг — щеголеватый мужчина со здоровым цветом лица, аккуратной, консервативной стрижкой, — отличался прекрасным, порой язвительным, аристократическим голосом. Будучи невысоким, на несколько дюймов ниже Грейса, Ригг компенсировал сей недостаток отличной военной выправкой. Одет он был в темный, хорошего кроя костюм с рубашкой в полоску и то ли клубным, то ли университетским галстуком. Кабинет его украшали фотографии с мотогонок; страсть к

мотоциклам объединяла мужчин, так что им было о чем поговорить в неофициальной обстановке. На рабочем столе стояла фотография его жены, привлекательной блондинки по имени Никки, с которой суперинтендент познакомился недавно на одном благотворительном приеме, и двоих детей, мальчика и девочки.

— Спасибо, что приняли, сэр, — сказал Грейс.

— Надеюсь, вы с хорошими новостями, — с намеком ответил Ригг. — Молодцы, что взяли Дюпона. Итак, рассказывайте.

— За последние часы ситуация серьезно изменилась по нескольким направлениям, сэр, и все они указывают на Нью-Йорк. Мне срочно нужна команда, которая могла бы действовать на месте, потому что отсюда, на мой взгляд, эффективное влияние на дальнейший ход расследования невозможно.

Он рассказал о последних сегодняшних событиях.

К немалому его удивлению, ожидаемой лекции об ограниченности бюджета полиции и необходимости экономии средств не последовало.

— Вы уже подумали, сколько человек хотите взять с собой в Штаты? — спросил Ригг.

— Мне нужны по крайней мере два человека, сэр. Идеальный вариант — сержант и детектив-констебль. У меня есть хороший контакт в управлении полиции Нью-Йорка, который уже в курсе дела, но я не знаю, чего стоит ожидать на месте, и не хочу зависеть от кого-то еще.

— Этот ваш парень, Брэнсон, похоже, подходящая кандидатура.

— У него сейчас большие проблемы, сэр, в связи со смертью жены. Но согласен, человек он хороший. Я бы взял детектива-констебля Экстона — исключительно способный полицейский.

— Когда хотите отправиться?

— Первым же возможным рейсом. Надеюсь, завтра.

— Поговорю с шефом, но в принципе я на вашей стороне, Рой. Главное, возвращайтесь с положительным результатом. И еще. При нынешнем положении дел со всеми этими сокращениями будет лучше не ставить в известность прессу.

— Я в любом случае не хочу, чтобы пресса что-то узнала. Здесь важен элемент внезапности.

— И еще два пункта. Знаю, у вас есть опыт работы в Штатах, но повторю — никакой самодеятельности, все действия только при полном согласовании с нью-йоркской полицией. Уверен, вы и сами прекрасно все понимаете. И еще. Я готовлюсь к назначению на должность заместителя главного констебля, так что вы уж не ставьте меня в неловкое положение, о’кей?

Грейс усмехнулся:

— Удачи, сэр. И не беспокойтесь, моя роль в Нью-Йорке сводится к поддержанию связи с ними, не более того.

— Тогда и вам удачи, Рой.

К машине суперинтендент возвращался с тяжелым сердцем. Уезжать не было ни малейшего желания; он хотел остаться дома, помогать и поддерживать Клио, быть рядом с сыном. Каждый раз, отправляясь на службу, Грейс скучал по Ною. От мысли, что ему придется провести вдали от близких несколько ближайших дней, становилось не по себе. Но и другого варианта он не видел.

84

Соседи ссорились! А ребенок плакал.

Как же замечательно!

Но больше всего Эмису Смолбоуну понравилась та новость, которую детектив-суперинтендент принес домой своей дражайшей Клио.

«— Рой, тебе действительно надо туда лететь?

— Надо. Только у меня есть связь с управлением полиции Нью-Йорка, а в этом деле нам без их помощи не обойтись.

— Но мне нужна твоя помощь здесь. Неужели во всей полиции Суссекса нет никого, кто мог бы тебя заменить?»

Сидя в кресле на верхнем этаже своего нового дома, покуривая сигарету и потягивая виски, Смолбоун прекрасно слышал весь разговор, доходивший до него через наушники «бозе». Суперинтендент Рой Грейс собрался в Америку. Завтра, в 11.30. И его драгоценная Клио Мори останется одна. С их сыночком, Ноем.

Ох-хо.

Как неумно. Совсем неумно. В голове Смолбоуна один за другим пролетали возможные варианты. Изуродовать Клио Мори кислотой. Убить чертова мальчонку, этого вечно хнычущего Ноя. Убить Клио. Убить ребенка. Сломать поганцу позвоночник, оставив паралитиком до конца жизни. А потом смотреть, как Рой Грейс будет катать на коляске своего калеку.

Так много вариантов. И так трудно выбрать лучший. Он снова прислушался к голосам на фоне криков маленького ублюдка.

«— Клио, дорогая, ты должна понять. Только у меня есть контакт с детективом Патом Лэниганом, и его помощь имеет решающее значение.

— Ему известно, что у тебя двухмесячный малыш?

— Я обернусь за несколько дней. Обещаю.

— Можешь не обещать. Я знаю — вернешься не раньше чем через неделю. А может, и еще на одну задержишься. Понимаю, у тебя важная работа, но сейчас твое присутствие здесь так важно для нас с Ноем.

— Может быть, попросить твою мать или сестру? Может быть, они согласятся побыть с тобой?

— Я могу попросить маму, но мы уже через несколько дней начнем убивать друг друга. А Чарли здесь нет — улетела в Шанхай на новую работу.

— Клио, это дело очень важно для меня. Если пошлю кого-то другого и они там облажаются, я никогда себе этого не прощу. Ну же, ты сама прекрасно все понимаешь.

— Почему бы не отправить в Штаты Гленна? Ему уже приходилось тебя замещать.

— Потому что в среду похороны его жены».

Долгая пауза. Ребенок тоже притих. Потом снова заговорила Клио.

«— Кого ты берешь с собой?

— Хотел взять Джона Экстона, но у этого идиота паспорт закончился в мае. Так что беру сержанта Батчелора и новенького парня, констебля Александера. Обещаю, все наверстаю, как только вернусь».

«О да, наверстаешь, — подумал Эмис Смолбоун. — Наверстаешь хотя бы тем, что купишь чудненький гробик для своего сыночка. И я тоже приду на похороны. Буду стоять в сторонке и улыбаться. Чтобы ты, детектив-суперинтендент, знал. Знал, кто заставил тебя страдать. Век меня не забудешь».

Смолбоун раздавил сигарету в пепельнице, закурил другую, подстроил дрожащими пальцами звук в наушниках и уселся поудобнее — наслаждаться шоу.

Пройдя паспортный контроль в международном аэропорту Ньюарк, Рой Грейс первым делом отправил Клио текстовое сообщение: «Долетели! XX».

Потом он позвонил на службу и поговорил с детективом-констеблем Алеком Дэвисом, рассказавшем о развитии ситуации за те несколько часов, пока суперинтендент был отрезан от мира. Ничего существенного, впрочем, не произошло, так что докладывать было особенно не о чем.

Тем временем сержант Гай Батчелор и констебль Джек Александер уже погрузили свой багаж на тележки. Грейс, мрачнея с каждой минутой, угрюмо наблюдал за каруселью — несколько невостребованных сумок и чемодан проезжали мимо в четвертый, а то и пятый раз. Он уже отчаянно скучал по Клио и Ною и то и дело поглядывал на телефон, безнадежно ожидая ответа.

Карусель остановилась.

— Черт!

— У нас с Леной такое же в прошлом году случилось, — сказал Гай Батчелор. — Когда ездили отдыхать в Турцию. Я свой чемодан три дня ждал.

— Спасибо, Гай, — проворчал Грейс. — Как ты меня порадовал.

В Нью-Йорке было пять пополудни, в Англии — десять вечера. Во время полета они сидели вместе, обсуждая стратегию, потом Батчелор и Александер надели наушники и смотрели кино, но Грейс был слишком возбужден, чтобы сосредоточиться на фильме или уснуть. Мысль о том, что он подвел Клио, мешала думать о предстоящем деле, а к концу полета к недовольству собой добавилась еще и усталость.

Он поплелся к багажному офису «Бритиш эруэйз», отстоял небольшую очередь и предъявил багажный талон. Мужчина за столом ввел информацию в компьютер и сообщил новость, слышать которую суперинтенденту вовсе не хотелось.

— Извините, вашего багажа нет.

— Прекрасно.

Телефон пискнул, показывая входящее сообщение.

«Отлично! А теперь садись и домой. Мы с Ноем уже скучаем. X».

«Потерял чертов багаж», — ответил Грейс.

«Ха! Есть в мире справедливость! XX».

Он усмехнулся.

«Позвоню из отеля. Люблю. XXXXXX».

«Я тебя тоже, но не знаю почему. XXXXXXX».

— Самое лучшее, сэр, если вы позвоните нам в восемь вечера, после прибытия следующего рейса из Соединенного Королевства.

— Вообще-то, — возразил суперинтендент, — самое лучшее, если вы позвоните мне и сообщите, что нашли мой чертов чемодан.

Настроение, уже повысившееся после переписки с Клио, поднялось еще выше, когда, войдя в зал для встречающих, он увидел улыбающегося детектива Пата Лэнигана.

Высокий, представительный, пятидесяти с небольшим, широкоплечий, Лэниган впечатлял физической мощью. Приятное обветренное лицо со следами оспинок, тронутые сединой волосы, клетчатый спортивный пиджак, рубашка поло, джинсы, рабочие сапоги. Связываться с таким копом рискнули бы немногие. Заключив Грейса в медвежьи объятия и взглянув удивленно на его портфель, детектив осведомился, давно ли он путешествует налегке.

— Не спрашивай! — отмахнулся Грейс, представляя американцу коллег.

— Не беспокойся, я с ними разберусь! — пообещал Лэниган и, достав полицейский значок, решительно направился к выходу. Минут через десять он вернулся с победной улыбкой. — К десяти вечера твой багаж будет в отеле.

— Ты — герой! — поблагодарил его Грейс, сразу почувствовав себя увереннее.

— Ерунда. Я просто объяснил парню в багажном, что начальник полиции Англии не желает, чтобы его чемодан потеряли в Штатах. Так что разобрались. — Он похлопал Грейса по плечу.

— Как Франсин?

— Отлично! Хотела бы повидаться с тобой, если будет время. Так ты теперь папочка? Прими мои поздравления!

Рой Грейс всегда клялся, что не будет носить в бумажнике фотографии детей, но теперь сунул руку в карман пиджака и, достав карточку Ноя, с гордостью предъявил ее ньюйоркцу.

— Симпатичный малыш! Крепкий будет парень, весь в папашу. И на тебя смахивает.

Гай Батчелор и Джек Александер тоже посмотрели на карточку, и Грейс неожиданно для себя испытал прилив гордости. Его ребенок, его и Клио! Их сын! Частичка его самого, пухленький комочек, на которого они все сейчас смотрели.

Машина Пата Лэнигана, практичная «хонда» с карточкой «Полиция Нью-Йорка» под «дворниками», стояла на парковке.

Пятью минутами позже они уже катили по шоссе в сторону Манхэттена.

— Вы, парни, наверное, хотите лечь сегодня пораньше. Всерьез начнем завтра — в девять утра в моем кабинете. Если что нужно, говорите мне. У меня сейчас на улице работают спецы по антиквариату. Источники надежные — аукционные дома, проверенные информаторы. Будет еще детектив — не из нашего подразделения — с хорошими связями в этой области. Кит Джонсон. Он вам понравится. — Лэниган повернулся к двум сидящим сзади детективам: — Бывали в Нью-Йорке раньше?

— Да, несколько раз, — ответил Гай Батчелор. — У меня жена в туристическом бизнесе.

— А я никогда, — сказал Джек Александер. — Если будет возможность, сходил бы в «Аберкромби и Фитч».

Грейс подумал, что надо бы привезти что-нибудь Клио. Недавно они смотрели по телевизору «Завтрак у Тиффани», и он еще подумал, нет ли в этом магазине чего-то такого, что он мог бы себе позволить.

— Время выкроим, — пообещал Лэниган. — Нью-Йорк — великий город. Понимаешь, что я хочу сказать? Прекрасные люди. Вот поймаем этих мерзавцев и, может быть, еще успеем развлечься. Слушай, Рой, первым делом хочу сказать, что проверили отели, указанные в иммиграционной карте. Искали Имона Поллока, Гэвина Дейли и Лукаса Дейли. Ни один из них там не появился. Но у нас есть и другие возможности. Да, они все дали ложную информацию по отелям. Но им всем придется воспользоваться кредитными карточками при регистрации. Мои люди уже получили соответствующее задание. Если они воспользовались кредитками, мы их найдем.

— А если нет?

— Тогда задействуем план Б.

— Что за план?

— Все эти парни — люди богатые, так? В какой-нибудь дыре останавливаться не станут, так? Начнем с пятизвездочных на Манхэттене и все отработаем.

— Логично.

— О'кей. Сейчас займемся вашим расселением. Я заказал номера в «Хайатт-Гранд-Сентрал». Расположение удобное. Потом я собирался сводить вас в «Микки Мантл» — помнишь, Рой?

— Помню, ты водил меня туда в прошлый раз. Он был звездой бейсбола.

— Вам понравилось бы, парни. Отличная еда — простая, ничего заумного, — но он закрыт. Зато у меня на примете есть первоклассный итальянский ресторанчик. Вы ведь любите пасту, парни?

— Похоже, план у тебя и вправду есть, — согласился Грейс.

86

У Эмиса Смолбоуна тоже был план. Часы показывали 10.30 вечера. Ранее, днем, он видел, как Рой Грейс попрощался со своей любезной Клио, поцеловав ее на крылечке, прошел с чемоданом через двор и вышел за калитку. День был теплый, солнечный, и около полудня Клио отправилась куда-то с малышом в коляске и вернулась через несколько часов.

Не считая короткого перерыва в полдень, когда он спустился в кухню и приготовил в микроволновке мясной пирог и замороженный горошек, Эмис Смолбоун сидел наверху, в кресле, за тюлевой занавеской, и наблюдал за соседним двором и домом.

В начале пятого к дому Грейса прибыла модно одетая и довольно приятная женщина лет пятидесяти с небольшим. Мать Клио. Мамочка, как она ее называла. Мамочка оставалась в доме два часа и, уходя, сказала, что вернется утром, к десяти часам, с Папочкой, а потом они все вместе поедут в предлагаемые на продажу дома.

Значит, несколько часов в доме никого не будет. Прекрасно. Можно будет проникнуть к соседям и оглядеться, хотя, располагая планами строения, он уже представлял расположение комнат.

Смолбоун налил виски и закурил еще одну сигарету. Ной Грейс. И чему там собирался научить тебя папочка?

Он вспомнил своего отца, Мориса. Вспомнил без теплоты, но с уважением. В память врезался один эпизод из далекого детства. Ему было лет шесть-семь. Отец поставил его на кухонный стол, завязал глаза и приказал прыгать — ему на руки.

Какое-то время Эмис стоял, замерев от страха.

— Давай прыгай, — понукал его отец. — Просто упади мне на руки — я поймаю.

В конце концов он решился и упал. Отец не поймал, не подставил руки. Остался на месте, в паре шагов от стола.

Эмис так сильно ударился о кухонный стол, что сломал нос и два зуба.

Только тогда отец подошел, снял с его глаз повязку и вытер полотенцем лицо.

— Это тебе урок, сын. Никогда в жизни никому не доверяй, даже собственному отцу.

Эмис не забыл тот случай. Мать стояла в сторонке, со страдальческим видом наблюдая за происходящим. Запуганная мужем, покорная, она молча мирилась со всем, что он делал с детьми, объясняя свою жестокость двумя словами — крепче будут.

Эмису было четырнадцать, когда отец, отправляясь с обходом просрочивших должников, взял его с собой. Они стучали в двери жалких домишек, и им открывали заливающиеся слезами женщины и дрожащие от страха мужчины. Загнав хозяев в задние комнаты, они шарили под матрасами, вытряхивали банкноты и монеты из кружек и чайниц.

— Подонки, — говорил отец. — Паразиты. Лжецы. Все до единого. Ты должен делать то, что надо. Поступать по понятию. Поступать по понятию — это собирать свое. Жизнь ничего не даст тебе сама — ты должен брать сам. Они будут запираться, будут выдумывать

причины: «Мой муж потерял работу, он болен» или «Я не могу работать — у меня больной ребенок».

Иногда Эмису становилось жалко кого-то из этих несчастных. Но когда он однажды сказал об этом отцу, тот отвесил ему оплеуху и обжег сердитым взглядом.

— Меня от них тошнит. Понимаешь? Они кормятся слабостью. Прояви к ним сочувствие — и они мигом обведут тебя вокруг пальца. Заруби это себе на носу, потому что иначе будешь в дерьме.

Эмис понял. К восемнадцати годам он уже сам обходил должников. С бритвой в кармане, которую доставал по любому поводу и использовал как против женщин, так и против мужчин. Порой резал просто так, ради удовольствия, чтобы полюбоваться красными полосами на щеках. Позже, осмелев, Эмис стучал в дверь уже с открытым лезвием. «Ну что, заплатишь или красную ленту нарисовать?»

Пожалуй, ленточки на личике Ноя Грейса смотрелись бы совсем неплохо. Сколько раз этот паршивец не давал ему спать по ночам. И каково будет Клио, когда она подбежит к его кроватке и увидит повсюду кровь?

А если разрезать рот? От уха до уха? В тюрьме такое проделывали с насильниками, и называлось это, в зависимости от места заключения, по-разному — Ухмылка из Глазго, Челси Улыбается или просто Усмешка Насильника.

Мысль пришлась ему по вкусу. Мальчонка получит клеймо на всю жизнь. Клеймо подлейшего из подонков.

Чем больше Эмис думал об этом, тем больше ему нравился такой вариант. Намного лучше и намного проще, чем просто убивать.

Есть все основания поздравить себя с замечательной идеей.

Гениально!

87

В шесть часов воскресного нью-йоркского утра Рой Грейс позвонил Клио. Настроение у нее было подавленное; она сидела в машине, с родителями, и они ехали из Брайтона осмотреть четыре представленных агентством недвижимости дома. Ной, сказала Клио, всю ночь сводил ее с ума.

— Мне очень жаль, дорогая, — сказал Грейс.

— Да, — ответила она бесстрастно.

— Позвоню позже. Люблю.

— И я тебя тоже.

Он натянул спортивный костюм, спустился на лифте с одиннадцатого этажа, вышел на Сорок вторую улицу и повернул направо. Утро выдалось ясное и прохладное. Город ощущался как нечто огромное и пугающее. Грейс помнил его немного другим, не таким давяще большим. Поднимающиеся со всех сторон здания окружали его, словно стены глубокого каньона. Он прошел под двумя светофорами, повернул направо и направился по Пятой авеню в сторону Центрального парка. В витринах магазинов красовались модные вещи, двигавшийся по улице поливальщик смывал улицу бурливыми струями. Слева промелькнул магазин «Аберкромби и Фитч», о котором накануне упомянул Джек Александер.

Грейс пробежал мимо стеклянного куба «Эппл», вдыхая донесшийся из Центрального парка утренний запах лошадей, пересек, не обращая внимания на огонек светофора, пустынную улицу и побежал по неровной брусчатке тротуара Пятой авеню, отыскивая взглядом вход в сам парк.

Все это время мозг его напряженно работал. Часы «Патек Филип» здесь, в Нью-Йорке. Имон Поллок тоже здесь. И здесь же оба Дейли, старший и младший.

Дейли должны были бы работать с полицией, но от сотрудничества уклонились. Старик был ему симпатичен. Грейс всегда питал слабость к тем, кого не согнули тяготы жизни, кто выдержал испытания неласковой судьбы. За свои девяносто пять лет Гэвин Дейли не совершил ничего такого, что привлекло бы внимание полиции. Относительно младшего Дейли такой уверенности не было — определенно «гнилое яблоко». Грейс хорошо помнил темные пятна синяков на груди Сары Кортни.

Но больше всего суперинтендента беспокоил Имон Поллок. Гэвин Дейли солгал и отправился в Нью-Йорк — в свои девяносто пять! — только лишь для того, чтобы вернуть фамильную ценность, в каких бы цифрах ни выражалась ее денежная стоимость. Если бы он просто хотел получить часы обратно, то передал бы всю имеющуюся информацию команде Грейса.

Была и еще одна причина, почему Гэвин и Лукас в такой спешке отправились в Нью-Йорк.

Должна была быть.

И он, похоже, ее знал.

Петляя по дорожкам, Грейс пробежал мимо озера Центрального парка — в направлении огромного круглого водохранилища Жаклин Онассис. Он уже дважды, в свои прошлые приезды в Нью-Йорк, пытался обежать его без остановок, и теперь был твердо намерен исполнить свой план.

И чем больше он думал, тем больше его беспокоила стоящая перед ним задача.

Часы — дело второе. Истинный мотив Гэвина Дейли — месть. Желание рассчитаться по старым долгам.

88

В половине седьмого утра Гэвин Дейли лежал на высоких подушках в номере отеля на четырнадцатом этаже. Он проснулся в четверть третьего ночи и с тех пор так и не смог уснуть. С кондиционером что-то случилось — полночи в комнате жарко, а к утру заметно похолодало. Раздражало и доносящееся из аппарата постоянное тиканье.

Снова и снова мысли уносили его в прошлое. Он вернулся в город, где родился. В то место, которое до сих пор ощущал своим домом. Вернулся, чтобы исполнить обещание, данное много лет назад заплаканным мальчишкой на корме «Мавритании».

Он помнил все так ясно, словно это было вчера. Помнил каждое слово того обещания.

«Когда-нибудь, па, я вернусь и найду тебя. Спасу тебя, где бы ты ни был».

Дейли заказал чай «Инглиш брекфаст» — с молоком, без сливок — и положил трубку, но потом вспомнил, как слабо они его заваривают, и, перезвонив, попросил дополнительный пакетик. Потом снова закрыл глаза.

Он снова проснулся с пронизанными глубокой печалью мыслями о своей жене Рут и понял, что плакал во сне. В его памяти она осталась живой. Говорят, по-настоящему человек любит только раз в жизни. Так это или не так, на этот счет твердого мнения у него не было. Когда-то, много-много лет назад, он любил Шинед. Любил до того дня, на десятом году брака, когда частный детектив показал ему ее фотографии — в постели какого-то мотеля с любовником, тоже антикваром. Прошло много лет, прежде чем он смог поверить другой женщине. А потом ему встретилась Рут — рыжеволосая, веснушчатая, с открытой, заразительной улыбкой.

Он и сейчас как будто держал ее в объятиях. Ему нравилось стоять у нее за спиной, крепко сжимать гибкое, изящное тело, прижиматься щекой к ее щеке, вдыхать ее волнующий, пьянящий запах. Она была самым дорогим подарком, сделанным ему миром. Самым дорогим, что было у него после отца. Но, как оказалось, природа не наградила бедняжку здоровьем.

Сначала у нее диагностировали рак яичников; потом, после удаления матки, болезнь вернулась уже в более грозной форме. Он обращался к лучшим специалистам. Возил ее на частных самолетах в больницы и клиники Америки, Швейцарии, Таиланда, ко всем докторам, о которых слышал добрый отзыв. Ничто не помогало.

Деньги могут купить комфорт и роскошь, но не могут купить то единственное, что обладает истинной ценностью, — здоровье. Не могут купить исцеление. Какая ирония, думал Дейли, лежа на широкой кровати в спальне роскошного номера отеля. На те деньги, что у него были — в банках, акциях, собственности, — он мог купить едва ли не все, что только можно пожелать, но они абсолютно ничего не значили. Кроме, пожалуй, одного.

Боль пришла внезапно, пронзила грудь, словно внутри разорвался фейерверк. Он протянул руку к прикроватной тумбочке, на которой стоял пузырек с таблетками нитроглицерина. Через несколько минут, когда боль улеглась, в дверь позвонили.

Гэвин Дейли выбрался из постели, постоял немного, чувствуя себя измотанным, больным и старым. Очень старым. Слишком старым. Устали глаза. Взяв палку — своим ногам он уже не доверял, — антиквар добрел до двери и впустил официанта. Подождал, пока тот поставит поднос, подписал чек и дал щедрые чаевые.

Потом он прошел к окну и раздвинул шторы. Прямо напротив отеля лежал Центральный парк. Утро обещало чудесный день, как и предсказывала оставленная прошлым вечером на подушке маленькая карточка. Над деревьями висела легкая туманная дымка. По дорожке бежал человек, выглядевший отсюда крохотным муравьем. Бережет здоровье.

Гэвин никогда не изводил себя физическими упражнениями, твердо веря, что все определено генами. Рут была фанатиком здорового образа жизни — салаты, рыба, вино лишь по праздникам, йога каждый день, теннис, велосипед. Но все равно до старости не дотянула. Что ж, по крайней мере, он пережил эту стерву Шинед и сойдет в могилу, зная, что уж она-то на ней не станцует. А вот Лукас может.

Эта мысль совсем ему не понравилась.

Он попытался перенастроить кондиционер, потом набросил халат и занялся пакетом с ярлычком службы доставки «ФедЭкс» и штампом таможни. Адресованная известному нью-йоркскому часовому дилеру, посылка была доставлена в отель прошлым вечером ее получателем, Джорданом Рочестером, старым знакомым Гэвина Дейли. Рочестер же заказал на свое имя этот номер и оплатил его своей кредиткой. Антиквар не хотел, чтобы кто-то нашел его в Нью-Йорке. И прежде всего суперинтендент Рой Грейс или детективы из местного управления полиции. Ему нужно закончить здесь с делами.

В качестве меры предосторожности он повесил на дверную ручку с внешней стороны табличку «Не беспокоить» и повернул задвижку. Потом положил в заварочный чайник два пакетика, достал из чемодана инструменты и открыл пакет.

Через десять минут Дейли сделал первый глоток чаю и осторожно вынул из выложенного резаной бумагой полистиролового контейнера часы «Ингрэм».

Потом бережно достал из корпуса часов круглый гонг, аккуратно разъединил две его половинки…

И улыбнулся — впервые с тех пор, как сошел на американскую землю.

89

Желтое такси катилось по Бруклинскому мосту. Утро выдалось ясное и безоблачное; Рой Грейс, зажатый на заднем сиденье между Джеком Александером и Гаем Батчелором, рассеянно смотрел на сверкающие внизу воды Ист-Ривер. Они находились сейчас неподалеку — менее мили — от того места, где 11 сентября подверглись атаке башни Всемирного торгового центра и где погибла, в числе прочих, двоюродная сестра Пата Лэнигана.

Через несколько минут шофер, с трудом изъяснявшийся на английском, остановился перед зданием, где, как помнил Грейс по своему прошлому визиту, размещалось Бруклинское управление полиции, а также отдел по борьбе с мафией, к которому был приписан в данный момент Пат Лэниган. Слева от них, на другой стороне улицы, находилось приземистое квадратное строение с желтой вывеской «Баркли. Школьные принадлежности», а перед ним — открытая автостоянка с лифтовой системой, напоминающая гигантское сооружение из конструктора «Меккано».

Детективы выбрались из такси, расплатились, вошли в современный небоскреб и представились дежурному. Еще через пару минут, получив пропуска, они уже поднимались в лифте на десятый этаж.

Пат Лэниган, в желтой рубашке поло, кремовых слаксах и кроссовках, встретил гостей радушно, и Грейсу сразу полегчало — он, как и оба его коллеги, тоже выбрал неформальный стиль.

Пропустив детективов за массивную дверь с эмблемой управления полиции Нью-Йорка, Лэниган повел их по лабиринту выстеленных ковровой дорожкой коридоров, через офис открытой планировки с пустыми, разделенными высокими перегородками кабинками. В каждой кабинке они видели пустую корзинку для мусора и идеально чистый рабочий стол. У стены стоял звездно-полосатый флаг с вышитой надписью «Флаг почета», а на стене висела большая черно-белая карта Бруклина, разделенная координатной решеткой.

Далее на глаза им попался плакат с родословным деревом под заголовком «Криминальная семья Коломбо — фракция Персико». Ниже располагались взаимосвязанные квадратики с такими надписями: «босс — исполняющий обязанности босса — консильери — капореджиме — солдаты». Грейс задержался на секунду, рассматривая внимательно схему, потом проследовал за коллегами в кабинет Лэнигана.

Кабинет напомнил Грейсу его собственный. Круглый стол для совещаний, маленький рабочий стол с горками папок, стаканом с ручками и карандашами, компьютерной клавиатурой, монитором, ключами от машины, фотографией жены и тремя флажками. На стене над столом — фотография авианосца, на котором служил Лэниган, несколько фотографий самого детектива с коллегами и большой цветной баннер с броской надписью «Защищая свободу».

Лэниган уселся за стол и предложил англичанам кофе. По прошествии некоторого времени к ним присоединились три приглашенных детектива. К огорчению Роя, все они были одеты в строгие деловые костюмы.

Детектив-специалист Кит Джонсон, плотный мужчина около пятидесяти, с аккуратной бородкой и усами и серьезным, не подразумевающим вольностей выражением лица, явился в бежевом костюме с темно-коричневым галстуком. Детектив Линда Блэнксон — Грейс дал ей лет сорок, — южанка с гибкой фигурой и гладкими каштановыми волосами, обрамлявшими жесткое, но довольно миловидное лицо, была в черном брючном костюме и белой блузке и то и дело печатала что-то на своем телефоне.

Наименее дружелюбным из всех трех оказался детектив-лейтенант Аарон Кобб — за тридцать, с короткими, зачесанными назад волосами, — напомнивший Грейсу актера Райана Гослинга. Коротко поздоровавшись с каждым из британских полицейских за руку, он сел за стол с видом человека, которому менее всего хотелось бы находиться здесь в воскресное утро.

Лэниган начал совещание с того, что попросил Роя Грейса коротко изложить обстоятельства, приведшие его и коллег в Нью-Йорк. Когда суперинтендент закончил, детектив-лейтенант задал первый вопрос. Бруклинский акцент у него чувствовался еще сильнее, чем у Лэнигана.

— Мы рады вам помочь, но зачем вам понадобилось сюда приезжать? — Кобб многозначительно посмотрел на Грейса, энергично перемалывая жевательную резинку. — Вы могли просто передать нам всю информацию. А так получается, что вы нам не доверяете. — Он принялся с удовольствием ковырять в ухе.

— Дело вовсе не в этом, детектив-лейтенант, — возразил Грейс. — Мы здесь, чтобы помогать вам советом, и у нас действительно есть полезная информация.

Старшим по возрасту здесь был Лэниган, но суперинтендент плохо разбирался в званиях американских детективов и определить с достаточной уверенностью, кто из них старший по рангу, затруднялся.

— Не понимаю. — Кобб заглянул в свои записи. — Имон Поллок, Гэвин Дейли, Лукас Дейли. Их описание у нас есть. Мы найдем их сами.

Грейс перехватил извиняющийся взгляд Лэнигана.

— При всем уважении, детектив-лейтенант, на настоящий момент подозреваемый только один, Имон Поллок. Что касается Гэвина и Лукаса Дейли, то я полагаю, что они прибыли сюда с преступными намерениями. Их мотивы и взаимоотношения не просты. На мой взгляд, наше присутствие необходимо для того, чтобы помочь вам понять, что именно может случиться. Если мы хотим арестовать их, то должны действовать с величайшей осторожностью.

— Сэр, чисто из любопытства, почему вы считаете, что мы не справимся сами? — спросил детектив-специалист Кит Джонсон.

— Я не говорю, что вы не справитесь сами, но мне представляется, что речь идет не просто о возвращении украденных часов и аресте нарушителей закона. У меня есть что-то вроде предчувствия на этот счет.

— Как интересно! — вставила детектив Линда Блэнксон.

— Итак, с чего начнем? — спросил Кит Джонсон.

— С того, что отыщем Имона Поллока, Гэвина Дейли и Лукаса Дейли, — ответил Грейс. — И чтобы они об этом не узнали.

90

Воскресный ланч. Он чувствовал запах готовки, доносящийся из одного из соседних домов. Вот что есть у людей, с горечью думал Эмис Смолбоун. Воскресный ланч в половине второго. Семьи садятся за стол. Когда-то, в детстве, это было у него. Жареная говядина, или свинина, или баранина, или курица. Он тоже поддерживал эту традицию, пока не женился на Кристине. Крисси. Вот же была стерва.

Эмис выпил еще виски и почувствовал, что немного опьянел. Вот только удовольствия это не принесло. Середина дня, а он уже набрался.

Да, он и Крисси, Том и Меган. Так было. Когда-то. Готовить она умела. Крисси. В этом ей не откажешь. А вот в постели все портила. Постоянно его пилила. Мол, это он виноват. Дразнила. Высмеивала — мол, не тот калибр. Хотя поначалу, когда они только начали этим баловаться, не жаловалась. Говорила, что ей это нравится, что мужики с большим членом делают ей больно. При разводе получила права на детей и увезла обоих с собой в Австралию. В Мельбурн. Может, и не следовало ее поколачивать, но ничего другого она и не заслуживала. И хрен с ней, что теперь вспоминать?

И пусть он не видел и не слышал детей уже больше двадцати лет — какая, к черту, разница? Пусть живут как знают, чтоб им провалиться.

После Крисси, через несколько лет, ему встретилась Тереза. Любовь, можно сказать, всей жизни. То, что было между ними, — это нечто особенное. Он даже сделал предложение, сказал, что хочет прожить с ней остаток лет, завести новую семью. И Тереза согласилась.

Они все устроили, обо всем договорились. Назначили день, заказали церковь, отпечатали приглашения.

И тут появился Рой Грейс. Появился и все обломал. Им обоим. Утром в день свадьбы. В пять часов. Утренний налет.

Он просил Грейса дать ему довести дело до конца, не портить такой день. Говорил, что ему нужен один только день, а потом будь что будет. И что? Этот гад даже слушать не стал.

Грейс нарочно так подгадал, чтобы арестовать его с максимальным унижением. Мог бы сделать раньше. Мог бы позже. Но нет, подгадал специально. И даже позвонить не разрешил. Бедняжка Тереза — вся такая взволнованная, уже с прической и в свадебном платье — уехала в ратушу, где и прождала бог весть сколько жениха, который так и не объявился, потому что сидел в вонючей камере, без телефона. Потом, правда, они все-таки поженились, в тюрьме, но это было уже не то.

И вот долгожданный день пришел. Он давно все распланировал. Полиция схватила за задницу этого говнюка Гарета Дюпона, и тот, конечно, сдаст его, Эмиса, чтобы добиться облегчения приговора. Рано или поздно они придут и за ним. Если нарушаешь закон, находясь на досрочном, тебя сразу отправляют в тюрьму. Его запрут лет на десять как минимум. Но теперь он, по крайней мере, сядет, зная, что посчитался с Роем Грейсом. Эта мысль будет поддерживать его до конца.

Потягивая из стакана, Смолбоун неуверенно поднялся, вышел из комнаты с видом на соседний двор и спустился на площадку. Там он взял снабженную крюком палку и попробовал набросить крюк на ручку чердачной дверцы. Открыв дверцу, Смолбоун зацепил крюком нижнюю ступеньку металлической лестницы и осторожно опустил ее.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, он пошарил рукой и нашел выключатель. Через секунду на чердаке зажглись две маломощные лампочки. Он огляделся. Уходящие вверх деревянные балки. Желтые полоски изоляционного герметика. Тут и там, между стропилами, комочки крысиного и мышиного помета. Бак для воды. Паутина. В углу — старый, покрытый пылью пустой чемодан. Эмис опустился на колени, с отвращением вдыхая сухой, пыльный запах дерева и изоляционной пленки. Медленно и осторожно, с трудом сохраняя равновесие — после выпитого его слегка покачивало, — он двинулся по балкам к выходящему на крышу люку.

Добравшись до люка, Эмис поднатужился, толкнул крышку, и в чердачное помещение хлынул прохладный, свежий воздух. Он протиснулся через узкое квадратное отверстие и ступил на узкую металлическую ступеньку пожарной лестницы. Отсюда открывался вид на пирс, пролив и крыши. Но, что важнее, ему открывался прямой доступ к дому Грейса.

Настроение, правда, упало, когда он увидел поручень — низкий, хлипкий, ненадежный. Эта группа из семи домов появилась на месте бывшего склада, имевшего форму буквы U, и все их объединяла одна длинная скатная крыша с идущей во всю ее длину пожарной лестницей. Лестница эта, сооруженная явно второпях, пробегала зигзагом между каминными трубами. Чтобы добраться до дома Грейса, нужно было выполнить непростой левый поворот и пролезть под бездумно установленной тарелкой спутниковой антенны.

Маневр удался, и через пару минут Эмис уже стоял перед таким же, как у него, чердачным люком. Он огляделся, проверяя, не видят ли его со стороны. Ближайших соседей не было, но дальше находилось несколько высоток, преимущественно офисные здания, и кто-то, глядящий в окно, вполне мог его заметить. Вероятность этого в воскресенье, да еще во время ланча, была невелика, но рисковать все же не стоило.

На дело он пойдет в темноте, при скудном свете немногочисленных уличных фонарей. Теперь же нужно хорошенько запомнить маршрут, число ступенек на каждом повороте, особенно том, неудобном, слева от спутниковой тарелки. Главное — не торопиться и не суетиться.

Рой Грейс будет в Нью-Йорке. Клио и маленький паскудник останутся дома одни. В его распоряжении все время мира!

Эмис Смолбоун не знал, что одна пара глаз за ним все же наблюдает. Наблюдает, чтобы убить.

91

Кит Барент Джонсон, прочитал Грейс, когда детектив показал свой полицейский жетон дежурному портье отеля «Плаза».

Молодая азиатка несколько секунд проверяла по компьютеру списки проживающих, потом покачала головой:

— Имон Поллок? И как оно пишется?

Джонсон продиктовал имя по буквам.

Дежурная проверила еще раз:

— Нет, сэр, у нас такой не зарегистрирован.

Грейс показал ей фотографию Поллока:

— Таким он был лет двадцать назад, но, может быть, вы видели кого-то похожего?

— Нет, извините. Не узнаю. Я, по крайней мере, не видела. Если хотите, сделаю копию и покажу другим?

— Конечно. Спасибо. — Грейс протянул карточку.

Таким же путем и с тем же результатом детективы проверили Гэвина и Лукаса Дейли.

Суперинтендент посмотрел на часы — 11.45. Они с Джонсоном потратили на обход отелей уже полтора часа. Тем же занимались Гай Батчелор и Джек Александер с двумя другими нью-йоркскими детективами. Конечно, и Поллок, и оба Дейли могли остановиться у друзей, и в таком случае задача становилась бы практически невыполнимой. Но сейчас им не оставалось ничего другого, как только продолжать поиски.

Они прошли по Центральному парку — мимо конных экипажей, бесконечных рикш и парней с велосипедами напрокат — и повернули к отелю «Мариотт-Эссекс-Хаус».

Здесь пришлось подождать. Сначала потная юная парочка возвращала взятые напрокат велосипеды, потом швейцар повез в номер нагруженную сумками тележку.

— Мистер Поллок? — повторила миловидная женщина за стойкой, внимательно изучив предъявленную Китом Джонсоном карточку. Введя имя в компьютерный терминал, она пробежала глазами по списку и покачала головой. Потом повернулась к напарнику, высокому, худощавому парню, и показала ему фотографию.

Он наморщил лоб:

— Да, я его знаю. Остановился у нас.

— Имон Поллок? — спросил Грейс. — Его так зовут?

Парень впечатал имя, снова нахмурился и посмотрел на Грейса.

— Доктор Альварес? Доктор Альфонс Альварес?

— Какой адрес он назвал при регистрации?

Парень бросил взгляд на экран:

— Юниверсити-колледж, Лос-Анджелес, Брентвуд, Калифорния.

Грейс постучал по фотографии.

— Уверены, что это он?

— Абсолютно.

92

Ну разве не замечательно? Практически идеально, а?

Сквозь тюлевую занавеску Эмис Смолбоун всматривался в тьму за окном. Там шел дождь. Там поднимался ветер — он уже слышал его завывания. А это значит, что его самого никто не услышит. Немногие решатся выйти из дому в такой вот вечерок, и уж совсем никому не придет в голову таращиться на крыши. А если кто и посмотрит, то ничего не увидит.

Тем более к тому времени, когда он закончит все приготовления.

На часах десять вечера. Пять часов назад Мамочка и Папочка Клио доставили свою драгоценную дочурку и бриллиантового сучонка-внучка домой. Клио еще заставила их выпить чаю, а потом они еще и обсудили те дома, что успели посмотреть за городом. Один, около Хенфилда, понравился всем. Но стоил больше, чем Грейсы планировали заплатить.

Мамочка и Папочка предложили свою помощь. Ну не прелесть ли? А вот захотят ли помогать, когда их ненаглядный внучок перестанет быть таким ненаглядным? Когда его милое личико украсят шрамы?

Вещи собраны и уложены. Когда за ним придут, он будет уже далеко, в солнечной Испании, со всем скромным запасом. Потом найдет эту жирную свинью Имона Поллока и востребует должок. И будет жить-поживать, пока закон не дотянется до него своей длинной рукой. За Лоренсом Пауэллом еще осталось кое-что; он поможет выбраться из страны, обзавестись новыми документами. Если повезет, впереди несколько лет свободы, а там… будь что будет — старику уже не о чем беспокоиться. Старость сама по себе тюрьма; какая разница, где провести последние годы — на воле или за решеткой? Там о тебе, по крайней мере, позаботятся.

И все эти годы его будет поддерживать одна мысль. Что суперинтендент Рой Грейс до конца жизни обречен видеть перед собой изуродованное лицо сына.

Из одной картонной коробки Эмис Смолбоун достал черный тренировочный костюм, из другой — очки ночного видения и охотничий нож с острым как бритва лезвием. Все эти вещи были куплены через Интернет. Потом открыл банку с черным обувным кремом и, вооружившись тряпочкой, тщательно обмазал все лицо. Видимыми остались только белки глаз.

И пылающий в них огонь ненависти.

Внизу, на улице, жившая напротив Клио веб-дизайнер Кассандра Джонс слезла со своего байка. Вечер она провела в брайтонском «Комеди-клаб», а потом еще и пропустила парочку бокалов вина с друзьями.

Пряча лицо от колючего, с дождем, ветра и слегка пошатываясь, Кассандра подкатила байк к входу. Набрала код на панели, толкнула дверь и машинально поблагодарила стоявшего за ней незнакомца, придержавшего дверь, пока она закатывала байк.

Дверь закрылась, стукнув по заднему колесу.

— Извините, — сказал высокий незнакомец.

93

Завернувшись в толстый банный халат, Имон Поллок лежал на пухлых подушках на огромной мягкой кровати в роскошном номере отеля. После болезненного, но восхитительно стимулирующего глубокого массажа он с удовольствием попивал «Боланже», похваливая себя за предусмотрительность и хитрость.

И все же ощущение полного, как обычно, довольства так и не пришло.

Огорчала потеря двух лейтенантов, как он называл Тони Макарио и Кена Барнса. Да и как не огорчаться. Найти верных, надежных помощников в наше время трудно, и деньги проблему не решат, хотя платил он всегда щедро.

И все же, утешал себя Имон Поллок, ему есть чего ждать от будущего. Он только что попрощался с милой Луизой, двадцатичетырехлетней бразильской стриптизершей, и уже снова жаждал встретиться с ней снова. Уткнуться в ее роскошные груди! Ему далеко за шестьдесят, но жизнь еще полна сладчайших удовольствий. Быть богатым хорошо. Но еще лучше будет завтра, когда он станет еще богаче!

Впрочем, сейчас Имон Поллок с нетерпением ожидал ужина. Заказ он уже сделал по телефону. Белужья икра, жареный лобстер и — потачка себе — пирог с лаймом. Бывая в Нью-Йорке, он всегда баловал себя этим лакомством. К тому же Луиза сказала, что ей нравится его животик.

А вот ему нравилось, что она делает своим язычком! Одна лишь мысль о ее шаловливых трюках отозвалась приливом возбуждения.

Ладно, потом можно позвонить дамочке из известного посвященным агентства. Или просто посмотреть фильм и лечь пораньше, чтобы быть в полной готовности к трудному и сулящему немалую прибыль дню.

Имон Поллок протянул руку к прикроватному столику, на котором в уютном ватном гнездышке лежали карманные часы «Патек Филип», и взял их мягкими, пухлыми пальцами. Металлический корпус, даже несмотря на пару вмятин, все еще выглядел как новый. Что действительно плохо, так это повреждения механизма — погнутые головка и заводной вал — и треснувшее стекло, которое девяносто лет назад и остановило черные заостренные стрелки на пяти минутах пятого.

Минуту-другую Имон Поллок рассматривал индикатор фаз луны, потом, прищурившись, прочитал изысканно выписанное на циферблате название: «Патек Филип, Женева».

В руках у него лежала частичка истории.

И внезапно, словно настал миг озарения, то, чему не было объяснения, обрело смысл. Его дядя не просто забрал часы за секунды до того, как он и трое других убили Брендана Дейли, и не просто отослал их маленькому Гэвину, движимый чувством вины. Он доверился судьбе! Так было предрешено! Дядя отправил часы в путешествие, на девяносто лет в будущее, чтобы они попали в руки его племянника, еще не появившегося тогда на свет.

Да, судьба!

Звякнул звонок.

— Иду! — крикнул он, взволнованный, как ребенок. — Иду! Иду! Иду!

Он сбросил с кровати грузное тело, сунул ноги — Луиза любила их целовать, особенно пальцы, один из которых пришлось ампутировать из-за диабета, — в белые гостиничные тапочки и затрусил через весь холл к двери. Заглянув в глазок и увидев того самого бодрого официанта, который уже приносил раньше бутылку шампанского, снял цепочку и открыл дверь.

— Добрый вечер, доктор Альварес. Как самочувствие?

— Лучше и быть не может. Спасибо. — Доктор Альварес! Из нескольких вымышленных имен, которыми он пользовался, это нравилось ему больше всего. Служащие в отеле называли его доктором Альваресом, и это так щекотало самолюбие. Доктор! Класс!

Он придержал дверь, и официант, подперев ее клинышком, вкатил заставленную блюдами металлическую тележку.

— Если хотите, доктор Альварес, я сервирую для вас стол?

— Да, конечно!

Оставив официанта, Поллок прошел в спальню и достал из бумажника щедрые чаевые. С прибытием ужина настроение воспарило, и он даже замурлыкал любимую песню «Доктора Хука»: «Пожалуйста, не пойми меня превратно! Денежки все у меня, а я гадкий паренек!»

У него и впрямь было все. А завтра будет еще больше. Два миллиона фунтов как минимум! Чудесно! Замечательно!

Хей-хо!

В соседней комнате звякнула посуда — официант накрывал на стол. Он сглотнул слюну. Какой пир! На экране телевизора мелькали красные огни полицейских машин. В местных новостях говорили о каком-то крупном происшествии. Перестрелка в Бронксе. А ему-то что? Наплевать! Хей-хо!

Имон Поллок вернулся в гостиную, держа двадцатку между большим и указательным пальцами, как какой-нибудь приготовленный для лабораторного исследования образец. Пусть официанты, привыкшие не глядя засовывать деньги в карман, знают, какой он щедрый.

Имон Поллок вошел в гостиную и застыл на полушаге.

Двадцатка, выскользнув из пальцев, мягко опустилась на ковер.

Официант протягивал для подписи счет и ручку.

Но Имон Поллок даже не смотрел на него. Он смотрел на мужчину в тонкой кожаной куртке, джинсах и черных ботинках-челси, который, развалившись на диване, доставал из пачки сигарету.

Глазки-бусинки метнулись в сторону официанта. Сам не свой, он подписал счет. Официант не торопился уходить, словно чего-то ждал, но Имону Поллоку было не до него.

— Доброго вечера, доктор, — с вымученной улыбкой произнес официант, не торопясь, однако, уходить.

— Убирайся, — прошипел Поллок.

Обескураженный, официант убрал клин и вышел, чуть громче обычного закрыв за собой дверь.

Человек на диване щелкнул зажигалкой.

— Здесь не курят, — буркнул Поллок. — И вообще, какого черта ты здесь делаешь?

— Ты знаешь, зачем я здесь, жирная тварь. Хочу знать, зачем твои дуболомы убили мою тетю. А ты сбежал с часами… Неужели и вправду думал, что я тебя не найду?

— Убийство твоей тети в планы не входило. Этого не должно было случиться. А за курение в номере полагается штраф, пятьсот долларов. Потуши, или я позвоню в службу безопасности.

— Да? Ну, давай звони. Попроси подняться тех двух копов, что стоят в вестибюле возле лифта.

Поллок побледнел:

— Каких копов?

94

Рой Грейс нервничал. Он никак не контролировал ситуацию, а такое положение никогда ему не нравилось. Сомневаться в профессионализме Пата Лэнигана и двух членов его команды, Кита Джонсона и Линды Блэнксон, не было никаких оснований, но детектив-лейтенант Аарон Кобб снова дал понять на вечернем совещании, что считает присутствие британцев излишним. Кобб создавал напряжение и мог стать проблемой. На своей территории Грейс справился бы с таким без труда, но здесь он был на положении гостя и мог только лишь попытаться перетянуть детектива на свою сторону. В данном случае такой вариант не просматривался. К тому же выяснилось, что в сложившемся порядке подчинения Аарон Кобб — старший из нью-йоркских детективов.

За отелем Имона Поллока установили наблюдение, но, когда Грейс спросил, почему на все огромное здание выделили только двух полицейских, Кобб коротко объяснил, что его ресурсы ограниченны.

К шести вечера никаких следов Гэвина и Лукаса Дейли обнаружить все еще не удалось. Обход нью-йоркских отелей продолжался едва ли не до полуночи, но, как и предполагал Аарон Кобб, старик, вероятно, устал и отдыхал где-то.

Гай Батчелор объявил, что еще больше, чем тайм-аут, ему нужна сигарета и стаканчик чего-нибудь покрепче, и он знает место в Нью-Йорке, где можно получить и то и другое.

Три суссекских полицейских прошли четырнадцать кварталов от своего отеля до «Карнеги-клаб» на Пятьдесят шестой улице. По пути Грейс позвонил Клио. В Брайтоне наступила ночь, и она уже спала, но, услышав его голос, обрадовалась. Ной весь день был паинькой, а теперь уже уснул. А еще Клио рассказала, что видела дом, который очень ей понравился. И ее родителям тоже. Немного дороговат, но ее папа и мама предлагают свою помощь, если они решат его купить. В агентстве по недвижимости пообещали прислать утром все спецификации, а она перешлет их ему в Нью-Йорк. Это коттедж с целым акром земли в сельской местности.

— И еще там загон для кур! — взволнованно добавила Клио.

Сам не зная почему, Грейс всегда мечтал разводить кур. Вроде бы родился и вырос в городе, но… Выйти утром из дому, собрать яйца для завтрака — что-то в этом таило для него некое непонятное очарование. Впрочем, куда важнее было то, что Клио, судя по ее тону, действительно нашла дом, в котором хотела бы жить, и теперь ее энтузиазм передался и ему.

— Жду не дождусь, когда смогу увидеть!

— Обещаю, тебе тоже понравится.

— Другие претенденты есть?

— Агент сказал, была одна молодая пара. Во вторник придут еще раз. Как думаешь, когда ты сможешь вернуться?

— Не знаю, дорогая. Надеюсь, на этой неделе.

— Пожалуйста, постарайся.

— Ужасно по вам обоим скучаю. Поцелуй за меня Ноя и скажи, что папочка по нему скучает.

— Скажу!

Грейс закончил разговор и снова посмотрел на часы. Он ждал звонка от Перегрина Стюарт-Симмондса — узнать, кто из дилеров ждет утром Имона Поллока, — но было уже поздно, и молчание эксперта не сулило ничего хорошего.

Еще через пять минут они вошли в клуб, в атмосферу густого аромата сигарного дыма, и на Грейса накатила ностальгия. Именно так пахли когда-то все бары, и ему это нравилось. У длинной стойки расположились на табуретах двое мужчин; дымя огромными сигарами и потягивая что-то из стаканов, они смотрели футбол на громадном экране. Кожаные диваны и кресла придавали помещению вид клуба джентльменов; посетителей было не слишком много, и свободные места еще оставались.

Веселая симпатичная официантка, с улыбкой и многозначительным взглядом в сторону Джека Александера, проводила их к угловому столику и принесла меню. Пробежав взглядом перечень напитков, Грейс остановился на «Манхэттене» — этот коктейль они пили с Патом Лэниганом в его прошлый приезд сюда. Разница во времени уже давала о себе знать, а раз так, то почему бы и не выпить? Либо он тебя свалит, либо ободрит — иного не дано.

Зазвонил телефон.

— Детектив-суперинтендент Грейс? Надеюсь, еще не поздно? — осведомился Стюарт-Симмондс. — Извините, что задержался, но информация для вас поступила только что. Похоже, Имон Поллок всполошил весь город.

— Каким образом?

— Он не подтвердил ни одну из назначенных встреч. Так что, куда пойдет, мне неизвестно. Нельзя исключать и того, что он уже избавился от часов, продав их частному покупателю.

— Отлично, — хмуро прокомментировал Грейс и, закончив разговор с экспертом по антиквариату, набрал номер Лэнигана.

— Мы знаем, что он в отеле, — сказал американец. — Можем войти прямо сейчас.

— Если часов у него нет, нам нечего ему предъявить. И уверенности, что они там, в номере, тоже нет. Доверять такую дорогую вещь сейфу отеля я бы не рискнул. Я бы на его месте, скорее всего, оставил бы часы в банковской ячейке.

— Хороший вариант. Так что нам делать, Рой?

— Придется взять его под наблюдение с самого утра, и я буду признателен, если ты сможешь выделить несколько человек, чтобы мы точно его не упустили.

— Ладно, я прямо сейчас поговорю с Аароном Коббом.

Обещание детектива уверенности Грейсу не добавило. Принесли выпивку, и он стрельнул у Гая Батчелора сигаретку — отчаянно захотелось покурить. Первая за несколько недель, она оказалась чертовски хороша. Как всегда.

95

Ной плакал. Эмис Смолбоун, слушавший соседей через наушники, посмотрел на часы — 23.30. Как по расписанию. Чертенок начинает хныкать. Приходит мамочка, успокаивает. Потом двадцать минут чмоканья. И три часа покоя, нарушаемого лишь одиночными всхлипами и сопением.

Мамочка, судя по голосу, устала и едва держится. Закончив кормить и уложив сыночка в кроватку, она возвращается к себе, падает на кровать и уже через несколько минут засыпает.

У него все готово.

Ветер набирал силу, дождь хлестал в окно, как будто была глубокая осень, а не конец лета. Ничего лучше и пожелать нельзя.

Одежда и снаряжение разложены на кровати. Очки ночного видения пришлись впору, но не давали нужной четкости, поэтому он возьмет с собой маленький фонарик, который включит только один раз, когда займется самой важной частью работы.

Эмис Смолбоун еще раз прошелся глазами по плану соседнего дома. Интерьер точь-в-точь такой же, как у него, только кладовка в другом месте. Он просмотрел несколько веб-сайтов, пытаясь понять, как ориентируются на незнакомой территории слепые, и каждую ночь на протяжении всей недели тренировался, передвигаясь по дому в темноте. Последняя репетиция прошла вечером.

Неизвестный фактор — мебель, на нее можно наткнуться. Можно наступить на что-то, оставшееся на полу. Ну и, конечно, пес.

Но с мебелью должны помочь очки.

И пес проблем не создаст.

Каждый вечер мамочка выпускала пса на маленькую террасу, где он отправлял свои надобности. А сегодня еще и с жадностью сожрал кусок говядины, напичканный снотворным до такой степени, что оно могло свалить и лошадь. Мясо под нос псу подбросил с пожарной лестницы Эмис. Накануне он проделал то же самое, но без снотворного. Собаке понравилось; она с удовольствием проглотила угощение, после чего посмотрела на незнакомца, как бы прося добавки.

Этот простой и эффективный способ нейтрализации сторожевой собаки Эмис опробовал еще в дни далекой юности. Тогда ему частенько приходилось проникать в разные здания и почти всегда ночью, в темноте.

Он разделся. Полностью. Догола. Натянул гимнастический костюм, оставив неприкрытой только голову, чем существенно сократил риск «потерять» в чужом доме частичку кожи или волосок. Поверх костюма Эмис надел тонкую черную водолазку, черные спортивные брюки и черную толстовку с капюшоном. Потом натянул на голову черную лайкровую шапочку для плавания, под которую убрал волосы, а на ноги черные неопреновые гидросапоги.

За ними последовал ребристый пояс с вшитой нейлоновой сумкой, в которой поместились инструменты: стеклорез и присоска, отмычки, отвертка, стамеска, молоточек, маленькие, но очень прочные щипцы, катушка клейкой маскировочной ленты, бутылочка с хлороформом и ватная салфетка. Предполагаемый маршрут проходил через чердачный люк, и здесь Эмиса могли ждать трудности. Открыть его собственный люк проблем не составляло, но Грейс, скорее всего, позаботился и снабдил свой механизмом более надежным. Так или иначе, имея набор инструментов, Эмис располагал возможностями для решения этой задачи.

На полу остался последний предмет: парикмахерская бритва, купленная недавно специально для этого дела. Лучшего орудия никто еще не изобрел. Эмис положил ее в сумку, еще раз проверил все инструменты, застегнул молнию и прошел в ванную — оценить результат своих стараний.

Он с трудом узнал себя в зеркале, откуда на него смотрело черное лицо с глазами панды. Хорошо. Даже очень. Эмис ухмыльнулся.

Вернувшись на наблюдательный пункт, он налил себе еще виски — для смелости — и закурил последнюю сигарету. Снова посмотрел на часы — 23.50. Взял наушники. Послушал. Кормление, похоже, заканчивалось.

Сигарету Эмис выкурил до фильтра. До полуночи оставалось пять минут. Он раздавил ее в пепельнице, допил виски, поднялся и, обращаясь к самому себе, произнес: «Ну, пошел!»

Поднимаясь по лестнице на чердак, он на мгновение замер, услышав, как ему показалось, какой-то звук внизу, и едва не запаниковал.

Нет, это ветер, только ветер, успокоил себя Эмис и, подтянувшись, забрался на чердак.

Внизу бесшумно закрылась входная дверь.

96

А без Роя непривычно, думала Клио, лежа в постели с полученной от агента по недвижимости брошюркой и просматривая фотографии и детальное описание предлагаемого к продаже коттеджа. Домик ей нравился — он, может быть, и находился не в лучшем состоянии, но сохранил теплую, дружелюбную атмосферу.

Клио надеялась, что эту атмосферу ощутит и Рой. Только бы вернулся поскорее. Коттедж, конечно, требует ремонта, но именно поэтому он почти в пределах доступной им ценовой категории. Но зато какие преимущества: удаленность от главной дороги, наличие приличного участка и чудесный вид через долину на холмы южного Даунса. Лучшего места для ребенка не найти, а для Хамфри просто рай.

Клио положила брошюру на прикроватный столик, с беспокойством вспомнив о молодой паре, похоже тоже положившей глаз на коттедж. Хоть бы Рой поскорее вернулся! И дело не только в загородном доме. Это было их первое после рождения Ноя расставание, и ей ужасно его недоставало.

Она закрыла глаза, но, несмотря на усталость, так и не смогла уснуть и включила телевизор, просто так, для компании. Показывали старый добрый сериал «Фрейзер». Клио уменьшила звук, взяла третью часть «Оттенков серого», открыла на отмеченной закладкой странице, но уже после нескольких строчек поняла, что сил на чтение нет. Она отложила книгу и сделала пару глотков воды.

Потом посмотрела на «видеоняню» и, убедившись, что прибор включен, добавила звук и несколько секунд слушала дыхание сына. Потом снова приглушила звук.

Надо бы взяться за учебу. Рядом, на том же прикроватном столике, лежали книжки по философии, но никакого желания браться за них сейчас не было.

За окном стонал ветер, и она ощущала легкое движение воздуха. Где-то далеко уныло завыла полицейская сирена. Непонятно почему в эту ночь нервы отзывались на все. На вой ветра. На каждый звук сына. Она беспокоилась из-за коттеджа, тревожилась из-за их будущего. В какой-то момент на память пришли слова из прочитанной недавно трагедии Софокла: «Для того, кто боится, все шуршит».

Да, сегодня все шуршало.

Клио поежилась. Холодок пробирался даже под пуховое одеяло. А ведь еще только начало сентября. Хамфри, спавший обычно в своей корзинке на кухне, на этот раз разлегся на полу возле кровати, и ей не хватило духу прогнать его из комнаты. В какой-то момент пес громко захрапел, и Клио невольно улыбнулась. Точно так же храпел и Рой, когда выпивал лишнего.

Она снова закрыла глаза. Господи, какая же на ней ответственность! Многие говорят, что рождение ребенка меняет всю твою жизнь, но никто не говорит, какая это чертовски трудная работа и что твоим постоянным спутником станет страх — как бы с ребенком ничего не случилось. Женщина из детской консультации, навещавшая с плановой, через шесть недель после рождения Ноя, проверкой, сказала, что это нормально, и то же самое говорили все подруги, у которых были дети. С другой стороны, никто не говорил про то, какой любовью наполняется сердце матери каждый раз, когда она смотрит на сына или берет его на руки.

Но как болят соски!

Внизу, во дворе, ветер подхватил что-то. Может, пустой пластиковый пакет? Мысли перескочили на расследование, которое вел Рой. Бедная старушка, замученная грабителями в собственном доме. В какой мир пришел Ной? В мир насилия и жестокости. Таким он был всегда и всегда таким будет. По крайней мере, им с Ноем повезло в одном отношении. Рядом с Роем она всегда чувствовала себя как за каменной стеной. И конечно, Ной тоже будет в безопасности.

Клио чуть-чуть добавила звука в телевизоре. Фрейзер как раз пытался освободиться на вечер от брата ради свидания со старой школьной подружкой, превратившейся в уже немолодую соблазнительницу.

Она улыбнулась и почувствовала себя лучше.

97

Рой Грейс съел коктейльные вишенки, допил свой второй «Манхэттен» и затушил свою вторую сигарету. Двое у стойки, курившие сигары, не сводили глаз с экрана телевизора. Гай Батчелор и Джек Александер с энтузиазмом обсуждали перспективы брайтонской футбольной команды в новом сезоне, Грейс же сидел молча, погруженный в свои мысли, пытаясь разобраться в информации на веб-сайте агентства по недвижимости на экране айфона.

Ему отчаянно недоставало Клио и Ноя, но в Англии уже перевалило за полночь, и звонить было поздно. Заместитель главного констебля Ригг выказал им большое доверие, дав добро на командировку в Нью-Йорк, и они не могли подвести его, вернувшись ни с чем. Тот факт, что Имон Поллок указал ложный адрес во въездном формуляре, убедительно свидетельствовал о том, что он прибыл в Штаты с противоправной целью. Может быть, стоит пойти в отель, где остановился Поллок, понаблюдать за номером? С другой стороны, если не выспаться как следует, завтра от него толку будет мало. Лучше всего перекусить, лечь пораньше и пораньше же встать.

Гай Батчелор, жестом подозвав официантку, уже объявил, что намерен повторить, но тут вмешался Грейс.

— Нет, спасибо. Рассчитайте нас, пожалуйста, — твердо сказал он и повернулся к коллегам: — Сегодня меня благодарить не надо, спасибо скажете завтра в шесть утра.

— В шесть утра? — ужаснулся Батчелор.

— Да. Начинаем в шесть. Хочешь выпить?

— Пожалуй нет.

98

Эмис Смолбоун толкнул тяжелый чердачный люк, и свирепый ветер тут же бросил ему в лицо колючий, как песок, дождь. Хорошо, что уже сегодня к вечеру он будет в солнечной Испании, подальше от этой мерзкой погоды. Эмис опустил на глаза очки, и ночь окрасилась в бутылочно-зеленый цвет.

Он выбрался на крышу, медленно и осторожно ступил на узкую металлическую платформу. Вокруг бушевал ветер, и свет уличных фонарей растекался над Брайтоном яркой зеленой дымкой. Выпрямившись, Эмис Смолбоун еще раз мысленно прошел по короткому маршруту до дома Грейса. Четырнадцать шагов по железной пожарной лестнице в три фута шириной. Поручень справа. Потом поворот налево. Нырнуть под спутниковую тарелку. Еще восемь шагов, а там уже и чердачный люк Грейса.

Спуститься, если все пойдет по плану, на чердак.

И он в доме.

Малыш, к тебе гость! Улыбочку пошире — на всю оставшуюся жизнь!

Его качнуло сильным порывом ветра. Эмис вцепился в поручень. Какое приключение! Мечта сбывается. Мечта, которую он лелеял все двенадцать долгих лет за решеткой. И вот теперь до заветной цели считаные шаги. Он сломает Грейсу жизнь. Так же, как Грейс сломал его. Око за око, зуб за зуб. Малыш с ухмылкой насильника. Она останется с ним навсегда.

Держась за поручень и поглядывая вокруг, он сделал несколько шагов. Посмотрел вниз, на пустынный двор. Прошелся взглядом по крышам ночного Брайтона. Большинство горожан уже спали.

Металл под ногами завибрировал, как будто кто-то поднимался следом. Эмис повернул голову, но ничего за спиной не увидел. И пошел дальше.

Тринадцать шагов. Двенадцать. Одиннадцать. Десять. Очки надежд не оправдали. Они позволяли видеть впереди, но сводили к нулю периферийное зрение. Он снова оглянулся, но ничего не увидел и заставил себя сосредоточиться и смотреть только вперед, считая шаги. Только бы не сбиться.

Восемь. Семь. Шесть.

Сжавшие плечо пальцы были крепче клещей.

На мгновение мозг его застыл. Он обернулся, увидел темную фигуру с натянутой на лицо балаклавой, вскрикнул в панике, рванулся и бросился вперед, чувствуя под ногами вибрирующий металл.

И тут же что-то шмякнуло его в лицо сбоку.

Гребаная тарелка. Он пошатнулся. Левая нога ступила в пустоту. Эмис Смолбоун замахал руками, силясь удержать равновесие, но сбоку его толкнул ветер. Он снова попытался найти левой ногой опору и взвизгнул от ужаса, не найдя. А потом упал. Врезался головой во что-то твердое, мокрое и скользкое. Вцепился пальцами в крышу. Внизу угрожающе темнел двор. Он скользил по покатому шиферу, лицом вперед. Камни ближе и ближе…

Двор мчался ему навстречу.

Он еще отчаяннее вжал ладони в мокрый шифер — только бы удержаться.

Но камни неумолимо приближались…

А потом он сорвался.

99

Клио нахмурилась. Фрейзер уже входил в школу со своей прекрасной спутницей, как вдруг экран замело «снегом». Она схватила пульт и ткнула пальцем в кнопку, переключаясь на другой канал.

Прямо над головой у нее что-то царапнуло по крыше и зашуршало. Как будто там проползли сани. Наверное, шифер сорвало, подумала она. Что-то глухо и тяжело шлепнулось, словно с крыши сбросили мешок с картошкой. Клио даже приподнялась, собираясь встать и посмотреть, что же это такое, но в последний момент благоразумие взяло верх. Если холодно в постели, то у окна будет еще холоднее. Наверное, все-таки шифер, а раз так, то можно будет посмотреть утром.

Из завываний разыгравшейся бури прилетел донесенный ветром звук, похожий на шепот. Или это было уже ее воображение? Как будто кто-то произнес «извините».

100

Кассандра Джонс никогда не любила утро понедельника. Сегодняшнее же выдалось особенно гадким. Накануне она прилично выпила, а утром ее ждала важная встреча с новым клиентом в Лондоне. Четвертый бокал определенно был лишним. И зачем только пила? Наверное, все дело в особенной, извращенной логике, внедряемой алкоголем в мозг пьющего и убеждающей его в том, он будет чувствовать себя лучше на следующий день, если пропустит еще стаканчик, а не откажется вежливо и выпьет воды.

Кассандра приняла душ, оделась, зарядилась витаминной шипучкой и затолкала в себя тарелку овсянки. Потом открыла дверь и выкатила велосипед, чтобы доехать до станции. Бушевавшая всю ночь буря, к счастью, стихла, и ее встретил приятный летний — или уже осенний, кто как смотрит, — денек.

И только закрыв дверь, Кассандра заметила лежащего неподалеку, прямо на мостовой, человека. Первой ее реакцией была злость — с какой это стати у них во дворе, на территории частного владения, валяется пьяница!

Затем, подойдя вместе с велосипедом поближе, она увидела темнеющее вокруг головы пятно. И не просто пятно, а пятно цвета крови.

Пораженная ужасом, она остановилась как вкопанная. Какое жуткое зрелище! Лежавший — мелкий мужчина — был во всем черном, и даже кровь на его лице смешалась с чем-то черным. Неподалеку валялась черная купальная шапочка, а под подбородком лежали странного вида очки. Уж не любитель ли заглядывать в чужие окна?

Кассандра положила велосипед и пробежала взглядом по ближайшим домам. Откуда он здесь взялся? Видел ли его кто-нибудь? Сделав несколько несмелых шагов к незнакомцу, она вспомнила, что несколько лет назад проходила курс по оказанию первой помощи. Но, заглянув в лицо, увидела, что лоб несчастного расколот, как кокосовый орех, и из него уже вытекла, вместе с кровью, какая-то буровато-серая масса. Открытые глаза неподвижно смотрели вверх, как у мертвой рыбы на камне торговца.

Кассандра сорвала с плеч рюкзак, достала мобильник и дрожащими пальцами набрала 999.

101

Рой Грейс поставил будильник на пять утра, но, как оказалось, беспокоился понапрасну. Он проснулся в три ночи, чувствуя себя бодрым и отдохнувшим. В Англии было уже восемь, и к этому времени он обычно завершал свою традиционную утреннюю пробежку.

Клио наверняка встала, и его подмывало позвонить. Но он справился с соблазном — вдруг она решила еще немного вздремнуть после кормления. Лучше немножко подождать. Да и ему надо постараться поспать еще пару часиков — день обещает быть долгим и тяжелым.

Грейс поправил подушку и снова лег. Но уже через несколько минут повернулся на правый бок. Потом на левый. И снова на спину. Мысль о том, что Имон Поллок может ускользнуть, не давала покоя. Грейс не сомневался, что именно Поллок — ключ ко всему делу, и часы в какой-то момент будут у него в руках. Вот тогда его и надо брать.

А еще его беспокоил детектив Аарон Кобб. И чем дальше, тем больше. Он не хотел оставлять дело на усмотрение американца. Надо самому пойти в отель и проверить все возможные выходы — Поллок-то наверняка их нашел. На кону стояло многое, и такой человек определенно не станет рисковать.

О том, чтобы уснуть, не могло быть и речи — сон ушел, и мозг включился на полную. Грейс поднялся, принял душ, побрился. Просмотрел поступившие сообщения — их набралось около тридцати, но ничего особенно важного. Два или три касались осенней программы руководимого им полицейского клуба регби, еще одно — курса повышения квалификации по теме «Когнитивное интервью подозреваемого» в Слэм-Мэнор, полицейском учебно-тренировочном центре в Суссексе.

Грейс надел футболку, спортивные штаны и кроссовки, сунул в карман карточку-ключ, спустился на лифте вниз и вышел в пустой вестибюль. За стойкой маячила одинокая фигура высокого чернокожего секьюрити с телефонной гарнитурой в ухе. Охранник молча кивнул ему.

Он прошел немного в темноте по Сорок второй улице, потом переключился на легкий бег, повернул вправо и взял курс на Центральный парк. Машин почти не было, лишь изредка мимо проносилось такси. На тротуарах — ни души. Он не останавливался на светофорах, но пересекал улицу за улицей, пока не добежал до «Плазы», где повернул налево.

Еще через несколько минут Грейс был у входа в отель «Мариотт-Эссекс-Хаус». Он пробежал вдоль него, повернул налево, на Седьмую авеню, еще раз повернул налево, на Пятьдесят шестую улицу, и остановился перед задним входом. Толкнул дверь. К его удивлению, она открылась. Он прошел длинным коридором с витринами, в которых красовались шикарные наряды и дорогущие украшения, и оказался у лифтов.

Громадных размеров секьюрити с любопытством посмотрел на него. Рядом с ним, сидя на стульях, преспокойно дремали двое полицейских в форме.

Без лишнего шума, чтобы не разбудить их, Грейс показал охраннику свое британское удостоверение.

— Эти двое наблюдают за номером 1406? Имон Поллок?

— Точно. — Охранник ухмыльнулся. — Ненадолго их хватило, да?

Грейс достал из кармана айфон, сфотографировал спящих и отправил снимок с язвительным комментарием Пату Лэнигану.

— Сколько у вас здесь входов и выходов?

— На этом этаже два. Еще два внизу. Ну и пожарные выходы. — Секьюрити на секунду задумался. — Их шесть.

Итого десять. И на все двое полицейских, которые к тому же еще и спят. Ну не замечательно ли?

— Можете показать их мне?

— Извините, босс, мне не положено покидать это место.

— Вы не против, если я сам осмотрюсь?

— Пожалуйста.

102

Вернувшись в номер в начале пятого, Рой Грейс вдруг почувствовал, что чертовски устал. Не раздеваясь, он забрался на кровать, поставил заново будильник, дав себе еще

полчаса, и мгновенно провалился в сон. Но уже через несколько секунд — по крайней мере, так ему показалось — зазвонил телефон.

— Привет, старичок, проснулся? — прозвучал в трубке знакомый голос Гленна Брэнсона.

— Теперь да. Что случилось? — Грейс посмотрел на часы — двадцать минут пятого. Значит, в Брайтоне двадцать минут десятого.

— Много чего, пока ты там дрыхнешь.

— Рассказывай.

— Наверняка говорить еще рано, но, похоже, прошлой ночью кто-то пытался забраться в твой дом.

— Который?

— Тот, где Клио.

Грейс моментально вскочил, подброшенный страхом.

— Ты о чем? Что случилось?

— Я стою сейчас прямо перед домом. У нас здесь труп — выглядит так, словно упал с крыши. Лицо вымазано черным, одет во все черное. При нем очки ночного видения и целый набор инструментов вора-взломщика. — Гленн намеренно не стал упоминать о бритве, чтобы не пугать друга еще больше.

Сердце как будто сжали ледяные пальцы.

— Клио в порядке? Ты проверил? Как они с Ноем?

— Они в порядке.

— Говоришь, свалился с крыши? Какие-нибудь документы при нем есть?

— Пока ничего не нашли. Ни удостоверения, ни бумажника у него нет.

— Он точно мертв?

— Да, парамедики уже констатировали смерть. Ребята из службы коронера только что прибыли.

— Почему ты думаешь, что он пытался забраться именно в дом Клио?

— Лежит в шести футах от крыльца. Если не грабитель, то заявился прямиком с бала-маскарада, не переодеваясь.

— Мне нужно поговорить с Клио.

Руки тряслись. Грейс неуклюже набрал номер. Занято. Попробовал позвонить на мобильный, но попал сразу на голосовую почту. Он снова позвонил на домашний и услышал испуганный голос Клио.

— Пыталась тебе позвонить. Должно быть, это случилось ночью. Я услышала какой-то шум, как будто что-то скользило по крыше, и телевизор вдруг «заснежил». Что он там делал, Рой, на крыше? Зачем кому-то забираться на нашу крышу?

Телефон пискнул. На экране высветилось «входящий номер».

— Дорогая, подожди секундочку, ладно? У меня срочный вызов.

Звонил Гленн Брэнсон.

— Рой, парень из службы коронера, Филип Ки, говорит, что узнал мертвеца. Не думаю, что тебе это понравится. Это Эмис Смолбоун.

— Эмис Смолбоун? — Грейс не поверил своим ушам. В этой новости было что-то сюрреалистическое. — Уверен?

— Да, абсолютно.

— Перезвоню через минуту. — Он переключился на Клио. — Дорогая, я возвращаюсь домой, как только возьму билет. Сегодня вряд ли получится, но завтра самым ранним. До моего возвращения у дома будет дежурить полицейский.

— Пожалуйста, возвращайся скорее. — Голос в трубке дрогнул.

— Я люблю тебя, дорогая. Все будет хорошо. Но вам с Ноем лучше оставаться в доме, пока я не вернусь и все не выясню, ладно?

Он едва расслышал ответ за ее всхлипами. Его и самого трясло. Что же такого задумал этот мерзавец?

103

Рой Грейс сидел на кровати, закрыв лицо руками, напряженно думая. Эмис Смолбоун с набором инструментов. Никаких альтернативных вариантов не просматривалось, объяснение могло быть только одно: Смолбоун был там, потому что намеревался проникнуть в дом. Точка. Оставался без ответа вопрос: с какой целью?

В июне кто-то нацарапал на машине Клио дикие, страшные слова: «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ШЛЮХА. ТВОЙ РЕБЕНОК СЛЕДУЮЩИЙ».

Смолбоун категорически отрицал, что это дело его рук. Затем, вскоре после рождения Ноя, в местной газете «Аргус» появилось объявление о его смерти. Личность человека, поместившего объявление, установить так и не удалось, но Грейс подозревал, что и здесь не обошлось без Эмиса Смолбоуна.

Был ли у Смолбоуна напарник? Маловероятно. Если бы он хотел вынести из дома какую-то вещь, то нанял бы кого-нибудь для такой работы. Что бы ни планировал Смолбоун, он намеревался сделать это сам. И вот теперь мерзавец мертв. Одним негодяем в мире меньше. Оплакивать его будут немногие. Впустую растраченная жизнь.

Телефон пискнул, оповещая о новом сообщении. Он взглянул на экран — от Пата Лэнигана.

«Больше не спят — получили перца под хвост!»

Грейс усмехнулся и набрал номер Брэнсона.

— Дом Клио проверили на следы насильственного проникновения?

— Все сделано, беспокоиться не о чем.

— Она напугана, Гленн. Можешь оставить с ней кого-нибудь?

— Как раз этим и занимаюсь. До твоего возвращения с ней кто-нибудь побудет.

— Спасибо. Думал, ты сегодня на работу не выйдешь. Похороны Эри ведь на этой неделе? В среду?

— Я и не выходил, но потом услышал новость, узнал адрес и приехал. В доме осталась сестра Эри, она присмотрит за детишками, так что все в порядке.

— Спасибо, друг. Я этого не забуду.

— Позвоню, если будет что-то новое. Как у вас там?

— Для половины пятого утра довольно живо, — хмуро ответил Грейс и, коротко поделившись новостями, дал отбой и тут же позвонил Тони Кейсу, занимавшемуся организацией всех командировок, и спросил насчет билета домой.

— Хм, обойдется недешево, — отозвался Тони Кейс. Сам бывший полицейский, он отличался прижимистостью в финансовых вопросах. — Билет я достану, но с возмещением вряд ли что получится.

— Я оплачу из своего кармана.

Кейс заметно приободрился.

— Хорошо, Рой, предоставь это дело мне. Может быть, это и не понадобится. Мобильный у тебя включен?

— Да.

— Тогда дай мне полчасика.

Через двадцать минут, зарядившись второй чашкой кофе, Рой Грейс просматривал электронную почту. Никаких новостей касательно происшествия у дома Клио не поступило.

На часах — 5.10. Глаза немного устали, но голова работала четко. Через три четверти часа ему предстояло встретиться в вестибюле с Гаем Батчелором и Джеком Александером, а потом всем вместе отправиться в отель «Мариотт», где остановился Имон Поллок.

Он позвонил в отдел и попросил Беллу Мой ввести его в курс дел. Ситуация стабильная, ответила она, никаких существенных подвижек не произошло. Грейс едва закончил разговор, как снова позвонил Гленн.

— Тебе это совсем не понравится, — предупредил он вместо вступления.

— Мне это уже не нравится.

104

— В прошлый раз вы собирались поговорить об отце вашего сына, — сказал доктор Эберштарк. — Вы сказали, что у вас был роман с одним из коллег вашего мужа. Полагаете, этот человек и есть отец ребенка?

— Я не знаю, — ответила Сэнди.

— И как вы чувствуете себя при этом? Не зная, кто отец вашего ребенка?

Она помолчала, потом пожала плечами:

— Трудно сказать. Я и сама не уверена, какой вариант предпочтительнее. Знать, что отец Бруно — Рой или что это другой.

— А если все же Рой, вы не думаете, что он имеет право знать?

— По-моему, я плачу, чтобы вы помогали, а не устраивали мне допрос.

Психоаналитик улыбнулся:

— Вы так много в себе держите. Знаете выражение «правда освобождает»?

— И как вы предлагаете мне узнать правду? Я же не могу попросить Роя или того мужчину, с которым у меня был роман, прислать образец ДНК для анализа.

— Мой опыт говорит, что в большинстве случаев женщина знает, кто в действительности отец ее ребенка. Вы — женщина очень интуитивная. Что подсказывает вам инстинкт?

— Мы можем поговорить о чем-то другом?

— Почему вам неприятно говорить об этом?

— Потому что… — Она снова пожала плечами и погрузилась в молчание.

Подождав несколько минут, доктор Эберштарк спросил:

— Вы еще думаете о покупке того дома в Брайтоне?

— Вообще-то не в Брайтоне, а в Хоуве.

— В Хоуве?

— Тамошний эквивалент Швабинга.

— Модный район?

— Между жителями Брайтона и Хоува всегда существовало определенное соперничество. Первый — дерзкий, энергичный, бодрый, второй — спокойный, сдержанный, добродушный.

— Вот как…

Снова молчание.

Доктор Эберштарк посмотрел на часы — до конца сеанса оставалось несколько минут.

— Итак, дом в Хоуве. Вы уже приняли решение?

Она не ответила и посмотрела на него с выражением, интерпретировать которое он не смог.

Выйдя из кабинета доктора Эберштарка и сделав пару шагов по тротуару Виденмайерштрассе, Сэнди остановилась и попыталась собраться с мыслями. По другую сторону оживленной улицы ей открывался вид на широкий зеленеющий берег Изара. Она соврала доктору. Она знала, кто отец ее сына.

Не пора ли сообщить наконец Рою, что у нее есть сын? Их сын. Сэнди точно знала: отец Бруно — он. Два месяца назад, попав в их дом с агентом по недвижимости, она улучила момент и умыкнула из ванной старую зубную щетку и расческу Роя. Анализ ДНК, проведенный по ее просьбе одной берлинской лабораторией, подтвердил, что отцом ее сына, Бруно Роя Ломана, безусловно является Рой Грейс, а не Кэссиан Пью. С последним они познакомились, когда Рой уезжал на курсы. У них был короткий роман, длившийся несколько месяцев и закончившийся ничем.

Сэнди не знала, что делать с домом. Она могла позволить себе купить его, но будет ли это правильно?

Внезапно, впервые за долгое время, Сэнди улыбнулась. «Я знаю, куда отправлюсь и что хочу сделать».

Она решительно шагнула вперед и жестом остановила такси.

105

Когда три британских детектива прибыли в отель «Мариотт-Эссекс-Хаус» около четверти седьмого, в вестибюле, у лифтов, все еще стоял ночной дежурный. Двое полицейских, которых Рой Грейс застал спящими, заметно нервничали и с готовностью выложили всю имевшуюся у них информацию. Впрочем, ничего существенного за последнее время не произошло. Накануне вечером, в половине восьмого, Имон Поллок заказал в номер ужин. По словам официанта, у него был гость, мужчина. Через некоторое время Поллок выставил сервировочный столик в коридор и с тех пор ничего не заказывал и никуда не звонил, на основании чего полицейские сделали вывод, что он лег спать.

Грейс спросил, можно ли поговорить с официантом, поднимавшимся в номер Поллока. Секьюрити связался с кем-то по рации и, выслушав ответ, сообщил, что официант после смены уехал домой и вернется только к полудню.

Оставив его в вестибюле, Грейс отвел своих коллег и обоих американских полицейских к двум подвальным выходам. Прикрывать один он поставил Батчелора, к другому отправил Александера. Один американец должен был наблюдать за номером Поллока, второй — за подвальным выходом. Сам Грейс вернулся в вестибюль и попросил дежурного менеджера.

Ему приходилось делать над собой усилие, чтобы сосредоточиться на чем-то после недавнего звонка Гленна Брэнсона, рассказавшего, что Эмис Смолбоун, оказывается, арендовал соседний с Клио дом. Все последнее время этот мелкий паршивец жил буквально за стеной. И электронное подслушивающее устройство… Как ему удалось раздобыть это все? И куда смотрела служба надзора?

Нет, они тут ни при чем. Обязанность инспектора — проверить адрес и определить, в состоянии ли служба оплатить его. Выяснять, кто живет по соседству, не его дело.

И все равно…

В вестибюле появился ночной менеджер, уже успевший поговорить с Патом Лэниганом.

— Чем могу помочь?

Грейс показал удостоверение и спросил, можно ли посмотреть записи с камер наблюдения главного и заднего входа начиная с шести вечера. Он уже обратил внимание, что камеры находились как снаружи, так и внутри здания.

Через несколько минут суперинтендент сидел в тесной, душной комнатушке позади административного офиса, перед пронумерованными мониторами, каждый из которых показывал разные части отеля и улицы. Рядом с ним устроился толстенный охранник с безучастными глазами, выглядевший и пахнувший так, словно провел здесь всю ночь. Камерами он управлял с помощью джойстика. Грейс почему-то вспомнил, как ездил на конференцию в Лас-Вегас и однажды, по пути на завтрак, пошел через казино, мимо рядов игральных автоматов, за которыми сидели изможденные, словно провели там всю ночь, люди.

Грейс прокрутил записи, время от времени останавливаясь, чтобы всмотреться в то или иное лицо, но так и не обнаружил ни одного знакомого. В конце концов он поднялся, вышел с облегчением из провонявшей комнаты, вернулся в вестибюль и сел так, чтобы видеть каждого входящего или выходящего через главные двери отеля.

Не прошло и минуты, как позвонил Тони Кейс. Он заказал ему билет — вылет из Ньюарка в девять вечера, прибытие в Хитроу около девяти утра следующего дня. При таком раскладе в его распоряжении оставался целый день, чему Грейс был даже рад, несмотря на все беспокойства о Клио и Ное.

В вестибюле никого не осталось, кроме женщины-уборщицы, таскавшей за собой желтый знак с предупреждением о скользком поле. Через несколько минут к регистрационной стойке торопливо подошел бизнесмен с чемоданчиком на колесиках. Если Грейс и обратил на него внимание, то лишь потому, что появление бизнесмена нарушило монотонное течение утра. Никакого сходства с Имоном Поллоком Грейс не обнаружил, к тому же мужчина был лет на двадцать моложе.

Минут через двадцать в вестибюль спустилась молодая пара в спортивных костюмах. Они взяли у портье два велосипеда и вышли в ясное солнечное утро.

К половине девятого Грейс уже всерьез забеспокоился. Поллок прилетел из Европы всего лишь несколько дней назад. При временной разнице в пять — а в случае с Испанией шесть — часов он должен был проснуться раньше. Еще раньше Грейс попросил известить его о любой активности в номере 1406, в особенности если гость позвонит в обслуживание или попросит вызвать такси. Должен же человек позавтракать или, по крайней мере, выпить кофе или чаю.

Еще через несколько минут в вестибюль вошел Пат Лэниган — в спортивном пиджаке с галстуком и добродушной улыбкой. Следовавший за ним Аарон Кобб выглядел как человек, измученный зубной болью.

— Как дела, дружище? — спросил Лэниган.

— Беспокоит, что Поллок затаился.

— Может, принял снотворного? — предположил Кобб. — Обычное дело после перелета.

— Мне наплевать, что он там принял. Если бы мне светило два миллиона фунтов — извините, три миллиона долларов, — я бы точно с утра был на ногах, — возразил Грейс.

Лэниган медленно подошел к стойке и заговорил со стоявшей за ней женщиной. Грейс увидел, что он показывает ей полицейский жетон.

— Можете еще раз проверить номер 1406? Были ли оттуда вызовы, звонки? Узнайте у консьержки, уборщицы, в обслуживании.

— Конечно, сэр. Дайте мне несколько секунд. — Она подняла трубку телефона.

Пару минут спустя они узнали, что никаких звонков из номера 1406 не было, а отправленный на этаж посыльный доложил, что табличка «Не беспокоить» по-прежнему висит на двери.

После девяти Грейсом овладело нехорошее предчувствие.

— Думаю, кому-то нужно войти, — обратился он к Лэнигану. — Мы должны точно знать, там он или нет.

Детектив согласился и снова обратился к портье, попросив пригласить менеджера.

Пять минут спустя Грейс, Лэниган и менеджер, элегантная женщина около пятидесяти, поднялись на четырнадцатый этаж и прошли по лабиринту коридоров. На двери все так же висела табличка «Не беспокоить» и черный пакет со свежим номером «Нью-Йорк таймс».

Менеджер постучала, подождала немного, постучала снова. Потом набрала номер на своем телефоне. За дверью послышался звонок, но трубку никто не снял. На душе у Грейса стало совсем тяжело.

Менеджер открыла наконец дверь своим ключом и переступила порог.

— Доктор Альварес? Доброе утро!

Комната с двумя диванчиками и обеденным столом, на котором стоял одинокий пустой бокал, ответила им тишиной.

Грейс и Лэниган проследовали за менеджером в спальню. Неразобранная постель. Включенный с приглушенным звуком телевизор. Белый банный халат на полу. Единственные указания на то, что в номере кто-то был. Гость исчез, прихватив багаж и туалетные принадлежности, что подтверждала пустая ванная.

106

Помятый черный «линкольн-таункар», предоставленный отелем в распоряжение Гэвина Дейли, доставил его на Мэдисон-авеню и остановился, что примечательно, у представительства часовой компании «Панераи». Водитель проворно выскочил из машины, открыл дверцу и указал на номер на двери.

— Отлично. — Дейли ткнул палку в тротуар, оперся и выбрался из лимузина под жаркое солнце. Выпрямившись, он ощутил оттягивающую карман брюк тяжесть. Усталость после перелета, плохой сон… его держал только адреналин. — Подождете меня здесь?

— Да, сэр. Если, когда выйдете, меня не будет здесь, подождите немного — может быть, мне придется заехать с другой стороны.

— Конечно.

— За час успеете?

— За час, да. Плюс-минус. Спасибо. — Он с усилием подавил зевок.

— Не за что, сэр. Буду на месте.

Гэвин Дейли приехал пораньше, как и советовал Джулиус Розенблаум. На часах было без четверти десять, тогда как Имона Поллока дилер ожидал к половине одиннадцатого. Подойдя к входу, — офис дилера расположился в помещении, зажатом с обеих сторон модными магазинчиками, — Дейли, под взглядом камер наблюдения, просмотрел список на панели звонка и нажал кнопку напротив таблички «Дж. Розенблаум. Морской антиквариат».

После недолгой паузы ему ответил голос Розенблаума:

— Входи, Гэвин. Поднимись на лифте на третий этаж.

— Я помню. — Он и впрямь помнил совершенно ясно, хотя и был здесь в последний раз более десяти лет назад.

Лифт был старенький, тесный, с раздвижной металлической дверью. Дейли нажал кнопку и поднялся на третий этаж. Кабина, вздрогнув, словно от толчка, остановилась. Он открыл дверь, вышел в узкий коридор и оказался перед другой дверью — с глазком и табличкой, на которой золотыми буквами было написано «Дж. Розенблаум. Морской антиквариат».

Она почти тут же открылась, и на пороге предстал один из старейших и лучших его партнеров по бизнесу — высокий, статный и улыбающийся.

Джулиусу Розенблауму было далеко за восемьдесят. С тщательно уложенными седыми волосами, распространяющий аромат одеколона, он выглядел безупречно, хотя и несколько кричаще. Крючковатый семитский нос и тяжелые полуопущенные веки уживались с широкой, открытой улыбкой. На нем был безупречно сидящий костюм в мелкую полоску и пестрый галстук, на запястье красовались изысканные, броские часы «Вашерон Константин».

— Гэвин! Как же я рад тебя видеть! — Он оглядел старого друга с ног до головы. — Выглядишь отменно! И знаешь, нисколько не изменился!

— Ты тоже!

— Входи, входи. Время есть. Выпьем кофе, поговорим.

Дейли вошел в коридор, ступив на желтовато-зеленый ковер, такой глубокий, что в нем тонули ноги. В демонстрационных витринах вдоль стен красовались корабельные часы, «склянки» с медной крышкой и надписью «Royal navy», корабельный колокол. Розенблаум провел его в маленькую комнату с антикварным столом в георгианском стиле, служившем конторкой. Сидевшая за ним элегантная пожилая женщина что-то печатала. Рядом с клавиатурой лежала стопка журналов по антиквариату.

— Марджори, ты помнишь Гэвина Дейли из Англии?

— Конечно! — Она улыбнулась гостю.

— Будь добра, принеси нам кофе.

Мужчины прошли в кабинет с двумя столами, круглым для заседаний и письменным, и тремя креслами, двумя кожаными для гостей с одной стороны и большим черным, тоже кожаным, — с другой. На стенах разместились прекрасные картины, и вся комната имела немалое сходство с музеем. Свет попадал сюда через большое, с матовым стеклом окно. Никакой уличный шум сюда не проникал.

Розенблаум усадил гостя в одно кресло, сам занял другое, поправил манжеты, откинулся на спинку и сложил руки на груди.

— Итак?

— Прежде всего, Джулиус, я очень благодарен тебе за уведомление обо всем этом.

На столе между ними поместились несколько фотографий в серебряных рамках, большая серебряная коробка для сигар, огромная стеклянная пепельница и компьютерный терминал.

— Гэвин, что значат деньги в нашем возрасте? Краденые часы за три миллиона баксов нужны мне не больше, чем дырка в голове. Я хочу тихой, спокойной жизни. Хочу заниматься делами лишь постольку, поскольку они мне интересны и вытаскивают из дому — в противном случае я бы сидел там, сходя с ума от скуки.

Дейли согласно кивнул.

— С яхтой не расстался? — Служивший в годы корейской войны в военном флоте, Розенблаум сохранил любовь к морскому делу на всю жизнь. Однажды, много лет назад, Дейли совершил с ним небольшое, но запоминающееся путешествие вокруг острова Манхэттен.

— Нет, но держу ее сейчас в Сен-Бартсе. Вода слишком уж холодная. По крайней мере, для меня.

Розенблаум поднял крышку сигарной коробки и подтолкнул ее к гостю:

— Угощайся.

— Для меня рановато, спасибо.

— О’кей, тогда позже. Пропустим по стаканчику, подымим. Если свободен вечером, приходи в мой клуб.

— Было бы неплохо.

Розенблаум пожал плечами и усмехнулся почти застенчиво:

— Мне недавно удалили простату. Трахаться больше не могу, что еще остается? Только хорошая сигара да хорошее вино.

— Понимаю. У меня та же проблема.

— Надо ценить дарованные удовольствия. Раньше мне постоянно хотелось секса, словно какой-то дикой обезьяне, которой постоянно требовалось только одно: трахаться и трахаться. Жить без этого не мог. А теперь, знаешь, даже не жалею. Как у тебя с этим?

— Пока еще поглядываю, — хмыкнул Дейли.

Рот у Джулиуса Розенблаума растянулся до ушей.

— Я, когда перестал поглядывать, думал так: уж лучше бы вывели в поле да расстреляли. Впрочем, ты ведь приехал сюда не для этих разговоров. — Он посмотрел на свои винтажные часы. — У нас полчаса до его прихода. Если, конечно, придет.

— Ты сам что думаешь?

Розенблаум указал сначала на стену — и Дейли увидел укрепленную на стене и направленную на круглый стол камеру, — потом на вторую дверь рядом с большим зеркалом в позолоченной раме.

— У меня там смотровая комната. Камера установлена так, чтобы давать крупный план всего, что лежит на столе. Я пользовался ею много раз, фотографировал вещи, которые мне предлагали купить, чтобы проверить, не значатся ли они в розыске. Зеркало двустороннее, и через него можно наблюдать за клиентами. Ты бы удивился, узнав, как ведут себя люди, пытающиеся всучить тебе что-то, когда остаются одни. — Он пожевал губами. — Вот я и подумал, что тебе, может быть, захочется понаблюдать за ним. Если узнаешь часы, просто нажми кнопку — этим ты предупредишь меня — и входи. Секунд через десять Имон Поллок окажется в западне, из которой нет выхода. — Розенблаум театрально вскинул брови. — Ну как, нравится?

— Один момент, Джулиус. В чем твоя выгода?

Американец развел руками.

— Выгода? Ты ведь мой старинный друг, Гэвин! — Он ухмыльнулся. — Надеюсь, с пустыми руками не оставишь.

— Хотя, как ты сам сказал, деньги в нашем возрасте ничего не значат?

— Не значат. — Он потер большим пальцем о средний. — Что такое несколько миллионов между друзьями?

107

Настроение было ни к черту. Имон Поллок сидел в самом тесном желтом такси Нью-Йорка, и его, как мешок с картошкой, вез по городу худший из местных таксистов, молодой эфиоп, всю дорогу собачившийся с кем-то по телефону. Маньяк постоянно давил на газ, а потом, в последнюю секунду, вспоминал о тормозах перед перекрестком или поворотом.

Мало того, сидевший рядом спутник вцепился в него, как пиявка, и не отпускал ни на секунду. Они даже спали вместе. Если, конечно, слово «спали» соответствовало ситуации.

После поспешного бегства из отеля — спуск на грузовом лифте и выход через кухню — Имон Поллок провел ночь в узком кресле в паршивом номере дешевого мотеля где-то на окраине Манхэттена. Спутник храпел так, что у него голова раскалывалась.

Словно врезавшись в стену, такси остановилось у представительства часовой компании «Панераи». Что ж, по завершении сделки с «Патеком Филипом» вполне можно сделать себе небольшой подарок. А потом прошвырнуться до «Тиффани» и побаловать Луизу какой-нибудь безделушкой.

Он рассеянно достал из кармана пиджака бумажник, отдал водителю двадцатку, бросив «Сдачи не надо», и открыл дверцу.

Оторвавшись на секунду от телефона, таксист многозначительно постучал по счетчику и язвительно заметил, что тот намотал двадцать три бакса.

Пришлось забираться в бумажник поглубже. Теперь уже не важно. Все идет замечательно, а скоро, совсем скоро, он станет по-настоящему богат. Останется только решить, как отделаться от пиявки. Ладно, что-нибудь придумаем, решил Имон Поллок. Последние тридцать лет он только тем и занимался, что прокидывал лузеров. Привычки так быстро не уходят.

Они вышли из такси.

— Тебе лучше подождать здесь, — сказал спутнику Поллок. — Мы получим лучшую цену, если я проведу сделку один. — Он шагнул к двери.

— И не мечтай. — Спутник — пиявка, как называл его про себя Поллок, — закурил.

Пока один звонил, другой успел сделать две глубокие затяжки. Замок загудел и громко щелкнул. Поллок толкнул дверь, и нежеланный напарник последовал за ним, даже не погасив сигарету.

— Здесь не курят.

— Сейчас почти везде не курят. — Наглец затянулся и стряхнул пепел на пол.

Лифт медленно, лязгая и поскрипывая, спустился к ним. Поллок занял едва ли не всю кабину, так что свободного места почти не осталось.

— Почему ты такой жирный?

— Потому что каждый раз, когда я потягиваю твою жену, она дает мне пирожное.

— Ха-ха. Поновее ничего не придумал? Так все-таки почему? Поллок посмотрел ему в глаза и покачал головой:

— Успокойся. И давай не переходить на личности — у нас дело. Не раскачивай лодку, ладно?

Его спутник затянулся в последний раз, бросил окурок на пол и раздавил каблуком. Кабина дернулась и пошла вверх.

108

Как только секретарша предупредила звонком, что к ним поднимается Имон Поллок, Джулиус Розенблаум провел гостя через заднюю дверь в смотровую комнату и, метнувшись к столу, прихватил для него чашечку кофе.

Дейли оказался в помещении размером с широкий чулан. Перед двусторонним зеркалом стоял один-единственный вращающийся стул, довольно шаткий и с неудобным мягким сиденьем. Взгромоздившись на него, Дейли положил палку на узкую полочку. Он прекрасно видел весь офис Розенблаума и, хотя сам находился в полутьме, поверить в то, что его не видят с другой стороны, было нелегко.

Отпив глоток кофе, Дейли внимательно осмотрел контрольную панель с регулятором звука, на которую второпях указал Розенблаум. Был здесь и видеомонитор на кронштейнах, выключенный, и помигивающее огоньками записывающее устройство. Остальное

пространство занимали старинные металлические каталожные ящики с коробками и стопками папок наверху.

Воздух здесь был сухой и пыльный, с затхлым запахом бумаги. В отличие от офиса с прохладным ветерком от кондиционера в душной смотровой даже дышалось трудно. Едва не чихнув, Дейли повернулся к монитору, и в этот момент дверь в офис открылась, и в комнату заглянула секретарша. Джулиус Розенблаум поднялся из кресла, и тут же в кабинет вошел Имон Поллок — в мятом бежевом костюме, яркой желтой рубашке и совершенно неуместных коричневых лоферах. От одного лишь вида этого человека у Дейли похолодело в жилах.

Всю свою взрослую жизнь он с ненавистью изучал лица людей, убивших его мать и уведших в ночь отца. Просмотрел архивы всех крупнейших газет мира и книги по тому периоду из обширной библиотеки сестры. И конечно, искал в Интернете лица, что навсегда отпечатались в его памяти.

Глядя на Имона Поллока, он как будто видел призрака.

Фигуры у этих двоих были совершенно разные. Мик Поллок, по кличке Культяшка, — высокий и худой; Имон, его внучатый племянник, — толстый и ниже среднего. Но вот волосы у обоих вьются одинаково и ухмылка одна и та же — наглая. Дейли представлял Имона Поллока более худым, с приплющенными щеками и без второго подбородка. Или Культяшку — пожирнее.

Реальный Имон Поллок походил на фоторобот.

Дейли смотрел на него и не мог оторвать глаза. Его трясло, нервы натянулись до предела, у основания шеи появилось неприятное тянущее ощущение, в ушах шумело. С каким удовольствием он стер бы самодовольную ухмылку с этой мерзкой физиономии! И тут, вслед за Поллоком, в кабинет вошел еще кто-то.

В первый момент Гэвин Дейли решил, что у него что-то с глазами, что это обман зрения или галлюцинации от усталости. Не веря себе, он ошеломленно смотрел на высокого, спортивного сложения мужчину в замшевой куртке-«бомбер» и джинсах, который, войдя за Поллоком, в привычной самоуверенной манере уличного задиры оглядел комнату.

— Джулиус, это мой помощник, — с явной неприязнью сообщил Поллок. — Лукас Дейли.

Секундой позже старый антиквар ощутил знакомое жжение в груди, после чего ее словно сдавило обручем. Он сунул руку в карман, достал флакон, вытряхнул на ладонь крохотную таблетку нитроглицерина и бросил ее под язык. Потом, тяжело, с натугой дыша, трясясь от гнева и холодея, повернул регулятор громкости.

— Рад вас видеть, мистер Дейли. — Розенблаум едва заметно нахмурился и жестом пригласил обоих к круглому столу. — Могу ли я, джентльмены, предложить вам кофе… или, может быть, чай?

— От кофе я бы не отказался, — сказал Имон Поллок.

Лукас кивнул.

Розенблаум отошел к рабочему столу, поднял трубку, поговорил с секретаршей и вернулся к гостям.

— Итак, мистер Кентон, я так полагаю, вы принесли часы?

— Да, конечно! — Поллок с видимым усилием поднялся из-за стола, расстегнул ремень с надетой на него черной кожаной сумкой, достал из нее большой комок ваты и положил на стол. Потом медленно и аккуратно, потея от предвкушения, развернул вату, взял часы и положил на стол.

Джулиус Розенблаум выдвинул ящик письменного стола, вынул окуляр и вставил его в правую глазницу. Потом сел, взял часы и принялся внимательно их изучать.

— Хорошая вещица, но состояние удручающее. Так вы хотите за них три миллиона?

— Это минимум, на который я… мы можем согласиться. — Поллок бросил взгляд на своего спутника, который согласно кивнул.

Секретарша принесла кофе, поставила на стол и вышла. Розенблаум продолжал молча рассматривать часы. Потом перевернул их, открыл тонким лезвием заднюю крышку и внимательно исследовал внутренности.

— Вещь, несомненно, очень красивая, очень редкая. За всю жизнь я видел лишь несколько таких часов. Но есть вопросы. Что вы можете рассказать о них? У вас есть доказательства их подлинности?

— Они принадлежали моему деду, — вмешался Лукас Дейли. — И были переданы моему отцу в 1922-м.

— Моим дядей, который приобрел их нелегально и хотел вернуть семье законного владельца, — добавил Поллок.

Гэвин Дейли слушал, смотрел, и если приступ стенокардии понемногу отступал, то гнев только нарастал.

— Видите ли, есть кое-какие отклонения, — спокойно продолжал Розенблаум. — «Патек Филип» ведет учет всех выпускаемых часов. Серийный номер этих — 049351… стоп, прошу прощения, у меня небольшая дислексия, часто читаю номера наоборот. Итак, серийный номер 153940 указывает, что они были произведены в 1911 году или позже. Для 1910 года номер был бы между 149100 и 150000. У вас есть объяснение этому?

— Да, есть, — ответил Лукас Дейли. — Насколько я понимаю, для того времени обычной была практика, когда лучшие мастера, выполняя определенный заказ, изготавливали для себя копию, разумеется втайне. Думаю, случай с часами моего деда как раз из такой категории. Поэтому и серийный номер слегка сбит.

— Понятно, — кивнул Розенблаум. — Но на часах этого периода, если они поступают в ремонт, обязательно делается пометка — время и инициалы мастера. Здесь я ничего такого не вижу. И еще одно. Если часы изготовлялись на заказ — а это почти наверняка так, — то владелец, скорее всего, выгравировал бы на них свои инициалы. Конечно, иногда, когда часы переходят к другому владельцу, прежние инициалы вытравливаются, но при этом все равно остается след. Здесь я такого следа не нахожу.

— Чушь! — Лукас Дейли явно начал злиться. — Может быть, мой дед украл их еще до того, как владелец успел выгравировать инициалы. Откуда мне знать?

Гэвин Дейли смотрел и слушал, и мысли путались в обволакивающем мозг тумане гнева. Его сын Лукас сидел там, с этим жирным, самодовольным, лживым ублюдком.

«Моим дядей, который приобрел их нелегально и хотел вернуть семье законного владельца».

Вот как?

Тем самым дядей, который и убил законного владельца.

А потом уже Имон Поллок убил ради часов Эйлин и теперь пытается их продать. Но при чем здесь Лукас? Как он во все это вписывается?

— Мой вопрос, возможно, покажется вам глупым, — сказал Розенблаум, поворачиваясь к Лукасу, — но почему, владея столь ценной вещью, никто в вашей семье не отдал часы в починку?

— Наверное, думали, что это как-то отразится на их аутентичности, — ответил Имон Поллок.

— Нет, — покачал головой Лукас. — Все очень просто. Мой отец и моя тетя хотели, чтобы часы сохранились именно в том виде, в каком они получили их. Часы были тем единственным, что связывало их с отцом, и поэтому имели для них особую ценность.

— А теперь они решились их продать? — Розенблаум посмотрел Лукасу в глаза.

— Увы, оба умерли. — Лукас Дейли с печальным видом развел руками. — И для семьи настало время, к величайшему нашему сожалению, продать их.

Дверь в дальнем конце кабинета распахнулась, и все трое, повернувшись, увидели Гэвина Дейли — с палкой в одной руке и черным револьвером в другой.

— Так, значит, я умер, да, Лукас? Да, когда-нибудь умру, всему свое время, вот тогда и порадуешься.

Он направил револьвер на Имона Поллока.

— Но раньше умрет этот вот ублюдок.

109

Замызганный коричневый «краун-виктория» мчался по Пятой авеню, прокладывая путь воющей сиреной и мигалкой. Сидевший за рулем детектив-лейтенант Аарон Кобб сыпал проклятиями направо и налево; особенно доставалось велорикшам, к которым он, похоже, испытывал особенную неприязнь.

Пат Лэниган расположился впереди, рядом с коллегой, тогда как Грейсу досталось место сзади, где пахло потными ногами и протухшим кебабом. Несколько раз он пытался позвонить Клио, но оба ее телефона, домашний и мобильный, сразу переключались на голосовую почту — возможно, она разговаривала по обоим. Его часы показывали 10.20 утра, в Брайтоне — 15.20.

— Подъезжаем к следующему по списку, Рой, — предупредил Лэниган.

Кобб припарковался у отеля «Флатирон», одного из красивейших в Нью-Йорке, и остался за рулем, тогда как Лэниган и Грейс выскочили из машины и поспешили к входу в небольшой магазин, название которого, выписанное старинным шрифтом, красовалось над витриной: «Секонд-хенд». Вторая надпись, сделанная более мелкими буквами, гласила: «Хорошие часы, покупаем и продаем». Среди представленных на витрине классических брендов суперинтендент узнал «Ролекс», «Патек Филип» и «Омегу».

Дверь была закрыта, но Лэниган нажал неприметную кнопку рядом с ней, и через несколько секунд детективы услышали, как замок щелкнул. Они вошли. Внутри помещение оказалось значительно больше, чем можно было предположить, а встречал гостей приятный запах старой кожи.

Рой Грейс всегда питал слабость к часам, хотя большинство тех, которые ему нравились, находились за пределами его финансовых возможностей.

Высокие, от пола до потолка, витрины, разделялись на секции по брендам; отдельные застекленные шкафы стояли по всему залу. В ближайшем из них Грейс разглядел от руки заполненные ценники — цифры с многочисленными нулями.

Из-за стола в дальнем конце зала поднялся пожилой, около семидесяти, мужчина.

— Доброе утро, джентльмены. Чем могу помочь? — Приятный голос с легким акцентом мог принадлежать образованному джентльмену старой школы.

Пат Лэниган показал полицейский жетон.

— Мне нужен мистер Туркан. Мистер Аттила Туркан.

— Он перед вами.

— Детектив Лэниган. Я уже звонил вам, предупреждал, что мы заглянем.

— Вы очень удачно попали, джентльмены, — как видите, у нас сегодня тихо.

День выдался теплый, и хозяин магазина был в легком синем в белую полосочку пиджаке и белой рубашке с элегантно повязанным сине-белым шелковым галстуком. Выглядел он для своих лет вполне достойно. Короткие, элегантно подстриженные седые

волосы изрядно поредели, тонкие, аккуратные усики придавали ему вид, как показалось Грейсу, дамского угодника, чем-то напоминающего актера Омара Шарифа.

— Со мной детектив-суперинтендент Рой Грейс из английской полиции, — продолжал Пат Лэниган. — Полиция Нью-Йорка помогает его группе в расследовании, где помимо прочего фигурируют украденные карманные часы, редкие и весьма дорогие.

— Мы пришли к вам за помощью, — подхватил Рой Грейс. — И только. Мы ни в чем вас не обвиняем. — Он моргнул от боли — яркий верхний свет ударил в усталые глаза — и отступил на пару шагов в сторону.

Хозяин магазина немного расслабился, но по-прежнему чувствовал себя не вполне комфортно.

— Не желают ли джентльмены выпить по чашечке турецкого кофе?

— Боюсь, у нас слишком мало времени, — ответил Лэниган.

— Прежде чем купить какие-то часы, я должен быть на сто процентов уверен в их подлинности. На сто процентов, понимаете? — На столе зазвонил телефон, но мистер Туркан не обратил на это никакого внимания.

— Именно на этом вы и построили свою репутацию, — заметил Лэниган.

— Вот именно. Меня знают во всем мире. Я предлагаю самые лучшие цены, у меня самые лучшие часы — мне все доверяют. Расскажите, о каких именно карманных часах идет речь?

— «Патек Филип» 1910 года.

Мистер Туркан понимающе кивнул:

— По-моему, оповещение относительно этих часов уже прошло некоторое время назад. Ни один уважающий себя дилер связываться с ними не станет.

— Именно в этом и состоит наша проблема, — сказал Рой Грейс. — Человека, у которого, как мы полагаем, находятся сейчас часы, зовут Имон Поллок, хотя он пользуется и другими именами. — Он достал и показал Туркану фотографию. — Знаете его?

Несколько секунд хозяин магазина внимательно рассматривал карточку — все это время Грейс пристально наблюдал за его глазами, — потом покачал головой:

— Извините, нет. Никогда раньше не видел.

Он говорил правду.

— Полагаю, в Нью-Йорке есть люди, которые могут и не проявить такой же щепетильности, если им предложат ценный экземпляр? — спросил суперинтендент.

Туркан рассмеялся:

— Такие, разумеется, есть, но я их не знаю.

— Даже по репутации?

— Это не мой мир. Я, как выражаются на современном жаргоне, в этом пространстве не обитаю. — Мистер Туркан усмехнулся, и Грейс заметил, как блеснули золотом его зубы. — Ничем не могу вам помочь. Поверьте, мне очень жаль. — Он посмотрел на Лэнигана. — Если вы дадите мне номер вашего телефона и если этот мистер Поллок зайдет сюда, я сразу же и с удовольствием вам позвоню.

Детектив протянул ему свою карточку:

— В любое время дня и ночи.

Вернувшись в машину, Рой Грейс перечеркнул на карте кружок, которым был обведен «Секондс-хенд». За последние сорок минут этот был третьим из длинного списка дилеров —

как вполне уважаемых, так и не очень, — составленного Перегрином Стюартом-Симмондсом в Англии и двумя нью-йоркскими полицейскими из отдела тяжких преступлений.

Гай Батчелор и Джек Александер с детективами Китом Джонсоном и Линдой Блэнксон проверяли других дилеров. Грейс уже собирался связаться с ними и узнать, нет ли новостей, когда позвонила Клио.

— Дорогой, Хамфри не просыпается, — испуганным голосом сообщила она.

— То есть как это?

— У нас здесь уже полчетвертого, а он весь день проспал в своей корзине. Я уже беспокоюсь.

Хамфри всегда просыпался раньше всех в доме и, если обнаруживал, что дверь в спальню открыта, забегал и стягивал со спящих хозяев одеяло. Так долго пес никогда не спал. Первое возможное объяснение — заболел. Но Грейс всегда верил в принцип «бритвы Оккама», согласно которому наиболее вероятное объяснение обычно и бывает правильным. Прошлой ночью кто-то пытался забраться в их дом. Теперь их пес разоспался дольше обычного. Скорее всего, два этих события как-то связаны.

— Дыхание нормальное?

— Храпит.

— Дорогая, это может быть очень важно. Ты не могла бы показать его ветеринару?

— Конечно, и оставить Ноя одного в доме?

— Да, научи его пользоваться пылесосом и стиральной машиной. Послушай, я не шучу. Хамфри могли чем-то усыпить, но, пока организм не вывел эту дрянь, нужно взять анализы. Если у тебя не получается, я попробую договориться с полицейским кинологом.

— Ты бы очень мне помог.

— Хорошо, предоставь это дело мне. Я перезвоню.

— Ты ведь будешь дома уже утром.

— Несомненно. Мне уже заказали билет.

— Я боюсь.

— Не надо, милая. Дом надежно патрулируют, и у ворот должен быть полицейский. К тебе уже приехал кто-нибудь?

— Да. Милая женщина, зовут Линда Бакли.

— Хорошо, теперь тебе будет легче. Как Ной?

Телефон пискнул — входящий вызов.

— Ной в полном порядке. Он сейчас занят. Сам знаешь чем.

Грейс усмехнулся. Телефон продолжал пищать.

— Мне звонят, дорогая. Люблю тебя.

— Я тебя тоже.

Он переключился на входящий.

Гленн Брэнсон звонил из морга, где присутствовал на вскрытии Эмиса Смолбоуна.

— Есть кое-какие новости, Рой. От Алека Дэвиса. Ты прав, смышленый паренек.

Молодого детектива-констебля Алека Дэвиса Грейс привлек в свою команду несколько месяцев назад, увидев в нем задатки детектива с большим будущим.

— Рассказывай.

— В субботу ночью имело место проникновение со взломом в фирму по недвижимости, «Рэнд и К°». Именно они и занимались соседним с Клио домом. Дэвис связался с ними и узнал, что пропала только одна вещь. Угадай, что именно. Готов?

— Готов.

— Запасные ключи от дома… Чеза Эмиса Смолбоуна.

— Насчет того, кто и зачем это сделал, предположения есть?

— Не только предположения. В офисе найдены отпечатки обуви, и я только что получил результат анализа от Хейдна Келли, сравнивавшего их с отпечатками, обнаруженными в доме Смолбоуна. Совпадение полное.

Грейс ненадолго задумался: и что бы это могло значить?

— Если Келли прав, то получается, что кто-то обзавелся ключами от дома Эмиса Смолбоуна, а потом проник туда. В ту же самую ночь, когда Смолбоун свалился с крыши?

— Для старичка ты еще неплохо соображаешь.

— Иди к черту. Итак, он упал или его столкнули?

— Я подумал, что это ты сам будешь решать.

110

По лицу Имона Поллока катились крупные капли пота. Весь его средиземноморский загар внезапно сошел, и кожа приобрела болезненно-бледный оттенок. Трясясь от ужаса, он смотрел в дуло направленного на него револьвера и горящие гневом глаза старика.

— Папа! — Лукас Дейли поднялся из кресла. — Опусти эту штуку.

— Опущу, когда покончу с этим мешком дерьма, — ответил Дейли-старший, потрясая револьвером перед Поллоком. — А теперь сядь.

Лукас колебался.

— СЯДЬ!

— Папа!

Гэвин Дейли спустил курок. В тесном помещении выстрел прозвучал едва ли не громче удара грома. Пуля разорвала столешницу в паре футов от того места, где стоял Лукас, раскидала щепки и ушла в ковер.

В наступившей за этим тишине все четверо замерли, на мгновение оглушенные. В воздухе запахло кордитом.

— Я сказал сядь! — прошипел старый антиквар.

Лукас сел.

— Гэвин! — заговорил, придя в себя, Джулиус Розенблаум. — Какого черта…

— Весь ущерб будет оплачен, Лукас. Ты должен понять, что здесь происходит.

— Господи, Гэвин! Если тебе нужно с кем-то посчитаться, делай это, пожалуйста, в другом месте.

Тяжело опираясь на палку, старик сделал шаг вперед и ткнул в Поллока револьвером.

— Дядя этой крысы убил моего отца. — Он направил дуло на Лукаса. — А этот, еще один мерзавец, к несчастью, мой сын. Ради часов они убили мою сестру.

— Нет… папа… я бы никогда… план был совсем другой!

— Ну так расскажи мне, какой у вас был план. А я послушаю. Уж очень хочется узнать, почему убили мою сестру и почему вы двое пытаетесь здесь, в Нью-Йорке, продать украденные у меня часы. Давай рассказывай. Я внимательно тебя слушаю, так что ты уж постарайся.

Поллок и Лукас переглянулись.

Дверь приоткрылась, и в кабинет, заметно нервничая, заглянула секретарша.

— Я слышала… э-э-э… все в порядке? — Она заметила револьвер и осеклась.

Розенблаум неуверенно пожал плечами:

— Ничего особенного, Марджори. Небольшие семейные разборки.

— Мне вызвать полицию?

— В этом нет необходимости.

Секретарша торопливо отступила и захлопнула дверь.

— Папа, я все объясню, — пробормотал Лукас.

— Я уже сказал, что слушаю. Но все твои проделки, говнюк, мне давно известны. Опять долги, так?

— Ты же мне денег не даешь.

— В таком возрасте не пора ли научиться самому себя обеспечивать, а не сидеть на шее у меня и жены? Или думаешь, что будешь убивать члена семьи каждый раз, когда тебе понадобятся деньги?

— Папа, повторяю, план был другой. Просто все… все пошло не так. Пойми же, Эйлин никто и пальцем трогать не собирался!

— Я одно понимаю: моя сестра мертва, а часы, принадлежавшие нам двоим и лежавшие в ее сейфе, теперь лежат здесь. И за всем этим стоите вы двое. — Дейли направил револьвер на Поллока. — Хочу тебя послушать. Хочу знать все, что знаешь ты.

— Не убивайте! — воздев руки, взмолился Поллок. — Пожалуйста, не убивайте.

— А почему? Разве твои головорезы пощадили мою сестру? Я так не думаю.

— Пожалуйста. Я расскажу все, что знаю.

— Начни с начала. Я хочу услышать о Культяшке. Хочу знать, как все было в ту ночь, когда он убил мою мать и увел моего отца. Что тебе известно об этом? Что об этом говорили в вашей семье? Твой дядя хвастался, как убил мою мать?

— Об этом я знаю мало, — захныкал Поллок. — Про дядю мне рассказывал отец. Пока отца не посадили, я жил в Бруклине. Мать была родом из Англии, и она увезла меня туда. Слышал, что дядю Мика, Культяшку, убили через несколько лет после вашего отца.

— Какая печаль, — съязвил Дейли-старший. — Твой дядя — убийца, а твой папаша — уголовник. И ты тоже убийца. Милая семейка. Вот будет радости в аду, когда вы все там встретитесь.

— Я мало что знаю про то, как умер ваш отец.

Несколько секунд Гэвин Дейли молча смотрел на него. Слова Поллока звучали в голове неумолчным эхом. Руки дрожали, держаться на ногах помогала только палка.

— Что ты имеешь в виду?

— Слышали выражение «прогуляться по пирсу»?

Дейли ответил ему холодным взглядом.

— Отец как-то рассказал мне про Брендана Дейли. Вашего старика. Такую вот «прогулку» они и устроили ему однажды ночью.

— Какой ночью? Той, когда увели из дома? Или они держали его где-то и пытали?

— Не знаю.

— Где это случилось?

— Под Манхэттенским мостом, в конце табачного склада, была пристань. Теперь от старого Бруклина там ничего уже не осталось. Все перестроено.

Гэвин замер, переваривая услышанное и переводя дуло револьвера с Поллока на Лукаса и обратно. Новость не удивила, слишком много времени прошло с тех пор.

— Тогда еще снег лежал, — продолжал Поллок. — Отец говорил, что им повезло: копы были нерасторопные и ничего не заметили.

— Не заметили чего?

— Что следов в сторону Ист-Ривер было пять пар, а в обратном направлении только четыре.

— Точнее, три с половиной, если там был твой дядя.

Поллок неуверенно посмотрел на антиквара, словно не зная, что делать — улыбаться или молчать.

— Твой отец говорил что-нибудь о цифрах? — спросил Гэвин Дейли.

— Цифрах?

— Двенадцать цифр. 953704042404. Это что-нибудь для тебя значит?

Поллок нахмурился:

— Можете повторить?

Дейли повторил.

Поллок покачал головой.

— Мы с Эйлин и тетей Уной ждали посадки на «Мавританию». Ко мне подбежал какой-то парень, посыльный. Отдал часы. Они уже остановились и были в таком состоянии, как сейчас. Еще он дал мне вот этот револьвер и вырезку из газеты с написанными на ней четырьмя именами — среди них было и имя твоего дяди — и вот этими двенадцатью цифрами. А еще, перед тем как уйти, он передал такое сообщение: «Запомни числа».

Теперь нахмурился уже Джулиус Розенблаум:

— Повтори-ка еще раз, Гэвин.

Дейли снова повторил. Розенблаум записал цифры на листке бумаги, задумчиво посмотрел на них и покачал головой.

— Ну вот, снова то же самое. Записал наоборот. А вот это уже интересно.

Он поднял листок и, заметно разволновавшись, переписал цифры.

— Когда-то я знал прибрежные воды как свои пять пальцев. В хорошую погоду ходил по Ист— и Уэст-Ривер. Любовался Манхэттеном. Такое никогда не надоест. Летом заходил в Гар лем-Ривер. Там по обоим берегам деревья, ни одного здания не видно. Как будто ты где-то в глуши. — Розенблаум порылся в ящике и достал перехваченный резинкой свиток. — 404240407359. Есть одна мысль. — Он развернул свиток, и Гэвин Дейли, наблюдавший за ним краем глаза, увидел, что это навигационная карта. — Если я прав, здесь недостает трех знаков. И еще букв и символов. О'кей. Сначала поставим N перед 40. Потом символ градусов. Сорок градусов северной широты. После 42 поставим символ минут. Сорок две минуты. Далее 404. Перед 073 ставим W и знак градусов. Знак минут после 59. Как я и думал, недостает трех знаков.

— Недостает чего? — спросил антиквар. — Трех знаков чего?

— Следуя этим координатам, ты попадешь под Манхэттенский мост. Но мост большой и накрывает изрядную территорию. Нам нужны еще три цифры.

Гэвин Дейли снова посмотрел на часы. И вдруг понял.

Как же он не понимал этого девяносто лет?

111

Рой Грейс почти физически чувствовал, как уходит, теряя минуту за минутой, время. И с каждой минутой росла вероятность того, что Имон Поллок уже сбыл часы и уехал из города, а может быть, и из Америки под одним из своих вымышленных имен.

— Эй, пошевеливайся! — крикнул Аарон Кобб, обращаясь к водителю перегородившего улицу фургончика. — Давай двигай! У нас тут срочное дело!

Грейс с трудом сдерживал накопившуюся на лейтенанта злость. Сделай он свою работу как надо, они не оказались бы сейчас в такой ситуации, а сидели бы на хвосте у Поллока. И

где искать его теперь? Он ведь мог даже не носить часы к дилеру, а обратиться к частному покупателю. Гектор Уэбб, бывший глава антикварного отдела брайтонской полиции, рассказывал, что богачи нередко покупают краденые предметы искусства и хранят их в частных галереях, в подвалах своих особняков, испытывая тайное удовольствие от осознания собственной вины. Это же относилось и к часам.

Одно ясно, Имон Поллок не дурак. Он попал под объективы камер, когда регистрировался в отеле, но, уходя оттуда среди ночи, удачно их избежал. Камеры не прикрывали только один выход, через кухню, и именно через него вышел Поллок. Как он узнал об этом выходе, оставалось только гадать. К тому же теперь это уже не имело значения. Важно было то, что он ушел.

Позвонил Гай Батчелор. Ни у одного из дилеров, которых они успели посетить, удача им пока не улыбнулась. Через минуту о том же доложил Джек Александер.

Грейс быстро произвел несложные расчеты. В аэропорту Ньюарк ему нужно быть к семи вечера, а значит, из Манхэттена выехать в шесть. Следовательно, на поиски Поллока остается около семи часов. Или же он возвращается домой с пустыми руками. Грейс планировал оставить в Нью-Йорке Батчелора и Александера, но чутье подсказывало, что решающий день — сегодня.

Если они не найдут Имона Поллока прямо сейчас с «Патеком Филипом» в горячей, потной ладошке, то нечего и надеяться предъявить ему какие-либо обвинения.

— Какие новости? — спросил, поворачиваясь, Пат Лэниган.

— Гусиное яйцо, — криво усмехнулся Грейс. Пустые старания. Столько потрачено времени и сил — и все понапрасну. В пятницу Имон Поллок побывал у доброй дюжины добропорядочных дилеров, и сделал это с вполне определенной целью — выяснить рыночную цену часов. Но сегодня он осторожен и рисковать не станет.

Суперинтендент посмотрел в окно на уличного торговца, продающего шляпы и шарфы. Мимо, сигналя, проехал мотоциклист. Где-то поблизости, продираясь сквозь плотный поток движения, прогудела пожарная машина. Он перевел взгляд на уходящую в небо стену с тысячью окон. Имон Поллок мог находиться сейчас за любым из них. За любым из миллионов окон в этом городе.

Один человек и часы.

Иголка в стогу сена.

112

Гэвин Дейли ткнул револьвером в сына.

— Забери карту и уходим. — Он повернулся к Джулиусу Розенблауму: — Извини за беспорядок. Пришли счет — я все оплачу. И заранее прошу извинения за возможные будущие неприятности. — Он наклонился, забрал со стола часы и опустил их в карман пиджака.

Имон Поллок начал подниматься.

— А ты куда собираешься? — рявкнул Дейли, наводя на него револьвер. — Сядь! Ты никуда не пойдешь. Я с тобой еще не закончил. Знаешь, какое у ирландцев наказание? Пуля в колено. Ты заслужил две, по одной в каждое — за то, что твой дядя сделал с моей мамой, и за то, что он сделал с моим папой. Да? Думаю, я так и сделаю.

Поллок — глаза у него вылезли на лоб от страха — отчаянно замотал головой:

— Пожалуйста, не надо! Я расскажу все, что знаю.

— Гэвин, — осторожно предупредил Розенблаум.

— Джулиус, дядя этого мерзавца сломал мое детство. Теперь он отравляет мою старость. По-твоему, он заслуживает милосердия? Этот жирный алчный стервятник?

— Успокойся, давай его выслушаем.

Гэвин Дейли повернулся к Поллоку:

— Ладно, кусок дерьма, я тебя слушаю.

— Я дал Лукасу денег. Он пришел ко мне, и я помог ему выпутаться.

— Как мило. А потом он не вернул в срок? Я угадал?

— Да, папа. Он одалживает деньги, это его бизнес, — вставил Лукас.

— Так ты ростовщик? — Палец Гэвина Дейли плясал на спусковом крючке. — Настоящий Шейлок?

Джулиус Розенблаум шагнул к столу.

— Не надо, Джулиус. Оставайся на месте. Нажмешь кнопку — я и тебя пристрелю. Ей-богу.

— Тебе нужно успокоиться, — повторил Розенблаум.

— Нет. Мне девяносто пять, и мне ни к чему успокаиваться. — Он повернулся к Поллоку: — Ты отправил двух или, может, трех подонков, чтобы ограбить девяностовосьмилетнюю леди, которая никогда никому ничего плохого не сделала. Они до смерти замучили мою сестру, а ты ждешь от меня пощады? Да?

— Я им таких инструкций не давал.

— Неужели? У тебя был код от сейфа, ты получил его от моего сына-паршивца, так зачем было мучить мою сестру? Они вынесли антиквариата на десять миллионов фунтов и до смерти замучили мою сестру за ПИН-коды кредиток и несколько жалких сотен. Зачем? Забавы ради или потому, что ты из жадности не заплатил им как надо за грязную работу?

Поллок трясся от страха.

— Нет, ничего подобного, нет.

— Встань!

Имон Поллок тяжело поднялся. Съежился. Его колотила дрожь.

Гэвин Дейли уставился на темное пятно, расплывающееся у него на брюках.

— Обмочился. Да что же ты за мужчина такой?

Взгляд Имона Поллока заметался по комнате, словно в поисках выхода.

— Отец, успокойся.

— Успокоиться? И это советует мне человек, регулярно избивающий свою жену? — Гэвин Дейли посмотрел на Джулиуса Розенблаума. — Она очень красивая, умная. Ведущая выпуска новостей на телевидении. Лукас, когда бьет ее, всегда делает это так, чтобы синяков видно не было, чтобы они не мешали ей зарабатывать, а то ведь ему и проматывать будет нечего. Он у меня храбрец, мой сынок. — Дуло револьвера сделало полукруг, включив в него троих мужчин. — Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Имон и Лукас, вы один другого стоите.

— Трогать Эйлин ни у кого и в мыслях не было. Пожалуйста, поверьте, — захныкал Поллок. — Пожалуйста!

— Это ты их нанял, Кена Барнса и Тони Макарио. Они долго на тебя работали. Ты должен был знать, что они за люди и на что способны, если перед ними старая беззащитная женщина. Чему тут верить?

— Пожалуйста…

Гэвин Дейли спустил курок.

Грохот выстрела снова заполнил комнату. Из правого плеча Поллока ударила кровь. Сам он покачнулся и свалился на пол. Челюсть отвалилась, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Упс. Извини, Имон. Я не нарочно. Ты мне веришь?

— Гэвин! — крикнул в ужасе Розенблаум.

— Отец!

— Это за мою маму. А вот это за папу! — Гэвин выстрелил еще раз.

Поллок хватал ртом воздух, как будто с его груди убрали дефибриллятор. Теперь красное пятно растеклось уже на левом плече.

— Нет! Нет! Нет! — Имон Поллок бился на полу, вопя от боли и ужаса и выставив руки, словно они могли защитить его от следующей пули.

— Гэвин! — Розенблаум покачал головой. — Прекрати это. Ты что, рехнулся? — Он сделал еще шаг к столу.

Дейли направил на него револьвер:

— Не двигайся.

И тут же снова прицелился в Поллока.

— Нет, нет, ради бога! Пожалуйста, не надо! Господи, нет! — пищал Поллок, елозя по ковру.

Дуло смотрело ему в промежность.

— Нет. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста… Нет! Антиквар выстрелил в темное пятно.

Поллок издал звериный вой. С искаженным лицом, дрожа всем телом, зажимая руками промежность, он сидел на полу, и из его горла, из самой глубины, исторгался стон, становившийся все громче и громче.

— Боже мой, — пробормотал Розенблаум.

Гэвин Дейли направил револьвер на Лукаса:

— Уходим.

Лукас словно прирос к полу.

Старик прошел к двери и, сделав знак сыну, повернулся к старому знакомому:

— Извини, Джулиус. Мне жаль, что это произошло здесь.

Поллок ревел уже во все горло.

Удерживая Розенблаума под дулом револьвера, Гэвин Дейли посмотрел на раненого — белое как простыня, перекошенное болью лицо, выпученные глаза, липкая пленка пота на лбу, дыхание мелкое, учащенное, руки, все в крови, на промежности.

— Удачи тебе, когда захочешь в следующий раз повеселиться. — Антиквар ткнул револьвером в сына, прижимавшего к груди карту и выглядевшего как попавший в круг света кролик. — Пойдешь со мной. — Он отшвырнул револьвер. — С этим покончено. Может быть, для этого отец и послал его мне. Не знаю. Но с этим покончено.

Гэвин Дейли протопал мимо застывшей в ужасе секретарши, вышел из офиса и шагнул к лифту.

— Отец, это же безумие! — воскликнул Лукас, когда кабинка тронулась с места. — Ты совсем спятил?

— Заткнись. С тобой, мальчик, я еще и не начал.

Дейли-младший промолчал. Они спустились, и антиквар вышел на улицу.

Черный лимузин уже стоял напротив входа. Едва увидев клиента, шофер выскочил и открыл заднюю дверцу.

Лукас первым забрался в салон.

— Как ваши дела, сэр? — осведомился шофер, беря у старика палку.

— Ничего особенного.

113

Уже сидя в машине, Гэвин Дейли услышал сирену и, обернувшись через плечо, посмотрел в затемненное заднее окно. Нет, не полиция, а всего лишь «скорая помощь». Старый антиквар облегченно выдохнул. Через пару секунд она с воем пронеслась мимо.

— Два квартала вперед, потом направо и остановите, где вам будет удобно, — проинструктировал он водителя.

— Ты понимаешь, что наделал? — оглядываясь на дверь офиса Джулиуса Розенблаума, прошипел Лукас. — Понимаешь, в каком ты теперь дерьме?

— Дай мне карту.

— Почему ты это сделал? Почему?

— Хочешь знать почему? Потому что я вряд ли проживу долго и не доверяю системе правосудия. Теперь я доволен. Я посчитался за Эйлин. По крайней мере, отчасти. Дай мне карту.

Лукас протянул карту, и Гэвин впился в нее взглядом. Потом вытащил из кармана часы, посмотрел на них и вернулся к карте.

Лимузин повернул вправо, подъехал к бордюру и остановился. Не выпуская из виду сына, старик наклонился вперед и сказал водителю:

— У вас здесь есть выход в Интернет?

— У меня есть айфон, сэр.

— Я хочу, чтобы вы нашли для меня агентство, выполняющее водолазные работы. Здесь, на Манхэттене. — Антиквар вынул бумажник и протянул водителю две банкноты по пятьдесят долларов.

— В этом нет необходимости, сэр, но спасибо. Водолазные работы, говорите?

— Да, пожалуйста.

Водитель поднял лежавший на сиденье телефон. Вдалеке завыла еще одна сирена, потом еще. Потом они стихли — судя по звуку, где-то неподалеку. И тут же Дейли услышал третью.

— Их здесь целый список! — Водитель подал ему телефон.

Старик пробежал по списку глазами. Внимание привлекло одно. «„Скуба Хадсон‟. Даем уроки на собственном водолазном боте. Швартуемся в центральном Манхэттене».

— Позвоните, пожалуйста, им, — попросил он.

Через несколько секунд шофер вернул ему телефон.

— «Скуба Хадсон», — послышался из трубки бодрый, беззаботный голос. — Чем можем вам помочь?

— Моя просьба, возможно, покажется вам немного необычной. Мне нужна ваша лодка и опытный ныряльщик. Минут через тридцать или раньше. Я не знаю, сколько вы берете, но, если успеете, получите бонус в десять тысяч долларов.

114

«Краун-виктория» лейтенанта Кобба мчался по Бруклинскому мосту, направляясь в офис Пата Лэнигана. Ехавший в ней Рой Грейс пребывал в подавленном настроении. Он договорился о встрече с Гаем Батчелором и Джеком Александером — обсудить следу ющие шаги, но теперь даже не представлял, какими они могут быть.

Не помогало и то, что он плохо спал, и то, что находился в чужом городе, несравненно большем, чем Брайтон, и воспринимавшемся теперь — несмотря на то что он бывал здесь раньше и любил Нью-Йорк — как совершенно чужой. Имея в своем распоряжении все ресурсы и возможности нью-йоркской полиции, он плохо представлял, как и где воспользоваться ими с наибольшей пользой. В Англии такой проблемы просто не было бы.

Глядя из окна вниз, на Гудзон, Грейс заметил вертолет, поднимающийся с площадки у реки, и идущую вверх по течению груженную лесом баржу. Автомобиль едва ощутимо подпрыгивал на стыках, но суперинтендент не замечал этого, полностью занятый своими мыслями. Как, черт возьми, Эмису Смолбоуну удалось снять дом по соседству с Клио? Служба по надзору должна отслеживать такого рода вещи — так почему не отследили? Или он просто устал и оттого несправедлив к ним?

На самом деле причина невнимательности заключалась в том, что дом зарегистрирован на Клио, и никто никакой связи не усмотрел. Вот и все объяснение. Они удачно отделались.

Он поежился.

Насколько реальной была опасность для Клио и Ноя?

Как ему защитить их в будущем? Что можно сделать? Уйти из полиции и до конца жизни оберегать двоих самых дорогих ему людей? Сейчас он склонялся именно к этому.

Грейс вспомнил, что говорил ему информатор Донни Лонкрейн в тюрьме Льюис. О том, что Эмис Смолбоун и Имон Поллок спелись много лет назад.

Тогда он не придал этому большого значения, но последние новости наводили на новые мысли. Смолбоун снял дом по соседству с Клио явно с каким-то зловещим намерением. Он обзавелся подслушивающим оборудованием, следовательно, был в курсе всего, о чем они говорили. Теперь он мертв, похоже, свалился с пожарной лестницы. И кто-то вломился в офис компании по аренде недвижимости и украл запасные ключи от снятого им дома.

Совпадение или нечто иное?

Теперь дом Смолбоуна — место преступления, и криминалисты уже ищут свидетельства постороннего вторжения. Кто мог желать его смерти? Любой из тех, кому этот паршивец и его криминальная семейка когда-либо перешли дорогу. Но если кто-то желал посчитаться со Смолбоуном за старые обиды, это можно было сделать в те двенадцать лет, пока он был в тюрьме. Более подходящего места для сведения счетов не найти.

Если смерть Смолбоуна не случайна, если его столкнули, то, скорее всего, по какой-то другой причине.

Чтобы заткнуть ему рот?

Не сыграла ли свою роль связь между Имоном Поллоком и Эмисом Смолбоуном? Мог ли Поллок быть заинтересован в молчании Смолбоуна? Причастен ли последний к ограблению? Если да, то в каком качестве? Как укрыватель краденого? Донни Лонкрейн упомянул, что скупщиком был Поллок, — так что они действовали сообща?

Ответ мог дать только один человек: Гарет Дюпон. Но захочет ли он говорить?

Мысли ушли в сторону. Два подручных Имона Поллока найдены мертвыми в Испании. Руку к этому почти наверняка приложил Лукас Дейли, летавший в Марбелью с Августином Красники, своим кадди. Кадди… чушь.

Собранная по Красники информация свидетельствовала о том, что он — телохранитель Лукаса Дейли. Албанский иммигрант, бандит, подручный младшего Дейли. Итак, эти двое летали в Марбелью, чтобы убить Макарио и Барнса. Зачем? Чтобы не проболтались? Или по какой-то другой причине?

И вот теперь Лукас Дейли, как и его отец, в Нью-Йорке. Что же, черт возьми, происходит?

Сидевший впереди Пат Лэниган опустил руку с телефоном и обернулся:

— Думаю, Рой, мы его нашли. Стрельба в офисе одного манхэттенского дилера. Жертва опознана как Имон Поллок. Получил серьезное ранение.

«Линкольн-таункар» неспешно катил мимо растянувшихся вдоль пристани огромных безобразных строений из кирпича и бетона. Увидев в заднее окно закрытые стальные двери грузового бокса, Гэвин Дейли повернулся к шоферу:

— Здесь.

Автомобиль остановился у входа, помеченного надписью «Причал 92» и широкой желтой полосой на бетонной колонне.

— Подождите нас, — сказал Гэвин Дейли. — Мы ненадолго.

— Буду на месте, сэр!

Шофер выскочил из машины, открыл старику дверцу и передал палку. Лукас Дейли последовал за отцом.

Антиквар прошелся взглядом по списку компаний на стене и направился к входу в ресторан. Его встретил просторный зал с высоким потолком и обнаженными металлическими конструкциями. Из широкого, на всю стену, окна открывался приятный вид на небольшую набережную, Уэст-Ривер и Нью-Джерси на другом, далеком берегу.

В этот час заведение было почти пустое. На сияющих деревянных столах стояли обеденные приборы и бутылки с кетчупом. Слева от входа поместился бар, за стойкой высились медные пивные бочонки. Полировавший пивную кружку лысоватый, средних лет бармен приветливо улыбнулся:

— Чем могу помочь, джентльмены?

— Мы ищем «Скуба Хадсон», — ответил Гэвин Дейли. — Нам сказали, это где-то здесь.

— Все правильно. — Бармен указал на дверь в дальнем конце помещения. — Пройдите туда и увидите. Лодка будет внизу, у пристани.

Они прошли через зал. Едва выйдя за дверь, Гэвин Дейли вдруг остановился, попав в капкан нахлынувших воспоминаний.

Сердце сжалось.

Конечно, здесь все было по-другому. Как-никак прошло девяносто лет.

И в то же время все осталось прежним.

Место было то самое.

Глаза его повлажнели.

Он почти не замечал стоящих вдоль понтонов юрких катеров и яхт. Взгляд его ушел дальше, к уходящему в спокойную грязноватую воду серую двухэтажную надстройку — причал 54.

Там, именно там он стоял в далеком 1922-м вместе с сестрой Эйлин и тетей Уной, ожидая посадки на «Мавританию».

Там, пробившись через толпу отъезжающих, посыльный вручил ему пакет с пистолетом, карманными часами и вырезкой из газеты с цифрами и именами.

«Запомни числа».

На табличке перед ним большими красными буквами по белому фону было написано: «Частная собственность. Только для владельцев и их гостей. Пирсы Челси».

Круто уходящий вниз дощатый трап спускался к пристани, где стоял фибергласовый водолазный бот с подвесным мотором. Штурвал и пульт управления располагались в центре. Там же, облаченный в легкий водолазный костюм, стоял молодой, лет двадцати с небольшим, парень с выгоревшими на солнце волосами. Мужчина постарше — загорелый, с приятным лицом — передавал ему баллоны, ласты, шноркель и, наконец, кулер.

— «Скуба Хадсон»?! — крикнул Гэвин Дейли, осторожно спускаясь по трапу.

— Это мы! — ответил тот, что постарше. — Мистер Дейли?

— Да.

— Я — Стюарт Кэмпбелл. Наш ныряльщик сегодня — Томми Ловелл.

— Спасибо, джентльмены. Очень вам признателен. Как с вами рассчитаться? Карточки принимаете?

— Принимаем, сэр.

Стюарт Кэмпбелл взял у старика палку и подал руку. Лукас поддержал отца за другую. С их помощью антиквар переступил на бот. Кэмпбелл указал ему на широкую, с мягкой подбивкой скамью на корме.

— Самое удобное место, сэр. И самое сухое. — Он поднырнул под штурвал и с ловкостью фокусника предъявил машинку для кредитных карт. — Мы берем семьсот пятьдесят за первый час и по пятьсот за каждый последующий. Плюс топливо. — Кэмпбелл вручил клиенту машинку.

Старик сунул в приемную щель свою карточку «Американ экспресс», ввел необходимую информацию и вернул машинку.

Кэмпбелл взглянул на дисплей и с сомнением покачал головой:

— По-моему, мистер Дейли, вы поставили лишний ноль.

Гэвин Дейли тоже взглянул на дисплей.

— Нет, все правильно. Я так и сказал вашему человеку, с которым говорил по телефону. Бонус в десять тысяч долларов, если сделаете все как надо. — Лодка качнулась, и он оперся рукой о сиденье.

— Вы очень щедры, сэр, невероятно щедры. Но при всем уважении, это очень большие деньги. — Кэмпбелл нахмурился, словно вдруг увидел своих клиентов в каком-то ином свете. — Вы можете дать гарантию, что не планируете ничего противозаконного?

— Дорогой мой, я категорически уверяю вас, что ничего противозаконного требовать не стану. Будь иначе, я заплатил бы в десять раз больше. Теперь довольны?

Кэмпбелл неуверенно кивнул. Лукас, стоявший рядом с кислым выражением на лице, прислонился к защитному козырьку.

— Можете уточнить, куда вы хотите попасть, мистер Дейли?

— Манхэттенский мост.

— Манхэттенский мост? Отлично.

— По прибытии на место я дам более точные указания.

— Босс здесь вы. — Кэмпбелл повернул ключ зажигания, моторы заурчали, и Томми Ловелл отдал швартовы.

Какое-то время бот неторопливо дрейфовал, потом двигатели резко взвыли, и суденышко двинулось вперед. Вспенилась и зашумела вода. В нос ударил запах соли и отработанного топлива.

Внутри у него все дрожало и пело.

116

Петляя в трафике, «краун-виктория» пронесся с включенной сиреной по Мэдисон-авеню, но убавил прыти, когда поток движения сгустился, и дальше уже едва полз. Впереди Грейс видел пульсирующие красные огни.

Путь преграждала развернувшаяся через две полосы патрульная машина. Другая, в таком же положении, стояла ярдах в ста от нее. Еще две остановились посредине улицы, а у тротуара припарковалась большая, похожая на ящик «скорая помощь» с закрытыми дверцами. Присутствие «скорой» ничего хорошего не обещает, подумал Грейс. Обычно оно означало, что с пострадавшим работают на месте. Следовательно, пациент в критическом состоянии.

Они остановились рядом со «скорой помощью», и в глаза Грейсу бросилась желтая с черным оградительная лента, натянутая через тротуар по обе стороны от входа в магазин. За ограждением стояли несколько полицейских. Двое в штатских костюмах — детективы, догадался Грейс — разговаривали с пожилым, броско одетым и весьма представительным мужчиной, пребывавшем, похоже, в шоке.

Лэниган, Кобб и Грейс вышли из машины. Первые двое показали жетоны подошедшему к ним капитану.

Капитан ткнул пальцем в «скорую помощь».

— Выглядит не больно хорошо. Пуля попала в бедренную артерию. Парень потерял много крови. Сейчас ему пытаются сделать переливание, а уже потом повезут в больницу:

— Кто он такой? — спросил Лэниган, указывая на мужчину, с которым разговаривали детективы.

— Владелец офиса, где случилась стрельба.

— Нам нужно с ним поговорить.

— Валяйте.

— Прошу прощения, джентльмены. — Прежде чем обратиться к старику, Лэниган кивнул детективам, которых, похоже, знал. — Я детектив Лэниган. Со мной детектив-лейтенант Кобб и детектив-суперинтендент Рой Грейс из Суссекса. Мы полагаем, что стрелявшим мог быть английский джентльмен Гэвин Дейли.

Старика все еще била нервная дрожь, от которой у него дергались брови.

— Верно. Обычно он вполне… спокойный, приятный человек. Но у меня в офисе как будто спятил.

— А вы сэр…

— Джулиус Розенблаум.

— Можете предположить, куда отправился мистер Дейли? Хотя дилер и дрожал, голос его оставался чистым и ясным.

— Думаю, он сейчас на Манхэттенском мосту.

— На Манхэттенском мосту? — повторил Лэниган.

— Да, сэр.

— Точно на мосту?

Розенблаум покачал головой:

— Нет, сэр. На воде. Либо под мостом, либо где-то рядом. С ним поехал его сын.

— И что ему нужно на Манхэттенском мосту?

— Гэвин Дейли ищет своего отца.

117

Отойдя от пристани, Кэмпбелл добавил газу. Прибрежный штиль сменился легким волнением, и бот запрыгал по волнам. Гэвин Дейли оперся о сиденье обеими руками. Слева от него стояли кислородные баллоны, спасательный круг и закрепленный на двух скобах небольшой огнетушитель. Под ногами, на бухте каната, лежала рукоятка лебедки.

Впереди, словно вырастая из воды, высилась бледно-зеленая статуя Свободы. Под ней, растянувшись длинной змейкой по серому бетонному основанию, стояли туристы, ждавшие своей очереди, чтобы подняться на лифте наверх.

Чем дальше в открытую воду уходила лодка, тем бурливее становилось море. Соленый ветер хлестал по лицу, оставляя пленку тумана на стеклах очков и покусывая глаза, но Гэвин Дейли решительно смотрел вперед. Он был в другом мире. Воспоминания возвращались волна за волной. Слева, на горизонте, поднималась ломаная стена Уолл-стрит; впереди, за

белым носом моторки и колышущейся зеленой равниной Гудзона, виднелся переброшенный через пролив Нэрроуз подвесной мост.

В 1922-м, когда он, еще маленький мальчик, покинул Нью-Йорк, моста не было. Но он ясно помнил, что видел с кормы «Мавритании» уходящую в туман и сумрак статую.

Там, в тумане и сумраке, оставался его отец.

Там оставалась вся его жизнь.

«Когда-нибудь, па, я вернусь и найду тебя. Спасу тебя, где бы ты ни был».

И вот он вернулся.

Наконец.

Теперь он исполнит данное обещание, и ничто его не остановит.

Бот повернул налево, беря курс на южную оконечность Манхэттена. Он видел Бэттери-парк, строения, поднимающиеся на Граунд Зеро, небоскребы вокруг. Неподалеку проходил паром на Стейтен-Айленд. Через несколько секунд бот наскочил на оставленный им кильватерный след, подпрыгнул, нырнул и снова подпрыгнул. Рукоятка от лебедки выскользнула из своего гнездышка и прокатилась мимо. Старик наклонился, поднял ее и вернул на место. Они вошли в Ист-Ривер, и перед ним открылся Бруклин — место, где он прожил пять первых лет своей жизни. Неподалеку с ревом прошел прогулочный катер с нарисованными на носу зубами, и секундой позже, когда лодку снова качнуло, старик крепче ухватился за сиденье. Рукоятка снова скатилась на днище, и он снова ее поднял.

Немного позже впереди возникла громадина Бруклинского моста с могучими темно-серыми опорами, высящимися над ними, словно древние монолиты. Бот нырнул в чернильную тень, под обрушившийся сверху грохот и гул, и выскочил на солнце, торопясь к протянувшемуся над рекой Манхэттенскому мосту. Под ним, направляясь вниз по течению, шло экскурсионное судно. По правому борту проползли унылого вида бурые высотки. За ними появилось сложенное из красного кирпича приземистое здание электростанции с устремленной в небо дымовой трубой. Дальше — мост.

Сердце подпрыгнуло. В животе взмахнули крылышками бабочки. Волнения здесь почти не было, но вода под ботом шумела и бурлила, перекрывая вой двигателей.

Стюарт Кэмпбелл убрал газ, и лодка, замедляя ход, скользнула в широкую тень под мостом.

Гэвин посмотрел на встающие из воды бетонные опоры. На поддерживающие мост стальные колонны. На огромное темное подбрюшье.

Дохнуло холодом.

Его вдруг начало трясти. Бот снова подбросило кильватерной волной от очередной прогулочной яхты. Все получилось не так, как он представлял. Но он был здесь и ощущал присутствие отца. Его зов. Под мостом как будто гремел его раскатистый голос. Гремел, заглушая нескончаемый шум проносящихся вверху машин.

«Эй, малыш, еще не спишь?»

Свело живот. Его окружала вода, темная, непроницаемая, зловещая.

Может быть, оставить все как есть? Не ворошить старые тайны? Может быть, он совершает ошибку? Но раз уж он зашел так далеко, разве долг его не в том, чтобы идти до конца? Он должен все знать. Должен сдержать обещание.

Лукас смотрел на него с выражением насмешливого любопытства, но старый антиквар не обращал внимания на сына. Это касается только его. Только его обещания.

Все прочее значения не имело. И иметь не будет.

Бот понемногу сносило течением.

Стюарт Кэмпбелл взглянул на судовой компас.

— Мистер Дейли, мы на месте. Координаты те, что вы нам дали. Сорок, сорок два, четыре ноль четыре — северной широты. Семьдесят три, пятьдесят девять — западной долготы. Недостает трех знаков, они у вас есть? С ними мы сориентируемся точнее.

Гэвин Дейли достал из кармана «Патек Филип». Зная цифры наизусть, он все же хотел удостовериться в том, что не ошибается.

Стрелки указывали на 4.05 пополудни.

— Четыре ноль пять, — сказал он.

Стюарт Кэмпбелл ввел данные.

— Точное место на глубине тридцать девять футов.

Гэвин Дейли посмотрел на часы и невольно содрогнулся.

Прежде он просто не замечал этого.

Положение секундных стрелок.

Они остановились на тридцати девяти секундах.

118

Дайвер пробыл под водой уже пятнадцать минут. Место погружения указывал привязанный к боту и дрейфовавший неподалеку розовый буек. Стюарт Кэмпбелл время от времени поглядывал на якорный канат, уходивший с кормы в воду и удерживавший суденышко, сопротивляясь быстрому течению начавшегося отлива.

Сонар помогал мало — «картинка» речного русла на зеленом экране получилась размазанная, нечеткая. Бросая взгляд на дисплей, Гэвин Дейли видел проносившихся мимо мелких рыбешек, а иногда и что-то покрупнее — вероятно, водолаза.

«Аномалий нет», — сообщил ему Кэмпбелл, и это означало, что ничего сколь-либо значительного сонар пока не обнаружил.

Может быть, тот, кто отправил к нему посыльного с часами, цифрами и прочим, просто решил пошутить? Жестокая, омерзительная, бесчеловечная шутка. Или все же посыльный выполнял поручение кого-то, в ком еще жило сочувствие?

Сейчас Гэвин Дейли больше склонялся к первому варианту.

Он сидел на скамье, сжимая в руках часы, пристально наблюдая за буйком и лишь иногда посматривая на мешанину толпящихся на берегу невзрачных строений. Взгляд его скользил по редким кустикам и последнему сохранившемуся с тех давних времен причалу. Мимо, натужно пыхтя, прополз черно-белый буксир со свисающими с борта покрышками, выполнявшими роль самодельных буферов. Он снова посмотрел на часы.

И заметил, как блеснули глаза у Лукаса. Сын так и не присел и, стоя у защитного козырька, смотрел на него. Точнее, на часы.

Старик поднял их.

— Сколько из-за них бед, да, из-за этого маленького механизма?

— Они красивые.

— Красивые? — Антиквар покачал головой. — Ты видишь не их физическую красоту, для тебя важна только их стоимость. Вот что для тебя красиво.

— Неправда!

— Ради них ты убил мою сестру.

Он увидел, как нахмурился, то ли не расслышав, то ли не поняв что-то, Кэмпбелл.

— Отец, ты должен понять…

— НЕТ! — рявкнул старик. — Я не должен ничего понимать! Ты это понимаешь?

Буксир успел удалиться, и теперь Гэвин Дейли услышал другой звук, поначалу очень слабый.

Лукас тоже его услышал и, беспокойно вскинув голову, оглянулся.

Секундой позже звук стал отчетливее — короткие, глухие, рубящие «чвяк-чвяк-чвяк» явно указывали на приближающийся вертолет. Гэвин Дейли повернулся и увидел движущееся низко над водой и увеличивающееся с каждой секундой пятнышко.

— Вот дерьмо, — пробормотал, бледнея, Лукас. — Вот дерьмо! Гэвин Дейли поднял часы над водой.

— Так будет лучше.

— Что ты делаешь, отец? Нет, не надо! Ты рехнулся!

— С ними покончено. Я уже покончил с револьвером и теперь покончу с часами.

— Ты шутишь!

— Что они принесли нам всем? Что принесли нашей семье? Мой отец владел ими и умер. Моя сестра хранила их у себя дома и умерла. Может, они прокляты. Я брошу их в воду — там они и должны были лежать все эти годы, вместе с твоим дедом. Там их место.

Вертолет приближался.

— Отец, не надо. Это же просто сантименты. Ты не можешь их выбросить. Не можешь!

За спиной у Лукаса появился синий катер с серой надстройкой. Он тоже двигался в их направлении и, судя по поднимаемой носом волне, с большой скоростью. Гэвин Дейли уже слышал ровный гул моторов.

Лукас тоже его услышал и обернулся.

— Господи! Вот же дерьмо.

— Что ты знаешь о сантиментах? — спокойно, не обращая внимания ни на вертолет, ни на катер, продолжал старик. — Ты не способен переживать. У тебя нет этого гена.

В глазах Лукаса страх боролся с алчностью, взгляд метался между часами и приближающимся катером, который уже достиг моста. Надпись на борту, как и торчащая антенна, ясно указывала на его принадлежность управлению полиции Нью-Йорка.

Громкоговоритель донес сильный бесстрастный голос:

— Полиция Нью-Йорка. Всем на борту поднять вверх руки. Не двигаться. Выключить двигатели. Мы подходим.

Стюарт Кэмпбелл повернулся к Гэвину Дейли, потом к Лукасу. В глазах его кипела ярость.

— Это, черт возьми, что еще такое? Не желаете объяснить? — Прежде чем кто-либо успел ответить, он схватил лежавший в ящике у штурвала мегафон и крикнул: — У меня ныряльщик под водой! Повторяю, ныряльщик под водой! Пожалуйста, не подходите близко, держите безопасную дистанцию. Я никуда не уйду. Лодка останется на месте. Пожалуйста, дайте ныряльщику возможность безопасно подняться на борт.

Он положил на место мегафон и поднял руки. Лукас последовал его примеру.

Гэвин Дейли остался сидеть. Словно не замечая полиции, он смотрел только на часы.

— Ты прав, Лукас. Бросить их в воду было бы глупо.

— Сэр, поднимите руки. — Катер подошел ближе, и голос звучал громче, раскатываясь над водой и отдаваясь эхом от пролетов моста.

— А знаешь, почему глупо? — продолжал старик.

— Сэр, предупреждаю в последний раз. Поднимите руки так, чтобы я их видел. — Стоя на мостике катера, Аарон Кобб держал в левой руке микрофон и в правой — «глок».

Стоявший рядом с ним суперинтендент Грейс взял мегафон и, поднеся к губам, крикнул:

— Мистер Дейли, это детектив-суперинтендент Грейс. Пожалуйста, выполните требование офицера.

Вместо ответа, старый антиквар поднял рукоятку от лебедки.

Кобб прицелился. Палец на спусковом крючке напрягся.

119

Полицейский катер скользнул в тень под мостом, и Рой Грейс положил руку на плечо Кобба.

— У старика разыгрались эмоции. Дайте ему успокоиться.

— Да, милый такой старичок, у него просто слабость такая, стрелять людям по яйцам, — сухо ответил лейтенант, по-прежнему держа Дейли на мушке.

Грейс посмотрел на буек, отыскивая взглядом поднимающиеся пузырьки воздуха. Между тем штурман в ответ на просьбу с лодки убрал газ, остановив катер на безопасном от нее расстоянии.

— Я скажу тебе, Лукас, почему это было бы глупо, — загремел Гэвин Дейли. — Потому что ты попытался бы их вернуть! И возможно, тебе бы это удалось. Я сделаю так, что беспокоиться будет не о чем.

В нескольких футах от лодки из воды появилась голова дайвера, но ни Гэвин, ни Лукас его не заметили. Старик положил часы на палубу, у себя под ногами.

— Нет, отец! Нет! Нет! — завопил Лукас, поняв вдруг, что сейчас произойдет. — Нет, отец! Не делай этого! Не надо!

Собрав все силы, Гэвин Дейли обрушил рукоятку лебедки на часы. Стекло разбилось, и циферблат раскололся. За первым ударом последовал второй, столь же безжалостный. И третий.

Лукас Дейли, Стюарт Кэмпбелл и полицейские — все молча наблюдали за происходящим.

Старик наклонился, собрал покореженные остатки, достал из-под спасательного круга застрявшую сплющенную головку. Потом, осторожно подцепив ногтями, выковырнул вбитые в палубу стрелки и крохотную секцию с полумесяцем. И выбросил все за борт.

— Готово. — Гэвин Дейли довольно улыбнулся сыну. — Все. Так ты говоришь, сантименты?

Он поднял руки и повернулся к полицейскому катеру.

— Гэвин Дейли! — крикнул Аарон Кобб. — К вашему сведению, Имон Поллок скончался в «скорой помощи» тридцать минут назад. Я арестую вас за убийство. Вы имеете право хранить молчание, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право проконсультироваться с адвокатом, прежде чем отвечать на вопросы полиции, и требовать присутствия адвоката при допросах как сейчас, так и в будущем. Если вы не можете позволить себе адвоката, он будет назначен по вашему желанию до дачи вами показаний.

Пока лейтенант зачитывал Гэвину Дейли его права, Рой Грейс со смешанными чувствами, но по большей части с состраданием и симпатией наблюдал за стариком. Зная антиквара недолго, он находил его человеком обаятельным и симпатичным, но также и жестким. В свое время Гэвин Дейли, несомненно, был не знающим жалости, непреклонным, чуждым моральных сентенций бизнесменом, но разве многие достигли его уровня богатства мягкостью и добротой? И при этом Грейс до сих пор пребывал в ужасе от того, что совершил антиквар какой-то час назад в офисе на Мэдисон-авеню.

Он переключил внимание на дайвера, который сдвинул на лоб очки, выплюнул загубник и крикнул шкиперу:

— Эй, Стью, помоги-ка мне. Кое-что есть. — Подплыв к свисающей с борта лестнице, дайвер замер, явно застигнутый врасплох открывшейся ему картиной: трое с поднятыми

руками в водолазном боте и полицейский катер неподалеку. — Что, не вовремя? — обратился он к коллеге, ухватившись одной рукой за лестницу. — Может, мне вернуться завтра?

120

Стюарт Кэмпбелл посмотрел на Кобба:

— Сэр, я могу помочь коллеге? Пожалуйста.

Лейтенант кивнул.

Опустившись на колено, Кэмпбелл принял то, что передал ему дайвер: конец старой, размочаленной веревки с длинными щупальцами водорослей. Оба потянули; судя по тому, как медленно водолаз поднимался по лестнице, груз был далеко не легкий. На помощь им пришел и Лукас. Только Гэвин остался сидеть, как зачарованный наблюдая за происходящим.

Сначала из воды показался весь покрытый водорослями узел из черной рыбацкой сети со сползающими кусками мокрой глины. В сетке лежало что-то напоминающее брезент. Привязанный снизу и обмотанный для надежности старой веревкой бетонный блок служил, очевидно, чем-то вроде якоря. Из сети выбрался краб и тут же упал в черную воду.

Грейс бросил взгляд на старика и почувствовал, как к горлу подступил комок.

В конце концов трое мужчин подняли весь узел из воды и опустили на дно бота, по которому черной лужей расползлась липкая жижа. На глаз, блок был не меньше шести футов в длину.

Гэвина Дейли трясло. Полицейский катер подошел ближе, и суперинтендент, стоявший между Аароном Коббом и Патом Лэниганом, с трудом удержался, чтобы не перепрыгнуть на бот и взять старика за руку.

Дайвер вытащил нож и принялся резать сеть. Один из полицейских, перейдя на бот с линем, пропустил его через швартовое кольцо на корме и обмотал вокруг судовой утки на катере; потом он проделал то же самое с другим линем на носу.

Ни один из трех детективов не сдвинулся с места. Они только смотрели, чувствуя, что, по крайней мере на время, им следует остаться наблюдателями.

Совместными усилиями Ловелл и Кэмпбелл оторвали несколько полос сетки, обнажив потрескавшийся брезент. Дайвер повернулся к Гэвину и вопросительно посмотрел на него. Старик кивнул.

Над ними с ревом проносились машины. Лопасти вертолета все так же рубили ровными порциями воздух. Аккуратно, словно хирург, дайвер сделал горизонтальный разрез. Сначала небольшой, в пару дюймов, потом длиннее… еще длиннее… во всю ширину. Двое других потянули за края, раскрывая узел, будто грудную полость при вскрытии.

Гэвин Дейли упал перед ним на колени. По щекам его текли слезы.

Теперь и Грейс видел, что там, внутри. Кости. Останки скелета. Плоть, кожа, мышцы и сухожилия — от всего этого ничего не осталось. Все подчистили пробравшиеся через трещины в брезенте падальщики. Суперинтендент повидал многое, а потому даже с расстояния в несколько ярдов определил — кости принадлежат не животному.

Он распознал малую и большую берцовые кости, плюсневую кость, кубовидную кость… Будь рядом судебный антрополог, он, наверное, смог бы рассказать подробнее о том, что лежало перед ними.

Еще несколько секунд — и мужчины убрали последний кусок брезента, обнажив череп. Пустые глазницы и отвалившаяся челюсть придавали ему насмешливое выражение. Он словно спрашивал: «Эй, парни, вы чего так припозднились?»

Упав лицом в растекшуюся грязь, Гэвин Дейли рыдал как ребенок.

Трое детективов стояли, не зная, что делать.

Наконец старик поднял голову и подвинулся ближе к брезенту. Лукас шагнул вперед и положил руку на плечо отца. Гэвин наклонился и вытащил из останков обрывок тонкой обесцвеченной цепочки. Потом, присмотревшись, достал второй обрывок с каким-то ржавым предметом и поднес его к груди.

— Что это, мистер Дейли? — спросил Грейс и тут же сам ответил на свой вопрос.

— Вы скажете нам, наконец, что тут происходит? — грубо вмешался Аарон Кобб.

Старик повернулся к нему и поднял подвеску. Коррозия сильно попортила ее, но Грейс все же распознал в этом предмете маленького кролика.

— Это носил мой отец, — объяснил антиквар сквозь слезы. — Он получил его от своего отца, который был членом ирландской банды «Мертвые кролики». Мне всегда нравилась подвеска, и отец говорил, что однажды и я получу ее. А на этой цепочке он носил карманные часы. — Гэвин повернулся и посмотрел на череп. Потом протянул трясущуюся костлявую руку с пигментными пятнами и погладил его. — Они утопили его. Как котенка. Вы — детективы. Перед вами жертва убийства. Они утопили его. Как какого-нибудь котенка. — Он закрыл лицо руками и снова всхлипнул. Потом снова посмотрел на детективов. — Девяносто лет назад я пообещал отцу, что вернусь в Нью-Йорк и найду его. Вот что здесь происходит. Это — Брендан Дейли. Мой папа. И я нашел его.

121

У него забрали ремень, туфли и палку и выдали бумажные тюремные тапочки на несколько размеров больше нужного, так что ему приходилось волочить ноги, словно древнему старику.

Но Гэвин Дейли уже не обращал внимания на такие мелочи. Он уже вписался в новую ситуацию.

На берегу, куда его доставили в наручниках, он ответил на вопросы адвоката, затем предстал перед хмурым судьей, отказавшим в освобождении под залог и потребовавшим заключить его под стражу, дабы исключить риск побега, и, наконец, попал к тюремному врачу. И вот он в камере учреждения с пышным названием Манхэттенский центр временного содержания. Адвокат бодро сообщил, что раньше это место называли Гробницей.

Ну и пусть.

Он нашел отца и отомстил за него. В один и тот же день. Все остальное значения не имело.

Настроение менялось от глубокой печали до полного счастья. Впервые в жизни Гэвин Дейли ощущал покой. Он сидел на жесткой койке с поролоновым матрасом и писал. Бумагу и шариковую ручку ему дал проникшийся сочувствием надзиратель.

Через высокое зарешеченное окно в камеру проникал уличный шум. Жизнь шла своим чередом. Желтые такси, сирены, гудки. Ночь на Манхэттене. Люди встречались с друзьями в барах, ужинали, спешили на поезд, чтобы поскорее вернуться домой, в пригород.

Тревоги, волнения, беспокойства.

Сколько людей охвачены ими.

Сколько их проживает жизнь в тихом отчаянии.

А он сам?

Жил ли он в тревоге и беспокойстве? Была ли его жизнь тихим отчаянием? Чего стоит жизнь, если она закончилась в тесной тюремной камере, где, сидя на койке, можно при желании дотянуться до туалета? Горстки бобов? Да и стоит ли она вообще чего-то?

Молодежь, отвергающая стариков, упускает из виду одну важную вещь. Чем ты старше, тем меньшее тебя волнует. Вот в чем огромный плюс старости. Тебе уже ни до чего нет дела. Ты свободен.

Да, он чувствовал себя свободным. Таким свободным, как никогда раньше. Он был счастлив. Как никогда раньше.

Счастлив в тесной камере.

Счастливее, чем в своем пышном особняке.

Что-то лязгнуло, и дверь открылась. Вошедший надзиратель извинился за то, что забрал ремень и обувь. Полный, предпенсионного возраста, с лицом человека, многое повидавшего и понявшего, что с улыбкой жить легче.

— Свет скоро выключат, мистер Дейли, так что предупреждаю заранее, за пять минут, чтобы вы успели закончить. А еще хочу уточнить: вы не едите кошерное или халяльное?

Старик покачал головой.

— Это чтобы вы знали, что поесть сможете только на завтраке. Утром вас отведут сначала в душ. На завтрак будет овсянка, апельсин или какой-то другой свежий фрукт, молоко, хлеб и желе. С этим проблем нет? Вы не диабетик?

— Мне не нужен завтрак.

— Тем не менее вы его получите.

Дейли улыбнулся.

Поколебавшись, надзиратель добавил:

— У нас здесь не много людей вашего возраста. Если что-то понадобится, дайте мне знать. Но завтрак не пропускайте — перекусить не получится.

Дейли снова улыбнулся.

— Спасибо, все, что нужно, у меня есть.

В ту ночь, впервые за девяносто лет, он не видел снов.

Он спал сном мертвых.

122

В 8.45 утра Гленн Брэнсон подобрал Роя Грейса у аэропорта Гатуик на полицейской машине.

— Сразу на работу или сначала домой?

— Домой, приятель, сначала домой. Хочу убедиться, что у Клио все в порядке, принять душ и переодеться. Ты как тут? Похороны Эри завтра, да? Теперь-то я хотя бы смогу прийти.

— Я рад. Спасибо. Думаю, ты ей нравился.

— Только она как-то странно это выражала, — усмехнулся Грейс.

— Уж да, — фыркнул Брэнсон. — Странностей у нее хватало.

— Но ты в порядке?

— Да. Ее сестра присматривает за ребятами. Сказала, что останется с ними до конца недели, так что я хотя бы успею разобраться. Сказать по правде, мне сейчас на работе легче. Пока ты там прохлаждался, в этих Соединенных Штатах, у нас тут много чего случилось.

— Ха-ха.

Грейс устал. Свободных мест в салоне не было, и сидеть пришлось в среднем из трех кресел ряду, да еще позади постоянно плакал ребенок. Уснуть не получалось, даже когда малыш замолкал, — в голове крутились беспокойные мысли. «Никогда не буду брать Ноя на рейс, где много пассажиров», — пообещал он себе.

День выдался хмурый, сырой и прохладный — не то что накануне в Нью-Йорке, где еще стояло теплое и сухое бабье лето. «Дворники» разгоняли воду, хотя лучше бы уж они этого не делали, чтобы он ничего не видел. Набираясь опыта, Брэнсон становился лихачом и водил все быстрее и хуже. Приближаясь к повороту, он добавлял газу вместо того, чтобы, как благоразумный водитель, прижать тормоз. Грейс сам наступил на педаль, и тут же Брэнсон

бросил «форд» вправо, уходя чуть ли не из-под колес грузовика. Шофер последнего сердито просигналил. Задние колеса «форда» потеряли сцепление с дорожным полотном, и их стало заносить. Брэнсон налег на тормоз, но перебрал, и хвост повело в другую сторону. Каким-то чудом им удалось вписаться в поворот и выскочить на М23.

— Ты вообще имеешь представление о законах физики? — спросил Грейс.

— Физики?

— Может, тебе стоит почитать, что такое инерция, подумать как следует. Тогда бы ты понял, что машина, идущая по прямой со скоростью семьдесят миль в час, должна притормозить перед крутым левым поворотом, особенно на мокрой дороге.

— Это было контролируемое скольжение. Так Джереми Кларксон делает.

— А-а-а…

— Не понимаю, чего ты так беспокоишься, у меня еще ни одного ДТП не было.

— Может, ты копишь на одно большое. Из лаборатории результаты пришли? Насчет нашего Хамфри? — спросил Грейс, меняя тему, и моргнул — Брэнсон перескочил на скоростную полосу, едва разминувшись с идущей впереди машиной.

— Нет, на это уйдет еще пара дней. В ванной Смолбоуна нашли пузырек с таблетками; их тоже отправили на анализ. За Клио приглядывают, с ней постоянно кто-то есть из службы по связям с семьей. Но ты не думаешь, что Смолбоун действовал один?

— Будем надеяться, что так и есть.

— Есть кое-что новенькое по отпечаткам обуви из агентства по недвижимости «Рэнд и К°». Я уже говорил, что Хейдн Келли связал их со следами, обнаруженными в доме Смолбоуна.

— Да.

— Есть третье совпадение — с яхты Имона Поллока в Марбелье. Испанская полиция прислала вчера, а час назад Хейдн Келли проинформировал Нормана Поттинга. Похоже, на яхте недавно побывали и другие люди, помимо Макарио и Барнса.

Грейс нахмурился.

— Совпадение с отпечатками в агентстве и в доме Смолбоуна?

— Да, отпечаток только один, но если мы найдем обувь…

Усталость как рукой сняло.

— Возможно, я знаю, кому принадлежат эти отпечатки. — Он откинулся на спинку и положил на колени портфель, из которого достал пакетик для вещественных улик с флешкой и торжественно им потряс. — Вчера сын Гэвина Дейли признался в соучастии в ограблении Эйлин Макуиртер. Здесь видеозапись признания, сделанная в одном нью-йоркском офисе.

— Сын старика? Ее племянник? — Брэнсон недоверчиво покачал головой. — И он замешан?

— Возможно, он и разработал весь план. Тот еще проходимец.

— Его арестовали?

— Нет. В Англию его доставят сержант Батчелор и констебль Александер. Но он попросил задержаться на денек-другой, хочет узнать, что с его отцом.

— Результат! — воскликнул Брэнсон. — Но… хм… как именно нам поможет второй комплект отпечатков на яхте?

— Нам нужен ордер на обыск его дома. Думаю, тебе это понравится. Если свяжем с яхтой Лукаса Дейли, то, полагаю, узнаем и кому принадлежат другие.

— Как?

— Лукас Дейли летал в Марбелью со своим подручным. Подозреваю, что они оба имеют отношение к смерти Макарио и Барнса. Если следы на яхте принадлежат этому подручному, то мы возьмем и его. Не забывай, между Эмисом Смолбоуном и Имоном Поллоком давние связи.

— Да, понимаю. Но меня и еще кое-что беспокоит. Все следы — в агентстве, в доме Смолбоуна и на яхте — оставлены кроссовками. Как утверждает Хейдн Келли, «Найк». А их десятки тысяч. Вторые на яхте — «Асикс». Этих тоже предостаточно.

— Что-нибудь придумаем. Помимо марки, модели и размера, надо сравнивать еще и профиль износа. Хейдн Келли объяснял мне это несколько дней назад. Если получим кроссовки, сравнение будет проводиться по стелькам, которые дают отпечаток подошвы. Если и там будет совпадение, тогда, как говорится, шах и мат! К тому же из кроссовок можно получить материал для анализа ДНК.

— Хорошо! Отлично! У нас куча вариантов.

— Нам бы только пожить еще немножко, — заметил Грейс, нервно оглядывая дорогу.

123

К трем пополудни Грейс уже поговорил с Хейдном Келли, обсудив особенности отпечатков. Прихлебывая крепко заваренный чай, он широко зевнул. Через полчаса прибудет детектив-суперинтендент из Суррея. Его задача — дать заключение по операции «Камбала». Стандартная практика. На определенной стадии расследования тяжкого преступления опытный офицер со стороны просматривает документы, проверяет избранные старшим следователем линии расследования, состав группы.

Дело это требует времени и терпения, и Грейс вполне обошелся бы без него сегодня, тем более учитывая развитие событий. Расследование шло к концу. Если ничто не помешает, заключение будет составлено к вечернему совещанию, к половине седьмого, а потом он сразу отправится домой.

Суперинтендент уже собрался отправить электронной почтой краткий отчет заместителю главного констебля Риггу — полный доклад он намеревался предоставить на следующее утро, — когда зазвонил телефон.

— Привет, как дела, Рой? — приветствовал его Пат Лэниган. — Дома все в порядке?

— Да, спасибо.

— Как Клио? Малыш?

— Все хорошо. Они в безопасности.

— Надеюсь, этот подонок действовал в одиночку.

— Я тоже на это надеюсь.

— Подумал, что тебе стоит узнать это прямо сейчас. Старик, Гэвин Дейли, не проснулся сегодня утром.

Грейс ощутил вдруг щемящую боль печали.

— Умер?

— Похоже, мирно отошел во сне. У него были проблемы с сердцем, а тут еще арест, стресс, такое на любого подействует, тем более на человека такого почтенного возраста. Возможно, все дело в этом. Узнаем больше после вскрытия.

— Я и сейчас вижу, как он стоит на том боте перед брезентом. Никогда не забуду.

— Да, это было что-то. А знаешь что? По-моему, он знал, что не доживет до утра. Надзиратель сказал, что он как-то странно себя вел, говорил, что, мол, завтрак ему уже не понадобится. Надзиратель даже заподозрил, что старик подумывает о самоубийстве и что за ним надо присматривать.

— Вряд ли у него были такие мысли. Гэвин Дейли сделал то единственное, что ему еще оставалось сделать. Пару недель назад, в саду своей сестры, за сигарой, он рассказал мне о своей жизни, о матери и отце. Трогательная история.

— Хм. Может быть. Знаешь, вечером, пока не потушили свет, он составил несколько распоряжений. Пожелал, чтобы останки отца захоронили на Бруклинском кладбище, по возможности ближе к могиле его матери. Позаботился о возмещении ущерба, причиненного офису Джулиуса Розенблаума. И — тебе это понравится — попросил, если кто-то свяжется с тобой, извиниться за доставленные неприятности.

— Очень приятно, — усмехнулся Грейс.

— Как по мне, такие записки как раз самоубийцы и оставляют.

— Как бы там ни было, Пат, его больше нет. А остальное уже не важно, да? Его не вернешь, да он и не захотел бы вернуться. Жить насильно не заставишь!

— А вот это мне понравилось! — сказал Лэниган. — «Жить насильно не заставишь!» Надо будет воспользоваться, когда столкнусь с каким-нибудь говнюком.

— Будь любезен.

124

— Доброе утро, — приветствовал Рой Грейс команду, собравшуюся в конференц-зале на утренний инструктаж. — Добро пожаловать на заключительное совещание по операции «Камбала». Сегодня 13 сентября. Неудачный день для некоторых, особенно для преступников.

По залу прокатился смех.

— Но удачный для операции «Камбала». У нас сегодня много хороших новостей. — Он заглянул в записки. — Прежде всего благодаря сравнительному анализу отпечатков обуви, проведенному нашим ортопедом Хейдном Келли, мы можем точно сказать, что Лукас Дейли и его подручный Августин Красники находились на яхте Имона Поллока примерно во время смерти Макарио и Барнса.

Суперинтендент повернулся к Норману Поттингу, выглядевшему намного лучше, чем при их последней встрече, — испанское солнце определенно пошло ему на пользу.

— Есть для нас информация, Норман?

— Да. Полиция Марбельи нашла свидетеля, находившегося вблизи яхты Поллока вечером в пятницу, 31 августа. К нему за зажигалкой обращался мужчина, разглядеть которого ясно он не смог. Но с этим мужчиной был другой. Телосложение и рост дают основание предположить, что это были Дейли и Красники. Испанская полиция собирается выдать ордер на арест обоих. Так что у Дейли причин для печали еще добавится.

Грейс улыбнулся.

— Действуя на основании информации, предоставленной администрацией Шорэмского порта, — продолжал Поттинг, — испанцы обследовали один склад и обнаружили контейнер с антиквариатом, большая часть содержимого которого совпадает с вещами, взятыми из дома Эйлин Макуиртер.

— Отличная новость, Норман. Спасибо. — Грейс снова заглянул в записки. — И еще кое-что, на мой взгляд, весьма значительное. Вскоре после ограбления, когда мы попросили фотографии часов «Патек Филип», Гэвин Дейли сообщил, что фотографии, которые были у него и его сестры, пропали. Вчера вечером они были обнаружены в офисе Лукаса Дейли при его магазине. — Он повернулся к Белле Мой: — Как прошел допрос?

— Мы с детективом-констеблем Экстоном допрашивали Лукаса Дейли вчера, в присутствии адвоката. Это была наша первая встреча из трех запланированных. Он категорически отказывается от обвинения в убийстве Макарио и Барнса. Утверждает, что они с Красники действительно летали в Марбелью и поднимались на яхту Имона Поллока, чтобы

узнать, где он находится, и попытаться выяснить местонахождение украденного, прежде всего часов «Патек Филип». Дейли признает, что они потрясли немного Макарио и Барнса, но клянется, что те были живы, когда они уходили.

Белла Мой сверилась со своими записками.

— Есть еще кое-что, во что нам с констеблем Экстоном верится с трудом. Дейли утверждает, что они наняли какого-то марокканца, который должен был постараться развязать языки Макарио и Барнсу.

— Марокканец? — спросил Грейс.

Белла Мой кивнула:

— Дейли так говорит, сэр. Утверждает, что заплатил марокканцу пятьсот евро за то, чтобы тот поговорил с ними.

— Поговорил в смысле применил пытки? — спросил Поттинг.

— Подразумевалось, наверное, это. Дейли полагает, что этот таинственный марокканец мог и перестараться.

— Имя или описание марокканца он дает? — спросила Эмма Джейн Бутвуд.

— Нет. Говорит, что видел его только в темноте, на набережной возле яхты Поллока.

— А свидетель, у которого Дейли брал зажигалку, его не видел? — Грейс посмотрел на Поттинга.

— Нет, шеф. Свидетель стоит на том, что их было двое, Дейли и Красники.

— Что-то в этом не сходится, — сказал суперинтендент. — Дейли и Красники — парни крупные. И что такое мог вытянуть из Макарио и Барнса марокканец, чего не смогли вытянуть Дейли и Красники?

— Вот и мы так думаем, — сказала Белла Мой.

— На ваш взгляд, марокканец — выдумка?

— Да, сэр.

Грейс кивнул.

— Если только нам его не предъявят, я тоже так считаю.

— Что насчет Красники, босс? — спросил Гай Батчелор. — Его еще не арестовали?

— Нет. Похоже, он подался в бега. Красники — албанец и, возможно, скрывается где-то у своих. Или вернулся на родину.

— Он оставил записку в конверте для своего босса, Лукаса Дейли, — сказал Алек Дэвис, показывая клочок бумаги.

— И что там? — поинтересовался Грейс.

— Вообще-то, сэр, почти ничего. Только одно слово — «извините».

125

— Оказывается, тринадцатое и для Карла Веннера несчастливый день. — Устроившись на софе в доме Клио, Грейс отсалютовал Марлону стаканом водки с мартини. — Что думаешь?

Марлон отреагировал на вопрос так же, как реагировал в жизни на все: покружил по аквариуму, открывая и закрывая рот.

— Какая фантастическая новость!

Сидевшая рядом Клио отложила лэптоп, отставила стаканчик с белым вином, который позволила себе в этот вечер, и, наклонившись, обняла его и поцеловала в щеку. Лежавший на матрасике Ной довольно заурчал. Спавший на своем любимом месте — напротив софы — Хамфри не пошевелился: пес еще не восстановился после выпавшего на его долю испытания.

— Получил пожизненное с минимальным тарифом в восемнадцать лет.

— Ты должен быть доволен.

— У меня камень с души свалился.

— Ну и неделька у тебя выдалась.

— Бывали и похуже. — Он улыбнулся, поцеловал ее в ответ и пробежал пальцами по тонкой цепочке, купленной у «Тиффани» в Нью-Йорке перед самым отъездом в аэропорт.

Как же хорошо провести дома субботний вечер и отметить вместе с Клио завершение дела Веннера. Как хорошо быть с людьми, которых любишь больше всего на свете. И только одна тень еще висела над ними — воспоминание об Эмисе Смолбоуне. Что же все-таки случилось с ним? Свалился сам или его столкнули? Если это сделал Красники, то… в глубине души Рой Грейс даже желал ему остаться на свободе. Он заслужил это тем, что спас Клио или Ноя, а может, и их обоих.

Клио снова подтянула на колени лэптоп и показала ему детский костюмчик в полоску.

— Правда, красота? Это с того же веб-сайта, zulily. Как думаешь, Ной будет здорово в нем смотреться?

— Он будет выглядеть как заключенный! Клио огорченно шмыгнула носом:

— Нет, не будет!

Грейс продолжал рассматривать присланный из агентства план того дома, в который буквально влюбилась Клио и посмотреть который они собирались в воскресенье. Но и здесь была своя тень. Утром он получил известие, что таинственная покупательница из Германии внезапно и без объяснения отказалась от покупки. А они так рассчитывали на эти деньги.

— Как думаешь, дорогая, есть ли смысл ехать куда-то завтра? — спросил Грейс.

Клио улыбнулась и кивнула:

— Я как раз собиралась тебя порадовать. Мамочка и Папочка предложили взять взаймы у них!

Он посмотрел на нее.

— Правда?

— Да. А потом, когда ты продашь свой, мы с ними расплатимся.

Грейс отпил еще мартини и, на секунду закрыв глаза, откинулся на мягкие подушки.

— Они невероятно щедры.

— Ты им нравишься. Не знаю почему, но ты им нравишься! — Она усмехнулась. — И мне тоже… немножко!

— Я тут думал… знаешь… мы собирались пожениться в этом году, но потом много чего случилось, и пришлось отложить. Давай все-таки наметим дату и поженимся?

— Согласна, дорогой. И давай сделаем это побыстрее. Например… а как скоро?

Они снова поцеловались.

Ной на полу радостно загукал.

— Твоя очередь, — сказала Клио.

Грейс отставил стакан, опустился на колени, взял сына на руки и вернулся на софу.

— Ты видел жену Лукаса Дейли, Сару Кортни? — спросила вдруг Клио. — Для нее это все, должно быть, настоящий кошмар.

— Да уж, удовольствия мало, когда по дому ползают криминалисты.

— Я видела ее сегодня в новостях. Бодрая, как всегда. Наверное, умеет хорошо скрывать свои чувства.

— Крепкий орешек, — согласился Грейс. — Такие не тонут и… — Он не договорил и посмотрел на сына: — Эй, приятель, ты мне подарочек подкинул?

Распространившийся запашок подтвердил, что так оно и есть, а довольная улыбка Ноя удостоверила сей факт.

126

Она откинулась на спинку, наслаждаясь комфортным сиденьем в бизнес-классе и уже вторым бокалом шампанского.

Молодой и доброжелательный стюард «Бритиш эруэйз» подошел в ней с бутылкой и, подлив в бокал, обратил внимание на ее «Картье».

— Красивые часики! — с восхищением сказал он.

— Спасибо! — ответила она и подняла руку, чтобы он рассмотрел их получше.

— Роскошная вещь! Сразу видно, что это оригинал, — в них есть что-то такое… je ne sais quoi! [7]Настоящее само за себя говорит!

— Вы правы. Я немножко путаюсь из-за этой разницы во времени… Когда мы будем в Москве, по местному времени?

Стюард посмотрел на свои часы, бронзовые «Убло».

— В три пятнадцать. Чуть больше чем через три часа.

— Спасибо.

Он двинулся дальше по проходу, а Сара Кортни расстегнула сумочку, запустила в нее руку, нащупала мягкий бархатный мешочек и приподняла его на пару-тройку дюймов, ощущая солидную тяжесть карманных часов «Патек Филип» — с треснувшим стеклом, арабскими цифрами на циферблате и погнутой заводной головкой.

О да, с оригиналом и впрямь ничто не сравнится.

Эйлин показала их ей только раз, несколько лет назад, достав из сейфа с потайным отделением. Милая старушка даже не заметила, что в начале года часы отсутствовали целую неделю. Сара отправила их тогда в Дубай, в маленькую мастерскую, где ей изготовили точнейшую копию.

И Гарет Дюпон тоже не заметил никакой разницы, когда забрал подделку в тот ужасный день ограбления. Ограбления, ставшего для нее полнейшим потрясением. Саре и в голову не приходило, что мерзавец использовал ее.

Но теперь все позади, все — история. Как и Лукас, которому светит десятка — если не больше — за решеткой как в Испании, так и в Англии.

Туда ему и дорога.

После третьего бокала шампанского она впала в приятное расслабленное состояние. После всего случившегося за последние недели Эйлин наверняка порадовалась бы за нее.

В Москве Сару ждал покупатель, готовый заплатить два с половиной миллиона фунтов наличными. Такие детали, как доказательства происхождения, его не интересовали.

Так оно и лучше — без ссор, без выяснений. Да и кому они нужны, эти детали, если часы подлинные. Как сказал только что стюард, настоящее само за себя говорит.

Отец всегда твердил ей, что в жизни важны лишь две вещи: здоровье и то время, что у тебя осталось. Она в хорошей форме. Она здорова.

И время у нее есть.

Благодарности

Два важных замечания по поводу здоровья.

1. Из моего рассказа вы узнаете о трагической смерти одного из персонажей от злокачественной гипертермии. Это реальный случай, который привел к смерти сына одного из моих близких друзей. Это наследственное заболевание, вызывающее контрактуру мышц и нарушение процесса метаболизма при общей анестезии. Его нельзя выявить до тех пор, пока

у кого-то из членов семьи не проявится реакция на анестезию. Диагноз был поставлен при взятии мышечной биопсии в Исследовательском центре по изучению ЗГ в Лидсе. Для тех, у кого была выявлена чувствительность по типу ЗГ, анестезия все же возможна при условии избегания препаратов, способных запустить процесс, и проведении тщательного мониторинга. ЗГ несет большую потенциальную опасность смертельного исхода в случае необнаружения анестезиологом. Более полную информацию можно найти на сайте www.bmha.co.uk.

2. У одного из персонажей был диагностирован рак предстательной железы. Сведения по этому заболеванию были мне любезно предоставлены Колином Стоуксом и Джоном Дейвисом, которые занимаются данной проблемой в рамках Проекта по изучению простаты (Purbecks House, Grosvenor Road, Godalming, GU7 1 NZ). Они обеспечили мне поддержку и информацию (www.prostate-project.org.uk. Tel no: (+44) 01483 419501). Благодаря использованию благотворительных средств местные больницы совершенствуют методы лечения пациентов. Теперь они являются центрами повышения квалификации.

Я в самом большом долгу перед нью-йоркским детективом Патом Лэниганом, который приходится внучатым племянником Дэнни Михану, лидеру банды «Белая рука», который был убит 31 марта 1920 года в собственном доме в Бруклине. От Пата мне стало известно об этой семейной истории, и многие материалы из архива семьи легли в основу книги.

Также я в огромном долгу перед офицерами и служащими полиции Суссекса, которые постоянно и охотно приходили мне на помощь и давали советы. Наибольшую благодарность хотелось бы выразить в адрес главного констебля Мартина Ричардса, награжденного Королевской медалью «За заслуги в полиции» (QPM), который проявлял в отношении меня неизменную доброту и всячески поддерживал.

Старший суперинтендент в отставке управления уголовных расследований в Суссексе Дэвид Гейлор, прототип образа Роя Грейса, не только оказывал постоянную помощь в разработке сюжетов и в том, чтобы заставить самого Роя Грейса и всю его команду думать и действовать так, как на их месте могли думать и действовать реальные полицейские, но и осуществлял постоянный контроль над тем, чтобы я не снижал темпа в работе на протяжении всех семи или около того месяцев, которые понадобились для того, чтобы пройти путь от черновика до результата.

Старший суперинтендент Грэм Бартлетт, дивизионный коммандер полиции Брайтона и Хоува, также принес большую пользу в ходе написания книги. Старший инспектор Джейсон Тингли ярко проявил себя, помогая мне как творчески, так и методически во многих моментах моей работы. То же самое я могу сказать о старшем инспекторе Нике Слоуне, старшем инспекторе (в отставке) Трэворе Боулзе, сержанте Филе Тэйлоре и Рэе Пэкеме из отдела высоких технологий и инспекторе Энди Киллу из 1-го оперативного отделения.

Огромное спасибо также детективу-суперинтенденту Джону Бошиеру; детективу старшему инспектору Нику Мэю; стар ше му инспектору Полу Бэтсу; старшему офицеру группы поддержки Тони Кейсу; детективу-инспектору Уильяму Уорнеру; инспектору Ричарду Делакуру; констеблю Даррену Балкэму; детективу-суперинтенденту Саймону Бейтсу; сержанту Лорне Деннисон-Уилкинс и всем специалистам разыскного отделения;

судебным следователям Джеймсу Гартрелу, Крису Ги, Люси Стил, Беки Хендерсон; сержанту Мехди Фаллахи; констеблю Лауре Стенли; констеблю Джону Анстеду; сержанту Джемме Ферт; констеблю Карлу Брауну.

Детективу-сержанту в отставке Саймону Маглетону, прежде служившему в отделе антиквариата в Суссексе, за предоставленную мне бесценную информацию из криминальной истории обращения антиквариата в Брайтоне.

Спасибо Джилз Эллис из Скофилдской часовой компании; Ричарду Робинсу; Дереку ле-Варде; Майклу Киэну; Крису Тэпселу; Дэвиду Уилтшеру; Саймону Шнайдеру; Уэйну и Ванессе

Менли; Стиву Рейнольдсу; Дэнни Ридону; Норману Торрингтону из «Дженеолоджи ресерч»; Луизе Йеоил; Либерти Тэйлор.

Судебному ортопеду Хейдну Келли; судебному археологу Люси Сайбен; Алану Сеттерингтону, заместителю начальника тюрьмы Льюис.

Также приношу свою благодарность Майклу Берду, редактору «Аргуса». Моим потрясающим исследователям Таре Лестер и Нику Митчелу; доктору Расселу Эмерсону; Саре Ландон; Шерри Фагг, старшей сестре Королевской больницы графст ва Суссекс; Робу Кемпсону; Питеру Уингейту-Саулу; Гансу Йоргену Стокерлу; Питеру Хале; Тиму Паркеру, Феликсу Френсису; Грэму Соунсу; Филу Хомену; Джинни Сивил; Джилз Пауелл; Биллу Шейю.

Тони Паркеру, члену правления «Инженииаринг Шорэм порт»; Дэвиду Миллеру, представителю порта; Крису Джонсу, Дэйву Смиту и Киту Лейкеру.

Особая благодарность Алану Прайору, техническому директору «Пинекл паблишинг групп», который столь щедро делился со мной секретами электронной коммерции!

Моя признательность потрясающему мастеру своего дела Крису Веббу из «Мак-Сервис», которому удалось восстановить мой компьютер после того, как я уронил его, и сохранить утраченные файлы.

Особая благодарность Анне-Лизе Линдеблад, которая вновь стала моим неутомимым и чудесным «неофициальным» редактором и комментатором на протяжении всей истории Роя Грейса; Сью Анселл, которая читала и помогала мне со всеми написанными мною книгами, а также Мартину и Джейн Диплок.

Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне такого прекрасного агента и удивительного друга, как Кэрол Блейк. И за свою рекламную команду, о которой можно только мечтать, в составе Тони Маликена, Софи Ренсом, Клары Ричмен и Беки Шорт из «Мидас PR». У меня просто не хватает слов для того, чтобы выразить, насколько я благодарен всем тем, кто занимается изданием моих книг в «Макмиллан», и все-таки я хочу отдельно поблагодарить моего замечательного редактора Уэйн Брукс, а также моего литературного редактора, наделенного безграничным терпением, Сьюзен Опи, как и всех своих американских коллег: Энди Мартина, редактора Марка Резника, специалиста по печати и рекламе Гектора Де Джина и Тони Фаско. Это относится и ко всем остальным членам «команды Джеймса» в США!

Огромное, огромное спасибо моему во всех отношениях совершенному и обладающему бесконечным терпением личному секретарю Линде Бакли.

И, конечно, Хелен, которая остается непоколебима в своей поддержке и стойко переносит мои долгие ночи заточения в келье отшельника. Три наши собаки Феба, Оскар и Коко также постоянно со мной, готовые в любой момент напомнить о том, что жизнь продолжается, стоит только мне выйти из-за письменного стола!

Ну и, конечно, самую великую благодарность я испытываю, как всегда, к вам, мои читатели. Ваши сообщения, которые приходили на мою электронную почту, в Твиттер, Фейсбук и на мой сайт, давали мне огромный заряд энергии. Продолжайте писать! А уж я прослежу, чтобы выходили новые истории о Рое Грейсе. Это я вам обещаю!

Питер Джеймс

Sussex, England

scary @ pavilion . co . uk

www . peterjames . com

www . facebook . com / peterjames . roygrace

www . twitter . com / peterjamesuk

Об авторе

Питер Джеймс — известный английский писатель, сценарист, теле— и кинопродюсер, родился в Брайтоне, графство Восточный Суссекс, 22 августа 1948 года. Учился в школе Чартерхаус, затем продолжил образование в колледже Рэйвенсборн.

Писателю, по праву признанному литературной суперзвездой первой величины, принадлежат 25 романов, созданных по большей части в жанре криминальных триллеров. Но особый успех завоевали романы Джеймса из серии о детективе Рое Грейсе, который не без основания занял почетное место среди величайших литературных сыщиков всех времен и народов. Психологически точные, человечные и одновременно потрясающе захватыва ющие романы «Убийственно просто», «Убийственно красиво», «Убийственно жив», «Убийства в стиле action», «Умри завтра», «Мертвый, как ты», «Мертвая хватка», «Пока еще жив» принесли писателю ошеломительный успех. Они переведены на 36 языков мира, продано 14 миллионов экземпляров. Писатель шесть раз подряд был признан автором бестселлеров номер один в Вели кобритании по рейтингу Sunday Times. За первый роман из серии о Рое Грейсе «Убийственно просто» Питер Джеймс получил в 2006 году во Франции премии Prix Polar International и Prix Coeur Noir, а в 2005 году в Германии был назван лучшим писателем года и удостоен премии Krimi-Blitz. В этом же году Publishers Weekly назвал его одним из самых читаемых авторов в США.

Безумные виражи сюжета — вот беспроигрышный рецепт Питера Джеймса, благодаря которому интерес к его произведениям не ослабевает, а писатель вновь и вновь подтверждает свое звание одного из лучших мировых авторов криминального жанра. Джеймс пишет четкие, яркие триллеры, динамичные и при этом психологические, будто бы неспешные. Романы эти по глубине своей выходят далеко за рамки жанра. Питер Джеймс хотя и пришел в литературу из мира кино, однако своим опытом сценариста во внешних эффектах не злоупотребляет.

Заслуживает внимания и опыт писателя в жанре социальной фантастики — роман «Убийственное совершенство», который критики оценили как захватывающую книгу об эволюции, науке и пугающем будущем.

Помимо литературной и продюсерской деятельности Питер Джеймс ведет большую общественную работу. Два срока подряд он был председателем Британской ассоциации писателей криминального жанра и членом совета директоров международной организации писателей триллеров. Весьма широк спектр и его личных интересов — от криминологии до увлечения автомобилями и высокой кулинарией.

-

Примечания

1

Синдром «детского мозга» — предполагаемый синдром у беременных и только что родивших женщин. Считается, что мозг у них концентрируется в первую очередь на потребностях ребенка, что ведет к забывчивости, рассеянности и кратковременной потере памяти. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

2

Спиди Гонсалес — «Самая быстрая мышь во всей Мексике», мультипликационный персонаж из серии Looney Tunes.

3

*Шекспир У.*Гамлет. Пер. М. Лозинского.

4

*Шекспир У.*Гамлет. Пер. М. Лозинского.

5

«Черный понедельник» — 19 октября 1987 года, когда произошло резкое падение фондовой конъюнктуры, ознаменовавшее биржевой крах.

6

Серендипити — инстинктивная (интуитивная) прозорливость; термин, обозначающий способность делать глубокие выводы из случайных наблюдений, благодаря чему находить то, чего не искал намеренно.

7

Нечто неопределенное, неуловимое, трудно выразимое словами (*фр.*).
